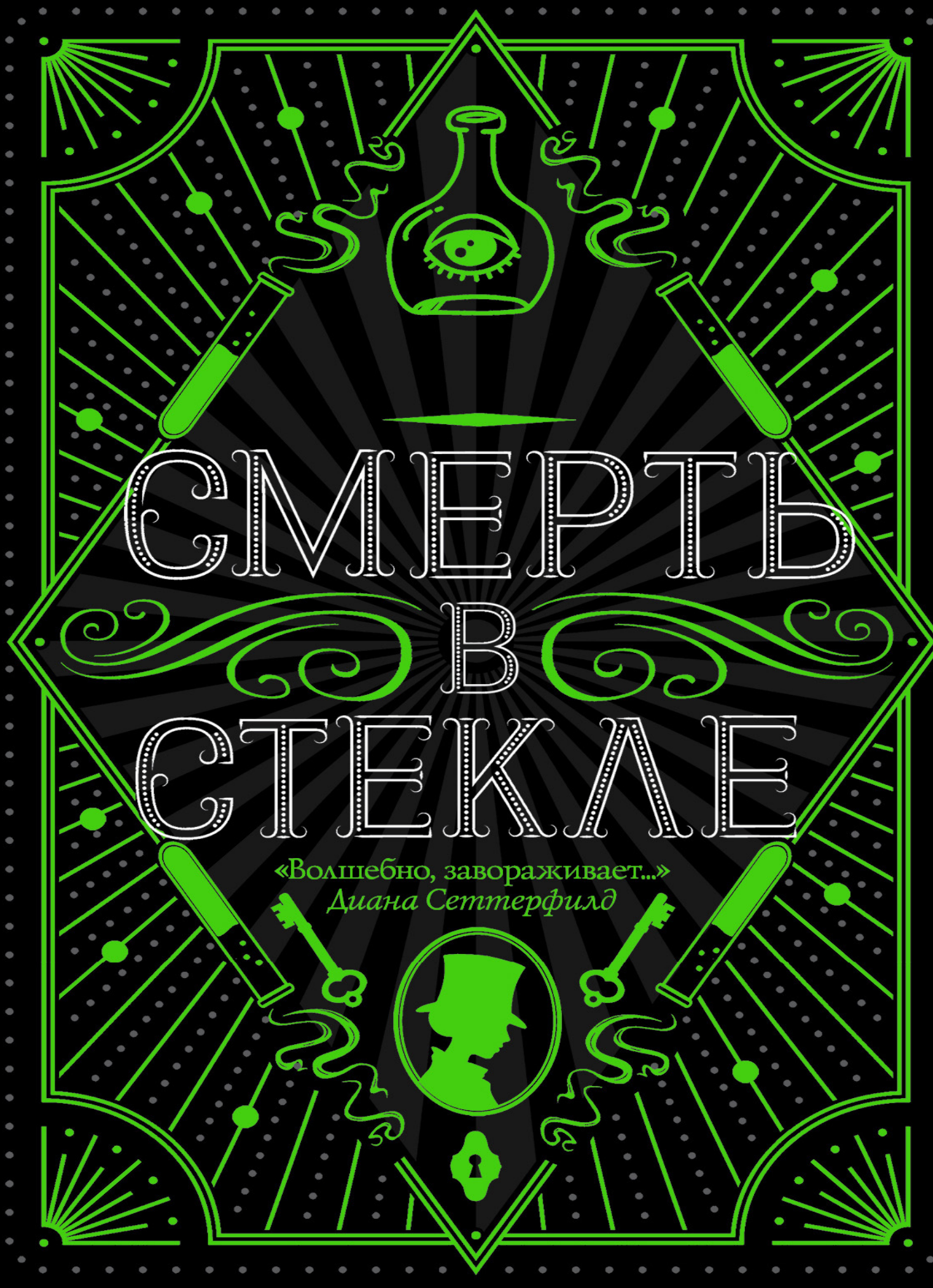

СМЕРТЬ В СТЕКЛЕ

«Волшебнo, завоpаживает...»
Диана Сеттерфилд

Annotation

Брайди Дивайн – анахронизм в Лондоне конца XIX века или его неотъемлемый атрибут? С одной стороны, добропорядочность ее вызывает сомнения у поборников викторианской морали (достопочтенная вдова, и вдруг на службе у полиции!). А с другой – кому, как не ей, ориентироваться в густом тумане этого монструозного города: она умеет обращаться с трупами и даже если увидит привидение своими глазами, решительно в него не поверит.

Эта книга – путешествие во времени и пространстве, целая вселенная, населенная земноводными людьми, цирковыми уродцами и призраками в татуировках.

- [Джесс Кидд](#)

-

-

- [Пролог](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

- [14](#)

- [15](#)

- [16](#)

- [17](#)

- [18](#)

- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [Автор выражает благодарность](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)

- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)

- [45](#)
  - [46](#)
  - [47](#)
  - [48](#)
  - [49](#)
  - [50](#)
  - [51](#)
  - [52](#)
  - [53](#)
  - [54](#)
  - [55](#)
  - [56](#)
  - [57](#)
  - [58](#)
  - [59](#)
  - [60](#)
  - [61](#)
  - [62](#)
  - [63](#)
  - [64](#)
  - [65](#)
  - [66](#)
  - [67](#)
  - [68](#)
  - [69](#)
  - [70](#)
  - [71](#)
  - [72](#)
  - [73](#)
  - [74](#)
-

Джесс Кидд

Смерть в стекле

Jess Kidd
Things in Jars

© Jess Kidd, 2018

© Новоселецкая И., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

* * *

Посвящается моей матери

Пролог

Она бледна, как могильный червь, – поразительное зрелище.

Испуганно смотрит на него с постели. Взгляд белесых глаз полнится подозрением, скачет с незваного гостя на светильник, со светильника на дверь, с двери на незваного гостя. Словно своими замутненными, затянутыми поволокой глазами она пытается постичь, как все это взаимосвязано.

Она слепая?

Нет. Она прекрасно его видит; он знает, что она его видит. Ее глаза следят, как он крадучись приближается к ней.

Она красива.

Не просто красива. Ангел с церковного кладбища, мраморное изваяние: локоны цвета слоновой кости, глаза – как светлый-пресветлый камень. Но они не каменные – блестят, как жемчуг, матовый жемчуг!

Он мог бы коснуться ее: погладить по щеке, тронуть кончик подбородка, намотать на палец белокурые локоны.

Ее губы начинают шевелиться, надуваются, по-разному складываются, словно она силится сделать что-то – силится издать звук.

Не раздумывая, он накрывает ее рот ладонью, которая в сиянии светильника кажется темной на фоне ее бледной кожи. Она хмурится, несмотря на путы, ногами отбивает сердитую дробь. Покрывало сброшено. У нее две ноги, *как у девочки*. Две тонких белых ноги и две тонких белых руки, а между ними – почти ничего.

Потом она затихает и лежит неподвижно, тяжело дыша.

На ощупь она не сравнима ни с чем в природе. Восковая кожа влажная, от дыхания веет холодом – неестественным холодом, будто это живой труп.

И снова тот же запах, теперь более резкий – едкий дух соли открытого океана и чернильных водорослей.

Она буравит его своими жемчужными глазами. Он осязает на ладони прикосновение склизких бугорков ее зубов и быстрые зондирующие толчки мокрого языка.

Мужчине представляется, что его голова раскрывается, как раковина моллюска, ребенок запускает в нее пальцы, постукивает, ощупывает, проникая в его разум. Трогает, дразнит дрожащее нутро. Колышет и взбалтывает, как банку с мелкими рыбешками; шлепает ладошкой, как по поверхности водоема, образовавшегося на каменистом морском берегу во время прилива, всматривается в его глубь. Мизинцем подцепив одно воспоминание, вытаскивает его, затем – второе, третье. Одно за другим дитя выуживает их – его воспоминания. Каждое – слезинка идеальной формы, искрящаяся на ее ладошке.

Какой-то мальчишка с картофелиной в руке, следуя за телегой, поскользнулся на мокрых булыжниках – сам, без чьей-либо помощи.

Какая-то женщина с сияющими на солнце волосами сворачивает в дверной проем. О, так это ведь жена его брата!

На зеленом поле стоит жеребенок четырех дней от роду, на его милой мордочке сверкает белый блик.

Дитя переворачивает ладошку и смотрит, как скатываются слезы.

Мужчину охватывает паника. В нем что-то набухает – беспримесное непреодолимое омерзение, внезапное острое, безудержное желание прикончить это существо. Придушить ее, раздолбить ей лицо, свернуть шею, как молодому кролику.

Некий внутренний голос, шепелявый детский голос, насмехается над ним. Разве он не самый безжалостный из негодяев, который мать родную удавит, и глазом не моргнув? Разве он не совершал преступления, ужасные преступления, не раздумывая, без зазрения совести? А сейчас боится даровать величайшую из *милостей*.

Мужчина со страхом смотрит на ребенка, который не сводит с него глаз.

Он ослабляет давление своей руки, что накрывает ее рот, и достает нож.

Пламя в светильнике над дверью покачнулось: входит няня. Колченогая, опрятно одетая, но поганая на язык. Бывшая арестантка, несколько лет отсидевшая в тюрьме, она привыкла обделывать грязные делишки. Ей это даже нравится. У нее за спиной, словно личная охрана, двое мужчин. У обоих лица по самые глаза спрятаны под платками. Станные личности: прижав локти к бокам, они двигаются

неслышно, озираются, моргают, а сами прислушиваются. С каждым шагом ожидают, что вот-вот угодят в засаду.

– Не трогай ее, – велит ему няня. – Отойди.

Мужчина поднимает голову, медлит. Ребенок кусает его – быстрый укол неожиданно острых зубов. Ошеломленный, он резко отдергивает руку и видит на коже вереницу проколотых отверстий – крошечных, но глубоких.

Няня проталкивается мимо мужчины к кровати, мельком глянув на его руку.

– Ты об этом пожалеешь, тюльпанчик мой.

С демонстративной основательностью натянув на себя тонкие кольчужные перчатки, она отстегивает стропы, коими девочка привязана к кровати, и начинает туго пеленать ее в кусок прочной ткани: сначала одну руку, затем вторую, крест-накрест стягивает их на груди; ноги – связывает. Ребенок извивается, разинув рот.

Мужчина стоит и встряхивает рукой, в недоумении глядя, как от ладони к запястью, от запястья к локтю тянутся красные линии, а отметины от зубов сначала багровеют, потом чернеют. Он выворачивает руку, давит на кожу. На лбу и на губе проступают капельки пота. Что это за дитя такое, которое кусается, как крыса? Он воображает – нет, чувствует, – как по телу растекается яд: от руки к сердцу, от легких в кишечник, к кончикам пальцев на руках и ногах. Яд распространяется, отмечая свой путь волдырями, полыханием огня, который внезапно начинает пожирать его изнутри. Потом линии блекнут, отметины от зубов тускнеют, превращаясь в едва заметные точки.

Все это время существо наблюдает за ним, и глаза ее темнеют – не иначе игра света, падающего от фонаря! Глаза – два гладких плоских агата, удивительно плоских.

Няня отступает от кровати и тихим голосом отдает распоряжение:

– Заверните ее и в мешок, да побыстрей. И смотрите, чтоб не укусила!

Ребенка заворачивают в парусину, делают из стакселя [\[1\]](#) нечто вроде гамака.

Укушенный мужчина крутит-вертит свою руку, рассматривая крошечные отметины от зубов, и вдруг понимает, что утратил дар речи. Он издает звук, гласный звук, за коим следует булькающая

чередa согласных, падает на колени, словно молящийся, и заваливается на спину, рухнув на коврик перед камином. Он закричал бы, если б мог, но теперь способен только вытягивать перед собой руки. Лежит, хватая ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба.

С пола он наблюдает, как те двое, что пришли с няней, поднимают с кровати сверток. Идут медленно, словно шагают под водой.

Няня, с фонарем в руке, ковыляет к лежащему на полу мужчине, окидывает его взглядом. Ее диагноз: состояние тяжелое, лицо серое, под цвет его седых коротко остриженных волос. Еще не стар, но и давно уже не молод. А теперь еще и это.

Он начинает всхлипывать.

Няня и сама готова расплакаться. Какой талантливый вор погибает! Из тех, кому не надо открывать тебе рот, чтобы вытащить зубы.

— Закрой глаза, парень, — шепчет она, с трудом наклоняясь к нему. — Этим ты мне очень поможешь.

* * *

Связанная по рукам и ногам, она невесома в парусиновом гамаке. Но эти двое предпочли бы тащить ношу намного тяжелее, лишь бы не эту. Они поддались на уговоры няни, наслушавшись в таверне ее рассказней, но тогда они крепко выпили. А теперь и сами убедились, что в ребенке, которого они несут, таится зло, — как она и предупреждала.

Тот тип ведь, наверное, не просто так упал. Они обошли его стороной, чтобы не дай бог не задеть. Плохо, что бросили бедолагу на произвол судьбы, но тащить его было бы страшнее, да им и не терпелось поскорее убраться оттуда. Гамак с запеленатым ребенком покачивается между ними. В тусклом свете фонаря кажется, что у нее огромные глазища. О, теперь они видят, что это существо — абсолютное зло. К тому времени, когда они доходят до лестницы, оба обливаются потом: слишком больших трудов им стоит не швырнуть ее об стену. Один готов не раздумывая прострелить ей голову, второй — перерезать горло. Велик соблазн скинуть ее с верхней площадки лестницы.

Няня следит, чтобы они не наделали глупостей. Шепотом отдает указания, обуздывает их порывы, сильными пальцами впиваясь им в руки, хватая за бока.

Требует, чтобы они исправно выполняли свою работу – ради денег.

– Даже не думайте! – тихим настойчивым тоном говорит няня. – Ни о чем таком даже не помышляйте! Приподняли – да, вот так, – и пошли.

Тишину большого дома нарушает лишь шарканье ног наших незваных гостей, которые вышагивают по коридорам со своей увязанной в пук ношей и, затаив дыхание, прислушиваются, не скрипнет ли где расшатанная половица или дверь, не разбудили ли они кого-то из тех, кто чутко спит.

Но прислуга благополучно поживает. Экономка, в ночном чепце, в рюшках, аккуратно подоткнутая со всех сторон одеялом (словно ложка, убранный до лучших времен), инспектирует во сне белье шкафы. Улыбается, глядя на безукоризненно ровные стопки божественно свежего белья, чистого, как облака. Дворецкий, в ночной сорочке, безупречный даже во сне, совершает обход бескрайнего винного подвала. В темных углах посмеиваются бутылки. Они вытаскивают свои пробки и взывают к нему медовыми голосами. Завлекают песнями отягченных гроздьями виноградных лоз, солнечных холмов и позабытого чувства служебного долга – соблазняют, зачаровывают! Он не останавливается, лишь крепче сжимая в руке фонарь. Горничные в своих гнездышках на чердаке грезят об омнибусах и ярмарочных представлениях. Под теплым покрывалом смачно храпит кухарка. Дородная, пропитанная бренди, как сливовый пудинг, спяну спать она завалилась не раздеваясь. Снятся ей бесподобные суфле, за которыми она гоняется, идя под парусами в кастрюле по морю из подливки. Все пребывают в глубоком забытии – укутавшись в одеяла, сопят в предрассветной тиши.

Сегодня ночью в большом доме царит безмолвие. Слышны лишь шаги наших незваных гостей, спешащих покинуть его стены через вход для прислуги.

Во дворе валяются отравленные собаки. На мордах пена, шерсть ерошит ветер, прилетевший с моря, что плещется на удалении многих

милль. Пробравшись в глубь суши из-за леса, полей и дорог, этот ветер подметает на аллее гравий, танцует вокруг дымовых труб на крышах, со свистом врывается в замочные скважины.

Только мыши не спят. Да еще обитающий на кухне кот со злобными глазами не дремлет – так и норовит тайком подобраться к ним и сцапать кого пожирнее в мохнатой шкурке. Этот бич кладовой со змеевидным хвостом, на время позабыв про мышей, наблюдает, как по мощеному двору торопливо идут какие-то люди, отбрасывающие за собой освещенные луной тени. И сипуха следит за тем, как они сворачивают за угол. Парит над ними, словно привидение, бесшумно расправив крылья.

А вот и хозяин особняка. Тоже не спит.

Сидит в своем кабинете при свете лампы, мучается, ломает голову, что-то обдумывает, выверяет. Пишет и пишет, склонившись над столом, морща лоб. У него красивые бакенбарды, в которых серебрится седина. Он что-то бормочет, приговаривает, изобретая будущее. Чем не прорицатель?

Темные силуэты идут мимо, пересекая террасу.

Возможно, услышав их шаги, хозяин дома устремляет взгляд в окно, но, не заметив перемен в ночном небе, вновь сосредоточивается на своих прожектах.

Тени быстро скользят по газону, направляясь к воротам. Две несут гамак с добычей, одна хромает следом.

* * *

Сверток в гамаке покачивается у самой земли. Девочка чувствует, как под ней трава хлещет парусину. Ощутив ночной воздух на своем лице, она неслышно делает глубокий вдох и так же неслышно выдыхает.

Убаюканное море пробуждается и откликается певучим плеском волн, бьющихся о глинистый сланец. Отзывается и небо, готовясь излиться дождем; назревает буря. Все реки и потоки, ручьи и озера, болота и пруды, лужи и колодцы просыпаются и вторят им на все лады разными голосами – тихими и напористыми, журчащими и бурлящими, мутными и прозрачными.

Девочка смотрит вверх и впервые видит звезды!

Она улыбается им, и звезды, глядя на нее, подрагивают.

А потом начинают сиять ярче, разгораясь с новой силой в глубине
темного небесного океана.

Сентябрь 1863 г.

Ворон, расправив маховые перья, переходит в скользящий полет. Уверенно планируя в восходящих и нисходящих воздушных потоках, он вертит головой – посмотрит в одну сторону, потом – в другую. Внизу простирается Лондон, который не скроют от его черных, как смоль, зорких глаз ни пелена тумана, ни мгла, ни дымка!

С высоты он видит улицы и переулки, фабрики и мастерские, парки и тюрьмы, особняки и доходные дома, крыши, трубы и макушки деревьев. И извилистую, местами блестящую Темзу – грязное зеркало, в котором отражается небо. Оставив позади реку, ворон устремляется к холму, на котором высится церковь со шпилем и часовой башней. Облетает ее вокруг и садится на крышу, шурша крыльями. Клюет кирпичную кладку, лишайник, экскременты мотыльков, все что ни попадя. Подбирается к горгулье и клювом с любовью обводит ее глаза, легонько ударяет по ним, долбит.

Горгулья – существо, призванное исторгать дождевую воду из своей раскрытой пасти на паперть. Прихожане (когда они еще здесь были) грешили на забитые водосточные желоба, но на самом деле это всегда были происки горгульи, которая задерживала в себе воду лишь для того, чтобы извергнуть поток на верующих, когда те останавливались у входа в храм Божий и вздрагивали, поднимая глаза к небесам.

Ворон перескакивает на край крыши, нависающий над папертью, и внимательно смотрит вниз.

У входа в церковь стоит женщина. Она задирает голову вверх, но не вздрагивает. Брайди Дивайн не из тех, кто трепещет по поводу и без.

Какая же она?

Невысокая полноватая статная женщина лет тридцати в фиолетовом одеянии, создающем контраст (поразительный и ужасный) ее ярко-рыжим волосам, которые упрятаны (по большей части) под белый вдовий чепец. Платье на ней полутраурное, элегантного кроя, но

не броское и не модное. Поверх вдовьего чепца на ее голове восседает украшенный перьями черный капор – уникально безобразное творение. Черные ботинки, на вид крепкие и прочные, начищены до блеска. С кринолином она не дружит; юбки у нее не широкие; шнуровка на талии не тугая – затянута лишь самую малость, чтобы внешне это выглядело респектабельно; серый плащ с фиолетовой отделкой – короткий. В общем, по всем признакам женщина она практичная, во всяком случае, считает практичным иметь возможность протискиваться в дверные проемы, лазить по лестницам и свободно дышать. У ее ног – докторский саквояж. Старомодный, чиненый-перечиненый, из засаленной кожи.

Она достает из кармана курительную трубку. Хм, забавно: на вид *приличная* женщина, и такие *фривольные* привычки. Правда, она весьма осмотрительна: курит под сенью безлюдной часовни, а не дымит на Стрэнде (не то что хрычовки с волосатыми подбородками, что чешут по улице с трубками в зубах, неся на голове корзины).

Ворон с интересом наблюдает за ней.

Женщина подмигивает птице. А в глазах ее – чертовщинка. Ворон в ответ издает негромкое «кар-р».

Глядит на горгулью: та лишь скалит в раззявленной гримасе пустую пасть, из которой ничего не льется.

Успокоенный, ворон взмывает ввысь.

* * *

Брайди Дивайн провожает взглядом ворона, пока тот не исчезает вдали. Теперь во дворе часовни если что и шевелится, то только ее мысли, отмечает она. Иногда мимо распахнутых ворот прокатит телега или экипаж. Но, в принципе, от внешнего мира ее отделяет довольно высокая стена, и этого достаточно.

Брайди испускает вздох и обращает лицо к солнцу: осеннее тепло более насыщенное и мягкое, чем летний зной; чувствуется в нем постепенное умирание жаркого сезона. Брайди с наслаждением подставляет ласковым лучам лоб и щеки. Стоит воспользоваться тем, что солнце вообще нашло просвет в облаках и сумело пробиться к

земле (в эту-то пасмурную пору, когда над городом висит туман и дымовая мгла).

Компанию Брайди составляют солнце, ее мысли и курительная трубка.

Сама эта трубка – непримечательная: глиняная, удобной формы, может спокойно угнездиться и в руке, и в щели между зубами. И дешевая – из тех, что в ходу у ирландских рыночных гарпий. Чубук у нее короткий, чашка – маленькая, так что в случае дождя длинный крючковатый нос сварливой карги, нависая над ней, не дает промокнуть табаку. В общем, да, трубка у Брайди самая обыкновенная, чего не скажешь о ее содержимом. В последнее время к своему традиционному зловонному куреву она добавляет капельку «Бронхиальной бальзамовой смеси» Прадо – рыхлого смолистого вещества, которое при сгорании источает приятный аромат, сменяющийся резким химическим душком. На самом деле запах этот не такой уж и мерзкий, одновременно бодрит и расслабляет. Добавишь солидную дозу «смеси Прадо», и тебя посетят яркие, радужные мысли, устроишь эту дозу – мыслей вообще не останется.

Румольд Фортитюд Прадо – химик-экспериментатор, токсиколог и специалист в области судебной медицины. «Бронхиальная бальзамовая смесь» – одно из его возбуждающих снадобий. Предыдущие легендарные творения Прадо – «Загадочный караван» и «Ярмарочное буйство» – тоже зарекомендовали себя сильнодействующими средствами: либо повергали в состояние блаженства, либо – в ступор. И как таковые все эти смеси по-прежнему имеют своих верных приверженцев из числа наиболее рискованных друзей Прадо, к которым принадлежит и Брайди.

Но теперь трубка Брайди пуста: она выкурила все ее содержимое.

Брайди сует порожнюю трубку в рот: так лучше думается. Еще одна понюшка ей бы не помешала. Табак не притупил бы мыслей, просто обволок бы легкие. Она согласна на любой сорт – терпкий и благотворный, вязкий и противный, – на низкопробную труху уличных торговцев или на джентльменское наслаждение.

И, словно отклик на ее желание, в дальнем углу церковного кладбища в воздух взвивается струйка табачного дыма.

Брайди принимает это за добрый знак.

У помпезной гробницы богатого мясника развалился какой-то мужчина. Брайди в нем поражают две вещи.

Во-первых, на мужчине почти нет одежды (весь его гардероб состоит из цилиндра, ботинок и панталон).

Во-вторых, она видит *сквозь* него.

Может без труда прочесть надпись на гробнице, которая по всем законам должна быть скрыта телом мужчины. Она даже различает ангелов на декоративном каменном фризе.

Не иначе какой-то искусный трюк – как «призрак Пеппера»! [\[2\]](#) Несомненно, где-то должны быть зеркала, экраны, черный шелк или что-то такое – хитроумное изобретение иллюзиониста, некое причудливое устройство. Беглый осмотр соседних могил ничего не выявил.

Брайди озадачена. Если нет *внешних* факторов, объясняющих присутствие на кладбище прозрачного полуодетого мужчины, значит, это причина *внутренняя*, кроется в ней самой. Только вот что-то не припоминает она, чтобы в результате употребления «Бронхиальной бальзамовой смеси Прадо» появлялись галлюцинации в виде прозрачных полуодетых мужчин. Хотя список побочных эффектов включает в себя обширный перечень симптомов: запотевание зрачков, гиперчувствительность, звуки аккордеона и многое другое.

Она решает внимательно рассмотреть привидение с ног до головы.

Надвинутый на глаза цилиндр такой же прозрачный, как и его владелец. Но Брайди это не мешает разглядеть, что головной убор знавал и лучшие дни: на тулье вмятины, поля утратили форму. Прозрачный мужчина обнажен по пояс; нижняя часть тела упрятана в облегающие белые панталоны, которые обтягивают бедра и пузыряются на коленках. Ботинки не зашнурованы, кулаки кое-как обмотаны грязными распускающимися бинтами. Он плечист, мускулист, с широкой грудью и бычьей шеей. И весь в татуировках – и спереди, и сзади.

Из-под полей надвинутого на глаза цилиндра выглядывает нос, который, видимо, не раз бывал сломан. Подбородок чисто выбрит.

Блестящие черные усы (густые, искусно навощенные, явно с претензией на шик). Из рта свисает курительная трубка, которой он периодически попыхивает. Струйка дыма теперь совсем тоненькая и не имеет различного запаха. При затяжке табак в чашке вспыхивает голубым огнем.

Интересно, думает Брайди, есть у него лишняя щепотка табака? А табак у него тоже прозрачный?

Мужчина, вероятно, почувствовав, что он не один, ленивым движением сдвинул назад цилиндр. Глаза у него открыты. Встретившись с ней взглядом, он в испуге вскакивает на ноги, выставляя перед собой кулаки.

Диковинное зрелище, по-другому не скажешь.

Татуировки, что украшают его тело, – теперь Брайди ясно видит их – на самом деле подвижны. Ей сразу вспоминается мимоскоп месье Девиня [\[3\]](#). Хитроумное устройство (чудо из чудес на Всемирной выставке), представлявшее собой две катушки, между которыми петляли картинки, освещаемые вспышками электрической искры. Брайди открыв рот смотрела, как статические изображения – животные, насекомые и механизмы – оживали, подпрыгивая, порхая, скользя и перемещаясь. Столь же замороженно сейчас она разглядывает мужчину. На его мускулистой руке плавно опускается чернильный якорь. На животе скалится череп с пустыми глазницами – ухмыляющееся *temento mori*. Русалка, сидя на плече с зеркалом в руке, расчесывает свои иссиня-черные волосы. Заметив, что за ней наблюдают, она испуганно вздрагивает и уплывает под мышку мужчины, ловко взмахнув хвостом. Слева на его груди витиеватое сердце то разрывается, то опять срастается – снова и снова.

Не человек, а настоящее цирковое представление.

– Ну что, насмотрелась?

– Сэр, простите, если я потревожила вас, – отвечает Брайди, краснея. – Я хотела позаимствовать щепотку табака. – Она показывает на свою пустую трубку.

Мужчина опускает кулаки.

– Господи помилуй, *так это ты*. Глазам своим не верю! – Его лицо озаряет радость. Он взмахивает цилиндром. – Дорогая, узнаешь меня?

Брайди смотрит на него.

– Нет, не узнаю.

– Так... – Он проводит ладонью по своим коротко остриженным волосам – они у него блестят, как черный бархат, и густые, словно кротовья шубка – и морщит свой широкий массивный лоб. – Вас зовут Бриджет.

– Меня зовут Брайди.

– Ну да, – кивает мужчина. – А ваше полное имя, будьте любезны?

– Миссис Брайди Дивайн, – помедлив, отвечает она.

– Ну конечно! – улыбается мужчина. – Разве женщина со столь божественными глазами может зваться как-то иначе? [\[4\]](#) – Помолчав, он уточняет: – Вероятно, Дивайн – фамилия вашего мужа, мэм?

– *Покойного* мужа, сэр, – поправляет его Брайди.

– Мои искренние соболезнования, миссис Дивайн, – кланяется мужчина.

– Прошу простить меня, сэр. – Брайди поворачивается, собираясь уйти.

– Бриджет, прошу вас, не уходите. Мы могли бы вместе вспомнить прежние времена.

– Сэр, – говорит Брайди, останавливаясь, – вы ошибаетесь, полагая, что мы с вами знакомы...

– Но я знаю вас: вы – дочка Гана Мерфи.

Брайди вытаращила глаза.

– Да, это мой папаша.

– Да знаю я! – Мужчина молчит, насмешливо глядя на нее. Затем спрашивает: – Значит, вы совсем меня не помните?

Брайди смотрит на него в отчаянии, понимая, что эта игра может продолжаться вечно.

– Дело не в этом, мистер...

– Дойл. – Мужчина неспешным шагом подходит к могиле по другую сторону тропинки, жестом показывает на нее. – Неплохое местечко, да?

Брайди, проследовав за ним, читает надпись на надгробии:

«РАСПИСНОЙ ДОЙЛ»

Здесь покоится РУБИ ДОЙЛ

Татуированный МОРЕХОД и ЧЕМПИОН ПО БОКСУ

Безвременно почивший 21 марта 1863 г.

«Своих соперников он отправлял в нокаут по-джентльменски, с поклоном»

– Ну что, теперь узнали? – спрашивает покойник.

– Вы – боксер Руби Дойл. Скончались полгода назад. Но мы не были знакомы.

Руби Дойл снова водружает цилиндр на голову.

– А вы поройтесь в памяти, Бриджет. – Он тихонько хлопает по тулье своего цилиндра. – Подумайте немного. Я не тороплюсь.

– Если это какой-то розыгрыш, мистер Дойл...

– Если не трудно, зовите меня Руби, пожалуйста. – Он щегольски притрагивается к полям цилиндра. – Что за розыгрыш?

– То, что вы умерли.

– Да, вот так меня разыграли.

– Я не верю в привидения.

– Я тоже. А вы почему?

– У меня научный склад ума. Призраков не существует.

– Согласен.

– Трюк для гостиных. – Брайди пристально смотрит на него. – Дым и зеркала.

Губы Руби раздвигаются в обезоруживающей улыбке.

– Чистой воды надувательство?

– Модный вздор.

– А сеансы спиритизма? – Руби, которому этот разговор, по-видимому, доставляет удовольствие, возводит глаза к небесам. – *Дай мне знак, Уинфред.*

– Темные душевные комнаты и люди, легко поддающиеся внушению.

– Да таких пол-Лондона!

– Пол-Лондона – оболваненные дураки. Нужно быть полным идиотом, чтобы верить в существование призраков, духов и привидений – в то, что их можно видеть и общаться с ними.

– А вы идиотка, Бриджет?

– Сэр, я вижу вас, но в существование ваше не верю.

Руби Дойл приуныл.

Брайди нахмурилась.

– Извините, но мне нужно работать.

– На кладбище? – Он искоса глянул на саквояж в ее руке. – У вас там лопата? Дайте-ка угадаю: вы трупы выкапываете, как ваш старый папаша Ган?

– По-вашему, я похожа на тех, кто ворует трупы? – вспылила Брайди. – Я помогаю полиции.

– Вон оно что. И как же?

– Определяю, как умер тот или иной человек.

– И как же я умер?

– От сильного удара в область задней части шеи.

– Молодец. Наверно, в «Лови! Держи!» [\[5\]](#) прочитали?

– Ничего подобного.

– «Потасовка в таверне. Боксер проиграл бой».

– Руби, меня ждут в крипте. Там нашли чей-то труп.

– Там ему самое место. Что ж, не смею задерживать. Привет папаше. Кстати, как Ган?

– Умер. В тюрьме.

Улыбка сошла с лица Руби.

– Жаль. Ган крепкий был мужик, выносливый. Разве его вы не видите?

– Ган умер, – повторяет Брайди, с раздражением глядя на мужчину.

– Значит, из мертвых вы видите только меня?

– Выходит, что так.

– А как же мистер Дивайн?

На лице Брайди отображается недоумение.

– Ваш покойный муж, – напоминает Руби. – Его-то вы должны видеть?

– Не случилось.

– То есть получается, что для вас я *особенный*? Вы удивлены, Бриджет? Смущены?

– Меня ничто не удивляет и не смущает.

– Вот как? – С минуту он раздумывает. Потом: – Можно, я пойду с вами, посмотрю, что вы там будете делать в крипте?

– Нельзя.

Брайди идет меж могилами. Руби ступает рядом. Незашнурованные ботинки придают вальяжность его пружинистой боксерской походке.

В конце тропинки она останавливается и поворачивается к нему.

– У меня галлюцинации. – Брайди кусает губу. – Вы снитесь мне наяву. Некоторое время назад я выкурила кое-что возбуждающее фантазию...

– Пустая трубка... – понимающе кивает Руби. – Решили навеститься в гости к Кубла-хану? [\[6\]](#)

Брайди в замешательстве.

Руби кивает на свои обмотанные бинтами руки.

– Доктор, что дежурил у ринга, декламировал, пока накладывал мне повязки.

Они доходят до часовни, и Брайди протягивает ему руку.

– Здесь мы расстанемся.

На лице Руби появляется обаятельная улыбка, которая тотчас же придает задорную форму его сказочным усам. При жизни глаза у него были красивые – темно-карие, как черная патока. И после его смерти они по-прежнему пытливые, полнятся озорством и лукавинкой.

– Бриджет, я с удовольствием пожал бы вам ру-ку, но...

– Разумеется. – Брайди опускает руку. – Доброго вам дня, Руби Дойл.

Она входит в часовню.

– Бриджет, я подожду вас здесь, – кричит ей вдогонку мертвец. – Покурю пока.

Руби Дойл провожает ее взглядом. Она совсем не изменилась, благослови Господь ее душу. По-прежнему сама себе хозяйка – это сразу видно: подбородок вскинут, плечи отведены назад, ровный взгляд зеленых глаз. Любого пересмотрит. Судя по ее речи, наряду, манере *держаться*, она преуспевает в жизни.

Если б не тот неотразимый сердитый взгляд и волосы, которые не спутаешь ни с какими другими, узнал бы он ее? С другой стороны, сердце всегда узнает тех, кого оно когда-то давно любило, – невзирая на новый покров и новые песни, что вводят в заблуждение глаза и слух. Известны ли Руби истории, что окружают Брайди? Что ее, бездомного ирландского крысенка, подобрал в трущобах некий благородный врач, выдавший девочку (а вот это уже сказки!) за осиротевшую дочь одного знаменитого дублинского доктора. Что, несмотря на свой респектабельный облик (как гласит молва в среде местного *сброда*), она носит на бедре пристегнутый кинжал и в

каблуках своих ботинок прячет ядовитые иглы. Что она прямолинейна, всех мужчин и женщин судит одинаково – независимо от их положения и репутации, глубоко сочувствует чужому горю, пьет не пьянея и не фальшивит, когда поет. Дойл бредет к своему излюбленному местечку, чтобы поразмыслить обо всем, что он знает и не знает о Брайди Дивайн, и раскуривает трубку свирепым синим огнем из потустороннего мира.

* * *

Викарий Хайгейтской часовни силится открыть запертую дверь крипты. Воротник его пальто поднят, шляпа низко надвинута на лоб. Когда он видит Брайди, лоб его выдает удивление, которое сменяется недовольством, едва она напоминает ему о цели своего визита. Приходской священник-де ожидает ее в связи с одним деликатным делом: в крипте был обнаружен замурованный в стене труп. Викарий награждает Брайди взглядом, в котором сквозит глубокая неприязнь, и, наконец-то сумев отворить дверь, ведет ее в крипту.

Труп, поддерживаемый подпорками, стоит в нише за расшатанными досками. На него наткнулись рабочие, когда пришли наводить порядок после того, как схлынула вода, затопившая крипту во время наводнения. Многие обитатели Хайгейта в наводнениях и всплывающих трупах винят подземные работы, что проводит Базальджет [\[7\]](#). Создание эффективной системы канализации на зависть всему цивилизованному миру – дело, конечно, хорошее, но все же стоит ли рыться в зловонном чреве Лондона? Лондон подобен сложному пациенту хирурга: сколь бы аккуратно ни был сделан разрез, обязательно что-то лопнет, а то и все сразу. Копнешь чуть глубже, и вот тебе сразу наводнения и трупы, не говоря уже про смертоносные миазмы и безглазых крыс с зубами длиной в целый фут. Благоразумные жители Хайгейта встают на защиту господина Базальджета, считая его превосходным инженером, и отрицают существование безглазых крыс.

Труп был замурован в нише; оковы и ужас, застывший в вытаращенных глазницах, свидетельствуют о том, что перед нами – жертва убийства. Эта несчастная душа встретила свою судьбу век

назад, и полицию ее смерть не очень интересует. Это – преступление давно минувших дней, некогда совершенное в городе, который сегодня задыхается от новых преступлений.

Полицейские не знают, за что хвататься. Лондон захлестывает волна убийств. Трупы появляются ежечасно – красуются в дверных проемах с перерезанными глотками, валяются в закоулках с проломленными черепами. Трупы людей, полуобгоревших в очагах и задушенных на чердаках. Трупы, запихнутые в чемоданы или, раздутые, качающиеся на водах Темзы. Масса трупов.

У Брайди талант исследовать трупы, читать их, как открытую книгу: на каждом мертвом теле написана история его жизни и смерти. В силу этого ее дара старый приятель Брайди, инспектор Скотленд-Ярда Валентин Роуз, поручает ей расследовать необычные случаи, – разумеется, не производя вскрытия: ведь она не имеет соответствующей лицензии. Все эти случаи, помимо того, что они возбуждают интерес Роуза, обычно объединяет два фактора: странная необъяснимая смерть и принадлежность жертвы к отбросам общества (сутенеры, проститутки, бродяги, мелкие преступники и сумасшедшие). За свои тщательно обдуманые выводы Брайди получает жалованье (выплачиваемое из личного кармана самого Роуза, о чем она не ведает). Под своими отчетами подпись она ставит неразборчивую, и, если кто-то спрашивает, зовут ее Монтегю Дивайн. Если ее вызывают в суд, чтобы представить заключение, на заседание она является в мужском костюме – в сюртуке с высоким воротничком.

С помощью викария Брайди убирает из ниши оставшиеся камни. Крипта – со сводчатым потолком и выложенным плитами полом – мрачное место. Как и во многих подземных помещениях, лишенных солнечного света, здесь круглый год по-зимнему холодно. После недавнего наводнения стоит едкий торфяной запах, очень похожий на тот, что исходит от разрытой болотистой почвы.

Труп – женщина, Брайди определяет это по габаритам и одежде – хорошо сохранился, принимая во внимание, что замурована она была стоя во весь рост. Жуткое зрелище в пышном убранстве, словно ее нарядили для исполнения роли в *tableau vivant* [\[8\]](#). Ужасающее театрализованное представление. Будто перед вами некая трагическая героиня, богиня – неизвестная историческая личность! Ее одеяние, теперь истлевшее, могло быть древнегреческим или древнеримским

костюмом. Блеклые волосы, свисая клочьями, падают на усохшие плечи. Брайди догадывается, как она провела последние мгновения своей жизни в удушающей темноте, будучи прикованной за шею к стене. Это видно по ее открытому рту, в котором застыл вой.

Викарий, бранясь себе под нос, суетливо возится со светильником. Он молод, внешне производит неприятное впечатление. Тщедушный, с большой головой, жиденькие светло-каштановые волосы липнут к крупному бугристому черепу, который своей формой привел бы в изумление даже опытного френолога. Лицо сероватого мучнистого цвета, как переваренный картофель; рот словно создан для того, чтобы кривиться в ухмылке. Но для викария одет убого, отмечает Брайди. Ей он показался смутно знакомым.

– Сэр, мы с вами раньше встречались? – спрашивает она.

Викарий тупо смотрит на нее.

– Не думаю, мисс...

– Миссис Дивайн... Я не расслышала ваше имя, сэр.

– Кридж.

Брайди снова принимается обследовать труп, пытаюсь игнорировать мистера Криджа, который все норовит заглянуть ей через плечо.

Повреждения на трупе (рваные раны до самой кости на правой руке, три сломанных пальца, разбитая нижняя челюсть, трещины в области глаз) рассказывают печальную историю. Левая рука спрятана под шалью. Брайди осторожно отворачивает ткань.

– У нее ребенок, – сообщает она.

Младенец, запеленатый, размером не больше репы, лежит в перевязи под складками материнной шали. Брайди испытывает прилив жалости. В неглубокой нише несчастная даже присесть не могла. Так и умерла стоя, а вместе с ней – и ее дитя.

Мистер Кридж, кусая губу, наклоняется ближе. Лицо его приобретает выражение нездорового возбуждения. Брайди это оскорбляет – ей обидно не за себя, а за жертв.

– Мистер Кридж, если это вам неприятно, вы можете уйти, я одна справлюсь.

– Нет, отчего же. Каков возраст младенца?

– Когда он умер, ему было несколько месяцев от роду. Он сосет палец матери. – Брайди приглядывается. – Нет, не сосет – *глодает* ее

палец.

– Будь я проклят! – Викарий поднимает глаза к потолку. – Простите.

Брайди хмурится.

– Мистер Кридж, фонарь как можно ближе, пожалуйста.

Брайди рассматривает лицо ребенка: оно теперь скукоженное, кожистое; черты едва различимы. Брайди сует кончик пальца в рот младенцу, осторожно проталкивая его мимо ссохшегося пальца матери.

– У него зубы, как у щуки, – изумляется она. – Неровные иголки на верхней и нижней челюсти, но острые.

– Как такое... – бормочет мистер Кридж.

– Тела нужно вытащить отсюда. Я должна их осмотреть при более ярком освещении.

– Это невозможно, – раздраженно говорит мистер Кридж. – Во всяком случае, сегодня.

– Сделать это нужно сегодня. Полиция ждет мой отчет.

– Священника сейчас нет.

– Значит, я его подожду.

– Миссис Дивайн, я передам ему вашу просьбу сразу, как только он вернется.

– Вы уж постарайтесь не забыть, мистер Кридж.

Викарий отворачивается от трупов и смотрит на Брайди. Взгляд у него до того злобный, что у нее не остается ни малейших сомнений: будь его воля, он запихнул бы ее в эту нишу и снова заложил углубление кирпичами.

Они выходят из крипты. Мистер Кридж закрывает и запирает дверь, ключ кладет в карман.

– Мистер Кридж, я настоятельно советую вам не распространяться об этой находке, – предупреждает его Брайди. – Лондон падок до аберраций.

– Уверяю вас, мы будем в высшей степени благоразумны на сей счет. До свидания, миссис Дивайн. – Викарий надевает шляпу, сдержанно кланяется и идет к дому священника.

Брайди обводит взглядом церковный двор: полуодетых воображаемых мертвых боксеров нигде не видно. Потом замечает: над верхним краем стены маячит прозрачный цилиндр. С помятой тульей и

бесформенными полями. Цилиндр, знававший лучшие времена. Крепче сжав в руке саквояж, Брайди бросается в бегство: быстро обходит часовню с торца и вылетает в задние ворота. В полном одиночестве она шагает по улице. Раз или два оборачивается, испытывая одновременно облегчение и нечто вроде разочарования.

* * *

Брайди до костей продрогла в крипте, и ей радостно, что она наконец-то выбралась из-под земли. Спускаясь с Хайгейтского холма, она видит мерцающий внизу Лондон, затянутый кислотной дымкой. Небо темнеет, на улицах загораются фонари, в лавках и пабах – газовые светильники. Брайди шагает к центру города вдоль невидимой подземной реки Флит. Минует Сент-Джайлз и «Маленькую Ирландию» – район трущоб с полуразрушенными домами и дворами, в которых царствуют зло и порок. Его пререзает Нью-Оксфорд-стрит. Ирландцы перескакивают через нее и распространяются на север, образуя новые оплоты. Они наводняют Лондон волна за волной и, покидая трущобы, рассеиваются по всему городу. Вдоль южной стороны дома, стоя задом к центральной улице, отклоняются от нее, словно костлявые заговорщики. Близятся очередные перемены. Новшества ждут своего часа, будто актер, который, скалясь и кусая губы, в нетерпении топчется за кулисами, готовый по первому требованию выскочить на сцену. Завешанные тряпьем окна и крошащиеся кирпичи сменяют открытые каменные ландшафты и бескрайнее небо.

Крысы и иммигранты разбегутся кто куда.

Ну а пока трущобы такие, какими они были всегда: теплые и кипучие, как одеяло, кишачье вшами.

Брайди могла бы найти здесь дорогу с закрытыми глазами, ориентируясь только по запахам.

А попробуйте сделать это сейчас. Закройте глаза (хитросплетения узких извилистых улочек и переулков с ветхими разваливающимися домами все равно только приведут их в замешательство).

Принюхивайтесь – но глубоко не вдыхайте.

Идите на обильные испарения кожевенных мастерских и дым пивоварен – дух сладковатой прогорклой тухлятины, витающий в Севен-Дайалсе [\[9\]](#). Затем – мимо нафталиновых шариков, что использует дешевый портной. Когда нос уловит гарь жженого шелка, который подпаливает сумасшедший шляпник, поверните налево. И вы почти сразу различите амбре немытых тел работающих денно и ночью проституток и праведного христианского пота поденщиц. С каждым вдохом вы поглощаете в разных пропорциях смесь всевозможных ароматов: лука и кипяченого молока, хризантем и пряных яблок, жареного мяса и мокрой соломы, а также – внезапно – вонь Темзы, принесенную ветром, который вдруг сменил направление и давай бесноваться в глухих улочках. И над всем этим царит тошнотворный густой смрад – дерьма.

Источником этого разящего запаха является главным образом многонациональное население той части города, где обитает Брайди Дивайн: русские, поляки, немцы, шотландцы и в особенности ирландцы. Каждый вносит свою лепту. От младенца миссис Нири, пачкающего пеленки, до отца Дукана, благочестиво восседающего на ночном горшке. Их испражнения, сбрасываемые в выгребные ямы, подвалы и дворы, вносят свои смердящие нотки в букет *гибельного* лондонского зловония.

Грязный воздух (как вам скажет любой ученый, который не зря носит свой монокль) – благодатная почва для современных свор мигрирующих инфекций, предводительницей коих является холера. С ее приходом улицы пустеют. Женщин и детей не увидишь у уличных насосов и на площадях; мужчины сидят дома, почесывая задницы. Когда холера навевается в гости, улицы затихают. Никто никуда не спешит, не слышно болтовни и скабрёзного хохота. Все только лихорадочно молятся, со страхом ожидая, что у них вот-вот начнет сводить живот.

К счастью, сегодня холеры нет, и потому улицы многолюдны.

Многолюдны, как многолюден сам Лондон – и что за шум здесь стоит! Дудят волынщики, кричат уличные торговцы и ремесленники; по дорогам катят омнибусы, цокают лошадиные копыта, гремят колеса экипажей, громяхают телеги и тачки. Весь Лондон снует, пихаясь и толкаясь во всех направлениях.

Брайди идет домой.

Вот уже несколько лет Брайди Дивайн проживает на Денмарк-стрит – в комнатах над лавкой, принадлежащей мистеру Фредерику Уилксу, который занимается изготовлением креплений для колокольчиков. Мистер Уилкс – очень старый человек, выглядит так, будто его однажды тщательно отлакировали и затем припрятали надолго до лучших времен. Лицо настолько же благодушное, насколько строг его костюм. Чопорный сюртук с черными блестящими пуговицами, на вид жесткий, будто окостенелый, застегнут до самого верха. Над ним расплывается круглое, как луна, лицо с большими мутными глазами. Убеленную сединами голову с двух сторон обрамляют огромные уши, словно пересаженные с головы более крупного человека. Брайди подозревает, что старик живет в своей лавке, на ночь укладываясь спать в чулане, где он хранит свой инструмент. Днем он сидит у окна, возится со своими колокольчиками, полирует их язычки. Зажатый в своем сюртуке, который заставляет его постоянно держать спину прямо, мистер Уилкс редко двигается, но если случается, это происходит с внезапной стремительностью: вскочил с табурета, метнулся к верстаку, и вот он уже снова на месте.

Брайди снимает у мистера Уилкса два верхних этажа (на которых размещаются скромная гостиная, кухня и судомойня, спальня и комнатка на чердаке для служанки). В ее распоряжении также двор, если ей хочется использовать его для каких-то целей. Наверное, она выбрала не самое приличное обиталище: более светского или менее крепкого здоровьем посетителя, возможно, испугает близость пресловутых трущоб и их пагубных порождений (таких, как преступность, аморальность, тлетворность). Но ее жилище – хорошее местечко, уютно расположившееся на приветливой улице между пекарней герра Вайса и мастерской мистера Драйдена, изготавливающего затворы для огнестрельного оружия. Брайди Дивайн, безусловно, лучшая из всех жильцов, которым мистер Уилкс когда-либо сдавал комнаты. Не один десяток лет он тестирует звучание колокольчиков и за это время постепенно оглох, его белесые глаза разъедает катаракта, и все же он способен *слышать* миссис Дивайн (о,

этот чудный протяжный голос, в котором резонирует ирландский акцент!) и *видеть* ее (о, эти роскошные огненные локоны!).

Миссис Дивайн поселилась у мистера Уилкса уже будучи вдовой. Подробности кончины мистера Дивайна, ее положение в обществе до замужества и прочие любопытные частности для всех вокруг остаются загадкой. По мнению окружающих, образ жизни миссис Дивайн – *расточительный* или *экономный* (в зависимости от того, кто вам это говорит) – не согласуется с ее социальным положением. А все потому, что у нее есть буфет из «красного дерева», много книг (целая библиотека!) и служанка-великанша, которую она научила *читать* эти книги. Что не совсем соответствует истине: служанка Брайди читает *исключительно* бульварные романы (старые и новые, в основном истории про удивительную любовь, разбойников и казни через повешение).

Любопытство вызывает и *род занятий* вдовы со скромным доходом. У входной двери Брайди, которая почти стык встык находится рядом с дверью мистера Уилкса (так уютненько!), висит табличка, дающая кое-какое представление о том, чем занимаются на верхних этажах:

Миссис Дивайн

Расследование преступлений

Малые хирургические операции

(гл. обр., вскрытие нарывов, удаление бородавок и зубов)

Конфиденциальность гарантируется

Взгляните наверх. Жилище Брайди кажется глухим и неприступным: входная дверь всегда заперта, окна редко бывают открыты, лишь занавески иногда раздвигаются и ставни от случая к случаю складываются в гармошку. Соседей оно не располагает к тому, чтобы зайти на чашку чая. Кора Баттер, служанка Брайди, сплетничать не любит и не позволяет втянуть себя в разговор, даже когда подметает крыльцо.

Кора Баттер при своем росте в семь футов [\[10\]](#) выглядит устрашающе – другой такой служанки во всем Лондоне не сыскать. Местная ребятня не устает шпионить за ней. В хорошую погоду можно видеть, как она стирает во дворе, напевая своим несравненным

баритоном церковные псалмы. Или как бреется на кухне, правя бритву и намыливая щетинистый подбородок. И стоит ей заметить, что дети наблюдают за ней, по округе на радость всем тотчас же разносится ее зычный бас, срывающий крыши и разгоняющий крыс и голубей.

Если вы придете к Брайди по делу, Кора смерит вас грозным взглядом и затем проведет в гостиную.

* * *

Кора приветствует хозяйку с верхней площадки лестницы. Брайди отдает ей свой плащ. Кора вешает его, предварительно с силой встряхнув и отжав ворот.

– В гостиной вас ждет посетитель, – докладывает служанка с недовольством во взгляде.

– По делу?

Кора кивает.

– На вид скользкий тип. Я бы ему не доверяла, а зашвырнула бы куда подальше.

Брайди улыбается служанке. Клиенты никогда не вызывают у Кору доверия. Она вообще никому не доверяет. А вот зашвырнуть посетителя куда подальше – в зависимости от его габаритов – могла бы с легкостью.

– Имя у него есть?

– Не спрашивала.

Кора чуть приоткрывает дверь гостиной, и они обе заглядывают в комнату. Посетитель расхаживает по ней – от камина к окну и обратно, и это свидетельствует о том, что он нервничает.

Говоря по чести, сама гостиная – мрачная, с низким потолком – не располагает к непринужденности. Освещение тусклое, в камине не пылает приветливый огонь, ибо Кора экономит и уголь, и газ. Мебель разнородная: старомодный мужской стол-бюро, застекленные шкафчики со всевозможными склянками, книжные полки, уставленные непонятными книгами. Есть еще буфет, красивый, якобы из красного дерева (но даже при таком слабом освещении четко видно, что это подделка). Посетитель, прищурившись, разглядывает корешки книг. Читая некоторые названия, вскидывает брови. Одну берет с

полки, открывает ее при свете газовой лампы, но тут же торопливо захлопывает и кладет на место. Поворачиваясь, замечает некий загадочный любопытный предмет, который собирает пыль на каминной полке. Механизм из неблестящего металла крупного размера и непостижимого предназначения, к которому подсоединено резиновое приспособление с каким-то жутким наконечником. Измерительный прибор, а может, инструмент. Кто ж его знает?

Посетитель подходит к устройству, пальцем робко касается резинового наконечника и тотчас же отступает, словно ожидает неприятных последствий. Ничего не происходит. Тогда он снова трогает наконечник, легонько поглаживает его.

– Видите, о чем я? – шепчет Кора.

– Да, подозрительный тип.

– А голова-то какая, – указывает Кора. – Гладкая, как лысое яйцо.

– По какому он делу? – спрашивает Брайди, нахмурившись.

– Он не сказал. Но наверняка по какому-нибудь нечестивому. – Кора бросает на нее взгляд. – Давайте я переверну его башкой вниз да потрясу, пока он нам все не выложит?

– Мы попробуем обойтись без рукоприкладства. Используем ум.

Фыркнув, Кора отчаливает на кухню. Брайди входит в гостиную.

* * *

Посетитель оборачивается и чопорно кланяется Брайди.

Мужчина средних лет с дорожками пышных бакенбард на щеках, которые словно восполняют отсутствие волос на его лысой голове. Подбородок чисто выбрит; высоко на переносице – очки в металлической оправе с толстыми линзами. Неприятная голова восседает на несуразном теле, состоящем из длинной спины, тонких рук, опущенных плеч и широких женственных бедер.

Лицо выдает в нем вздорного обидчивого человека. Губы красные, плотно сжаты; крошечные глазки под стеклами очков неугомонно бегают, снуют, словно головастики. Их чернильный взгляд обстреливает ее сверху донизу.

Ожидал он большего.

Впрочем, люди, о которых рассказывают геройские истории, всегда разочаровывают, когда предстают перед тобой во плоти. А Брайди Дивайн и не может выглядеть героиней, ведь свое последнее дело она провалила.

Посетитель пристально разглядывает ее, пытаясь определить, насколько она не соответствует его ожиданиям.

Невысокая крепкая женщина. Во всем ее облике чувствуется непоколебимость – такая выдержит любые испытания. Капор она сняла, и теперь ее волосы буйного огненного оттенка прядями выбиваются из-под белого вдовьего капора. Глаза выпуклые, болотно-зеленого цвета и проказливые, постоянно меняют свое выражение. Посетителю это мгновенно навяло картины гаремов и варваров, открытых морей и бродяг.

– Сэр, вы явились сюда по делу? – спрашивает Брайди.

– По делу неотложному и весьма деликатному, мэм.

– В этом деле вы представляете самого себя?

– Нет, – качает головой гость. – Я представляю человека, который занимает высокое общественное положение.

– Рада за него. А сами вы кто будете? Его камердинер?

Улыбка застывает на губах посетителя.

– Его друг и личный врач. Уильям Харбин.

– Вот как? Что ж, прекрасно.

Брайди жестом предлагает гостю сесть и сама садится напротив. Доктор Харбин присаживается на краешек кресла. Дело у него столь безотлагательное, что ему сейчас не до удобств.

– Значит, свое деликатное, неотложное дело он вверил вашим заботам?

Застывшая улыбка не сходит с лица доктора. Он поднимает руку и поглаживает бакенбарды, сначала с одной стороны, потом – с другой, – мягко, ободряюще, словно успокаивает капризных питомцев, которые вот-вот спрыгнут с его лица.

– Должен признаться, – говорит доктор Харбин, – я думал, что мой работодатель решил прибегнуть к вашим услугам по ошибке. Я был уверен, что вы оставили свое ремесло. Закружили лавочку, так сказать.

– Как видите, я все еще работаю, доктор Харбин, – мрачным тоном парирует Брайди.

Он бросает на нее ехидный взгляд.

– Ваша стойкость достойна восхищения. Найти в себе силы продолжать... после того, что случилось. Я имею в виду ваше последнее расследование, миссис Дивайн. Поиски мальчика, верно?

Поиски мальчика, которого она не сумела найти вовремя.

Историю своей неудачи она прочла на его теле: курчавый, со сращенными пальцами на ногах, мертвый. Внешне невредимый, не считая трех почти незаметных синяков: по одному у каждой ноздри, один – под подбородком. Удушен. Узор, который сразу узнает девушка, некогда занимавшаяся похищением трупов. Даже если его не узнает тот, кто эти трупы покупает.

– Ужасно, что и говорить. – Доктор изображает сочувствие. – Мы слышали про это дело, во всех подробностях, хотя живем далеко. За несколько миль от Лондона.

«Еще бы ты не слышал, лысая башка! – думает Брайди. – Об этом все газеты писали».

– Беда в том, – продолжает доктор Харбин, – что любой дилетант может назваться сыщиком. Хотя преступления должна расследовать полиция, как вы считаете?

– Полиция, доктор Харбин, расследовала то дело, о котором вы говорите. Не я одна искала похищенного ребенка.

Доктор взмахивает рукой – жест одновременно пренебрежительный и примирительный.

Брайди смотрит прямо в его хитрые глаза.

– Сэр, если, по-вашему, полицейское расследование предпочтительнее, зачем же вы явились ко мне?

Доктор Харбин густо краснеет – от ушей до самого кончика носа.

Брайди встает и идет к двери. Берет сонетку.

– Доктор Харбин, не желаете глотнуть вместе со мной мадеры? Нам это сильно поможет при обсуждении наших дел.

Кора немедленно является на вызов. Она бросает на Брайди нетерпеливый взгляд: хорошая взбучка вернее дала бы результат.

– Кора, принеси, пожалуйста, мадеру. Особой выдержки.

Кора подмигивает Брайди, гостя награждает сердитым взглядом и выходит за графином. У Брайди есть план. Она напоит этого удода смесью, что налита в бутылку из-под мадеры, развяжет ему язык, и он ей выложит все как на духу.

– Итак, доктор Харбин, давайте подытожим. Вы представляете интересы сэра Эдмунда Ательстана Берика, а он у нас ни много ни мало баронет. У него пропала шестилетняя дочь – Кристабель. По вашим предположениям, ее почти наверняка похитили.

– Совершенно верно.

– Считается, что у сэра Эдмунда наследников нет, что его брак с покойной леди Берик детьми не увенчался.

Глазки доктора Харбина забежали за стеклами очков. Он кивает.

– Но теперь выясняется, что в своем доме Марис-Хаус сэр Эдмунд прятал маленькую дочь, существование которой он ото всех скрывал.

– Да.

– Сэр Эдмунд убежден, что о ней знали всего четыре человека.

– Совершенно верно.

– И эти люди – вы, дворецкий, экономка и няня девочки.

– Да.

– Та самая няня, которая исчезла вместе с девочкой?

– Да, – колебавшись, подтверждает доктор Харбин.

– И сэр Эдмунд никому больше не говорил о дочери – друзьям, родственникам, заинтересованным сторонам?

– Совершенно верно, – отвечает доктор Харбин, начиная терять терпение.

– А леди Берик умерла.

– Да.

– Когда и при каких обстоятельствах?

– Миссис Дивайн, разве это имеет значение?

– Я еще не решила.

Доктор Харбин возмущен.

– С леди Берик произошел трагический несчастный случай. Через несколько дней после рождения Кристабель.

– Что за несчастный случай?

– Она утонула. Как это ни прискорбно.

– Где?

– В декоративном пруду в усадьбе сэра Эдмунда.

– Леди Берик утонула в пруду?

– Да. – Чувствуется, что доктор Харбин и сам в том сомневается.

– Значит, наследница сэра Эдмунда матери родной никогда не знала и все шесть лет своей жизни провела взаперти, потому что ее ото всех прятали.

Доктор Харбин кивает.

Брайди берет в руку курительную трубку.

– Сэр, вы не возражаете?

Он приподнимает брови. Брайди истолковывает это как разрешение.

Она находит свой табак, набивает им чашку, утрамбовывает его, раскуривает трубку и выпускает облако дыма. Потом вспоминает, что дала себе слово не курить, но тут же снова об этом забывает.

Доктор Харбин ерзает в кресле, подергивает своими длинными ногами, словно ему не терпится уйти.

– Доктор Харбин, вам неудобно сидеть?

– Мне хотелось бы поскорее вернуться к сэру Эдмунду, мэм. Ему сейчас необходима моя поддержка.

– Разумеется, – соглашается Брайди, невозмутимо попыхивая трубкой.

Доктор Харбин с трудом обуздывает свое нетерпение.

– Доктор Харбин, я не совсем понимаю. Зачем кому-то прятать ребенка от солнечного света, лишать подруг, детских праздников и Рождества? Насколько я понимаю, девочка, лишенная свободы, ничего этого не знала.

Доктор Харбин делает вид, будто рассматривает бокал с мадерой, но трудно сказать, в какие глубины погружаются его глаза за стеклами очков.

– Девочка ни в чем не нуждается, – объясняет он. – У нее есть все, что ей нужно. Что касается подруг, с ней играет моя дочь, Мертл.

– Тогда получается, что о существовании девочки знают *пять* человек?

– Да. – Доктор Харбин крепче сжимает в руке ножку бокала.

– Сэр, может, вы еще кого-нибудь забыли упомянуть?

– Нет, мэм.

– Например, трубочиста или разносчика? Может быть, им тоже доводилось видеть Кристabelle?

Доктор Харбин рассержен. Брайди замечает, что он плотнее сжимает губы и ноги его подергиваются сильнее.

– Доктор Харбин, вы так и не ответили на мой вопрос, – улыбается она. – Почему девочку ото всех скрывают?

– Она *не совсем* обычный ребенок, – отвечает он напыщенным голосом, в котором слышится гнев.

– В чем выражается ее необычность?

– Сэр Эдмунд не уполномочил меня это раскрывать.

– Да бросьте вы. Вы как семейный врач наверняка ведь обследовали ребенка? – Брайди не сводит с доктора пытливого взгляда.

Ага, наконец-то: доктор морщится.

– Доктор Харбин, что вы можете рассказать? – ровным тоном спрашивает Брайди.

Его рука поднимается к бакенбардам, треплет их, словно он успокаивает сам себя.

– Только то, что ребенок наделен исключительными особенностями – их характер я *не вправе* открыть, – из-за которых она не может быть допущена в общество.

– Сплошные тайны! Пропавшую девочку до сего времени скрывали от всего света... должно быть, сделать это было нелегко. Хотя, с другой стороны, шестилетние девочки обычно тихие и послушные.

Доктор Харбин снова морщится. Вот опять, отмечает Брайди.

– А пропавшая няня... долго она ухаживала за девочкой?

– Почти месяц. Миссис Бибби имела очень хорошие рекомендации.

– Совсем недолго... А до миссис Бибби?

– Няня, вырастившая сэра Эдмунда.

– Можно поподробнее?

– Она утонула, – не сразу поясняет доктор Харбин. – К сожалению.

– В декоративном пруду?

– Нет, в лохани, – холодно отвечает Харбин. – Поскользнулась и упала.

– Опасное место Марис-Хаус. – Брайди пыхнула трубкой. – И вы утверждаете, что больше никто из прислуги ничего не ведает о тайном ребенке сэра Эдмунда?

– Им ничего не известно про девочку, мэм.

– Доктор Харбин, вы сами держите слуг, наверняка читали советы в отношении их и поэтому не хуже меня знаете, что слуги всегда все знают. У них есть глаза, уши и головы на плечах; они падки до сплетен. Они способны вынюхивать секреты, как ищейки.

– У сэра Эдмунда слуги верные и неболтливые.

– Няню девочки, миссис Бибби, вы выдавали за...

– За швею, чинившую портьеры в западном крыле.

– То есть девочку прятали в западном крыле?

– Да.

Брайди снова закуривает трубку, с наслаждением попыхивает ею, размышляя. Ее внимание привлекает движение в углу комнаты. За горшком с комнатной пальмой у окна стоит покойник, которого она встретила на церковном кладбище, и усердно роется в своих панталонах. Подняв голову, он перехватывает ее взгляд и со сконфуженным видом исчезает в стене. Брайди, запомнив то место, где он растаял, ждет, но никаких проявлений призрачной природы больше не наблюдается.

– Миссис Дивайн, вы нормально себя чувствуете?

– Да, вполне. – Пустым бокалом она показывает на графин, что Кора оставила на буфете. – Доктор Харбин, будьте любезны.

* * *

Брайди потягивает уже пятый бокал, но доктор Харбин едва пригубил первый. Мадеру он пьет, как незамужняя тетка, однако это не важно: Брайди и так удается выуживать из него информацию.

– Доктор Харбин, а в полицию сообщили?

В его чертах сквозит настороженность.

– Полицию вызвал один из слуг. Он решил, что в доме произошло ограбление.

– Конечно, ограбление, что ж еще? Но полиции не сообщили, что похищен ребенок – тайная дочь хозяина дома?

– Нет.

Брайди кивает: она так и думала.

– Преступники выдвинули требования?

– На момент моего отъезда они не давали о себе знать. Сэр Эдмунд готов заплатить любой выкуп.

– Возможно, ребенка похитили не из-за выкупа.

– Каковы бы ни были намерения похитителей, мой работодатель хочет как можно скорее найти свою дочь, – сухо произносит доктор Харбин. – Сэр Эдмунд готов заплатить вам за труды и соблюдение конфиденциальности. И надеется, что по благополучном возвращении ребенка домой вы примете от него дополнительное щедрое вознаграждение.

Брайди хмурится. Ей известны очевидные факты – похищена тайная наследница, исчезла ее няня, – но не суть дела.

– Вы многого недоговариваете, доктор Харбин.

– Я рассказал вам все, что поручил мне сообщить сэр Эдмунд.

– Тем не менее вы сообщили только голые факты, не сочтя нужным сопроводить их собственными комментариями, что не свойственно людям науки. Доктора, я знаю, любят выразить свое мнение. – По лицу Брайди скользнула едва заметная улыбка. – Вы точно не камердинер, сэр?

Доктор Харбин ставит бокал на стол, резко встает и делает шаг вперед. В его глазах за стеклами очков появляется мрачный блеск. Он сует руку в карман сюртука...

Руби Дойл неясным пятном стремительно выступает из стены и встает перед Брайди в бойцовой стойке. Одна рука, сжатая в грозный кулак, поднята вверх, вторая – поддерживает призрачные панталоны.

Брайди едва не расхохоталась.

Доктор Харбин, ничуть не испугавшись (кроме Брайди, он никого не видит перед собой), вытаскивает руку из кармана.

В ней – ничего опасного, просто конверт.

* * *

Конверт лежит на каминной полке. Брайди смотрит на него, рассеянно попыхивая трубкой. В гостиной она вроде бы одна, но не совсем.

В кресле напротив расположился Руби, усевшийся туда после того, как чрезвычайно выразительно наградил откланявшегося доктора

пинком под зад. Цилиндр он держит меж колен и приглаживает свои роскошные усы. Взгляд его рыскает по комнате, часто останавливаясь на Брайди.

В гостиную без стука входит Кора.

– Что хотел этот придурок?

– Ты и сама слышала. Под дверью ведь стояла, уши грела.

Руби выпрямляется.

– Спроси, она меня видит?

– Кора, – Брайди показывает на кресло, в котором сидит Руби, – что это?

– Кресло, – отвечает Кора, глянув в ту сторону.

– А в кресле?

Кора подходит к нему, ладонью проводит по подлокотнику, по спинке кресла, в котором съежился Руби.

– Пушинки, пыль, ворсинки, – говорит Кора. – Вы недовольны, как я убираю?

– Нет, нет, – успокаивает ее Брайди, глядя на Руби.

Кора приглушает пламя в газовых светильниках.

– Значит, вы взялись за это дело?

– Им нужно найти ребенка.

Кора пытливо смотрит на нее.

– А вы готовы к этому, после прошлого раза?

– Что ж – отказываться? – спрашивает Брайди. – Ведь мы даже баранину уже не можем себе позволить. Не знаю уж, каким мясом ты меня кормишь, но проглотить его трудно.

– А найти еще труднее, – бормочет Кора с воинственным видом. – Что ж, вам решать. Я, конечно, помогу, чем смогу.

Кора верой и правдой служит Брайди с того самого дня, когда та привела ее домой. Десять лет миновало с тех пор, как Брайди впервые увидела Кору – та сидела, сжавшись в комок в углу медвежьей клетки.

К тому времени Кора, некогда принадлежавшая к цирковой аристократии, находилась на положении скота. Падение ее было стремительным. За свою жизнь она неоднократно переходила из рук в руки: внебрачный ребенок матери-одиночки, сначала она попала в сиротский приют, из приюта – в бродячий цирк. По стране она путешествовала с сенсационным номером «Гертруда-великанша»; несколько лет она была любовницей Бенни Уитлоу, многоуважаемого

хозяина цирка, который был родом с севера Англии. Потом Бенни внезапно скончался, и цирк, а вместе с ним и Кору, унаследовал его племянник. Тот, на потребу избранной публике с inferнальными вкусами, видоизменил ее аттракцион, придумав новые – отвратительные – вариации. Побои начались, когда Кора отвергла его домогательства. После ее неудавшейся попытки к бегству избиения приняли более жестокий характер.

Брайди, посетив цирк в связи с заявлением одного из зрителей о краже изумрудной броши, услышала рассказы про великаншу, которую держат в медвежьей клетке. Она обследовала лагерь и нашла Кору.

Брайди припугнула племянника Бенни судом, а когда это не сработало, наставила на него пистолет. Великолепная в своей дерзости, Брайди вскрыла отмычкой замок на медвежьей клетке, освободила Кору, и вдвоем они на глазах у всех покинули цирк. Племянник Бенни по лицу Брайди понял, что она пристрелит любого, кто попытается их остановить. С той поры Кора назначила себя служанкой Брайди. С той поры Брайди не ела ничего вкусного.

Кора разводит в камине скудный огонь.

– Завтра поедете на место преступления?

– В Марис-Хаус. Это в Полгейте.

– Знатная особа?

– Не кто иной, как сэр Эдмунд Ательстан Берик.

Кора издает нечленораздельный звук. Для нее все аристократы одинаковы. Она выпрямляется, вытирает руки о передник. В дверях поворачивается, хочет задать вопрос.

– Кора, я найду ее, – обещает Брайди.

– А то ведь сами знаете, что ее ждет?

Брайди угрюмо кивает.

Кора обнажает в суровой печальной улыбке выпирающие зубы и скрывается за дверью. Слышно, как она, насвистывая, идет по коридору, а у ее мускулистых икр позвякивает металлическое ведро для угля.

Брайди откидывается в кресле и, дымя трубкой, смотрит на слабый огонь в камине.

– Что станет с девочкой? Если вы ее не найдете? – раздается тихий голос Руби.

– Сэр, вы следовали за мной от Хайгейтской часовни, без приглашения проникли в мой дом, подслушали конфиденциальный разговор с клиентом.

– Так и есть, мэм, – признал Руби без всякого раскаяния.

Брайди внимательно рассматривает его. Как и на церковном кладбище, он являет собой потрясающее зрелище. Она различает каждую деталь его внешности от грязи на ботинках до болтающейся пуговицы на панталонах и разматывающихся бинтов на кулаках. Но при этом сквозь его голую грудь прекрасно видны гобеленовая подушка и салфеточка на спинке кресла, которое он занимает.

– Что вам здесь нужно, Руби Дойл?

– На том погосте вообще никакой жизни.

Брайди раздумывает.

– Почему вы не покоитесь на католическом кладбище?

– Я покоюсь там, где друзья меня похоронили. – Он сникает. – Деньги они пропили.

– Да нет, они же вам вон какое надгробие поставили, – доброжелательно указывает Брайди.

– И то правда.

Брайди снова закуривает трубку, быстро делая несколько затяжек, и, прищурившись, сквозь дым смотрит на мертвеца.

– Я не люблю, когда меня преследуют призраки.

– Я вас не преследую. – Руби разводит своими забинтованными руками. – Просто подумал... ведь мы старые друзья...

– Вы шли за мной до самого дома и теперь вот материализовались. Я вам уже говорила: я вас не знаю.

Руби подается вперед, понижая голос:

– А что тот здоровый мужик в платье имел в виду, говоря про украденного ребенка? Что ее ждет?

– Не уходите от ответа. Кора не мужик, а женщина.

В лице привидения – изумление.

– Да, это не шутка.

Призрак все еще не верит.

– Вы ведь в стене прятались и прекрасно слышали все, что сказал доктор Харбин.

– Мутный тип.

– Спасибо, что спасли меня от него. – Брайди скривила рот в улыбке.

– Я по личному опыту знаю: если парень вскакивает и сует руку в карман, скорее всего, он вытащит из него какую-нибудь гадость, что причиняет боль.

– Я ценю вашу заботу, Руби.

Кивок в знак учтивости.

– Вы рассказывали... про ребенка.

– По словам доктора Харбина, как вы сами слышали, ребенок родился необычным. Кора намекала на то, что есть три причины, по которым необычных детей...

– Таких, как маленькая Кристабель Берик.

– Таких, как маленькая Кристабель Берик, похищают. С целью получения выкупа, для коллекции частного анатома или для цирка, где их показывают в качестве диковинок.

– А что такое частный анатом?

– Это вольный термин, Руби. Я употребляю его в отношении состоятельных людей, проявляющих нездоровый интерес к темным сторонам природных аномалий.

– В чем необычность этого ребенка?

– Как и вы, Руби, я могу только догадываться.

Руби на время умолкает, погружается в размышления, рассеянно поглаживая истрепанный шелк своей призрачной шляпы. Потом:

– Я ничем не занят, с вашего позволения, мог бы помочь вам в поисках ребенка.

– Я работаю одна.

– Неужели не сделаете исключения для старого приятеля, у которого куча свободного времени?

– Нет.

Руби показывает на картину, что висит над камином.

– А это, смотрю, Ирландия?

– Уиклоу.

– Похоже: грязь, холмы, дождь.

– Я его почти не помню.

– Я вас сразу узнал, – говорит он. – Увидел, как вы стоите на церковном дворе, увидел ваши рыжие волосы, выбивающиеся из-под

вдовьего чепца, и сказал себе: «Мать Божья, да это же Бриджет. Зеленые глаза, библейский норов».

– Можно подумать, вы что-то можете знать про мой норов и мои глаза. – Брайди подносит ко рту трубку.

– Мне больно на вас смотреть. – Лицо его озаряет улыбка.

– В смысле? – прищуривается Брайди.

– Вот бы мне сейчас покурить. Ради этого я готов на все.

– Так не смотрите на меня.

Они сидят перед камином.

Подняв голову, Брайди замечает, что Руби пристально разглядывает ее. Почувствовав, как щеки ее внезапно опалил жар, она отодвигается подальше от огня.

В глазах Руби появляется лукавое выражение.

– Брайди, а ведь это вы вызволили меня из-под земли. Я услышал над собой топот ваших ножек, поднялся из могилы и побежал за вами.

От ее внимания не укрылась нежность, прозвучавшая в его голосе, когда он произносил ее имя. Она смерила его строгим взглядом.

– Руби, к моему приходу вы уже материализовались, сидели развалившись у какой-то гробницы. К тому же как я могла вызвать дух человека, которого не знаю?

Руби встает, пристраивается перед камином, словно греет зад.

– Вы действительно меня не знаете?

– Господи боже мой, да скажите уже, откуда! – вскипает Брайди. И тут же жалеет о своей вспышке.

Сама того не желая, она признала, что они знакомы. И дала понять, что хотела бы получить ответ.

В лице Руби торжество. Вытатуированный якорь на его руке грациозно опускается. Русалка улыбается в зеркало.

– Вы у нас дознаватель, вот и соображайте.

С этими словами, подмигнув, он улетучивается сквозь стену.

Няня, миссис Бидди, сидит, положив больную ногу на перевернутое ведро. Сама она плотная и коренастая, но шея и запястья у нее тонкие, а пальцы длинные, как у ловкого карманника, так что всем своим видом она производит впечатление громоздкости в сочетании с проворной грацией. Возраста она среднего, но, говоря по чести, молодо она никогда не выглядела. В жизни ей приходилось и тяжело, и сладко; то и другое наложило отпечаток на ее внешность. В облике ее сквозит нечто хищническое: в широко посаженных глазах – блеск дикарской хитрости, нос приплюснутый, бровей почти нет. Остальную часть лица занимает большой рот, в котором с каждой стороны отсутствует по несколько зубов, что придает ей сходство с беспутным мартовским котом. Равно как и шрам над бровью, глубокий рубец на мочке уха и обрубок указательного пальца. Волосы мышиного цвета уложены в удивительное сооружение: разделенные посередине четким прямым пробором, с боков высоко на голове они собраны в два пышных конусообразных пучка. Лицо завораживающее, подвижное – в считанные секунды из наивного и простодушного превращается в кислую мину злобной старухи.

Ребенок, как кажется няньке, не устает ее рассматривать. И слушать тоже. Ибо голос у миссис Бибби, как и лицо, постоянно меняется. Полнится самыми разными интонациями: то он строгий, то вкрадчивый или веселый и скабрезный. В сравнении с предыдущей няней, которая очень уж уважала джин и оттого добрую часть своей шестилетней службы проспала лицом вниз, миссис Бибби – занимательное зрелище.

Ребенок сейчас наблюдает за ней, одним глазом, в приоткрытую дверь стенного шкафа в помещении ризницы. Именно туда добрый доктор решил поместить девочку. Он принес светильники и расставил их в комнате, чтобы ее всегда было видно.

Миссис Бибби подмигивает, глаз исчезает. Она снова переводит взгляд на доктора Харбина. Смотрит на него прямо, но слушает с должным вниманием. И в ответ ровным голосом произносит:

– При всем моем уважении, сэр, я посоветовала бы немного выждать.

Доктор, меряющий комнату шагами, останавливается.

– Медлить никак нельзя, миссис Бибби. Что, если покупатели откажутся от сделки? Вдруг они выяснят, что *ему* известно о том, что его...

– Обманули, сэр? – подсказывает миссис Бибби.

Доктор морщится.

– Рано или поздно *он* это узнает; он очень внимателен, все видит, все слышит. А до тех парижан... еще доехать надо. И у меня нет желания сообщать им, что вы одурачили своего законного покупателя.

Доктор Харбин буравит ее пристальным взглядом.

Миссис Бибби набожно возводит глаза к потолку.

– Бог свидетель, разве мы с вами, доктор, не соучастники в этом?

– Что я наделал? – шепчет он. – Навредить такому человеку!

Его чернильные глазки так и мечутся за линзами очков. Вид у доктора теперь изможденный, как и подобает обреченному человеку.

– Все организовано из рук вон плохо. – Он обдаёт няню ледяным взглядом. – Как так получилось, что нет экипажа?

– С экипажем вышла заминка, сэр. Сломалось колесо, и ничего тут не поделаешь.

– Я уже представляю, что увижу, когда он прибудет: пьяный кучер, упряжка старых кляч, раздолбанная колымага, которую пешком можно обогнать.

Выражение лица миссис Бибби не изменилось, но в голосе слышатся нотки раздражения:

– А вам нужен роскошный выезд, чтоб в глаза всем бросался?

Доктор не отвечает.

– Нам и без того баснословно повезло, сэр: мы нашли это укромное местечко, в котором вполне можно отсидеться.

– Миссис Бибби, от Марис-Хауса до нас меньше мили.

– Доктор Харбин, накладки всегда неизбежны. Вряд ли сэр Эдмунд будет разыскивать нас с полицией.

– Брайди Дивайн, вот кто будет нас искать.

– Ну тогда нам точно крышка! – смеется она. – Не вешайте нос, доктор, скоро мы будем по другую сторону Ла-Манша.

– А вдруг...

– И французы с нетерпением будут ждать, когда вы продадите им эту маленькую причуду природы.

Доктор ладонью потирает макушку, полирует ее, словно для того, чтобы успокоиться. Потом поворачивается к няне, собираясь что-то сказать.

– Все устроено, сэр, – быстро произносит миссис Бибби. – Экипаж, Дувр. Трогаемся в путь на рассвете.

Доктор Харбин вновь принимается мерить шагами комнату.

– Завтра – крайний срок. Дорога дальняя, а риск повышается с каждой минутой...

– Тут вы совершенно правы, доктор, – угодливо вставляет миссис Бибби. – *Он* еще может нас настигнуть, не говоря уже о том, что есть и другие коллекционеры. Они только и следят, где бы пожить. У них чутье на товар, которым они могут пополнить свои *паноптикумы, собрания диковинок*. Вы же, наверно, слышали про таких коллекционеров, да?

Выражение лица доктора Харбина подтверждает ее предположение.

– Это все продажные люди, доктор. Непорядочные.

– Я предпочитаю не думать об этом.

– А ведь земля слухами полнится, да? – На губах миссис Бибби появляется довольная улыбка. – Есть риск угодить в засаду. Или полиция остановит.

– Полиция?

Миссис Бибби энергично кивает.

– Может, сэр Эдмунд и не пустил их по нашему следу, но они все равно всюду рыскают и всюду суют свой нос. Наведываются в селения, что стоят вдоль безлюдных дорог, что-то подозрительно вынюхивают, выискивают. – Она показывает на стенной шкаф. – Попробуйте объяснить им вот это.

– Что же мне делать? – На докторе Харбине лица нет от беспокойства.

– Не терять присутствия духа, доктор. – Миссис Бибби берет свою книгу.

Доктор падает в кресло. Время от времени он качает головой, словно от удивления.

Миссис Бибби жалеет его. Этот опасный бизнес не для бесхребетных людей.

– И чтоб больше никаких внезапных погребений. – Он тыкает на грязные коленки своих брюк. – Обещайте.

В ответ миссис Бибби лишь смотрит на него – незлобиво, с усмешкой.

– Вы представляете, чего стоило унести то тело из-под носа миссис Пак, будь она проклята? – Кажется, от одной этой мысли доктора дрожь пробирает.

– Наш павший товарищ, – сокрушенно произносит миссис Бибби. – Как я сказала: накладки всегда неизбежны, сэр.

Еще с минуту она наблюдает за доктором и затем переключает внимание на книгу в руках.

* * *

Извиваясь и изворачиваясь, девочка приподнимается по стеночке и принимает сидячее положение в шкафу. На ней специальный костюм – из прочной ткани, с пряжками, – чтобы она не покусала ни себя, ни других. Самостоятельно выпростаться из него – задача не из легких. И все же ей удастся высвободить одну ногу. Ремень, стягивающий лодыжки, ослаб, давая ей возможность перемещаться по полу шкафа.

– Кракен [\[11\]](#) сегодня что-то притихла, – говорит миссис Бибби со своего стула.

Девочка ногой чуть шире приоткрывает дверцу шкафа.

– В молчанку играешь? Ты ведь понимаешь больше, чем кажется. – Миссис Бибби кладет книгу и протягивает руку за бутылкой, что стоит рядом на столе. – Знаешь, я по горло сыта «Успокаивающим сиропом матушки Бибби» и, поскольку мы сейчас наслаждаемся столь приятной сменой обстановки, я поведаю тебе поучительную историю.

Девочка бесстрастно смотрит на няню.

– Ты выходишь в большой мир, Кристабель, и я обязана тебя к этому подготовить. Поделиться с тобой своей мудростью и опытом, так сказать.

Кристабель молчит.

– Например, да будет тебе известно, в приличном обществе улитки ногами не едят.

И Кристабель, словно умышленно попирая законы «приличного общества», двумя пальчиками ног ловко подхватывает одну улитку и, перегнувшись, склоняется лицом к самой ступне.

– Это проявление невоспитанности, – добавляет миссис Бибби. – Ешь их хотя бы руками.

Девочка, игнорируя ее наставления, внимательно рассматривает улитку.

Миссис Бибби прикладывается к бутылке, закупоривает ее и зажимает под мышкой.

– Итак, начнем. В былые времена...

Давным-давно жила одна ведьма. А как можно узнать ведьму? Ведьмы держат сиротские приюты в Уонстедде и любят лакомиться маленькими детьми. Эта ведьма тоже держала сиротский приют и подбирала превосходнейших малышей – большой знаток была в этом деле. Пухленьких малышей она любила есть с острой подливой и клецками, тощих – жаривала с луком. Дети старше пяти лет на ее вкус были слишком жилисты и несъедобны. Однажды в ее приют поступила пятилетняя девочка, худючая – кожа да кости, такой вообще не наешься. Давай назовем ее Доркас. Ох уж и трудно ей приходилось в доме ведьмы. Она была...

– Хм, какая была Доркас? – задумывается миссис Бибби. – Да чтоб я помнила!

Доркас была невзрачной девчушкой, хромала на левую ногу. Охромела она оттого, что мать, когда родила ее, попыталась утопить малышку в уборной. Полицейский выудил ее за лодыжку и, держа за ногу, встряхнул, чтобы она снова задышала. Мать повесили, ну а Доркас осталась с хромой ногой. Полицейский, конечно, не виноват: бывает, хочешь как лучше, а получается только хуже, а бывает, и зло оборачивается добром – тут никогда не угадаешь. В доме ведьмы детей били и морили голодом (в этом отношении ведьмин приют ничем не отличался от других сиротских домов, в которых жила Доркас). И вот в один прекрасный день поступил

новый малыш. Ему было не больше полугода, складненький такой был бутуз со смеющимися голубыми глазками и розовыми щечками. Доркас знала, какая участь его ждет, ведь другие дети ей рассказали про вкусы ведьмы. И она придумала смелый план, чтобы избавить всех сирот и себя вместе с ними от тирании ведьмы...

– Положи эту чертову улитку! – рывкает миссис Бибби, прерывая свой рассказ. – Я все вижу.

Кристабель перестает облизывать раковину улитки и смотрит на няню в открытую дверцу шкафа.

– Я кому сказала. – Миссис Бибби ждет.

Пустая раковина тихо падает на плиты. Нога медленно втягивается в шкаф.

Миссис Бибби кивает.

Доркас знала, как можно расправиться с грызунами. Берешь из чулана припасенный яд, кладешь отраву в кашу, что любят крысы, и ждешь. Иногда сильная вонь возвещает о том, что крысы куда-то заползли и там сдохли. Обычно именно Доркас их выискивала. Эту работу она выполняла охотно; остальным не хватало смелости. Доркас решила, что станет крысоловом, когда вырастет. Пока же она приводила в исполнение свой план: отравит малыша, ведьма его съест и тоже отравится. Ребенок умрет быстро (если судить по крысам), и ему не придется долго мучиться, жарясь на огне...

Миссис Бибби умолкает, наклоняется вперед, морщась от боли в ноге, и заглядывает в шкаф. Глаза у девочки закрыты; одну руку она выпростала из-под ремней и теперь держит ее между головой и стенкой шкафа, ладонью к щеке. Не слыша голоса миссис Бибби, она открывает глаза и неуклюже приподнимается.

– Хочешь дослушать историю?

Кристабель смотрит на нее немигающим взглядом своих жемчужных глаз.

– Требуешь, значит? – Морщась, миссис Бибби снова прикладывает к бутылке.

Доркас наметала яд в кувшин с молоком, много положила – хватило бы на пару десятков крыс. Потом пакет с отравой убрала подальше в чулан. Доркас знала: если ведьма заподозрит неладное, ребенка она есть не станет, и тогда придется невесть сколько ждать, пока в приюте не появится еще один пухлый малыш. Затем она достала все необходимое для клеток: муку, нутряное сало и миску. Накрыла на стол, поставила графинчик с уксусом. Закончив приготовления, Доркас посадила маленького толстячка к себе на колени и принялась скармливать ему крысиное лекарство. Малыш от радости затряс кулачками, увидев, что к его рту подносят ложку, но, когда попробовал смесь, суксился, выплюнул отраву и заревел. Доркас всю свою жизнь возилась с детьми и умела с ними обращаться. Держа малыша на коленях, она резко отклонила его назад. Трюк удался: ребенок от неожиданности открыл рот, и Доркас сунула ему ложку яда. Малыш продолжал сопротивляться, Доркас обливалась потом и злилась, пытаясь справиться с ним, хотя сама не замечала, что ей жарко и она рассержена, пока тот не обмяк у нее на коленях. Во рту его скопилась ядовитая горечь, лицо покраснелось, кудряшки на голове взмокли. Как же у нее болели руки. В конце концов, Доркас ведь была не многим больше этого мальчика. Она положила его на жарочный противень, накрыла салфеткой и стала ждать.

* * *

Девочка просыпается навстречу раннему ясному утру. Над ней висят облачения священника, его ризы и стихари. Свободной рукой она трогает край епитрахили, поглаживает ее большим и указательным пальцами. Внезапная схватка в шкафу, и в руке девочки добыча.

– Хороший улов? – смеется миссис Бибби, наблюдая за ней.

Сегодня утром няня еще больше, чем обычно, похожа на мартовского кота. Пышные конусы на ее голове перекошились, на переносице и щеках – царапины. Пока Кристабель спала, миссис Бибби дралась.

Девочка открывает кулачок – медленно, осторожно.

– Какой толстый! – Миссис Бибби изображает, будто она ест, и Кристабель, по примеру няни, подносит тритона ко рту.

Целует ящерицу.

– Один из ваших подданных, леди Берик, как и эти дамы и господа. – Миссис Бибби широким жестом показывает на улиток, усеивающих стены ризницы, ползущих по полу к шкафу. Они сплошным ковром облепляют плиты, скоро ступить будет негде.

Девочка разглядывает тритона – его пятнистое тельце, хвост, лапки, пальчики, блестящие круглые глазки. Кончиком пальца поглаживает его мордочку с двумя крошечными ноздрями. Тритон извивается. Она крепче сжимает его в ладошке, сует в рот и с одного раза откусывает ему голову. Смотрит на тельце в своей руке. Оно дергается, вздрагивает и затихает.

– Бедная зверушка, – улыбается миссис Бибби.

Девочка трется губами о мягкое брюшко тритона, а сама смотрит на улиток, которых освещают на полу косые лучи утреннего солнца.

Брайди Дивайн путешествует налегке – со своим стареньким кожаным саквояжем. На ней короткий плащ, белый вдовий чепец и безобразный черный капор. Еще очень рано, только-только рассвело. Внизу под ней кишмя кишат крысы, копошащиеся в древних невидимых реках, в черных, как Стикс, притоках, затерянных под землей, под ногами Лондона. Над головой в вышине неподвижный воздух прорезают чайки. Она идет по мосту. Над Темзой висит туман. Сейчас время отлива, и к реке спешат уличные мальчишки, собирающие мусор по ее берегам. Одетые в лохмотья, они сходят на илистое дно, налегая на свои длинные палки. Глинистая жижа принимает их, засасывает детские ноги, саднящие от ее алчных поцелуев. Они бредут по ледяному мелководью под надзором величавых цапель, взирающих на все и всех вокруг с высокомерным презрением. Однако цапли не только наблюдают, но и слушают – внимают звонким пронзительным крикам «илокопателей», возвещающих о своих находках: о катушках и гвоздях, костях, монетах, обрывках медной проволоки.

Еще очень рано. Просыпаются уличные торговцы фруктами – просыпаются усталыми, потому что всю ночь в своих снах они, бранясь и чертыхаясь, лавировали с тележками между безжалостными омнибусами. И фабричные рабочие вылезают из теплых вонючих углов, в которых они ютятся со своими семьями, и, взъерошенные, идут на работу, сунув в карман горбушку хлеба. Кухонные служанки продирают глаза, приходя в себя, только когда уже смотрят на холодные угли нерастопленного очага. А над ними их хозяйки ворочаются на украшенных рюшками подушках, грезя о горячем чае и мопсах. В предместьях старшие клерки застегивают воротнички и готовят деньги для проезда в омнибусе. Младшие клерки проверяют, не обтрепались ли у них манжеты, прихорашиваются, начищаются, чтобы в своей залатанной одежде и поношенной обуви выглядеть по возможности безупречно. И пополняют ряды легионов, что полируют булыжники Лондонского моста дважды в день.

Еще очень рано, и дамы полусвета, только что поужинав свежими горячими булочками прямо из пекарен, собираются отойти ко сну. Нарумяненные, с алыми губами, непокрытыми головами и обнаженными руками, они стоят в ленивых позах в дверных проемах. Курят, смеются, зазывают. Брайди они улыбаются, некоторые окликают ее по имени – одинокую женщину, шагающую по пробуждающемуся городу.

Или она не одна?

Брайди оборачивается. Пока никого.

Впереди вокзал Виктория – с новенькой односкатной крышей над платформами, призванной оградить благородных обитателей Пимлико и Белгравии от оскорбительных шумов и запахов железной дороги: дыма и пара, топота пассажиров, криков кондукторов, скрипа колес и шипения паровозов. Брайди минует деревянные хижины, воздвигнутые вместо кирпичных зданий, на строительство которых уже не хватило денег: все средства, выделенные на их сооружение, поглотила эффектная вокзальная крыша.

Брайди снова оборачивается. По-прежнему никого.

А потом видит его: неясный силуэт мертвеца в свете раннего утра. Руби Дойл, с блеском в темных глазах, обходит одну из хижин и направляется к ней, словно только и ждал ее появления. На нем цилиндр и панталоны, на лице – улыбка.

* * *

Брайди едет в вагоне компании «Железные дороги Лондона, Брайтона и Южного побережья», смотрит в окно на мелькающие мимо пейзажи. Река и дорога, деревня и ферма – что ни мгновение, то новый мир, новая картина. Вот остались позади угольные пласты. Огненнобрюхий поезд – чудо на рельсах, приводимое в движение непостижимым взаимодействием давления пара и клапанов, – выпуская дым, мчится вперед. Паровоз – яркая комета с дребезжащим хвостом, в котором находится место для пассажиров всех классов. Многие не без нервного трепета решаются на такой способ передвижения, и на то есть основания: ни для кого не секрет, что регулярные поездки по железной дороге способствуют

преждевременному старению. Невероятная скорость и стремительное преодоление расстояний не лучшим образом сказываются на внутренних органах. Быстрая езда, да еще в сочетании с жирной пищей, алкоголем для поднятия настроения и отменным табаком, чревата фатальным исходом. Самое большое зло – новоизобретенный транспорт Аида: вагоны на паровой тяге с газовым освещением, курсирующие между станциями Паддингтон и Фаррингдон. Они перевозят пассажиров *под* самой землей, на которой стоит город. По рассказам многих, пассажиры (ослепленные дымом, перенервничавшие, едва не задохнувшиеся) выходят из-под земли постаревшими – кто на полгода, а кто и намного больше, лет на пять.

Что касается *наземных* поездов, они тоже не обеспечивают в полной мере безопасности и комфорта. Вагоны первого класса имеют занавески с кисточками, но в них обычно душно. Пассажирам третьего класса свежим воздухом и природными красотами мешают наслаждаться погодные условия и удушающий дым. У пассажиров второго класса над головами есть крыша, но их пугает близость вагонов третьего класса.

Сегодня в вагоне второго класса у пассажиров дополнительный повод для беспокойства – женщина, беседующая сама с собой. Невысокая, симпатичная, с красивыми глазами, но в безобразном капоре, она что-то с жаром нашептывает пустому сиденью напротив нее с той самой минуты, как поезд тронулся с вокзала Виктория.

Сейчас, игнорируя пустое сиденье, она молча смотрит в окно.

Остальные пассажиры, сочувственно переглянувшись, вновь утыкаются в книги или погружаются в размышления.

Спокойствие длится недолго.

Маленькая миловидная женщина сверлит незанятое место воинственным взглядом.

– Это не аргумент, – заявляет она яростным шепотом.

Какое-то время, кусая губу, она прислушивается к пустому месту. Затем:

– Вы мне не помощник, а помеха – ходите за мной по пятам, преследуете, забрасываете каверзными вопросами...

Подушечкой ладони она бьет себя по лбу. Несколько пассажиров вздрагивают.

– А если я вспомню, вы исчезнете?

Несколько человек вслух выражают свое возмущение.

– Мэм, нельзя ли чуть потише, будьте так любезны? – обращается к ней язвительным тоном краснолицый джентльмен, занимающий место в углу вагона.

Брайди поворачивается к нему, надменно вскидывает голову.

– Прошу прощения, сэр?

– Надеюсь, вы понимаете, мэм, что это – вагон *второго класса*?

– Я здесь не по *своей* воле, сэр.

Краснолицый джентльмен приподнимает брови.

– Это – желание моего работодателя, – продолжает Брайди. – Если бы я ехала третьим классом, то наверняка прямо в эту минуту наслаждалась бы пением и лакомилась мясным пирогом. А если бы сидела в первом классе, курила бы с попутчиками сигару и мило беседовала бы с ними о том о сем.

Краснолицый джентльмен намерен что-то ответить. Брайди останавливает его властным жестом.

– Но, поскольку в вагоне второго класса атмосфера тоскливее, чем в катафалке, я вынуждена, сэр, сама себя развлекать, беседуя с этим... сиденьем.

Краснолицый джентльмен сбит с толку и в растерянности закрывает рот.

Брайди дерзким взглядом обводит остальных пассажиров. Те съеживаются под ее взором, мечтая утонуть в своих сюртуках.

– Более того, – шипит она сиденью, – впредь я буду игнорировать ваши похотливые улыбочки, загадочные сообщения, мешковатые панталоны и светящиеся мускулы, будь они прокляты. – Она прищуривается. – Кто в здравом уме станет разгуливать по загробному миру полуголым, да еще и в незашнурованных ботинках?

Краснолицый джентльмен смотрит на нее беспомощно.

– Надо же, столько прославленных личностей в загробном мире, – сообщает она и, указывая на пустое сиденье, продолжает: – ...а ко мне привязался вот этот.

На станции Полгейт Брайди ждет экипаж сэра Эдмунда, который должен доставить ее в Марис-Хаус. Погода изменилась, неослабно хлещет проливной дождь. До вечера еще далеко, но на экипаже уже горят фонари. Дождь поливает сидящего на козлах кучера, стекает у него по носу и с полей шляпы. Мокнут под дождем и лошади; с их хвостов и уздечек струится вода.

В пути экипаж швыряет из стороны в сторону из-за того, что пружины слабые и дороги местами слишком ухабистые. Интерьер экипажа довольно мрачный: изнутри карета убрана темным плюшем, и к тому же в ней витает слабый запах мышей и соломы. Плотная ткань обивки придает какую-никакую мягкость сиденью, но Брайди не покидает ощущение, что из нее душу вытрясают в устланной бархатом клетки для перевозки лошадей. Поскольку в запотевшие окна ничего не видно, она рассматривает герб Бериков на противоположной стенке кареты. На нем изображены два стоящих на задних лапах крота и недоумевающий грифон.

Лошади, прижав уши, норовисто фыркают, скользят на мокрой дороге. Возница не понимает, какой бес в них вселился: они ведут себя странно с той самой минуты, как в экипаж села лондонская гостья сэра Эдмунда. Он теряется в догадках: ведь это всего лишь одинокая женщина в безобразном капоре. Кучер винит погоду и темную дорогу, тянущуюся через лес до Арлингтона. Карета подпрыгивает и кренится, попадая обитыми железом колесами в выбоины и рытвины; лошади бьются боками об оглобли.

Дождь немного утихает, и Брайди открывает окно. Они минуют захудалую таверну, утопающую в грязи ферму, пруд, пустынный сельский луг. Потом снова лес, несколько полей. Брайди отстраняется от окна, подсакивая на сиденье.

А где же Руби?

Он забрался на крышу экипажа, где теперь лежит, улыбаясь дождю, который льет сквозь него. Благословляет каждое залитое водой поле, что они проезжают, и каждое облако над головой.

Он улыбается еще шире. Она ничуть не изменилась. Благослови Господь ее душу.

Уже начинает смеркаться, когда кучер останавливает экипаж у ворот Марис-Хауса. Сильный ветер прогоняет непогоду, от туч остались лишь редкие клочья. Кучер помогает гостье спуститься из кареты. Та говорит, что пройдетя до дома пешком, подышит свежим воздухом. И достает курительную трубку. На аллее, ведущей к дому, она улавливает за спиной звуки, к которым старалась не прислушиваться – расхлябанные шаги человека в ботинках с развязанными шнурками.

Она не оборачивается, предпочитая сосредоточиться на своем впечатлении от Марис-Хауса, к которому она приближается.

Особняк сэра Эдмунда – архитектурный гротеск. Вычурный фасад являет собой нелепое сочетание военного корабля и свадебного торта. Множество узких бойниц, резные раковины, витые трубы, ложные зубцы, выступ в виде корабельного носа на втором этаже и обилие оружейных портов. На рельефном каменном фронте над центральным входом резвится Нептун с нимфами. Окна нижнего этажа обрамляют помпезные каменные гирлянды в виде морских звезд и створчатых раковин.

И, несмотря на все это, особняк выглядит нежилым.

Брайди обходит здание с торца и видит, что гостеприимными выглядят только помещения прислуги: их окна освещены.

Территорию охраняет новая свора собак, заменивших тех, что были отравлены в ночь похищения ребенка. Они подбегают к Брайди и тыкаются мордами в ее ладони. От нее не пахнет паническим ужасом, как от крестьян и странствующих торговцев. От нее не пахнет грубой шерстью и страхом, как от бродяг, которые иногда появляются на газонах в надежде выпросить подавание. Эта женщина скроена из средства для чистки обуви, табачного дыма, чистой ткани и северного ветра. Что до мертвеца, следующего за ней, у того нет дурных намерений. От него веет слабым духом загробного мира, холодным, с металлическим привкусом – как от свежавывавшего снега. Это не те гости, которых нужно прогонять. Собаки возвращаются к своим делам – развалившись в будках, принимают почесываться.

Сэр Эдмунд Ательстан Берик прогуливается по двору: от террасы к розарию, от розария к голубятне, от голубятни к пруду, от пруда к зарослям рододендрона. Вечерний обход территории особняка вошел у него в привычку задолго до похищения дочери. Тревоги давно уже терзают сэра Эдмунда.

Он раздумывает о превратностях своего проклятого существования. Сэр Эдмунд одарен сверхъестественным невезением. Как следствие, для инженера и натуралиста-любителя он необычайно суеверен. И это он – человек науки и упорного труда! Он всегда носит при себе кроличью лапку и не терпит в своем поместье черных кошек. В остальном он является приверженцем Чарльза Дарвина, деятельность которого в равной мере успокаивает и смущает его ум. То есть когда он не размышляет о собственном вечном проклятии, в голове его роятся вопросы, касающиеся смелых научных гипотез, религиозного догматизма и длины шеи жирафа.

Сэр Эдмунд каждый божий день готовится принять удар затаившихся сил, которые только и ждут удобной возможности, чтобы наказать его за порочную тайную страсть к неестественной природе. Сэр Эдмунд – коллекционер, ненасытный, неутомимый собиратель, питающий интерес к аномалиям и мутациям, всевозможным дефектным и уродливым формам жизни, обитающим в воде или в околотоводной среде. Если какое-либо существо плавает, шлепает или выдувает пузыри неким странным образом, он его убивает, таксидермирует или помещает в сосуд и ставит в своей личной библиотеке. Сэр Эдмунд продал половину родового поместья, чтобы иметь средства на финансирование своего увлечения и участие в прожектах, лишаящих его душевного покоя. Он подобен оологам [\[12\]](#), уничтожающим будущих цыплят ради того, чтобы заполучить в свои коллекции вождеденные яйца. Сэра Эдмунда, как всякого коллекционера, раздирают противоборствующие силы – тяга к приобретению и сохранению, жажда поиска и разрушения. Взять, к примеру, Джона Хантера [\[13\]](#). Две стороны одной монеты. С одной – анатом, хирург, выдающийся ученый. С другой – охотник за больными, расхититель гробниц, любитель вываривать кости ирландцев-великанов.

Сэр Эдмунд совершил грех, собирая свою коллекцию. Он размышляет о своем грехе и о наказании (по законам людским и

божеским), которое ему суждено понести. И потому, огибая дом в этом возбужденном состоянии раскаяния и смертельного страха, сэр Эдмунд с готовностью принимает Брайди Дивайн за карающего посланца потустороннего мира. За банши ^[14] или злобного чертенка. В сумерках капор придает ей вид демона, парящего над землей. Брайди требуется несколько минут, чтобы выманить баронета из-за куста гортензии.

* * *

Сэр Эдмунд рассматривает Брайди, но до конца он не разубежден. Она удобно устроилась у пылающего камина в его кабинете. В одной руке трубка, в другой – херес. Сэр Эдмунд уверен, что Брайди из тех людей, которые умеют воспользоваться даже малым благоприятным шансом. Личность она прелюбопытнейшая, и сэр Эдмунд заинтригован. Перед ним симпатичная женщина в фиолетовом платье из дорожного твила. Чуть полноватая, что совершенно ее не портит. Для такой комнаты одета она слишком тепло: ее лицо блестит от пота. В сочетании с пышной грудью, обтянутой шерстяной тканью, оно делает ее похожей на аппетитный сочный пудинг. Ее потрясающе безобразный капор, теперь сморщенный, ошетилившийся перьями, сушится у камина. Она отказалась отдать его на милость дворецкого. Хотя дворецкий и сам не горел желанием брать его в руки. Если капор оживет, думает сэр Эдмунд, придется усмирять его кочергой.

Без своего капора Брайди Дивайн куда больше радуется взору.

Рыжие волосы, что выглядывают из-под вдовьего чепца, наверняка густые и в отблесках пламени камина кажутся огненными. Когда она поднимает на него свои болотно-зеленые глаза, воображение рисует ему ветреных дриад, резвящихся на поляне в пятнах света и тени.

Можно ли ей доверять?

– Вас запросто можно принять за привидение, миссис Дивайн, – улыбается сэр Эдмунд. – Есть в вас что-то потустороннее, *эфемерное*.

Руби, притулившийся у книжного шкафа, едва не прыскает от смеха.

Сердито глянув на него, Брайди разглаживает юбки на своих крепких округлых коленях.

– Сэр Эдмунд, уверяю вас, я не привидение.

Тот пристально смотрит на нее, она отвечает ему столь же пронизывающим взглядом. В какие глубины способны проникнуть эти разбойничьи глаза: в его разум, да, или в его душу?

Да поможет ему Бог!

А Брайди видит только, что сэр Эдмунд – высокий мужчина с меланхоличным взором и пышными бакенбардами. Элегантный, но несколько потрепанный. Кабинет его такой, каким и должен быть: обит деревянными панелями, с кожаной мягкой мебелью, пропитан сигарным дымом – воплощение аристократизма и незыблемости. А вот человек, которому он принадлежит, неуравновешен. Он подобен редкой старинной вазе, которую разбили, плохо склеили и, фактически бесполезную, поставили пылиться на столик в углу.

– Доктор Харбин ввел меня в курс дела, – начинает Брайди. – Но я, вы уж простите мое сравнение, располагаю одним скелетом, без плоти. Мне нужно задать вам несколько вопросов, сэр.

Сэр Эдмунд – обычно в этот вечерний час он прогуливается меж газонами, сует ладони под колени, чтобы не начать ходить ходуном.

– Спрашивайте, миссис Дивайн.

– Сэр, у вас есть враги?

– Нет, мэм.

– И вы в этом убеждены?

– Абсолютно, – отвечает сэр Эдмунд – с сомнением в лице.

– У вас есть предположения, кто мог бы похитить Кристабель?

Сэр Эдмунд качает головой.

– Вы уверены?

Сэр Эдмунд кивает, но отнюдь не уверенно.

– Сэр, я должна задать вам вопрос, на который отказался ответить мне доктор Харбин. Почему вы скрывали ото всех свою дочь?

Сэр Эдмунд медленно поднимается на ноги. Подходит к окну. Его ждет розарий, и искусственные руины, и сад, и дорога за ним. Сегодня вечером он будет долго гулять. Сон настигнет его только на рассвете. Или вообще не настигнет.

– Я боялся, что это случится.

– Вы боялись, что вашу дочь похитят?

– Да.

– Почему, сэр Эдмунд? Почему вы этого боялись?

Баронет смущен, растерян.

– Доктор упомянул, что ваша дочь – *не совсем обычный* ребенок. Не могли бы вы уточнить, какие у нее особенности?

– Это... скользкая тема, – уклончиво отвечает сэр Эдмунд.

Брайди с трудом сохраняет терпение.

– Сэр Эдмунд, если Кристабель похитили из-за ее *необычности*, значит, вы просто обязаны просветить меня. Не исключено, что это поможет мне найти и вернуть вам вашу дочь.

– По поводу Кристабель, мэм, – вздыхает сэр Эдмунд, – я не могу вас просветить.

Брайди ставит бокал на стол и останавливает на баронете суровый взгляд.

– Тогда попробуем зайти с другой стороны. Сэр, почему вы послали за мной, а не обратились в местный полицейский участок?

Баронет краснеет, открывает-закрывает рот.

Брайди ждет. Наконец:

– Кристабель способна заставить человека *вспоминать*.

– *Вспоминать*?

– Да, вытаскивает из вас давно позабытые воспоминания. Не неприятные, но... – он морщится, медля в нерешительности, – ...и она способна внушать *мысли*.

– *Мысли*?

– Нежелательные. Не совсем ваши собственные, – тихо говорит он.

Брайди обращает взгляд на Руби; тот постукивает пальцем по виску.

– Это трудно объяснить. – Губы сэра Эдмунда на мгновение раздвигаются в сардонической улыбке. – Она *смотрит* на человека, и того посещают мысли.

Вздыхнув, он встает, идет к письменному столу, выдвигает один из ящиков, достает фотографию в серебряной рамке и вручает ее Брайди.

На фото – белокурая девочка в белом платье до пола, сидит в кресле. Кажется, что от нее, от девочки, исходит сияние – холодный свет. Не такой, как от Руби – сверхъестественный, а будто она

высечена из яркого мрамора. Вероятно, какой-то трюк фотографа, предполагает Брайди.

Но вот глаза у девочки белесые, аномально светлые.

– У нее проблема со зрением? – спрашивает Брайди.

Сэр Эдмунд занимает кресло напротив нее, садится на самый краешек и, понурившись, кладет руки на колени своих длинных ног – поза человека, признавшего свое поражение.

– Нет, зрение у Кристабель замечательное. Как раз в этом и проблема. Она видит *слишком* много.

Брайди внимательно рассматривает фотографию.

– Но глаза совсем бесцветные.

– Вообще-то, они меняют свой цвет.

– Меняют? Как это?

– Из алебастровых становятся синевато-серыми, потом черными как смоль. Это поразительно.

Брайди протягивает фотографию сэру Эдмунду с намерением вернуть ее.

– Обычно глаза не меняют цвет, разве что у новорожденных.

– А у Кристабель меняют. – Сэр Эдмунд кивает на снимок. – Оставьте у себя. Чтобы знать, кого ищете.

– Мысли, что она внушает... Расскажите про это поподробнее.

Сэр Эдмунд проводит рукой по лбу.

– Пожалуй, это даже не мысли – скорее чувства.

– Чувства? Какие?

– В основном гнев, – отвечает сэр Эдмунд, немного подумав.

– Давайте подытожим: ваша дочь способна вызывать воспоминания и мысли, а также внушать чувство гнева. А глаза у нее будто каменные и меняют цвет.

– Да, – кивает сэр Эдмунд.

– А в физическом плане у нее есть какие-то отличительные признаки?

– Белые волосы, крепкие острые зубы, и она способна издавать неимоверно высокие звуки, от которых ломаются вещи. – Сэр Эдмунд с вызовом смотрит на Брайди, добавляя: – И еще, она не умеет говорить.

– Не умеет говорить?

– Разумеется, чужую речь она прекрасно понимает.

– Но ведь она способна петь, берет высокие ноты?

– В некотором роде... Это все? – В голосе сэра Эдмунда проявляется резкость. – Очевидно, вы пожелаете допросить слуг. Могу я рассчитывать на вашу деликатность, мэм?

Брайди, понимая, что разговор окончен, согласно кивает.

– С вашего позволения, сэр, я намерена осмотреть дом и прилегающую территорию, начиная с детской.

– Детскую нельзя.

– Прошу прощения, сэр?

– Западное крыло – приватная зона, туда никто не допускается.

– Сэр Эдмунд...

– Моя покойная жена возражала против того, чтобы в ту часть дома заходили чужие люди. Там находились ее личные покои. Я до сих пор чту ее волю. К тому же, – добавляет сэр Эдмунд беспечным тоном, – там нечего смотреть.

– Возможно, в детской остались важные улики, которые помогут установить личности похитителей.

– Вы считаете, что в похищении участвовали несколько человек?

– Насколько позволяет судить мой опыт, подобные преступления обычно дело рук не одного человека. Что касается детской...

– Там нет никаких улик. Я ее осматривал.

Брайди хмурится.

– Но опытный глаз может обнаружить...

– Нет, мэм, – перебивает ее сэр Эдмунд на удивление категоричным тоном. – Вы можете сколько угодно беседовать с прислугой и осматривать весь остальной дом и двор, но доступ в западное крыло для вас закрыт.

Помещение для слуг такое, какое и должно быть: на столе – чайник, уютно горят газовые светильники. Экономка миссис Пак, унылая опрятная дама с надутыми губами, как у камбалы, буравит Брайди холодным взглядом. Прислугу допросить можно, но саму миссис Пак – нет. Сегодня вечером у нее выходной, и она не намерена отменять его, пусть бы даже на ужин в Марис-Хаус заявила сама королева Виктория. Возгласив это, миссис Пак сурово опускает уголки рта и обжигает Брайди испепеляющим взглядом, давая понять: она не потерпит, чтобы ее допрашивала какая-то там вульгарная эксцентричная *сыщица*. Миссис Пак подмечает каждую деталь во внешности миссис Дивайн: пристойность ее платья, самоуверенность в чертах лица, твердую поступь женщины, которая может позволить себе добротные ботинки. Но потом миссис Пак в речи гостьи слышит ирландский акцент, который от нее не укроется, даже едва уловимый. А еще она всегда распознает форму, которую приобретает палец в результате долгого ношения обручального кольца – для этого далеко ходить не надо: достаточно провести сравнение с ее собственным безымянным пальцем. Эта рыжеволосая вдова, может, и шарлатанка, но она гостья хозяина, и потому миссис Пак не вправе выставить ее за дверь, как ей того хотелось бы. Миссис Пак доводит до сведения миссис Дивайн, что та, если желает совершить экскурсию по дому, может воспользоваться услугами горничной Агнес. С этими словами миссис Пак с издевкой приседает перед гостьей и удаляется, недовольно бурча себе под нос и гремя ключами.

Брайди располагается за столом, достает табак и трубку, собираясь закурить. Руби, сняв цилиндр, устраивается на табурете подле нее.

Они сидят в дружеском молчании.

Брайди зажигает спичку. Скатерть двигается. Брайди раскуривает трубку и задувает спичку. Скатерть снова оживает, сдвигается еще дальше, а вместе с ней на два дюйма вправо перемещаются чайник и кувшин с молоком.

Брайди приподнимает край скатерти. Под столом, скрестив ноги, сидит девочка.

Ей лет семь. Внешне она самая обыкновенная, непривлекательная даже, с тупым вздернутым носиком и невзрачным чистеньким личиком. Ее светло-каштановые кудряшки туго зачесаны назад и убраны под ленту. На ней – застиранный передник.

Она что-то сердито шепчет несчастной фарфоровой кукле, у которой нет одного глаза и выдраны почти все волосы.

Брайди опускает край скатерти и ждет.

Девочка вылезает из-под стола и занимает стул напротив. Щурясь, она смотрит на Брайди из-под полуопущенных ресниц соломенного цвета.

– Мне нравится твоя кукла, – отваживается обратиться к ней Брайди.

– А мне нравится ваша трубка.

– Как зовут твою куклу?

– Роза. Она большая чудачка.

– Вот как?

– Вы – миссис Дивайн, а я – Мертл Харбин.

– Дочка доктора Харбина?

Мертл пожимает плечами, словно это ей все равно.

– Он наверху. – Она возводит глаза к потолку. – У сэра Эдмунда опять нервы расшалились.

– Надо же как. И часто у сэра Эдмунда шалют нервы?

Но Мертл поглощена своей игрой – катает куклу по столу.

Руби отходит к окну. Брайди наблюдает за ним. Подтянув на себе панталоны, мертвец сдвигает набок цилиндр и присаживается на подоконник.

Мертл, проследив за ее взглядом, с вялым любопытством смотрит на окно.

– Мертл, ты видишь что-нибудь? – понизив голос, спрашивает Брайди. – У окна?

– Ничего особенного, – отвечает девочка, невозмутимо глядя на нее.

Брайди взмахивает рукой, в которой держит трубку.

– Ты, случаем, не куришь «Бронхиальную бальзамовую смесь» Прадо?

Мертл качает головой.

Руби, затягивающий в пояс свои панталоны, улыбается, бросая взгляд в их сторону.

Брайди с интересом рассматривает девочку.

– Значит, у окна...

– *Никого* нет, – заканчивает та, не менее пытливо глядя на гостью. Затем переводит свое внимание на туфли Розы, застегивая на них пряжки.

– Ты ведь подружка Кристабель, да? – уточняет Брайди веселым тоном.

– Мне не дозволено говорить о Кристабель. – Мертл нежно целует личико куклы с той стороны, где оно не разбито.

– Какая она?

Мертл поднимает на Брайди глаза цвета помоев.

– Это секрет.

– А ты могла бы рассказать про Кристабель Розе? Шепотом, на ушко?

– Зачем? – надувает губы Мертл. – Роза с ней знакома.

Брайди попыхивает трубкой, краем глаза наблюдая за девочкой. Мертл поднимает вверх куклу, словно собираясь ее подбросить. Роза сердито сверлит ее своим единственным глазом.

Рукава платья на девочке задираются, обнажая шрамы, много шрамов – зарубцевавшиеся точечные ранки, похожие на почерневшие следы кошачьих укусов. Мертл замечает, что Брайди смотрит на ее руки. Она опускает куклу и одергивает рукава.

– Мертл, да ты вся искусана.

– Вовсе нет.

– Кто тебя покусал?

– Роза. – Девочка передает Брайди куклу и пальцем тычет в ее рот, показывая, какие у Розы острые фарфоровые зубы.

– Надо же, какая кусачая. – Брайди трогает разбитую голову куклы. – Значит, она дралась, прямо здесь?

– Нет, это Кристабель швырнула ее о стену. – Нахмурившись, Мертл прикрывает ладошкой рот.

– Не волнуйся, я умею хранить секреты еще лучше, чем Роза.

Мертл грузно опускается на стул, словно держит на своих маленьких плечиках бремя всего мира.

– Вряд ли. Роза не умеет говорить. Она не живая.
– Но ведь она умеет кусаться? – Брайди поправляет на кукле фартук и возвращает ее девочке. – Ты не знаешь, куда отправилась Кристабель?
Мертл яростно мотает головой.
– Точно не знаешь?
– Точно, – энергично кивает девочка.
– Ты, должно быть, скучаешь по ней. Она ведь твоя подруга, да?
Брайди улыбается Мертл, та морщит носик.
– Вы вернете ее сюда?
– Постараюсь, – отвечает Брайди.
– Не надо, – шепчет Мертл. – Пожалуйста, не надо ее возвращать.

* * *

У Агнес Моллой веснушчатое лицо с заостренными чертами и копна каштановых кудряшек, едва уместящихся под ее домашним чепцом. Ступни несуразно большие для ее фигуры, а руки вспухшие, будто накачаны водой. Характеризуя Агнес, миссис Пак назвала ее разбитной молодой особой, но нехотя признала, что в работе она спорая (видимо, подразумевалось, что служанка гордится тем, что у нее чистый пол, пусть и ходит в замызганном грязном фартуке). Агнес живет в Англии уже пять лет и все эти годы работает прислугой. По Ирландии она ничуть не скучает, ибо здесь она сытно питается три раза в день и по воскресеньям полдня отдыхает.

Агнес охотно берется провести миссис Дивайн по дому, хотя у нее дел неупрочен: нужно отполировать несколько каминных решеток (а прежде приготовить этот чертов «черный лак» [\[15\]](#), задышавшись скипидаром), постелить постели, наполнить водой умывальники, подмести помещение для прислуги, накрыть для завтрака стол. Не исполнит свои обязанности, и миссис Пак ее сожрет.

Агнес ведет Брайди в гостиную, зажигая газовые светильники. Руби следует за ними.

Горничная показывает на окно.

– Оно было открыто, миссис Дивайн. – Она расставляет ладони, отмеривая расстояние. – Вот настолько. Говорят, через него

похитители и проникли в дом.

– Похитители?

Служанка краснеет.

– Я хотела сказать *грабители*, мэм.

– Агнес, объясни, что ты имеешь в виду, – говорит Брайди. – Ты знаешь, зачем я здесь?

– Вы уж простите, мэм, но миссис Пак сказала, что ей негоже расспрашивать хозяина, однако, насколько она могла понять, вы – сыщица.

– Ваш хозяин попросил меня найти нечто очень важное для него. Ты ведь знаешь, что было похищено? Агнес, пожалуйста, будь со мной откровенна.

Служанка утыкается взглядом в свои туфли.

– Я знаю, дело это деликатное, – доброжелательным тоном произносит Брайди. – Все, что ты мне расскажешь, останется между нами. А это могло бы помочь твоему хозяину.

Агнес кивает, избегая взгляда Брайди.

– Значит, примерно в то время, когда был похищен ребенок...

Агнес тискает в руках передник.

– Прошу прощения, мэм, но миссис Пак ни с кем не велела разговаривать о похищении.

– В самом деле?

– Если кто-то станет меня расспрашивать, я должна отослать этого человека к самой миссис Пак, и она ответит на все вопросы вместо меня, мэм.

– Мне не нужны ответы миссис Пак. Я хочу знать, что известно тебе. Ты видела дочь сэра Эдмунда?

– Нет, миссис Дивайн, – едва слышно отвечает Агнес, покраснев еще гуще. – Я никогда ее не видела. Но мы все знали, что она была здесь, и все знаем, что ее похитили.

– «Все» – это домашняя прислуга?

– Да, мэм, – подтверждает Агнес и, осторожно подбирая слова, добавляет: – Порой трудно что-то не заметить.

Брайди подходит к окну.

– Ты сказала, что похитители проникли в дом здесь?

– Вовсе нет, мэм, разве что по воздуху.

Агнес открывает окно. День почти угас, но Брайди различает внизу раскидистый розовый куст.

– Шипы на нем с большой палец, мэм, и если похитители все-таки проникли через окно, то следов они не оставили.

– Ты проверяла?

– Да, мэм, смотрела там под кустами.

– Шустрая барышня, а? – кивает Руби на Агнес.

– Им помог кто-то из домашних, мэм, – говорит Агнес, понижая голос. – Это как пить дать.

– А потом открыл окно, чтобы симитировать ограбление? – заключает Брайди.

– Да, мэм.

– По-твоему, к этому причастен кто-то из домочадцев?

– У меня есть кое-какие подозрения, миссис Дивайн.

– Продолжай, Агнес.

– Вообще-то, я не люблю плохо говорить о людях, мэм, но... пропавшая няня... – Агнес закрывает окно. – Я ей никогда не доверяла. Только прежняя няня утонула – в *лохани*, представляете?! – а миссис Бибби уже тут как тут. Дня не прошло! И еще вид у нее *такой*...

– Какой такой?

В лице Агнес появляется беспокойство.

– Простите меня, миссис Дивайн, но внешне она противная старуха, да еще с грубыми манерами. На няню совсем не похожа. И еще эта ужасная гнилая нога.

– Какая нога?

– Левая, мэм. Она хромает на левую ногу. – И Агнес изобразила походку миссис Бибби: неуклюже заковыляла, выкидывая перед собой одну ногу. – Но она хотя бы держалась особняком. Миссис Пак сказала, ей иначе нельзя, учитывая ее положение.

– Какое такое положение?

– Она чинила гобелены, мэм.

– Она ведь не так давно здесь появилась, да?

– Месяца еще не прошло, мэм.

– Но слуги знали, какие обязанности она на самом деле исполняла?

– Конечно, знали, мэм. Только у каждого было свое представление о том, кого хозяин прятал в западном крыле... – Агнес замаялась.

– Продолжай, Агнес. Это останется между нами, слово даю.

Агнес кивает.

– Одни говорили, что хозяйка – она ведь была уже немолода – произвела на свет уродца. Потом, когда увидела, кого она родила, обезумела и утопилась. Другие говорили, что хозяин привез это существо из-за границы. – Служанка поднимает на Брайди глаза, внезапно наполнившиеся страхом. – Но все говорили – и до сих пор говорят, – что это скверна.

– Почему так говорят?

Агнес перекрестилась.

– Да хранят нас святые, мэм, это все из-за улиток.

– Из-за улиток?

– Каждое утро их здесь полные ведра, мэм, – вспоминает Агнес с ужасом и отвращением. – Миссис Пак посылала меня собирать их со стен, дверей и лестниц. А еще тритоны, лягушки и жабы; все мерзкие твари, что водятся в иле, пытались пробраться в дом. Чайки огромными стаями заполонили крыши. И весь дом был полон тумана, мэм, хотя все окна мы закрывали. Так что хлеб превращался в суп, а одежда на спине намокала. – Она ненадолго умолкает. – Вот потому я и поняла, что миссис Бибби не может быть порядочным богобоязненным человеком.

– Почему ты так решила, Агнес?

– Да потому что она по доброй воле ввязалась во все это, мэм.

Горничная задвигает шторы, отгораживаясь от темнеющего неба.

– Агнес, расскажи, пожалуйста, что было в ту ночь, когда произошло похищение.

– Прошу прощения, мэм, но я всю ночь спала. Я ложусь в одиннадцать, встаю в пять. С одиннадцати до пяти я сплю как убитая.

– Кто поднял тревогу?

– Мистер Пак, мэм. Утром он обнаружил, что дверь в западное крыло отворена. А она всегда закрыта на все запоры.

– Кто имеет доступ в западное крыло?

– Хозяин, няня и доктор Харбин.

– Других посетителей там не бывало?

Агнес покачала головой.

– Нет. Разве что бедняжка Мертл, мэм. Доктор Харбин часто брал ее с собой, когда ходил туда, а он был здесь почти все время. Она бледнела, когда шла с ним туда, а выходила еще бледнее, и слова из нее не вытянешь о том, что она там видела.

– Мистер и миссис Пак когда-нибудь наведывались в западное крыло?

– Нет, мэм, но мистер Пак хранит ключ от него в комнате дворецкого. Я видела, как он отдавал его доктору, когда чистила там камин.

– Вот, значит, как, – задумчиво произносит Брайди. – Итак, утром следующего дня мистер Пак обнаружил, что дверь в западное крыло распахнута. Что было потом?

– Мистер и миссис Пак быстро обсудили между собой, должны ли они проверить, что случилось в западном крыле, и потом вошли в дверь, а мы с Винни остались ждать в холле, мэм.

– Винни – это судомойка?

Агнес кивает.

– Потом они вернулись, с лицами как камень, и сказали, что произошла кража, велели нам разбудить ливрейного лакея, грума и садовника и обыскать дом и все вокруг, мэм.

– Агнес, они сказали вам, что было украдено?

– Нет, мэм. Я извинилась перед миссис Пак и спросила: если я не знаю, что пропало, как я могу это искать?

– А она что?

– Миссис Пак сказала, чтобы я не лезла не в свое дело и занялась поисками. Мы облазали весь дом от дымохода до подвала, за исключением западного крыла, мэм, поскольку мистер и миссис Пак заперли за собой дверь. Грум и садовник тщательно осмотрели всю территорию поместья и надворные строения.

– И что вы обнаружили?

– Винни обнаружила открытое окно, остальные – совсем ничего, мэм, – вспоминает Агнес. – Миссис Пак послала лакея за констеблем, а мистер Пак отправился докладывать хозяину. Тот пришел в ярость: не хотел, чтобы вызывали полицию.

– Сэр Эдмунд разозлился?

– Даже внизу было слышно, как он рвет и мечет. Потом миссис Пак собрала нас и строго-настрого наказала *ничего* не говорить

полиции.

– А потом прибыли полицейские?

– Да, мэм. И мистер Пак сказал им, что была совершена попытка ограбления, но ничего не украдено.

– А тебе откуда известно, что он это сказал?

– Я слышала его разговор с полицейскими, мэм. Потом они уехали, а пришел доктор Харбин, и они вдвоем с хозяином долго расхаживали по террасе и курили. Потом доктор Харбин куда-то уехал в экипаже хозяина.

– Агнес, мне нужно попасть в западное крыло, – заявила Брайди по некотором размышлении.

– Ой, нет, мэм, туда нельзя.

– Ты сказала, что ключи от западного крыла хранятся в комнате дворецкого. Можешь показать где?

В лице Агнес испуг.

– Простите, миссис Дивайн, вы хотите *выкрасть* ключи?

– Позаимствовать на время.

– Нет, мэм, не могу!

– Агнес, пропал ребенок, и мне непонятно, почему эту девочку от всех скрывали и зачем ее похитили. Разве тебя это тоже не озадачивает?

– Озадачивает, конечно. Но удивляться можно сколько угодно, а вот красть ключи у дворецкого – это совсем другое дело. При всем моем уважении, мэм.

– Агнес, я же объяснила: я не собираюсь красть ключи, я их только позаимствую на время.

Горничная задумывается, сдвинув брови, потом трясет головой.

– Простите, мэм, я на это не пойду.

– Тайны есть всегда, – говорит Брайди. – В каждом доме – свои. Но когда речь идет о жизни ребенка, любой секрет может привести к непоправимой беде.

Горничную раздирают противоречивые чувства.

– А если нас поймают, мэм?

– Не поймают. Разве у миссис Пак сегодня вечером не выходной?

Лицо Агнес светлеет.

– Тогда я вам помогу, мэм. Не хочу, чтобы смерть ребенка была на моей совести, если в моих силах ее спасти. И, да простит меня Бог, я

хочу, чтобы эта няня понесла заслуженное наказание. Я уверена: за всем этим стоит миссис Бибби, не знаю уж, зачем она украла ребенка и что это за ребенок.

* * *

Брайди следует за Агнес по мраморному полу к застеленной синим ковром роскошной парадной лестнице из полированного дерева, величественно взмывающей вверх.

– Сэр Эдмунд большой любитель воды, будь то море, пруды, озера, фонтаны, реки, даже колодцы. – Агнес жестом показывает на витражное окно во всю высоту лестницы.

Днем, когда в окно светит солнце, оно превращается в авантюриновое море, вздымающееся на три этажа. На его волнах качается золотистый галеон, в воде снуют радужные рыбки, а над ними в вышине сквозь облака, словно опаловые стрелы, летят морские птицы. Сейчас на улице темно, и потому окно не кажется столь грандиозным, но представление Брайди получила.

Они поднимаются по лестнице. Руби, с цилиндром в руке, идет за ними.

– В Марис-Хаусе гостил мистер Базальджет, – сообщает Агнес. – Это, знаете, мэм, тот господин, что делает канализацию.

– Знаменитый инженер-строитель?

Агнес кивает.

– Он боится есть сэндвичи и должен спать в комнате, что выходит окнами на север. Сюда он приезжал, чтобы расспросить хозяина про воду. Как она течет: быстро, медленно, может ли поток поворачивать?

– Кто тебе это рассказал?

Они переходят лестничную площадку и начинают подниматься по следующему пролету.

– Мистер Пак, – отвечает Агнес. – По его словам, когда мистер Базальджет доделает свою канализацию, его сооружение прославится на весь мир.

– Вполне вероятно.

– После встречи с мистером Базальджетом хозяин воодушевился. Стал лелеять большие планы по усовершенствованию Марис-Хауса, –

рассказывает Агнес. — Самонаполняющиеся ванны и водоемы, дождевальные устройства с холодной и горячей водой, водопроводные трубы протяженностью в несколько миль, чтобы слугам больше не приходилось таскать ведра с водой.

— Вот как?

— Хозяин построил фонтан, мэм. Очень красивый. Люди приезжали издалека на него посмотреть. Пока не случилась трагедия. — Агнес проворно перекрестилась.

— Это ты про несчастный случай с леди Берик?

— Да упокой Господи ее душу, мэм. С тех пор тот фонтан не работает. Сэру Эдмунду так и не хватило духу его починить.

Они останавливаются на повороте лестницы, и Агнес показывает на картину, что висит над ними.

— А это сама леди Берик, мэм, в Певенси-бей.

На полотне — молодая женщина в белом платье со скорбным лицом. Она сидит на валуне и расчесывает свои каштановые волосы. У ее босых ног валяются звездообразные ракушки, за спиной — зловещее море: ветер вздыбливает волны, гонит к берегу вспененных коней.

— Похожа, Агнес?

— Разве что когда она была моложе. Я слышала, леди Берик была широка в кости и косила на один глаз. Прошу прощения, мэм.

Руби смеется.

— Говорят, мэм, она до сих пор навещается сюда, в окно наблюдает, как хозяин в кабинете корпит над своими чертежами, что-то проектирует. Садовник натывается на ее следы. Однажды он пошел по ним: они обогнули пруд, повели его из поместья, потом в лес, к часовне, что стоит за ним, и оборвались у ее гробницы.

— И ты в это веришь, Агнес?

— Нет, миссис Дивайн. Призраков не существует.

Они идут по коридору, ведущему в западное крыло. Стены украшают картины.

— Это все работы хозяина, мэм.

На первом полотне гребень волны венчает огромная голова левиафана, ведущего охоту на рыбацкое судно. На следующем — чудище сжимает пасть вокруг расщепленного корпуса лодки. Рыбак с искаженным от ужаса лицом льнет к деревянному обломку. Одна картина особенно заинтересовала Брайди. На ней в озерце между

скалами маячит карикатурная русалка с редящими волосами и шучьей улыбкой. В руке она держит зеркало, под водой извивается ее шипастый хвост.

– Мы зовем ее миссис Пак, – шепчет Агнес с улыбкой.

Брайди смеется.

– Я смотрю, хозяина вашего очень уж привлекают ужасы морской пучины.

– У него целая библиотека книг о тварях, что водятся в воде и выползают из нее, мэм. – Агнес морщит нос. – Там даже есть *существа в сосудах*.

– Существа в сосудах? – вскидывает брови Брайди.

– В книжном шкафу есть потайная дверь. Я случайно ее обнаружила. Однажды вытирала пыль и наткнулась. – Горничная поежилась. – Да помогут мне небеса. Я толкнула ее, а за ней комната, ну я и вошла.

– Сосуды были в той комнате?

Агнес перекрестилась, дважды.

– Святая Мария, Матерь Божья! Даже вспомнить страшно!

– Агнес, можешь рассказать, что было в тех сосудах?

– Ой, нет, не могу, мэм!

– Давай, давай.

Лицо Агнес искривляется в гримасе.

– Утопленные черви и все эти рыбы с зубами на плавниках. – Она скрючивает пальцы, изображая зубы.

– Покажешь мне?

– Это вряд ли возможно, мэм. Хозяин, когда уходит, запирает библиотеку. Да и миссис Пак будто поселилась в той части дома, а кабинет хозяина именно там.

Они подходят к массивной деревянной двери с добротным крепким замком. Брайди достает из кармана ключи, что они взяли в комнате дворецкого, и отпирает дверь, открывающуюся в коридор без окон. На крючке, что прибит к стене, висит фонарь. Рядом полка со спичками. Брайди протягивает руку к фонарю.

– Мэм, позвольте мне. – Горничная зажигает фитиль и поднимает глаза на Брайди.

– Прошу прощения, миссис Дивайн, вы ведь никому не скажете, что я привела вас сюда?

- Конечно, не скажу, Агнес.
  - Особенно миссис Пак, мэм.
  - Тем более миссис Пак. Иначе она тебя сожрет!
- Агнес слабо улыбается, передавая фонарь Брайди.
- Она меня замаринует, мэм. Посадит в банку вместе с червями.

* * *

В воздухе витает тяжелый запах сырости. На обоях цветет плесень, образуя причудливые узоры, превосходящие даже витиеватые растительные орнаменты, созданные воображением господина Уильяма Морриса [\[16\]](#).

Они останавливаются у клепаной железной двери. Брайди отпирает замок, и вдвоем с Агнес им удастся ее распахнуть.

Брайди поднимает фонарь повыше.

Их взорам предстает комната ярко-зеленого цвета, влажная от осевшего повсюду конденсата. На стенах – повторяющийся узор. Плоские листья с выпуклыми язвами. Морские растения: фукус пузырчатый, горгониевый коралл; цветы, которых не увидишь в саду.

Руби, с мрачным лицом, тускло мерцает, стоя в углу. Череп, вытатуированный на его животе, щелкает зубами. Русалка на плече мечется как безумная по его призрачной коже, будто ищет, куда бы спрятаться, и в конце концов ныряет ему под мышку.

– Ну и местечко, – произносит покойник.

Агнес принимается зажигать лампы. Они с шипением загораются под матовыми колпаками. В нос бьет удушающий запах соленой воды, йода, тухлой рыбы и тины. Брайди пытается открыть окно. Оно заколочено и зарешечено.

Она обводит взглядом комнату, которая не похожа ни на одну детскую, что ей доводилось видеть прежде. Здесь все имеет оттенки моря – от куклы с зелеными волосами до детских книжек в синих кожаных переплетах. Белый мраморный камин сделан в форме изящной раковины.

На раму кровати крепится нечто вроде клетки с механизмом для опускания боковых стенок и откидывания верха, а также задвижкой, которая держит их на запоре.

Брайди обнаруживает кольца, впаянные в металлические стойки.

– А это для фиксирующих ремней.

В лице Агнес отражается ужас.

– Ее держали связанной? Но зачем?

– Не знаю, – отвечает Брайди в смятении. – Но это бесчеловечно.

Она открывает дверь в соседнюю комнату и жестом манит за собой Агнес. Руби, шокированный окружающей обстановкой, стоит на страже в детской.

Комната няни убрана просто: комод, кровать и стол.

– Агнес, нужно проверить, не пропало ли что из вещей няни.

Брайди вытаскивает из-под кровати дорожный сундук. Агнес тем временем проверяет выдвижные ящики.

– Верхней одежды нет, – отмечает Брайди. – Ни шали, ни капора, ни крепких ботинок.

– Значит, она была одета и ждала грабителей, мэм. Ее не тащили из дома за подол ночной рубашки.

В комнате есть одна-единственная книжная полка. Личная библиотека миссис Бибби состоит из Библии, потрепанной энциклопедии и романа из «Библиотеки избранных книг» Мади [\[17\]](#) – второго тома «Мельницы на Флоссе» [\[18\]](#), который следовало вернуть еще две недели назад.

Брайди изучает листок бумаги, который служит закладкой.

– Наша няня забыла свой билет. – Она прячет книгу в карман.

Брайди возвращается в комнату Кристабель и, взяв фонарь, светит на обои.

– Удивительно. Такое впечатление, будто находишься под водой.

– Если долго на это смотреть, мэм, в глазах начинает рябить, – произносит Агнес. – Кажется, будто водоросли колышутся.

Брайди осматривает дверь.

– Следов взлома замков нет, и это говорит в пользу нашей догадки, что миссис Бибби замешана в похищении, что это она отодвинула щеколду и отперла двери в западное крыло и детскую.

– Прошу прощения, мэм, но без миссис Бибби тут точно не обошлось.

Брайди бросает взгляд вокруг.

– Следов борьбы нет, ничто не указывает на то, что отсюда уходили в спешке.

Она на дюйм сдвигает тумбочку и внимательно рассматривает отпечатки на турецком ковре.

– Мебель двигали, либо ковер совсем недавно постелили. Агнес, помоги-ка мне.

Вдвоем они сдвинули мебель и свернули ковер. От пола поднимается смрад, будто из сточного колодца.

Агнес зажимает ладонью нос и рот.

– Боже, ну и вонища!

На половицах проступает пятно неправильной формы, точнее, его контуры, очертания.

Брайди опускается на четвереньки: половицы влажные.

– Думаю, это морская вода. От нее осталось нечто вроде осадка, отложений. Однако повела себя вода очень странно.

Агнес наклоняется.

– Как это «странно», мэм?

Брайди ведет пальцем по краю пятна.

– Она не разлилась лужей, как это было бы, случись тебе расплескать ведро. Очертания четко выражены. – Потом ее осеняет. – Это силуэт человека, точный отпечаток: он лежал, вытянув руки в одну сторону.

– Так и есть, мэм! – восклицает Агнес.

– Если труп, никем не обнаруженный, долго лежит на одном месте, продукты его гниения впитываются в пол, оставляя пятно, – размышляет Брайди. – Если бы это был такой случай, запах мы почувствовали бы еще на лестнице.

– Пресвятая Матерь Божья, выпусти меня отсюда, – бурчит Руби и, потирая виски, шагает сквозь стену в коридор.

В холле бьют часы. Здесь их бой едва слышен.

– Мэм, у нас мало времени, – подгоняет ее Агнес. – Я должна вернуть ключи. Миссис Пак вернется с минуты на минуту, а потом мистер Пак будет совершать обход.

– Давай поставим мебель на место.

Они приводят в порядок комнату и гасят лампы.

Брайди поднимает фонарь, и вдруг ее взгляд выхватывает из темноты большой закупоренный стеклянный сосуд, стоящий на полке среди детских книжек.

У нее екает в груди.

Брайди запирает на замок дверь гостевой комнаты и придвигает к ней сундук. Затем берет свой бесствольный револьвер, заряжает его и кладет под подушку. После медленно идет по периметру комнаты, простукивая стены и внимательно рассматривая стыки тисненых обоев.

Руби наблюдает за ней с насмешливым недоумением в лице.

– Брайди, вы что делаете?

– Ищу потайные двери, – бормочет она. – В библиотеке, как мы знаем, они есть.

– А баррикада зачем?

– Предосторожность, – объясняет Брайди, глянув на него. – В этом доме живет зло.

Руби садится на туалетный столик.

Сосуд, что Брайди прихватила из детской, накрыт тряпкой, и Руби благодарен ей за это. Ибо его содержимое способно перевернуть представления о реальности даже у мертвеца. Как и все жуткие диковинки, оно сначала повергает в шок, затем приводит в состояние гипнотической замороженности, потом вызывает дурноту. И так снова и снова: с одной стороны – глаз не оторвать, с другой – лучше бы вообще никогда этого не видеть.

Убедившись, что в комнате стены сплошные, Брайди придвигает стул к туалетному столику, садится рядом с Руби и сдергивает тряпку.

И вот оно. Отражается в зеркале туалетного столика, потрясая разум, взор и сердце.

Брайди наклоняется ближе к сосуду, кончиками пальцев трогая холодное стекло.

Заспиртованный ребенок! Подумать только!

Новорожденный младенец – само совершенство: со сложенными пальчиками и крошечными ноготочками, маленьким носом-пуговкой и миленькими изящными ушками, похожими на ракушки. Кожа в идеальной сохранности, на вид будто мраморная и в то же время пластичная, мягкая – человеческая. Это заметно по нежным

пластинкам смеженных век младенца, по пухлому подбородку, по ямочкам на руках.

Младенец висит в жидкости на тонких проводах. Крепко спит в стеклянном чреве.

Брайди поворачивает сосуд, и картина меняется.

Сзади на головке, сразу же под невесомыми кудряшками на затылке – полоска чешуи. Поначалу едва заметная, она постепенно расширяется, образуя тонкий, как паутинка, спинной плавник, небольшой, но рельефный. Он тянется вдоль спинного хребта и заканчивается изогнутым хвостом. Хвост мускулистый, как у лосося: да, маленький, но сильный и гибкий. Есть в этом младенце что-то дьявольское: сразу же под подвздошной костью мягкий белый мрамор груди ребенка и живота обретает крапчатую зеленую окраску, которая ближе к хвостовой части темнеет и становится насыщенной и яркой, как нефрит. Плавники тонкие, как папиросная бумага, телесного цвета, на кончиках – малиновые.

Брайди снова поворачивает сосуд и сталкивается с существом лицом к лицу. Слава богу, его глаза плотно закрыты. Под веками проступает тень чернильных зрачков. Скулы заостренные, напоминают жабры. В открытом розовом ротике можно рассмотреть зубы – острые мелкие щеточки, как у щуки.

– Его называют Уинтеровой Русалкой.

– Он настоящий? – шепотом спрашивает Руби.

– Это проверить нельзя, – отвечает Брайди. – Согласно легенде, его сохранность зависит от того, насколько плотно запечатан сосуд.

– Давнишний? – любопытствует Руби.

– Ему, наверное, лет сто.

Русалка на плече Руби плывет мимо чернильного якоря к его запястью. Заглядывает в сосуд и резко отплывает, затем поднимается по его руке вверх и исчезает под мышкой.

– Я уже видела это существо, – натянуто улыбается Брайди. – Уникальный экземпляр.

– Расскажите, – просит Руби.

Она выпускает вздох.

– Он принадлежал анатому и хирургу доктору Джону Имсу. Тогда я его и видела.

– Вы были знакомы с этим Джоном Имсом?

– Я была его ученицей. Меня продали ему за гинею, когда я была ребенком.

Руби ждет. Наблюдает за ней. Он догадывается, что с этим заспиртованным младенцем связана целая история, и знает, что Брайди пытается подобрать слова, чтобы поведать ее.

Ее глаза прикованы к сосуду.

– Руби, он абсолютно такой же, каким я увидела его в первый раз. И такой же невероятный, как и тогда. – Брайди поднимает глаза на покойника. – Он изменил мою жизнь.

Май 1841 года

Господин снял с сосуда покрывало.

Брайди была слишком взрослой, чтобы разреветься, а гордость не позволяла ей закричать, хотя ей хотелось и плакать, и вопить одновременно.

Слишком взрослой? Сколько лет было Брайди?

Не больше десяти, не меньше восьми, говорил ее папаша. В любом случае маленькая, выглядела она не на свой возраст – гораздо младше.

Брайди глубоко вздохнула и приблизилась к сосуду. Хотя ноги подсказывали, что надо бежать, и голова с ними соглашалась.

– Посмотри внимательно, Бриджет, – велел ей господин. – И скажи, что ты об этом думаешь.

Брайди чувствовала на себе его взгляд. Он наблюдал за ней. Хотел увидеть, как она отреагирует на это – на закупоренный кошмар. И Брайди каким-то образом догадывалась, что от того, как она себя поведет, зависит ее будущее. Оно определится сейчас, здесь, с ним, в этом доме.

Брайди протянула руку к сосуду с намерением потрогать стекло, но, осознав, что ладонь у нее грязная, отдернула ее и спрятала в юбках. Чумазая донельзя, в этой восхитительной комнате она смотрелась еще более неуместно, чем та жуть, что заключал в себе стоявший перед ней сосуд. А комната воистину была восхитительна: застекленные шкафы, стол из полированного дерева, полки с книгами в кожаных переплетах. И в обрамлении окна – широкий газон, а за ним вдалеке – парусники. Но Брайди не видом любовалась, а смотрела на сосуд.

Она украдкой взглянула на господина.

У него были синие глаза, рыжеватые бакенбарды и русые волосы с проседью на висках. С вытянутого лица не сходило выражение, присущее печальной горделивой лошади. В глазах, которые, как вскоре предстояло убедиться Брайди, улыбались чаще, чем его губы, светилась серьезная улыбка. Довольно высокий, он имел правильные

черты лица, хотя нос, пожалуй, был несколько островат, а губы излишне тонки. Говорил он спокойным тоном, был учтив со всеми (независимо от социального статуса человека, к которому он обращался), одевался элегантно, хотя и мрачновато.

Звали его доктор Джон Имс, и несколько часов назад он купил Брайди за гинею. Теперь он терпеливо ждал, желая посмотреть, что приобрел.

Брайди снова сосредоточила внимание на сосуде и его дьявольском содержимом.

Что посоветовал бы ей ее старый папаша Ган Мерфи?

Если сомневаешься, разбери на части, девочка.

Мертвые лягушки, птицы, крысы, кошки, а однажды даже несчастная собака, которую повесили уличные дети. Все они были аккуратно вскрыты и исследованы. Брайди часами изучала тайны их организмов, восхищаясь устройством конечностей и крыльев, дула в трахею мертвой птицы, возрождая звуки ее пения.

После Брайди собирала в кучку останки и бережно хоронила их – закапывала в коробке из-под табака или из-под чего-то еще. И никогда не забывала положить на могилку цветок или листик, а также произнести молитву. В знак почтения.

Если сомневаешься, разбери на части, девочка.

Брайди посмотрела на доктора. Он все так же терпеливо ждал.

Она как можно тщательнее вытерла ладони о юбки (такие же грязные, как и ее руки) и вытащила карманный нож.

Она вскроет сосуд, понюхает жидкость, извлечет это существо, словно уродливый соленый огурец, встряхнет его, положит на стол... Брайди приставила острие ножа к герметичному шву, соединяющему сосуд с крышкой.

– Не вздумай! – вскричал доктор Имс с нотками веселого изумления в голосе. – Герметичность нарушать нельзя. Спрячь нож, дитя.

Брайди повиновалась.

– Бриджет, тебе доводилось видеть что-то подобное?

Брайди вспомнила, как вместе с Ганом они поздно вечером приходили в больницу – по делу. Вспомнила секционные столы, ведра с кровью и мокрые мешки – много чего видела. А что-то подобное? Ни разу.

– Не припомню, сэр.

Доктор Имс с любовью смотрел на младенца в сосуде.

– Это чудо природы или фокус?

– Фокус, сэр. У детей хвостов не бывает. – Потом ужасная мысль пришла ей на ум. – Ой, сэр, неужели младенца убили, чтобы поместить его в сосуд?

– Нет, Бриджет, – качает головой доктор Имс. – Это существо уже было мертво. Его поместили в стеклянный сосуд со специальной жидкостью для сохранности. Сочли, что это очень важный экземпляр, который нельзя потерять.

– Откуда вы знаете, что он был уже мертв?

– Я – врач, – улыбнулся доктор Имс.

Брайди его объяснения не убедили.

– Итак, Бриджет, – произнес доктор, – как мы называем это существо?

Брайди понятия не имела.

– Ребенок-рыба? – отважилась предположить она.

– Он зовется Уинтеровой Русалкой.

Чудесное имя, и слова чудесные.

Русалка, русалка, русалка.

Это слово Брайди нашептывала себе под нос снова и снова, пока ходила вокруг стола, рассматривая Уинтерову Русалку со всех сторон.

Наконец, подняв глаза от сосуда, она увидела в дверях молодую женщину.

– Элайза – наша экономка, – представил женщину доктор Имс, – она поможет тебе устроиться.

Элайза присела перед доктором Имсом и кивнула Брайди. На сосуд с русалкой она едва взглянула. Брайди еще не знала, что Элайза на все реагировала с полным самообладанием, ибо, работая на доктора Имса, она всякого насмотрелась.

Элайза Брайди очаровала. У нее были ореховые глаза и блестящие каштановые волосы. Одета она была в чистое опрятное платье.

Брайди еще сильнее устыдилась своего неряшливого вида. Ее непотребный облик шокировать мог любого. С ног до головы ее покрывала не только лондонская сажа, но еще и кровь, теперь уже потемневшая до отвратительного бурового цвета на руках и спекшаяся до черноты под ногтями. Весь перед платья тоже был измазан в

засохшей крови; пропитавшиеся кровью юбки стояли колом. Башмаки облепляла вся самая омерзительная грязь Лондона. Брайди почувствовала, что у нее горят щеки. Казалось, в этой комнате, благоухавшей ароматами мыла и полирующих средств, свечного воска и свежесрезанных цветов, ее тело вопило: вот оно я, сплошь вонючие подмышки и потная задница, шея в броне коросты и сальные волосы, прелые ноги и тлетворное дыхание.

– Элайза, мисс Бриджет сегодня героически пыталась спасти жизнь человека, – сообщил доктор Имс, словно в оправдание ее вопиюще непристойного вида. – Это очень смелый поступок, верно?

– Да, сэр, мисс Бриджет производит впечатление очень смелой девочки.

Элайза улыбнулась изумленной Брайди, и у той радостно сжалось сердце.

Доктор Имс обошел стол. Он хотел потрепать Брайди по голове, но передумал и, положив руку ей на плечо, печально улыбнулся, глядя в глаза девочки.

– Ступай с Элайзой, она покажет тебе дом.

Брайди снова бросила взгляд на сосуд.

– Уинтерова Русалка будет здесь, Брайди, когда ты вернешься.

Элайза протянула ей руку. Брайди помедлила в нерешительности, но потом взяла ее, размышляя, как Элайзе удалось разглядеть ее характер под слоем грязи.

* * *

Горничные вскипятили целый котел воды и принялись раздевать Брайди. Снимая с нее очередную вещь, они в ужасе охали. В оловянной ванне трижды сменили воду, а мыло использовали самое едкое. Брайди тщательно вымыли голову, волосы расчесали. Те пряди, что распутать не удавалось, просто срезали. Слезающимися глазами она смотрела, как узелки – мохнатые рыжие паучки – падают на пол прачечной. Ее насухо вытерли и угостили вкуснейшим лакомством – засахаренным миндалем, и пообещали дать еще, когда она оденется.

Потом ее стали облачать в одежду, которая принадлежала мисс Лидии, пока та была жива.

Наряд состоял из множества слоев. Каждый из слоев, к которым была привычна Брайди, дополнялся еще двумя. Сорочка, отделанные кружевом панталоны, нижние юбки, костяной корсет, бордовое платье из блестящей ткани, чепчик, чулки, туфли с пряжками, в которые набили бумагу, чтобы ноги не ерзали. С каждым слоем Брайди все больше утопала в одежде. С каждым слоем Брайди чувствовала себя все более непривычно; ей казалось, что она деревенеет. И когда она наконец-то сдвинулась с места, ощущение у нее было такое, будто она кукла, впервые пробующая шевелить руками и ногами. Потом горничные повели Брайди в детскую, которая находилась на верхнем этаже, и показали ей игрушки покойной мисс Лидии.

— А что случилось с мисс Лидией? — спросила Брайди. — Раз теперь я ношу ее одежду?

Но горничные лишь озадаченно покачали головами.

Брайди повторила вопрос, гораздо медленнее и с английским выговором.

Горничные дали Брайди еще один засахаренный орешек и позвали Элайзу. Та сообщила Брайди, что мисс Лидия, когда была ненамного старше Брайди, выпала из окна и разбилась насмерть.

— Она слишком далеко высунулась из окна, чтобы покормить черного дрозда, свившего на карнизе гнездо, — объяснила Элайза. — Так сказал Гидеон.

Горничные, складывавшие белье в углу комнаты, переглянулись.

— Кто такой Гидеон?

— Молодой хозяин, сын доктора Имса. Он сейчас в школе. — Элайза потрепала Брайди по руке. — И это к лучшему: Гидеон не всегда добр. Но он очень красив и умен, и в один прекрасный день станет великим врачом, как и его отец.

— А меня он тоже вытолкнет из окна? — спросила Брайди. — Как Лидию?

Одна из служанок в углу комнаты вскрикнула, вторая выронила грудку нижних юбок.

Элайза наградила их холодным взглядом и снова переключила внимание на Брайди.

— Гидеон пальцем тебя не тронет, я не позволю. Ты будешь моим вторым ребенком.

— Значит, у вас есть первый ребенок?

– Есть. Только он еще маленький, и зовут его Эдгар Кемптон Джонс.

– Имя как у настоящего джентльмена! – заметила Брайди.

Одна из горничных в углу фыркнула. Вторая пихнула ее локтем.

Элайза сердито взглянула на смешливую горничную.

– Ты закончила, Доркас?

Более рослая из двух горничных, насупившись, сделала реверанс.

– Тогда иди и займись бельем миссис Имс, – строгим тоном распорядилась Элайза. – Мэри, помоги ей.

Горничные пошли вон из комнаты. Элайза проводила их взглядом и повернулась к Брайди.

– Глупые гусыни.

Брайди рассмеялась.

– Ту, что покрупнее, с хромой ногой, зовут Скверная Доркас. Доктор Имс взял ее из исправительного дома.

Брайди вытаращила глаза.

– Но я – экономка, поэтому они должны меня слушаться. – Элайза показала Брайди большую связку ключей, которую она носила на поясе, дабы прятать под замок все, что могла бы стащить Скверная Доркас.

– А почему доктор Имс привел сюда Скверную Доркас?

– Доктор Имс любит помогать *несчастливым*.

– Вы тоже были в исправительном доме?

– Вовсе нет, – рассмеялась Элайза. – С доктором Имсом я познакомилась в больнице, и он предложил мне работу. До замужества я была служанкой. – Она помрачнела. – Но потом я оказалась одна, больной и нищей.

– И несчастной?

– В некотором роде.

– Но потом вы пришли сюда.

– И здесь родился Эдгар. – Лицо Элайзы просияло.

– И вы стали экономкой.

– Не сразу. Сначала я была простой служанкой, но я усердно трудилась, училась, чему могла.

Брайди кивнула. Элайза была вдова, мать и экономка, и при этом молода. Брайди видела, что за приветливой наружностью Элайзы кроются печаль и твердость духа – свидетельство того, что ей

случалось терпеть куда более страшные вещи, чем презрительные насмешки прислуги.

– И все сложилось как нельзя лучше, Бриджет. – Элайза стиснула ее руку. – Завтра ты познакомишься с моим малышом Эдгаром, и мы покажем тебе дом. Здесь чудесно, есть сады и конюшня, река рядом. Чуть ли не Виндзорский замок видно!

– И королеву можно увидеть?

– Можно, – рассмеялась Элайза. – Когда она ест мороженое, прогуливаясь по зубчатым стенам с маленькими принцами и принцессами. – Экономка тепло улыбнулась Брайди. – Ты не так далеко от Лондона, хотя здесь все по-другому, да?

– Слишком тихо, – серьезно заметила Брайди.

Элайза снова рассмеялась и затем, поскольку у нее еще были дела по дому, покинула Брайди, дав ей детскую книжку, которая принадлежала покойной мисс Лидии.

Стемнело, и одна из *глупых гусынь* принесла свечи. Через какое-то время, когда стало еще темнее, в детскую пришла вторая *глупая гусыня* – Скверная Доркас. Она переодела Брайди в другой наряд и уложила ее спать.

Потом в детскую заглянула Элайза. Экономка поцеловала Брайди, пожелала ей спокойной ночи и сказала, что она, со своими рыжими волосами и кожей молочной белизны, ни дать ни взять настоящая ирландская принцесса. И задула свечи, зная, что Брайди не боится темноты.

Разумеется, темнота Брайди не пугала. Но она боялась Гидеона, ибо не хотела умереть, как Лидия.

Брайди лежала в постели с открытыми глазами, взглядом водя по квадратам на потолке, которые отбрасывало освещенное луной окно.

Она не плакала. В конце концов, разве это не лучше того, к чему она была привычна?

В другом мире, в Лондоне, ее старый папаша Ган сейчас наверняка баловал себя пинтой пива. Останься она там, теперь сидела бы под столом с трактирной кошкой, или тащилась бы по дороге в табачную лавку, или дралась бы с местными мальчишками.

Когда пришло бы время ложиться спать, они поднялись бы в свою комнату над лавкой судовых товаров, где Ган вытащил бы два соломенных тюфяка: один для себя, второй – для нее.

Потом Ган как следует откашлялся бы, сплюнул и лег бы, дымя трубкой. А Брайди стала бы молиться на ночь:

– Благослови, Господи, Гана, меня и трактирную кошку.

– Даруй, Господи, вечный покой маме, папе, Джеймсу, Джону, Терезе, Маргарет, Эллен и малышу Оуэну.

– Накажи, Господи, пинком под зад гнусного мерзавца Пэдди Фаддена и пошли ему и его банде смерть, медленную и ужасную.

– Прошу тебя, Господи, прибей к берегу еще несколько мертвецов, чтобы Ган мог заработать денег. И пусть они будут не очень разложившиеся, с головой, двумя руками и ногами, такие, что подойдут врачам. Но только если они уже умерли, а специально не убивай никого, если только Ты не хочешь, чтобы это были Пэдди Фадден и его банда. Тогда одним выстрелом были бы убиты сразу два зайца, и за это, Господи, сущий на небесах, я была бы премного Тебе благодарна.

Потом Брайди устроилась бы на соломенном тюфяке и лежала бы, прислушиваясь к дыханию Гана, к его приливам и отливам, клокоту и хрюканью, скрежету и сухому кашлю.

Сегодня, в большом доме, Брайди помолилась, как всегда, попросив Господа еще за Элайзу, Эдгара и покойную Лидию. Она могла бы попросить и за доктора Имса, если бы знала его лучше, а также за миссис Имс, если она добрая леди. Но за Гидеона и Скверную Доркас Брайди молиться ни за что не стала бы, разве что попросила бы Господа немного их покарать.

Она прислушивалась к незнакомым звукам Олбери-Холла, раздававшимся в самом доме и извне. Где-то рядом охотились совы, в деревьях шелестел ветер, скрипели половицы. Где-то в доме закрылась одна дверь, потом другая, и затем наступила гробовая тишина.

Брайди повернулась на кровати, насколько это было возможно, ибо Элайза слишком туго укутала ее – не пошевелиться. Она утопала в постели, состоявшей из нескольких слоев простыней, пуховых одеял и стеганых покрывал, горы подушек и валиков. Возможно, Элайза догадывалась, что Брайди захочет сбежать. Возможно, Брайди и сбежала бы в ту первую ночь, если бы сумела выбраться из постели. И если бы знала, где искать свои старые башмаки, ведь в бархатных туфельках покойной мисс Лидии далеко не уйдешь: они совершенно не пригодны для долгого пешего путешествия.

Ну и еще ее удерживала Уинтерова Русалка, а также другие чудеса, которые мог показать ей доктор Имс: диковинки, которые она одновременно хотела и не хотела видеть.

Брайди смежила веки, пытаясь игнорировать сильный душистый запах, поднимавшийся от постели, — мыла и отглаженного белья, чистой шерсти и просушенных на солнце пуховых перин. Брайди сомневалась, что когда-нибудь сможет привыкнуть ко всему этому.

* * *

Доктора Имса Брайди видела несколько раз до того, как он купил ее за гинею. Встречала в пабе «Военная фортуна». Доктор Имс был хирургом, работал в больнице Св. Варфоломея. Он становился известным врачом, пользовался популярностью среди студентов. Человек он был спокойный, уравновешенный, не позер. И ее папаша был хорошо с ним знаком.

Ган был дока в своем ремесле и оставался верен ему, хотя деятельность лондонских «беркерров» [\[19\]](#) — Бишопа, Уильямса и Мэя (не вздумайте произносить их имена в стенах «Военной фортуны», а лучше вообще не вспоминайте о них!) — почти угробила весь бизнес. Их призраки поблекли, выдохлись, как несвежее пиво. Давно ли их повесили? Десятки лет назад — ужас! Констебль до сих пор навещался в паб, но скорее так, для порядка. С принятием Анатомического акта [\[20\]](#) анатомические театры стали лучше снабжаться трупами: туда на совершенно законных основаниях поставляли тела умерших бедняков, не имевших родственников, заключенных и обитателей работных домов (хотя, конечно, количество трупов казненных существенно снизилось [\[21\]](#)). Теперь реже возникала нужда брать в оборот приезжих, не имевших в Лондоне ни знакомых, ни друзей. С принятием Анатомического акта «воскрешатели» [\[22\]](#) фактически остались не у дел, если только не появлялся заказ на труп с какими-то конкретными характеристиками. Хирурги, хоть они это и отрицали, по-прежнему пользовались услугами гробокопателей, которые успешно преодолевали даже такие препятствия, как

мортсейфы [\[23\]](#), установленные на могилах родственниками усопших, и недельные дежурства на кладбищах у новых мест захоронений.

Доктор Джон Имс Гану нравился, потому что тот никогда не торговался. Взглянув на труп, он либо сразу платил запрошенную цену, либо надевал шляпу и шел прочь. Если покупал труп, то непременно пожимал Гану руку, называя его мистером Мерфи.

Чаше доктор Имс посылал за трупами своих ассистентов, но иногда приходил и сам. Рискую надыхаться смрадом реки Флит, он предпринимал небольшую пешую прогулку от больницы до паба, приподнимал шляпу перед «Золотым мальчиком» [\[24\]](#), что стоял в нише над входом в пивную, где он затем в одном из укромных уголков заключал сделку со своим агентом.

В тот день, о котором идет речь (когда доктор Имс приобрел еще и девочку в придачу), труп на продажу, как всегда, положили в подвале. У него были лоснящаяся смуглая кожа, большой живот и всего один ботинок. Ган сказал, что это испанец, и Брайди слово понравилось.

Испанец, испанец, испанец, шептала она себе под нос, пока ходила вокруг стола, внимательно осматривая мертвеца со всех сторон.

Потом они сняли с него всю одежду, которую Брайди предстояло выстирать и повесить сушиться во дворе, а после выгладить, сложить, свернуть в аккуратный узел, отнести на Монмаут-стрит и продать по выгодной цене – все это входило в ее обязанности. Ган обтер труп тряпкой и накрыл его принадлежности старой газетой. Затем, насвистывая, взял свой гребень. Он готов был пойти на что угодно, лишь бы привести труп в товарный вид. Хозяин пивной, просунув в дверь голову, спросил, не намерен ли он побрить мертвеца.

Мертвеца заметили, когда он плыл вниз по реке. Выловить его не составило труда, да к тому же он оказался свеженьким. Ган с Брайди подтянули его к борту лодки, привязали к ней веревкой, вместе с трупом подгребли к берегу и выволокли его из воды.

Ган, как всегда, прибыл первым. Едва сторбленная фигура испанца показалась на поверхности воды.

Худой и долговязый, Ган был похож на кашляющую палку с глазами, носом и ушами.

Если кто где умирал, Ган узнавал об этом немедленно.

Если кто-то сваливался в реку в районе Челси, Ган мог услышать это и в Воксхолле.

Если некий одинокий человек падал замертво на Холиуэлл-стрит (возможно, при падении ударившись головой о землю), Ган мог слышать это аж на Чансери-лейн.

Слышал он это своими ушами, огромными, как тарелки.

А глаза?

Глаза у него были такие, что свежевыкопанную могилу он способен был узреть за сто шагов, а ослабевшего человека — за пятьдесят. Если Ган Мерфи следовал за вами до дома, значит, вы были обречены.

А нос?

Один раз нюхнув труп, Ган определял его давность и причину смерти несчастного. Обычно он наклонялся к мертвецу и делал глубокий вдох. Он прекрасно знал устройство человеческого организма, ему не нужно было ничего вскрывать и разбирать на части. Опыт позволял.

— Этот, — Ган медленно вдохнул, — скончался меньше суток назад, упал в реку, спьяну. — Ган нажал на живот мертвеца, резко и сильно, и тот издал тихий «пук», выпуская газы. — Перед смертью он знатно выпил. Хороший был мужик.

Брайди подумала, что у трупа стыдливый вид. Она пригладила ему брови и потрепала его по руке.

Ган сунул в рот курительную трубку, в щель на месте отсутствующего зуба, раскурил ее и, пуская дым, почти не шевеля губами, распорядился:

— Не надо. Иди на улицу, девочка. Высматривай доктора.

А сам сел, вытянул свои длинные ноги и, тужась, постарался как следует откашляться.

Всем было известно, что Ган удрал из Дублина после того, как его задержали у тюрьмы Килмэнхем с полным карманом человеческих зубов. Однако немногие знали, что Ган был джентльменом, ученым и знаменитым хирургом, пока не запил и не спустил свое наследство за игорным столом. Все это могло быть правдой и неправдой. Сам Ган о себе ничего не рассказывал, предпочитал, чтобы его прошлое было окутано ореолом тайны. Но у Брайди имелись свои подозрения. Во-первых, Ган так красиво играл на пианино, что любого мог заставить прослезиться. Во-вторых, он мог потратить месячный заработок на

бутылку лучшего вина, что можно найти в Лондоне, и затем медленно смаковать его, сидя в башмаках, снятых с мертвого бродяги.

В тот день, когда Джон Имс купил Брайди Дивайн за гинею, она сидела перед пабом, бросая камешки в сточную канаву. Она слышала, что в пивной разразилась драка, которая назревала, как позже сказал хозяин паба, уже несколько дней: два парня столкнулись лбами – из-за девушки, из-за долга, из-за неуважительного отношения и уничижительных намеков. Обмен оскорблениями, ударами. Кто-то кого-то толкнул, пихнул, сверкнул нож, и все было кончено.

До Брайди донеслись крики, улюлюканье, затем наступила тишина.

Тишина ее насторожила. Тишина всегда предвещала беду.

Она бросилась в паб и увидела, как один из драчунов с недоуменным выражением лица сползает по стене.

Второй таращился на нож в своей руке, потом перевел взгляд на упавшего противника, снова посмотрел на нож. Словно пытался разрешить головоломку, пытался понять, какая тут взаимосвязь.

Брайди крикнула, чтобы дали тряпок и спиртного. Кто-то послал в подвал за Ганом, хотя все прекрасно знали, что Ган с места не сдвинется, если он курит и кашляет.

Девочка опустилась на колени рядом с раненым. Рана была смертельной, и несчастный, Брайди видела по его глазам, понимал, что умирает.

– Лежи смирно, парень, лежи смирно, – велела она.

Раненый закатил глаза, сверкая белками, словно загнанный зверь. Он и фыркал, как загнанный зверь.

– Лежи смирно, – повторила Брайди. – Слышишь?

Раненый кивнул.

Обеими руками она зажимала рану на его груди, будто не давая ему развалиться на части. Но кровотечение остановить не удавалось, и вскоре Брайди была в его крови с ног до головы. Потом, одной рукой поддерживая его за подбородок, другой она стала лить виски ему в рот. У него стучали зубы, он давился и захлебывался, глотая виски вместе с собственной кровью. Сложив губы, будто птенец, вытянувший клюв, он взглядом снова стал искать стакан, пока изо рта его пеной не пошла кровь.

Наконец он испустил последний вздох и завалился на бок, суча ногами. Брайди держала его голову, чтобы он не разможил ее о плиты.

– Ну все, будет, будет, – приговаривала она.

Когда он затих, она поднялась с пола, вытерла бутылку о юбку и поставила ее на барную стойку.

Все, кто был в пабе, склонили головы. Убийца заплакал.

Доктор Джон Имс сидел в углу пивной, держа на коленях шляпу. Изумлению его не было предела. Но удивила его не внезапная жестокая смерть, ибо подобное он каждый день наблюдал в больнице Св. Варфоломея. Его поразила эта маленькая девочка, руки которой были по локоть в крови, а лицо наполнилось неистовым состраданием.

* * *

В тот день, когда Ган Мерфи продал Брайди Дивайн, его первый и последний раз видели плачущим, ибо эта маленькая девочка была ему как родная.

Ган, разумеется, наговорил о ней всяких небылиц. С самым серьезным видом он сообщил доктору Имсу, что Брайди в пять лет уже умела ампутировать ноги (не без помощи взрослых, конечно: одной ей было трудно управляться с пилой), а в семь – искусно удалять желчные камни. Ибо разве она не была последним представителем знаменитой династии дублинских хирургов? Прославленных врачей, которые некогда жили на площади Меррион, владели экипажами и художественными полотнами, а потом обнищали – не по своей вине. Когда все родные Брайди умерли от нужды (и, как следствие, от болезней и невзгод), Ган, считавший себя последним другом семьи, привез девочку в Англию и в Лондоне стал искать заработок, чтобы прокормить их обоих. С той поры он заботился о Брайди, держа ее за свой счет. Доктор Имс кивал, но слушал его лишь краем уха. Он не мог оторвать взгляд от Брайди. Она сидела в углу в окровавленном платье, сложив ладошки на коленях.

Деньги были уплачены, мужчины обменялись рукопожатием. Зарезанный парень лежал на полу, остекленевшим взглядом приклеившись к некоей точке за стойкой бара. Верхняя губа у него была оттопырена, как у принимающей лошади. Несколько человек

снесли его вниз и положили рядом с выловленным из реки трупом испанца. К тому времени, когда в паб придет констебль, в подвале останется только один труп. Мальчик, прислуживавший в пивной, принес древесные опилки и подмел пол, так что в помещении теперь стоял запах, как в мясницкой лавке.

Ган со слезами на глазах велел Брайди идти с доктором Имсом.

— Тебе больше не придется «воскрешать» трупы, Брайди, — сказал он, рукавом отирая лицо. — Отныне ты ученица благородного доктора.

Сентябрь 1863 г.

День успеет смениться вечером, прежде чем колесо починят. Экипаж находится на Дуврской дороге, застрял в грязи в пяти милях от Баттла. Возница в панике. Слава богу, доктора с ними нет, а то бы скакал вокруг и шипел от злости.

– Ну вот, увязли в трясине, – говорит миссис Бибби, протяжно произнося последнее слово. – Чего только не приходится терпеть ради тебя, цыпочка.

Мимо идут солдаты передислоцированных войск. Они останавливаются, помогают с веревками, лошадьми и досками.

Миссис Бибби, щуя свои светло-голубые глаза, наблюдает за ними из экипажа. Ее широкий рот плотно сжат. Кристабель упрятана в плетеный сундук, его отыскиали в ризнице. Миссис Бибби под шалью держит наготове револьвер Адамса – оружие, известное под прозвищем «Бетти Счетовод».

Девочка проталкивает в щель палец.

– Убери, – шикает на нее миссис Битти.

Пальчик исчезает.

Миссис Бибби наклоняется к сундуку.

– Ты давай мне без фокусов, – тихим суровым голосом предупреждает она, – а то не поздоровится. Ясно?

Девочка водит зубами по прутьям сундука. Если бы она не была связана, быстро выбралась бы на волю.

Миссис Бибби все еще зла на нее; может, и девочка тоже злится на миссис Бибби.

Некоторое время назад миссис Бибби, сатанея от боли в ноге и усилий накормить свою подопечную (думаете, легко столь крупной женщине втиснуться в ризничный шкаф?), отняла у нее безголового тритона, с которым та играла. Выбросив ящерицу, она обозвала Кристабель нечестивой маленькой дикаркой.

Кристабель закричала. Издавала столь громкий крик, что окна церкви разбились вдребезги, черепица на крыше посыпалась, купель

пошла трещинами, а свечи на алтаре расплавились. И тогда миссис Бибби, стараясь держаться подальше от рта девочки, стала ее бить и била, пока та от неожиданности не умолкла.

Миссис Бибби больше не позволит себя кусать.

Она работала на новом месте всего три дня, когда малышка вонзила в нее свои зубки, повиснув на ее ступне, словно краб. Миссис Бибби это даже позабавило. Нога и так уже плохо действовала: она давно хромала, словно моряк с деревянным протезом. Казалось бы, от укуса хуже не станет; бывают яды и посильнее. Но укус подействовал: нога стала болеть сильнее. Однако миссис Бибби не винила ребенка и полагала, что и девочку совесть не мучит. Как ей представляется, они одинаково понимают закон выживания: не укусишь ты – укусят тебя.

Шуршание. Это Кристабель возится в сундуке. Миссис Бибби ее не одергивает.

Экипаж выравнивается, потом качается, кренится. Негромко ржет лошадь. Веревка лопается, издав мелодичный визг. Брань, проклятия. Голоса обсуждают новую тактику. Приносят другие веревки, приводят ломовую лошадь.

По крыше экипажа принимается барабанить дождь. В открытое окно летят брызги. Миссис Бибби наблюдает, как девочка просовывает палец в дыру и ждет, ждет. На него падает дождевая капля.

Пальчик уползает назад в сундук – медленно, осторожно. Но дождинка с него уже скатилась.

* * *

Девочка просыпается. К этому времени уже почти совсем стемнело, экипаж тронулся в путь.

– Ага, Кракен зашевелилась, – произносит миссис Бибби. – До Дувра и белых скал еще далеко, так что не скоро отведаем дрянную похлебку и сносное пиво. Замок Уолмер тебе подойдет?

Она откупоривает склянку с целебным снадобьем, и сумрак кареты оглашает хлопок.

– Ну что, послушаем еще одну историю? – спрашивает миссис Бибби примирительным тоном, с долей грубоватого добродушия в голосе.

Кристабель в ответ скрипит крышкой сундука.

– Если научишься разговаривать до того, как мы доедем до замка Уолмер, следующая история за тобой.

Экипаж замедляет ход и останавливается.

– Ну что там еще? – стонет миссис Бибби. – Мало мы сегодня переволновались?

Девочка ворочается в сундуке, ища такое положение, чтобы ей было лучше видно.

– Ну-ка тихо.

Миссис Бибби напрягает слух, силясь уловить другие звуки, помимо поскрипывания экипажа и шарканья ожидающих лошадей. Может, возницу меняют, или констебль появился откуда ни возьмись, или засаду устроил обманутый коллекционер...

Журчание льющейся мочи.

Кучер прокашливается и снова забирается на козлы. Лошади трогаются с места.

– Ложная тревога. – Миссис Бибби и сама удивляется, слыша облегчение в своем голосе. – Ладно. Итак. Давным-давно...

...в одном суровом мрачном здании размещалась исправительная школа, созданная образованными уважаемыми людьми для содержания отбившихся от рук девочек-сирот. В этой школе всюду были массивные двери, множество запоров и железные лестницы. Девочки трудились в прачечной, где все булькало, шипело, валил пар, и жарко было, как в преисподней у самого Сатаны. Доркас знала: ей повезло, что она попала сюда. Ведь она отравила несчастного малыша, за что ее могли бы повесить или сослать за моря-океаны в Одному Богу Известную Дыру, где она умерла бы от всяких болезней. Исправительной школой заправляли...

Миссис Бибби прерывает рассказ:

– Сколько тебе лет, Кракен? Лет шесть?

Кристабель не издает ни звука.

– *Медведицы*. Исправительной школой заправляли медведицы, – провозглашает миссис Бибби со злорадством в голосе. – Медведиц детям легче представить.

Итак, школой заправляли медведицы. Большая Медведица-Надзирательница, Большущая Медведица-Надзирательница и Медведица-Надзирательница Великаниша. У Большой Медведицы лапы были как у грузчика, а в лапах – цепь. Большущая Медведица была беззубой и носила с собой девятихвостую «кошку» [\[25\]](#). А Медведица-Великаниша была косоглазой и оттого могла видеть, что происходит за углом. Оружия ей не требовалось, она просто пускала в ход свои огромные когтистые лапищи. И, поскольку Доркас прославилась тем, что отравила несчастного милого малыша, она ощущала на себе всю мощь и цепи, и девятихвостой кошки, и когтистых лапищ. Кожа на ее заднице стала задубелой, как подошва, а кончиков пальцев она вообще не чувствовала.

Доркас задумала бежать. Только на этот раз с подругой.

У Доркас была только одна подруга – назовем ее Деллой. У Деллы были большие серые глаза и мягкие каштановые локоны. Ко всем и всему она относилась с неизменной добротой.

Доркас тщательно спланировала побег. Они покинут школу через центральные ворота, спрятавшись в телеге, которая привозит грязное белье и забирает чистое – выстиранное и выглаженное обитательницами исправительного дома. По пятницам, по завершении рабочей недели, медведицы посылали за закуской. С наступлением следующей пятницы Доркас и Делла наблюдали за тем, как загружают телегу. Увидев идущего от «Колокола» трактирного слугу, Доркас затолкнула Деллу под парусину на телеге и сама залезла к ней. Через некоторое время телега покатила.

Делла была напугана, но Доркас шепотом увещевала ее, пока та не успокоилась и не заснула. Доркас пообещала Делле, что она найдет для них кров и будет промышлять отловом крыс. Что она сошьет Делле теплое пальто из шкурок самых лучших крыс, которых ей удастся поймать. Лоскутное пальто с воротником из полосатой кошки. Ловлей крыс Доркас заработает много денег. У Деллы будет своя комната, а у Доркас – карманные часы.

Телега остановилась, и Делла проснулась. Когда мужчины откинули парусину, Доркас схватила Деллу за руку, и они бросились бежать.

На их беду, мужчины решили погнаться за ними.

На их счастье, надвигалась ночь, и на землю опускался туман. И Доркас поспешила нырнуть в туман, таща за собой Деллу.

Доркас не знала, где они находятся. Вокруг были склады и фабрики, узкие улочки и полуразрушенные дома, которые стояли в ряд, навалившись один на другой, словно кривые зубы. Крепко держа Деллу за руку, Доркас мчалась туда, где туман был гуще.

Возможно, в тот день Господь оберегал заблудших девочек-сирот, но вскоре Доркас и Делла оказались не одни. Рядом с ними бежали два диковинных существа, образовавшихся из тумана. Две танцующие туманные выдры! С собачьими головами и гибкими извивающимися телами.

Делла замедлила бег, стараясь их рассмотреть, но Доркас тянула ее за собой, понуждая бежать. А потом послышались крики, которые, казалось, звучали отовсюду. Туманные выдры, испугавшись, уплыли. Доркас, не выпуская руки Деллы, ринулась за ними. Она таращила глаза, но ничего не видела и не понимала, куда они бегут...

Экипаж замедляет ход и останавливается.

– Проклятье, что там опять? – бурчит миссис Бибби.

Кучер слезает с козел, отчего экипаж чуть покачивается. Лошади фырчат и бьют копытами. Миссис Бибби хмурится в темноте; если ему нужно поправить сбрую или заново разжечь фонари, ради бога. Однако чьи-то шаги обходят экипаж и останавливаются у дверцы.

Шуршание. Это миссис Бибби роется в своих юбках, под шалью. Следом раздается резкий металлический щелчок.

Потом во мрак уносится ее спокойный елейный голос:

– Кучер, какая-то проблема?

В величавых старинных особняках вроде Марис-Хауса, как, впрочем, в любом доме, овеянном преданиями, бродят всякие разные призраки. Одни подбрасывают в воздух кошек, заставляют дребезжать дверные ручки и запотевать зеркала. Другие довольствуются тем, что создают холодные точки на лестничной площадке. Некоторые во время завтрака сидят за столом, окунув локти в вашу тарелку с кеджери [\[26\]](#), пока сами вы просматриваете в газете некрологи. Другие раздражающе маячат на периферии пространства, которое способен охватить ваш взгляд. Но нам до всех этих призраков нет дела. Нас интересует только один – вездесущий Руби Дойл: поблескивая переливчатым светом потустороннего мира, он несет вахту у постели Брайди в ночные часы.

Видение, погруженное в свои замогильные мысли.

Чернильное сердце на его груди съезживается до размеров персиковой косточки, затем раскрывается, лепесток за лепестком – цветок лотоса! – и снова сжимается. Русалка на его плече грызет ногти, рассеянно помахивая хвостом. Череп с нарочитой медлительностью печально скрежещет зубами.

А Руби смотрит на Брайди.

Лунный свет омывает контуры ее милого лица со смягчившимися во сне чертами и бледными губами. И поскольку ночного чепца на ней нет, ее волосы буйной пеной рассыпаны по подушкам.

Ближе к утру Брайди начинает бормотать и вскрикивать во сне. Руби рядом. С лаской в голосе он тихо успокаивает ее, охваченную беспокойным сном. Хотел бы он знать, что ей снится. Есть много того, о чем Брайди – девочка, купленная за гинею; одинокая женщина, повернувшаяся спиной к своему прошлому, – рассказывая ему о своей жизни, от него утаила, и есть много того, о чем он спрашивать не станет. Истории, особенно нерадостные, будут поведаны в свое время. А пока достаточно того, что она обращает к нему свое лицо, словно цветок – к солнцу, и что она спит.

Впервые за долгое время Брайди не просыпается под утро в холодном поту, вспоминая увиденных во сне демонов, и не встречает

рассвет с курительной трубкой во рту и с воспаленными глазами. В эти ранние часы она благополучно спит и, когда встанет с постели, свой крепкий целительный сон объяснит мягкой взбитой периной, деревенским воздухом и тем, что она поужинала хорошо приготовленным мясом.

Перед самым ее пробуждением, перед тем, как она зашевелится, Руби Дойл, с новым переливчатым блеском в темных глазах, растворится в стене, унося в руке свой цилиндр.

* * *

Брайди щурится на солнце. После завтрака, во время которого Руби не возникал в поле ее зрения, она выходит на террасу, чтобы насладиться утренним воздухом и взбодриться, выкурив трубку. И буквально через несколько мгновений видит его. В незашнурованных ботинках и в щегольски сдвинутом набок цилиндре он стоит неподалеку и, потирая свою широкую грудь, осматривает двор. Брайди вдруг понимает, что лондонская мгла больше подходит Руби; в прозрачном воздухе ясного сельского утра он проступает менее отчетливо. Она направляется к нему. Татуировки на теле Руби оживают. Русалка на его плече распускает хвост и потягивается. Заметив Брайди, она сонно выпячивает губы, встряхивает волосами и пихает Руби чернильным локтем. Тот поворачивается, кивает Брайди; губы под его роскошными черными усами раздвигаются в радостной улыбке.

Брайди ступает на газон, который сегодня утром усыпан каплями росы, сверкающими, словно брильянты. Паутина тоже похожа на драгоценные украшения, словно хрустальное кружево обрамляя кусты, обвивая ветви.

Руби следует за ней. Сняв цилиндр, потирает то место на голове, куда был нанесен смертельный удар.

– Как голова?

– Разбита. Это навечно?

– Спириты и их приверженцы посоветовали бы тебе отчалить домой, на небеса.

– А если мой дом не на небесах? – озорно улыбается Руби.

Брайди, пряча улыбку, ту же завязывает ленты на капоре.

– Как ночь прошла, Брайди?

– Спала как убитая.

– Откуда тебе знать, как спят убитые?

– Руби...

– А, ну ясно, значит, хорошо. Узнаешь в свое время.

– А ты где провел минувшую ночь?

– Стонал в коридорах, гремел цепями.

Их взгляды встречаются. Глаза Руби сияют. Брайди хмурится.

– Так куда мы идем? – спрашивает Руби.

– Агнес сказала, что слуги обыскали территорию поместья и дорогу за воротами, но ничего не нашли. Нужно бы еще раз все осмотреть.

– Но они же все обыскали...

– Наверняка что-то да упустили. Как всегда.

Они свернули к саду.

– Мы направим свои усилия на дорогу, что ведет в Марис-Хаус со стороны черного хода. – Брайди показывает на ворота в конце аллеи. – Очевидно, преступники пришли оттуда.

– Ты так думаешь?

– Здесь слишком высоко. – Она показывает на ограждающую стену. – Эта стена тянется вокруг всего поместья.

– А почему не через центральные ворота?

– Наделали бы много шума: аллея до самого дома засыпана гравием. К тому же, если миссис Бибби была с ними в сговоре, они наверняка знали, что эта дорога просматривается: комнаты Паков окнами выходят на центральный двор.

Утро выдалось спокойным, слух услаждает пение птиц, далеко разносящееся в чистом прозрачном воздухе.

– Агнес сильно рискует, – первым подает голос Руби.

– У нее есть причины недолюбливать миссис Бибби.

– Из-за грубых манер няни?

– У Агнес имеется более веская причина. Разве ты не слышал, что рассказала мне кухонная служанка – Винни?

– Это когда вы шептались в судомойне? Я так понял, вы обсуждали сердечные дела.

– И ты заснул, что ли? – смеется Брайди. – А я-то думала, что ты будешь подслушивать сквозь стену. Да, мы обсуждали сердечные дела. Винни сказала, что по Агнес вздыхает ливрейный лакей.

– Серьезно?

– Но миссис Пак узнала об этом и, разумеется, запретила им встречаться. Агнес клялась и божилась, что без миссис Бибби тут не обошлось. Няня видела, как влюбленные целовались в саду. Бедняжка Агнес рыдала целую неделю.

Руби состроил презрительную гримасу.

– Никогда бы не подумал, что Агнес умеет плакать.

– А ты сам, Руби, разве никогда не плакал? Когда разбивались твои сокровенные мечты? Когда проигрывал бой?

– Я всегда побеждал.

– Или когда терял возлюбленную?

– Брайди, возлюбленной у меня никогда не было.

– Или в твою бытность моряком – когда корабль, на котором ты ходил, настигал шторм?

– Мой корабль шторм никогда не настигал – только крепкий попутный ветер. Я был удачливым моряком.

– Да уж. И не плакал, когда твой корабль отчаливал от пляжей с кокосовыми пальмами?

– От золотых песков, из сапфировых вод?

– Ну да.

– Тут ты права, конечно, тогда я плакал. – Руби улыбается, и вытатуированная русалка на его плече, тряхнув головой, снова поворачивается к своему зеркалу.

Брайди смеется.

– Когда сердце рвется на части, это ужасно. Уж я-то знаю! – Руби лукаво поглядывает на нее. – Обещание нарушено – и все, сердце разбито.

На губах Брайди по-прежнему играет улыбка.

– Руби Дойл, ты воскрес, чтобы изводить меня?

Глаза Руби блестят.

– Не думаю, что ты вообще меня знал, – убежденным тоном говорит Брайди, ибо она перерыла каждый уголок своей памяти, но Руби нигде не нашла. – Ты просто забавляешься.

– Я же называл тебя по имени, когда мы встретились на церковном кладбище! Я тебе докажу... минутку, сейчас вспомню... – Руби закрывает глаза и складывает вместе ладони. – *Даруй, Господи, вечный покой маме, папе, Джеймсу, Джону, Терезе, Маргарет, Эллен и малышу Оуэну.*

Услышав имена давно почивших родных, Брайди теряет самообладание.

– Руби, откуда ты меня знаешь?

– Если скажу, значит, мне придется исчезнуть.

– Не понимаю, – хмурится Брайди.

– У нас с тобой в поезде был уговор. Или забыла? Я пообещал, что оставлю тебя в покое, если ты раскроешь эту великую тайну.

– Если ты мне скажешь, это не значит, что я сама догадалась.

Руби пожимает плечами.

– Ты все равно потребуешь исполнения уговора. И я буду изгнан на кладбище.

Брайди пытливо смотрит на него.

– Разве мы с тобой плохо ладим?

– Я же говорю... – улыбается Руби, – ты у нас дознаватель, вот и соображай.

* * *

Они минуют сад и направляются к воротам. Дорожка, по которой они идут, изрыта колесами и башмаками.

– Тут много ездят и ходят. Вряд ли я найду какие-нибудь следы.

Задние ворота открыты. Они проходят через них и идут по дороге, что тянется вдоль стены, которой обнесено поместье сэра Эдмунда. Сейчас оно слева от них, по правую сторону – лес. В лучах раннего солнца краски осени особенно выразительны: природа на фоне умытого синего неба переливается всеми оттенками золота, багрянца и потрясающе красивых оранжевых тонов. В листве щебечут, галдят птицы.

– Чистый воздух – настоящий бальзам для легких, – говорит Руби. – Чем он пахнет, Брайди?

– Лиственным перегноем, коровьим навозом и ногами вот этого типа.

Мужчина, сидящий у дороги, в знак приветствия притрагивается к шляпе и затем обнимает колени.

– Подайте на пропитание, мисс. Окажите милость бродяге.

У него морщинистое лицо, и похож он на индюка: из выпяченной груди – этот эффект достигается за счет множества слоев выцветшей измызанной одежды – торчит тощая жилистая шея. Носки ботинок раззявлены, словно лопнувшая зрелая кожура, и в дырах чернеют грязные ноги.

– Сама-то дома? Грозная мамаша Пак?

– Дома. Только вряд ли она станет с вами разговаривать. – Брайди роется в карманах, доставая несколько монеток. – Вот, держите, Повелитель Дорог, купите себе новые башмаки.

Старик, вытянув индюшачью шею, смотрит на деньги, потом берет их и кивает:

– Премного вам благодарен.

– Не стоит.

– Этот дом проклят.

– Что вы о нем знаете, Повелитель Дорог?

– Его владельца преследует злой дух. Она стоит под его окном, порой всю ночь напролет. Ходит за ним по пятам, когда он совершает прогулку, – вспоминает старик. – Плачет в кустах и умывается в пруду.

Брайди прикусывает губу, чтобы не застонать.

– Вы видели призрака? Утонувшей леди Берик?

Старик чешет голову.

– Не-е, леди Берик была старая крупная женщина, а эта – молодая и худенькая. Голубоглазая. Волосы как спелая пшеница. – Он перестает чесать голову и рассматривает один свой ноготь. Потом кусает его. – Живность.

– Призраков не существует, Повелитель Дорог, – говорит Брайди, старательно избегая встречаться взглядом с Руби.

– А я разве сказал, что тот злой дух – призрак? – Он выпячивает губы. – Хотя если учесть, что она постоянно навевается туда... – Поразмыслив, он мрачно добавляет: – Она не просто так возвращается, у нее на то есть причина.

– Что за причина? Вы знаете?

– В том-то и загадка. – Старик в задумчивости тербит ухо.

– Недавно из этого дома кое-что украли, и я ищу пропажу. Повелитель Дорог, вам случайно ничего про это не известно?

– Дайте-ка угадаю, – оживает старик. – Миловидная горничная, золотая ложка, корона?

– Нет, не угадали, – вздыхает Брайди. – Вы знакомы со слугами, что работают в доме?

– Кое с кем имел дело.

– А с миссис Бибби? Вы с ней сталкивались?

Старик вдруг с шипением всасывает в себя воздух.

– Грубая такая, хромая?

Он втягивает в себя шею, которая теряется в складках его многослойной одежды, и надвигает на глаза шляпу.

– Повелитель Дорог?

Никакой реакции.

Брайди вкладывает в раскрытую ладонь старика еще одну монету.

– Благодарю, Повелитель Дорог, – говорит она.

Старик касается пальцем шляпы.

* * *

Брайди бредет в задумчивости. Если идти прямо, никуда не сворачивая, через несколько дней она доберется до Лондона. Ее не покидает ощущение, что именно туда подались похитители. И она с похищенным ребенком отправилась бы в Лондон, где его можно спрятать или продать. Лес тянется параллельно поместью сэра Эдмунда. Руби, мерцая, наблюдает за ней с опушки. Он снимает цилиндр и проводит ладонью по своим коротко остриженным черным волосам.

– Взгляни на те борозды, вон там! – Брайди показывает на взбаламученную глину. – Глубокая дуга, поворот в сторону, колеса дают обратный ход. Это двуколка, Руби, судя по ширине и глубине колеи. Я это вижу.

– В самом деле? – Руби подходит ближе и, дергая за кончики усов, с сомнением смотрит на нее.

– Остальные борозды оставлены повозками и телегами, видишь? – Брайди проходит несколько шагов. – А эти – совсем другие, и они кое о чем нам говорят.

– Говорят?

Брайди переходит через дорогу туда-сюда, стараясь не наступать на следы.

– Говорят, что кабриолет быстро выехал из этих ворот... чуть дальше остановился – внезапно; попал в засаду. Нет, не похоже.

Брайди идет к деревьям.

– Три пары отпечатков ног ведут с дороги в лес.

Покойник с восхищением наблюдает за ней.

– Сломанные ветки... они шли там. – Брайди уже в подлеске, трогает растения, листья. – Несли что-то громоздкое... здесь след более глубокий, и здесь.

Опустив голову, Брайди осматривает местность вдоль и поперек, потом бросается вперед. Ноги ее утопают в опавших листьях, она пробирается меж зарослей куманики. Руби не отстает, шагая сквозь стволы деревьев и упавшие сучья. Они выходят на поляну, на которой высится ветхая часовня с заросшей мхом крышей и нескладной башней.

В кронах тисов, стоящих мрачными купами, вздорят вороны. Деревья отбрасывают широкую тень. На тропинке, что вьется вокруг часовни, под каблуки Брайди попадает разбитое стекло. Наклонившись, она рассматривает осколки, и в ее лице отражается удивление.

– Окна разбиты. Видимо, недавно: осколки совсем свежие.

Брайди идет к крыльцу. Дверь приоткрыта. Она входит в часовню.

Неприветливое место. Брайди содрогается, представляя, каково здесь сидеть, в объятиях холодного камня и сырости. Среди покоробленных Библий и заплесневелых прихожан, которые, сидя на жестких скамьях, покашливали, читая «Да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя» [\[27\]](#). Совершенно очевидно, что с некоторых пор часовня заброшена. Домочадцы сэра Эдмунда, вне сомнения, предпочитают посещать сельскую церковь – хотя бы для того, чтобы посплетничать, если уж не проповедь послушать.

Руби, с цилиндром под мышкой, бредет по проходу. Останавливается у растрескавшейся купели, потом – перед алтарем с

расплавленными свечами, смотрит на выбитые окна.

– Брайди, это все происходило здесь.

А она уже направляется в ризницу.

Помещение голое, не считая полки с несколькими разбитыми вдребезги фонарями. Есть признаки того, что недавно здесь были люди: огрызок яблока, на подоконнике – недоеденный мясной пирог; на неметеном полу полосы, оставленные ножками стула; на пыльных поверхностях следы от чьих-то пальцев.

Но взгляд Брайди прикован к шкафу.

Руби вслед за ней заходит в ризницу.

– Там, Руби, на дне, под облачениями.

– Что это? – морщит он лоб.

– Раковины улиток. Сотни. Помнишь, Агнес рассказывала, как она по утрам собирала со стен дома полные ведра улиток?

– И что это значит?

– Понятия не имею. Разве что Кристабель их каким-то образом приманивает.

– По-твоему, девочку принесли сюда? – Руби задумывается. – Да нет. Наверняка им хотелось как можно скорее убраться от дома.

– Это было бы закономерно. – Брайди трогает стены. – Мокрые.

– Как в западном крыле.

Брайди ногой отгребает ракушки в сторону и залезает в шкаф.

– Ее держали здесь.

– Почему ты так решила?

Брайди поднимает согнутый гвоздь и жестом показывает на заднюю стенку шкафа. На поверхности дерева выцарапан узор из загогулин, волнистых линий и кругов.

– Руби, видишь, что она нарисовала? Орнамент обоев, которыми обтянуты стены детской в Марис-Хаусе.

* * *

Брайди идет меж надгробиями, крестами, закрытыми урнами, пухлыми мраморными подушками, предлагающими заснуть вечным сном. Там, где две аллеи сходятся, стоит гробница леди Берик с

каменными ангелами по углам. Крылья у них сложены, бесстрастные лица ничего не выражают.

За главными аллеями могильные камни постарше: потрескавшиеся, мшистые, истертые, изрытые ямочками, оплетенные колючими ветками, засыпанные прошлогодними листьями. Расчищая листву, Брайди читает имена, даты.

— Брайди.

Она поднимает глаза и смотрит на Руби. Он тычет пальцем куда-то за ржавую ограду. Между двумя могилами лицом вниз лежит чье-то тело.

* * *

Мертвая женщина нашла приют между могилами Уинфред Годслейв и Роберта Суонна. Ее тело, спрятанное за бордюрами и зарослями куманики, легко можно не заметить, пройти мимо.

Брайди подходит ближе. Руби, с ужасом на лице и цилиндром в руке, словно прирос к земле.

— На первый взгляд, это не наша пропавшая няня, — заключает Брайди. — Однако давайте посмотрим, что у нас здесь.

Женщина молода, небольшого роста и явно истощена от недоедания, и Брайди, внимательно оглядевшись по сторонам, переворачивает труп. По запачканному лифу несчастной бегают жучки. Капор она потеряла, в светлых волосах — колючки. Губы бледные, голубые глаза широко раскрыты.

* * *

Тело положили на козлоногий стол в ризнице часовни. На место обнаружения трупа вызвали сержанта местной полиции. Под его надзором мертвую женщину перенесли в часовню, где ей предстояло находиться до прибытия гробовщика. Также послали за инспектором районной полиции. Одного из полицейских поставили охранять вход в часовню.

Мистер Пак потрясен. Он сидит с молодым полицейским на крыльце. Они пьют чай, что принесла им Агнес. Та вернулась в Марис-Хаус с новостью, что мистер Пак не опознал в трупе никого из знакомых ему людей.

Для некоторых слуг эта находка стала последней каплей; они и так уже натерпелись. Запертые двери, улитки, туманы, слухи о скверне, что сэр Эдмунд прячет в западном крыле.

Мистер Пак уткнулся взглядом в чашку с чаем. Он и двух слов не сказал с той минуты, как увидел труп. Его одолевают тревожные мысли, ведь в действительности он все-таки *видел* ту несчастную молодую женщину прежде: в сумерках, в темном плаще и капоре, она мелькала между кустами роз. Он принимал ее за призрак покойной леди Берик, являвшейся в поместье в обличье той поры, когда супруги были молоды и счастливы. Если эта мертвая бедняжка не дух покойной леди Берик, рассуждает сам с собой мистер Пак, глядя в чашку, ее личность все равно ему неизвестна. А значит, он не солгал, давая показания. Придя к такому заключению, мистер Пак решает больше не думать об этом, и у него тотчас же поднимается настроение.

* * *

В ризнице Брайди не теряет времени даром. Пусть доктора Харбина нигде не нашли, зато инспектор уже на подходе, а следом прибудет и гробовщик. Возможно, другого случая осмотреть тело ей не представится.

Она открывает свой кожаный саквояж, надевает фартук и тщательно прячет волосы под чистый платок. Потом поворачивается к столу, откидывает простыню и производит осмотр трупа, оценивая его состояние. Руби отворачивается к стене – из приличия, объясняет он.

– Причина смерти – удушение, – делает вывод Брайди. – Расположение синяков на шее жертвы соответствует, я бы сказала, охвату мужской ладони среднего размера.

– Вот гад.

– При первичном осмотре следов надругательства над покойной не обнаружено.

Руби ерзает в своем углу. Брайди подозревает, что он крестится.

– Одежда в пятнах и подтеках. – Брайди склоняется над трупом. – Ступни мозолистые, огрубелые, – значит, эта молодая женщина бродяжничала. Она сильно истощена. В последнее время она бедствовала.

– Бедняжка.

– Голубоглазая, волосы как спелая пшеница...

– Старик! Повелитель Дорог! – восклицает Руби. – Думаешь, она та самая молодая женщина, которую он видел в поместье?

– Она подходит под описание. – Брайди рассматривает ладонь трупа. – Ногти сломаны, запястья и предплечья травмированы, что указывает на ожесточенную борьбу. Я бы сказала, что она оказала сопротивление. Тот, кто на нее напал, скорей всего, ранен; возможно, у него исцарапано лицо.

– Это поможет нам опознать его.

– Он, должно быть, уже далеко. Но вот что любопытно: ладони у нее чище, чем можно было ожидать, гораздо чище, чем остальное тело. Возможно, нападавший вытер их, чтобы уничтожить всякие следы, которые могли бы на него указать.

– Какие следы?

– Волосы, может быть, клочки одежды. – Брайди внимательно рассматривает кончики пальцев трупа – то, что осталось от ногтей, и под ними. – Чисто.

Затем она обыскивает юбки мертвой женщины.

– Так и думала. У нее здесь пришит потайной кармашек. Он фактически пуст – в нем всего пара монет.

– Потайной кармашек?

– Избитый трюк карманников. Я тоже к нему прибегаю, пряча всякие вещицы в нижних юбках.

– Я и не сомневался в ваших способностях, миссис Дивайн. Значит, ее тело дает нам несколько подсказок?

– Если я успею их найти до прибытия инспектора. Он сразу же вышвырнет меня отсюда.

– Так ты же здесь по приглашению сэра Эдмунда.

– Сэр Эдмунд вряд ли скажет полиции, зачем я здесь. – Брайди на мгновение умолкает. – К тому же у некоторых людей весьма устойчивые представления о пристойном поведении женщин, и осмотр трупов они считают неприличным.

– Некоторые люди чертовски невежественны, – с чувством произносит Руби.

Брайди поднимает на него глаза. Он находится от нее на расстоянии вытянутой руки, не дальше. И даже при столь скромном ровном освещении видно, как он искрится, стоя на фоне беленой стены ризницы, и какой он сказочно изумительный. Стена ризницы просвечивает сквозь него, но Брайди также отчетливо различает его панталоны, забинтованные руки и ботинки. До мельчайших подробностей. На его широкой мускулистой спине, на самой середине, покачивается на сине-чернильных волнах вытатуированный боевой корабль – при полном парусном вооружении, с развевающимися флагами. Сзади на шее сияет меняющая свои фазы луна.

Выше – проломленный затылок, на котором сворачивается кровь – след от смертельного удара.

Брайди хмурится.

Не двигаясь с места, Руби меняет положение, чуть поворачивая к ней голову, словно почувствовал на себе ее взгляд. Она видит его профиль, темные ресницы, чисто выбритый подбородок.

Покойник, но поразительно живой. Как такое может быть?

Ей кажется, что она чувствует его запахи – пота, жидкой мази, табачного дыма; ощущает исходящий от него жар, дух ожесточения. Его кожа блестит. Она могла бы провести пальцами по капелькам пота, по бугоркам его позвоночника. Потом, легонько, ее пальцы заплясали бы по его спине, по бокам, затем, заставив его повернуться к ней лицом – о! – коснулись бы его широкой груди, плеч, рук. Она сняла бы с него бинты, поцеловала его ладони, разбитые костяшки пальцев. Встретилась бы с взглядом его темных глаз, которые заворачивают, не давая отвернуться.

Руби покачивается и мерцает. Диск луны на его шее идет на убыль, превращаясь в яркий серп идеальной формы. Он кашляет, подтягивая панталоны.

– Нашла еще какие-то зацепки, Брайди? – спрашивает он. – А то ведь инспектор скоро приедет и вышвырнет тебя отсюда.

Лицо Брайди заливает румянец. Она переключает внимание на труп, лежащий на козлоном столе, осторожно расстегивает пуговицы на одежде мертвой женщины. Обнаруживает на ее теле новые ушибы – на бедрах, на грудной клетке.

– Ее несли. Или волокли.

Руби молчит, склонив голову.

– Каково это, Руби? Ну... быть мертвым?

– Да, в сущности, что живой, что мертвый – разница небольшая.

– Ты можешь проходить сквозь стены.

– Это другое.

– А чувствовать что-нибудь ты способен?

– Например?

– Ветер на лице, или дождь...

– Пожалуй, нет, – не сразу отвечает Руби тихим голосом.

Они оба на время умолкают: Руби рассматривает стену, Брайди исследует тело.

– Когда она умерла, Брайди?

– Точно не скажу. С учетом погоды, места, естественных процессов, что происходят с трупом – цвет кожи, степень трупного окоченения...

– Можно без подробностей?

– Я бы сказала, что смерть наступила примерно сутки назад, может, чуть раньше. Максимум – два дня назад.

– Значит, возможно, она имела отношение к похищению ребенка?

– Не исключено. Либо имела неосторожность наткнуться на похитителей, прятавшихся в часовне. По какой бы причине она ни наведывалась в Марис-Хаус... – Брайди приводит в порядок одежду на покойнице, – ...вполне вероятно, что она случайно стала свидетелем преступления.

– Ну теперь-то сэр Эдмунд уж должен сообщить полиции про дочь.

– Как раз теперь, Руби, он тем более не захочет ставить их в известность.

– Вообще-то, странно. Казалось бы, в его интересах, чтобы полиция занялась ее поисками.

– Нет, если у него есть веская причина держать в тайне ее существование.

– То есть дочь родила ему не жена, – размышляет Руби. – Либо слуги правы, и она представляет собой нечто омерзительное.

– Или потому что сэр Эдмунд приобрел девочку незаконным путем.

- Думаешь, он украл Кристабель?
- Украл или купил – все может быть.

Из часовни доносятся приглушенные голоса, приближаются шаги. Брайди едва успевает накрыть труп простыней и задвинуть под стол свой саквояж. Дверь открывается, и в ризницу входят районный инспектор в сопровождении мистера Пака. Инспектор – тучный мужчина с круглым лицом, которое быстро краснеет от малейшего напряжения. Манера держать себя выдает в нем человека, который немало пожил на этом свете и знает все.

- По какому праву вы тревожите труп, мэм?

Брайди бросает взгляд на мистера Пака; дворецкий качает головой.

- Я просто приводила его в порядок, инспектор, – отвечает она.

- Вот как? Соизвольте представиться, мэм.

- Миссис Дивайн.

– Значит, *миссис Дивайн*? – Инспектор кивает. – Что ж, миссис Дивайн, в своей епархии я не потерплю подмены или сокрытия улики, не допущу, чтобы у жертвы что-то утаскивали из карманов и срезали кусочки одежды.

- Ушлый мужик, – бормочет Руби.

– Инспектор, здесь не было совершено подмены, сокрытия и кражи улики. – Брайди смело встречает взгляд полицейского.

Крякнув, инспектор подводит мистера Пака к столу.

– Итак, сэр. Вы подтверждаете, что эта несчастная – лицо, неизвестное в Марис-Хаусе? – Инспектор откидывает с трупа простыню.

Мистер Пак смотрит на мертвую женщину.

– Да, инспектор. Я подтверждаю, что эта женщина нам не знакома.

* * *

Баронет сидит за столом в своем кабинете. Вид у него удивительно суровый.

Брайди неустрашимо продолжает:

– Итак, сэр, вы утверждаете, что убийство молодой женщины, найденной на погосте у часовни, никак не связано с похищением Кристабель?

– Простое совпадение.

– И вы на том настаиваете, зная, как и мы, сэр, что похитители прятали Кристабель в ризнице перед тем, как снова пуститься в путь?

Уловив нотки подозрительности в голосе Брайди, сэр Эдмунд насупливается.

– Повторяю, мэм, это простое совпадение.

– Простите, сэр Эдмунд, но вы меня не убедили. – Брайди осторожно переводит дыхание. – Вот скажите, почему я не должна уведомить полицию, что смерть этой молодой женщины, возможно, является следствием похищения вашей дочери? Назовите хотя бы одну вескую причину.

– У него челюсть выдвигается! Вот это желваки! – предупреждает Руби. Сидя на углу стола баронета, он внимательно наблюдает за реакцией сэра Эдмунда. – Его пробрало.

Сэр Эдмунд хмурится.

– Я думал, вы профессионал в своем деле, миссис Дивайн. Участие полиции существенно затруднит поиски Кристабель. Преступники залягут на дно или вывезут ее из страны. – Он останавливает на Брайди многозначительный взгляд. – Или, если запаникуют, не исключено, что ее постигнет еще более страшная участь.

Брайди не поддается на провокацию.

– А что вы скажете про молодую женщину, тело которой сейчас лежит в ризнице вашей часовни?

– По словам мистера Пака, никто из домочадцев с ней не знаком.

– И тем не менее, сэр Эдмунд, она подходит под описание молодой женщины, которую видели на территории поместья.

– Кто ее видел? Я – нет.

– Может быть, она одна из ваших бывших служанок или наследниц? Совершенно очевидно, что в последнее время она бедствовала: скиталась, возможно, не имея крова, живя впроголодь...

– В моем поместье нет места бродягам и оборванцам, – вскипел сэр Эдмунд. – Мои слуги не бродят по дорогам, мэм, все они здесь, на месте.

– Если не считать няни вашей дочери, сэр. По-моему, местонахождение миссис Бибби неизвестно.

– Вздрогнул, видела?! – восклицает Руби. – Ты наступила ему на больную мозоль, Брайди!

– Как миссис Бибби поступила к вам на службу? Что вы о ней знаете?

– Я получил очень хорошие отзывы. Отличные рекомендации.

– Кто ее рекомендовал?

– Уильям Харбин. Он познакомился с ней, когда она служила в другой семье, которую он лечил. Его поразили ее усердие и осмотрительность. Волею обстоятельств она осталась без работы, а нам внезапно понадобилась...

– Волею каких обстоятельств, сэр, миссис Бибби осталась без работы?

– Ребенок вырос, – раздраженно ответил баронет.

– Сэр Эдмунд, а та, другая семья дала ей рекомендации?

– Естественно.

– А вы, случайно, не знаете их фамилию, сэр?

– Этим занимался Харбин, – взвился сэр Эдмунд.

– Понимаю... И где же сейчас доктор Харбин, сэр? Он должен был осмотреть труп, который нашли у часовни, но его не смогли найти. Инспектору пришлось вызывать врача из Полгейта.

– Откуда мне знать, черт возьми...

– Разумеется, – спокойно парирует Брайди. – Позвольте уточнить, сэр: в поместье не было других происшествий за то время – еще и месяца не прошло, верно? – что миссис Бибби служит у вас?

– Нет.

Брайди ждет. Не получив дальнейших разъяснений, она меняет тактику.

– Сэр Эдмунд, вы ведь коллекционер, не так ли? Ваша область специализации – вода. Вас глубоко интересует все, что с ней связано: ее поведение, организмы, живущие в воде и около воды, особенно те, что имеют аномальную природу.

Руби перегибается через стол, пристально наблюдая за сэром Эдмундом.

– Но, но, не отпирайся. Одна Уинтерова Русалка чего стоит!

– Я не понимаю, к чему вы клоните, мэм, – холодно произносит баронет.

– Я намерена задать вам прямой вопрос, сэр. И хотела бы получить на него столь же прямой ответ.

– Осторожно, – предостерегает Руби. – Он на грани.

– Сэр Эдмунд, возможно ли, что Кристабель не ваша родная дочь, а вы приобрели ее по причине неких уникальных качеств, которыми она, возможно, наделена?

Баронет напряжился от гнева, впился взглядом в Брайди, руками вцепившись в бедра.

– Как вы смеете...

– Я предполагаю, сэр, – безжалостно продолжает она, вспомнив фиксирующие устройства в детской, – что Кристабель прятали ото всех потому, что она была отнята у ее исконных друзей, которые желали бы ее вернуть.

Сэр Эдмунд побагровел.

– Боже, какой красный. Брайди, он сейчас взорвется... – шепчет Руби.

– Сэр Эдмунд, вы заполучили Кристабель нечестным путем?

– Вы, мадам, задаете не те вопросы не тому человеку, – цедит сквозь зубы баронет, сдерживая ярость.

– Я требую правдивого ответа, сэр.

Баронет смотрит Брайди прямо в глаза.

– Кристабель – моя дочь, и я хочу, чтобы она вернулась домой целой и невредимой, вот вам и вся правда. Я – не подозреваемый, миссис Дивайн. Я – ваш клиент, черт побери.

Экипаж сэра Эдмунда ждет у дома, чтобы отвезти миссис Дивайн на вокзал Полгейта. Брайди готова вернуться в Лондон, потому как в Марис-Хаусе ответов она получила мало, зато вопросов у нее возникло еще больше. В Марис-Хаусе она столкнулась не с откровенностью, а с недомолвками и притворством. Да и где, как не в большом городе, удобнее спрятать необычного ребенка? А если Кристабель и впрямь необычная, в Лондоне тоже найдутся заинтересованные лица.

Но по пути Брайди намерена сделать одну остановку.

Усаживаясь в карету, она окликает ливрейного лакея.

– Будь добр, скажи кучеру, чтобы по дороге на вокзал остановился у дома доктора Харбина. Я хочу нанести ему визит.

В карету забирается покойный боксер. Брайди наблюдает, как он устраивается подле нее. Руби снимает цилиндр и кладет его на свои прозрачные колени.

– Значит, теперь к доктору? – спрашивает покойник.

– Он затаился с тех пор, как мы приехали сюда. Где его носило, когда он нужен был в часовне, чтобы произвести осмотр тела? Мы используем эффект неожиданности; может, он испугается и что-нибудь выболтает. Не мешало бы узнать, где он нашел эту миссис Бибби.

Лакей суетливо вытаскивает карманные часы.

– Время еще есть! – кричит Брайди. – Главное, чтоб кучер не сплеховал.

Лакей, поморщившись, убирает подножку и закрывает дверцу кареты, всем своим видом как бы говоря: и слава богу, скатертью дорога.

Экипаж трогается с места и катит прочь от Марис-Хауса. Какое-то время они едут в молчании.

– Скучать по этому месту я не стану, – наконец произносит Брайди.

– Да, славное местечко. Улитки, сосуд со странным существом, похищенный ребенок, труп. И каждый что-то да скрывает.

– Так обычно и бывает, Руби. Правда, улитки, должна признать, – это нечто новенькое.

Экипаж на приличной скорости выезжает из ворот и мчится по дороге, что тянется вдоль леса. И вдруг резко замедляет ход.

– Что там еще? – Брайди опускает стекло и выглядывает из кареты.

Впереди посреди дороги лицом к ним стоит какой-то человек. Он выставил перед собой руку, ладонью наружу. У него за спиной – наемный экипаж.

Руку он держит повелительно, словно абсолютно убежден, что вся эта махина – лошади, карета – тонна железа и крашеного дерева, недовольный кучер и гостя, опаздывающая на поезд в Лондон, встанет по его команде.

Кучер, браня его на чем свет стоит, резко осаживает лошадей. Карету встряхивает.

Мужчина подходит к карете и кивает пассажирке, высунувшейся из окна.

– Ну надо же, миссис Дивайн! Надеюсь, вы в добром здравии?

Нам предстает мужчина с непроницаемым лицом. Только смотрите: в его ухоженной рыжеватой бороде начинает играть улыбка, а в серых глазах – ну да, так и есть! – заглядывающих в карету, появляется задорный блеск.

Помимо всего прочего, мужчина этот, очевидно, чрезвычайно умен и бдителен. Он ни за что не допустит, чтобы его заманили в засаду, застали врасплох, обманули или еще как-то одурачили. Наряду с этим ему присуща природная властность и совершенно не свойственна почтительность, какой обычно ожидаешь от представителей его класса. Одет он элегантно, но акцент выдает в нем выходца из лондонских трущоб, и он даже не пытается скрывать свое происхождение. *Я был уличным мальчишкой, беспризорником*, заявляют волевой подбородок и глаза, и разве самые стойкие характеры вырабатываются не у тех, кому приходится бороться за выживание?

Во внешнем облике этого человека есть только одна выбивающаяся нотка: изящная бутоньерка в петлице – цветок бледного абрикосового цвета непревзойденной красоты.

– Инспектор Роуз, – приветствует его Брайди. – Всегда рада встрече с вами.

– Бежите с места ограбления и убийства, мадам. Что вы там прячете?

– А разве я что-то прячу, инспектор?

В его лице появляется насмешливое выражение.

– Вид у вас больно скрытный.

– Это по привычке.

Он смеется. Лошади сдвигаются чуть вперед, карета катится.

– Что за дела в том доме?

– Спросите у сэра Эдмунда или у краснолицего инспектора. Они вас просветят.

– И это все?

– От меня – все.

– Специалист вроде вас просто так не пускается в столь долгий путь. – Он оглядывает пустую проселочную дорогу.

– То же самое я могу сказать о вас. Ехали сюда аж из Лондона ради неопознанного трупа?

– Я разыскиваю матерого преступника.

– Как его зовут? – любопытствует Брайди.

– У нее слишком много имен, – улыбается Роуз. – Такую схватить трудно, но я над этим работаю.

– В доме была одна служанка – хромая, с грубыми манерами, – намекает Брайди, не спуская глаз с лица инспектора.

– Вот как? – Улыбка не дрогнула на его губах.

– Роуз, беседовать с вами одно удовольствие, но я спешу на поезд.

– Тогда поторопитесь. Брайди, надо бы нам как-нибудь снова вместе поработать. Помните месье Пиллюлю? Когда вы будете готовы заняться чем-то более жизнерадостным, чем давнишние трупы из крипты.

– Вы забываете мой последний провал, инспектор, – хмурится Брайди.

– А вы забываете свои многочисленные удачи, – парирует Роуз, улыбаясь ей в глаза.

Руби пристально наблюдает за ними, угрюмо подергивая себя за ус.

Роуз притрагивается к полям шляпы.

– Навести меня в Лондоне, Брайди. Я говорю это каждый раз...

– Надеяться не вредно.

Роуз широко улыбается.

– Передавай привет нашему дядюшке Прадо. Наверняка ты с ним увидишься раньше, чем я. – Он стучит по стенке кареты. – Увози ее, кучер.

Экипаж трогается с места, катит мимо двуколки Роуза. Тот, запрыгнув на козлы, салютует им.

– Этот тип – твой родственник, Брайди?

– В живых из родных у меня никого нет. Он имел в виду нашего общего друга – химика Румольда Фортитюда Прадо.

– Дядюшку Прадо?

– Роуз был сиротой, рос на улице. Прадо приютил его. – Брайди высовывается из окна, провожая взглядом удаляющийся экипаж Роуза, который подпрыгивает и кренится на ухабистой дороге. – Прадо и меня на время приютил. Можно сказать, что мы с Роузом были товарищами по играм.

– Значит, ты давно его знаешь, этого Роуза?

Брайди выпрямляется на сиденье.

– С детства.

– Надо же, какая честь!

Брайди бросает на него взгляд.

– А он неплохо преуспел, – через силу добавляет Руби с завистью в голосе.

– Прадо – хороший наставник, – кивает Брайди. – По возвращении в Лондон мы его навестим. Он знает коллекционеров – хороших и плохих. Возможно, он что-то слышал про Кристабель.

– А потом доложит приемному племянничку, что за дело вы расследуете?

– Прадо никогда не выдаст чужих секретов, – качает головой Брайди.

– Прежде ты с Роузом уже работала?

– Слышал когда-нибудь про «Харчевню месье Пиллюли»?

– Не припомню.

– И слава богу. Это заведение держал Чарли Пилл, одновременно втайне промышлявший торговлей трупами. Его отец сколотил состояние на похищении трупов, пока не был принят Анатомический акт.

Руби в недоумении.

– В результате принятия этого акта улучшилось снабжение врачей трупами для проведения анатомических исследований. В их распоряжение поступали тела бедняков, которых некому было хоронить. А прежде свежевыкопанный труп, похищенный из могилы ночью, имел большую ценность, чем мешок молодой картошки.

– О нет!

– Естественно, в какой-то момент – это было неизбежно – Чарли решил совместить два своих интереса: изысканную кухню и трупы.

– Брайди, не...

– Он молот человеческие кости и эту муку использовал для приготовления французских булочек. Они получаются пышными и белыми, хвастался Чарли, гораздо вкуснее, чем при добавлении мела и квасцов.

– Святые апостолы!

– Потом в своем заведении он начал потчевать более необычными мясными блюдами. Чрезмерно пряные, трудно усвояемые, они были рассчитаны на особых ценителей.

Руби снимает цилиндр и потирает лоб.

– Боже, Брайди, ты когда-нибудь жила, как нормальный человек? Не занимаясь поиском похищенных детей, убийц и частей тела. Не выведывая, не вынюхивая. Одному богу известно, что ты носишь там в своем саквояже.

– Руби, а что, если никто не захотел бы выведывать и вынюхивать? – ошетинилась Брайди. – От безнаказанности преступники и вовсе бы распоясались.

– Да я не об этом.

– Или тебе не нравится, что выведывает и вынюхивает женщина?

– Ты хоть сама себя слышишь? Мне не нравится, что меня выворачивает наизнанку. А теперь расскажи мне про этого Чарли Пилла, но только без сочных подробностей.

– Мы – я и Роуз – помогли собрать против него улики. Чарли понес строгое наказание. Но еще строже были наказаны... – глаза Брайди загорелись, – богатые завсегдатаи его заведения, особенно те, кто лакомился фрикасе.

Руби издает стон.

Экипаж останавливается у нового кирпичного дома на окраине деревни.

Брайди смотрит на карманные часы.

– Время еще есть. Успею до поезда переговорить с доктором и выяснить, почему он затаился.

* * *

Войдя в дом доктора Харбина, Брайди мгновенно устанавливает две вещи. Во-первых, доктора нигде нет; во-вторых, его прачка пребывает в полнейшем смятении. Миссис Суонн пришла забрать грязное белье и увидела, что дом перевернут вверх дном. Брайди выражает ей сочувствие. Крупная женщина, она по-прежнему стоит в капоре и платке. В лице ее недоумение. К госте она настроена не очень дружелюбно, но становится приветливее, когда Брайди упоминает, что знакома с доктором и сэром Эдмундом.

– Видать, беда случилась, миссис Дивайн, – говорит миссис Суонн. – Посмотрите, вон шляпа и пальто доктора. Чтобы доктор, где бы он ни был, вышел на улицу без пальто и шляпы! Я такого не припомню.

Брайди следует за миссис Суонн в гостиную.

Руби идет вперед.

– Пойду посмотрю, что и как. – Он исчезает в стене.

Все, что можно сломать и разбить, сломано и разбито. Горшечные пальмы вытащены из горшков и брошены на ковер. На полу валяются обломки стульев, книги разодраны.

– Тут будто ураган пронесся, мэм. – Миссис Суонн показывает на выпотрошенный кожаный саквояж на полу. – Медицинский чемоданчик доктора здесь. А он скорее в небо взлетит, чем выйдет из дома без своего чемоданчика.

Брайди вслед за миссис Суонн проходит во врачебный кабинет. Эту комнату громили с еще большим остервенением. Деревянные панели содраны со стен, сиденья из стульев выбиты, все ящики разломаны на щепки.

Шкафы раскурочены, склянки и пузырьки разбиты вдребезги, их содержимое все еще капает с полок. Бинты и прочие перевязочные средства разбросаны по всей комнате – вьются и свисают тут и там, словно ленты.

На полу под столом – сигарный окурок. Брайди поднимает его.
Возвращается Руби, на этот раз через открытую дверь.

– Весь дом перерыт, больше здесь никого нет. – Он смотрит на окурок в ее руке. – Что это?

Брайди нюхает окурок, перекатывая его меж двух пальцев.

– «Гусарская смесь», продается в дешевой табачной лавке возле Бартса [\[28\]](#). Излюбленное курево студентов-медиков, но для столь знающего опытного доктора – весьма странный выбор.

– Почему это?

– Потому что на вкус и запах, Руби, это просто кошачье дерьмо, перемешанное с соломой.

– Эти сигары курил доктор Харбин? – спрашивает Брайди у миссис Суонн. Та стоит рядом и, глядя на погром, негодуяще цокает языком.

– Вы сейчас *ко мне* обращаетесь, мэм?

– Да, к вам, миссис Суонн.

– Нет, мэм, я никогда не видела, чтобы доктор курил или поощрял эту привычку в других. Он – ярый противник курения.

Брайди роется на письменном столе доктора Харбина, перебирая скомканные и разорванные документы, брошюры и письма.

– Ребенок, – напоминает Руби. – Что с ребенком доктора Харбина? Брайди поворачивается к миссис Суонн.

– Где Мертл?

– В саду, мэм, но толку от нее я не могу добиться.

– Проведите меня к ней, пожалуйста.

Миссис Суонн ведет Брайди в кухню, усеянную черепками разбитой фаянсовой посуды и покореженными кастрюлями. Они поскальзываются на рассыпанных крупах и чае. Дверь кладовой сорвана с петель.

Брайди осматривает беспорядок.

– Вопрос такой: они просто крушили все, что под руку попадалось, или что-то искали?

У миссис Суонн вид испуганный.

– Если что-то и украли, мэм, как мы это узнаем? Ведь здесь такой хаос.

Мертл сидит на деревянной скамейке в нише, образованной живой изгородью, которой обнесен огород. Брайди видит только ее руку, качающую игрушечную плетеную колыбель.

По приближении Брайди Мертл перестает укачивать куклу и подносит к губам палец.

– Тише, Роза заснула. – Она возводит глаза к небу. – Наконец-то.

В лучах осеннего солнца, проникающих в этот тенистый уголок сада, волосы Мертл обретают густой каштановый блеск, но лицо у девочки бледное, глаза – тусклые.

Брайди садится рядом с ней.

– Роза доставляет много хлопот.

– Да, миссис Дивайн, – устало кивает Мертл. – Очень много.

Из дома доносится шум: миссис Суонн ведет бой с совком, шваброй и ведром. Сам дом скромный, но вполне комфортабельный – пристойное жилье для доктора и его маленькой дочки (супруга доктора скончалась при родах, произведя на свет Мертл, и доктор не выказывает склонности к повторной женитьбе, насколько может судить миссис Суонн). На огороде зеленеют на подпорках последние бобы с длинными стеблями и стелется запыленная капуста. Вокруг них гудят ульи, пчелы танцуют в благоуханном саду, полнящемся ароматом душистых яблок. Руби тянет руку к ветке, словно собираясь сорвать один плод. Потом, опомнившись, передумывает, складывает на груди руки и идет бродить по саду.

Брайди поворачивается к девочке.

– Где твой папа, Мертл?

– Не знаю, миссис Дивайн.

– Это папа устроил погром в доме?

– Нет, какие-то люди.

– Ты их видела?

– Нет, слышала. Бам, бам, ба-бах. И я спряталась – вот так. – Девочка перестает качать колыбель и вжимается в живую изгородь.

Брайди кивает.

– Папа был дома, когда пришли эти люди?

Мертл задумывается.

– Может, был, может – нет. Папа приходит и уходит незаметно. – Она рукой изображает волнообразное движение. – Проскальзывает, как уж.

Мертл встает и берет Розу из колыбели. Держа куклу за ногу, она вытаскивает из-под матрасика альбом для рисования и протягивает его Брайди.

– Ты хочешь, чтобы я посмотрела твой альбом? – спрашивает Брайди.

Мертл усаживается рядом и, перегнувшись, принимается листать альбом, который держит Брайди.

– Что это? – Брайди показывает на рисунок, изображающий толстую женщину. От ее рта, носа и рук расходятся синие линии.

– Это старая няня, что была до новой.

Руби подходит ближе, чтобы взглянуть на рисунок.

– Мертл, – любопытствует Брайди, – а что это за синие линии?

Девочка потирает нос.

– Вода. Она тонет.

– Тонет? Значит, она сидит в лохани?

– Это не лохань, – смеется Мертл. – Она сидит на стуле, а это – камин.

– Что-то я не очень понимаю, Мертл. Откуда там взялась вода, в которой она тонет?

– Воду нагоняет Кристабель. – Девочка забирает у Брайди альбом. Она закрывает его и убирает под матрасик в колыбели, сверху кладет Розу, укрывает ее одеялом и энергично похлопывает.

– Ты видела, как это произошло?

– Нет, – качает головой Мертл. – Миссис Бибби мне рассказала.

– Люди не тонут, сидя в кресле, – доброжелательно замечает Брайди. – Думаешь, миссис Бибби хотела напугать тебя этой историей?

– Она знает истории и пострашнее, – фыркает Мертл. – Она убила одного джентльмена и одну леди и изрубила их. А леди положила в корзину с крышкой, куда кладут еду для пикника.

– Миссис Бибби тебе это рассказала? – изумляется Брайди.

– Да, – кротким тоном подтверждает Мертл. – И однажды, когда она была Лил, и еще раз, когда ее звали как-то по-другому, ее чуть не поймали. Но затащить ее на виселицу не так-то просто.

Мертл садится на скамейку, глубоко вздохнув, опускает подбородок в ладони и усталыми глазами смотрит на пчел, капусту, паданцы и пожухлые листья.

– Миссис Суонн сказала, я могу пожить у нее, пока папа не вернется домой. Я ей сказала, что папа никогда не вернется. – Мертл на мгновение умолкает. – Тогда миссис Суонн сказала, что я могу пожить у нее до следующего вторника.

– Почему твой папа не вернется?

– Потому что это он похитил Кристабель.

В гостиной над лавкой Уилкса на Денмарк-стрит Кора Баттер заворачивает сосуд со странным младенцем, который немало тревожит ее душевный покой. Кора осторожно передвигает сосуд, дабы не уронить его и не встряхнуть слишком сильно. Не дай бог, его содержимое каким-то образом вырвется наружу. Существо прикреплено к своему дому паутиной проводов, стекло на вид прочное, сам сосуд тоже закупорен надежно. Но Кору это не обнадеживает. Она долго со страхом рассматривала диковинку, лишая себя спокойствия духа. Порой она уверена, будто видит, как дрогнул кулачок или из крошечного носика выплывает пузырек. Но ей это только казалось: обитатель сосуда мертвее мертвых, его черты окоченели, маленькая бочкообразная грудь неподвижна. Зная от Брайди, как действуют коллекционеры и на что они способны, Кора высматривала соединение, некий характерный стык в том месте, где плоть сочленяется с чешуей, с изогнутым отростком. Но, если таковой и имеется, Кора его не увидела. Она несет сосуд вниз и кладет его в позаимствованную детскую коляску, рядом с коробкой разнообразной выпечки из пекарни фрау Вайс и несколькими бутылками разбавленной мадеры (с пустыми руками в гости не ходят).

Кора неспешно поднимается по лестнице, возвращаясь в гостиную.

– Маленький уродец туго запеленут и готов отправиться на прогулку. Вам следует оставить его у доктора Прадо, – сварливо говорит она. – Пусть пристроит его куда-нибудь меж мерзких вещей, что находятся в его лаборатории.

– Он смущает твой покой, Кора? – спрашивает Брайди.

– Да у меня от него мороз по коже. Кто бы мог сотворить такое?

Руби Дойл, стоя у окна гостиной, бросает на Кору сочувственный взгляд. Не имея ответов на ее вопросы (по крайней мере, таких, какие она могла бы услышать), он снова переключает внимание на то, что происходит за окном. На улице кипит жизнь: перед мертвыми глазами Руби снуют толпы живых людей. Уличные торговцы наворачивают круги с полными подносами апельсинов и орехов; уличные циркачи

показывают свое мастерство; кухонные служанки, с корзинами для провизии в руках, разглядывают прилавки торговцев лентами, обходя стороной разносчиков угля. Среди прохожих снуют карманники, быстроногие воришки. Вон вышагивает одетый с иголки франтоватый бездельник с пышными бакенбардами. А там семенит голубоглазая красавица в очаровательном капоре. Как же жалеет Руби, что у него нет сюртука и нового цилиндра. Побриться бы сейчас, сытно и вкусно позавтракать, надеть красный шарф, лайковые перчатки, сунуть в карман часы. Он отдал бы что угодно, лишь бы снова пройти по улице как живой человек – себя показать, на других посмотреть.

– Я скучаю по тем временам, когда на меня смотрели, – заявляет Руби. – При жизни внешне я был весьма эффектен.

– Ты и теперь эффектен, – бормочет Брайди.

Она сворачивает и сует в конверт записку, которую только что написала. Послание адресовано приходскому священнику Хайгейтской часовни его преподобию Эдварду Гейлу. Тема записки: миссис Дивайн умоляет священника принять ее, как только ему это будет удобно. Ибо мыслями Брайди постоянно возвращается – благодаря Уинтеровой Русалке и следам от укусов на руке Мертл Харбин – к младенцу со щучьими зубами, который был замурован в крипте. Ей необходимо еще раз осмотреть трупы – при хорошем освещении и желательно без викария Криджа, с вождением заглядывающего ей через плечо.

– Кора, отнеси это сегодня в Хайгейт, пожалуйста. Не понимаю, почему его преподобие не ответил на письмо, что я послала ему перед отъездом в Марис-Хаус. Говоришь, от него ничего не было?

– Ни слова. – Кора берет письмо.

– Мне надо возвращаться.

– Ну что вы всюду сами ходите, добротную кожаную обувь стаптываете? Попросили бы доктора Прадо прийти сюда, на Денмарк-стрит. А то вам несколько миль тащиться за город, да еще с этим чудовищем.

– Мне нужно пройтись, Кора. Я хочу подумать. К тому же я повезу его в коляске, это не тяжело.

С этим Кора не может не согласиться. Коляска легка в управлении и довольно просторна, троих младенцев спокойно вмещает. И крепкая: выдерживает сразу шестерых отпрысков миссис Аккерс, которые

располагаются в самой коляске, на ее крыше и на решетчатой полке под ней. Мистер Аккерс, искусный каретник, вложил в этот транспорт все свое мастерство. Подвеска выше всяких похвал, силуэт бесподобен, как у ландо.

Уинтеровой Русалке обеспечен надежный элегантный экипаж.

Кора кивает.

– Сосуд с уродцем до сих пор в целости и сохранности, а их сюда везли аж из Полгейта.

– Там же спирт.

– Так и знала, что это что-то вонючее, когда увидела на ящике: «Обращаться осторожно». – Кора морщит нос. – Это ж надо было прислать мне такое!

– А как еще, по-твоему, можно было утащить это из-под носа миссис Пак? Я упаковала его в ящик и сказала миссис Пак, что это мой микроскоп и, если его доставят разбитым, придется уплатить уйму денег.

– А его не хватятся?

– У сэра Эдмунда сейчас других забот выше крыши. – Брайди замечает неодобрительный взгляд Кору. – Естественно, я его верну. Как только соображу, какова его роль в моем расследовании.

– С таким же успехом вы могли бы вывезти оттуда фамильное серебро.

– Ты права, Кора. Но этот сосуд имеет гораздо бóльшую ценность.

* * *

Прогулка в Брикстон доставляет Брайди удовольствие, ибо день еще не испорчен ненастьем. По мосту Ватерлоо снуют экипажи и телеги, лошади и люди: одни спешат проникнуть в утробу огромного города, другие торопятся выбраться из нее. Брайди шагает мимо церкви Св. Иоанна и вокзала Ватерлоо, мимо пивоварен, типографий и сыромятен, идет к Кеннингтонской дороге, направляясь туда, где воздух чище. Детская коляска миссис Аккерс плавно скользит по мостовым. Время от времени Брайди останавливают прохожие. Они заглядывают в коляску, чтобы поворковать с малышом, и разочарованно отходят, не увидев в ней здорового пухлого карапуза.

Руби вышагивает рядом со смущенным почтительным видом новоявленного отца, жестом предупреждает о выбоинах и ухабах впереди, бросает свирепые взгляды на экипажи и повозки, которые проезжают слишком близко к ним. Они оставляют позади Кеннингтонский парк и церковь Св. Марка. Брайди украдкой смотрит на Руби. Поймав ее взгляд, он улыбается в ответ. Его глаза, обращенные на нее, полнятся добротой и страстью. Ее вдруг пронзает щемящая боль сродни печали. Если бы он не был покойником и она была расположена... Так ведь она и расположена. Ей даже представляется, как ее жизнь начинается и кончается вместе с ним. Руби заявляется домой пьяным, прямо в ботинках падает на постель... Ссоры и примирения! Орава темноглазых ребятишек, что она ему родила. Они стареют вместе. Ей привычны его прикосновения, его мысли, дыхание. Кончиками пальцев он убирает с ее лица выбившуюся прядь, его губы обжигают ее шею. И Брайди захлестывает сожаление: потому что невозможно связать свою жизнь с мертвецом. Внезапно влажный блеск заволакивает ее глаза – наверно, из-за того, что воздух посвежел.

Прогулка ей на пользу. Полдень только миновал, погода ясная, ветреная. Брайди идет по Брикстонской дороге, толкает перед собой детскую коляску с диковинным грузом, направляясь к церкви Св. Матфея и Брикстонскому холму. Ее путь пролегает мимо таверны «Белая лошадь» и приятного глазу неровного ряда домиков. Над макушками деревьев виднеются крылья мельницы. Сразу же за ней находится женская тюрьма, еще дальше – водопроводная станция.

Руби украдкой смотрит на Брайди. Поймав его взгляд, она улыбается в ответ. В ее глазах чертовщинка и бог знает какие мысли. За одно это он готов ее поцеловать. Она идет быстро; вдовий чепец и черный капор соскользнули с головы на спину. Плащ она сняла, и теперь он, свернутый, лежит на полке под коляской, что дает Руби возможность любоваться очертаниями ее изящной фигуры, движениями упругого тела, ее легкой грациозной поступью. Ни дать ни взять горделивая мать. По губам Брайди снова скользнула улыбка, ее зеленые глаза блестят. Неужели в них слезы? Решилась бы она, отбросив благоразумие, кинуться ему в объятия, выплакать у него на груди свою боль? Ему представляется, как его жизнь начинается и кончается вместе с ней. Он приходит домой пьяный, прямо в ботинках

валится на постель, она ругается, они скандалят и милуются, он поет ей серенады. У них орава шумных ребятишек – да чтоб с зелеными глазами, прошу Тебя, Господи. Она сидит перед очагом, держит на коленях малыша; на стене припилен его портрет – вырезка из журнала «Иллюстрированные лондонские новости» [\[29\]](#). Брайди. Они стареют вместе. Ему привычны ее прикосновения, ее голос. Кончиками пальцев он перебирает ее огненно-рыжие волосы. Тыльной стороной ладони Руби быстро отирает глаза – наверно, воздух свежеет, вот и защипало – и замечает, что впереди их ждет неровный участок дороги.

* * *

Мельница Прадо – вторая в ряду. Первая – работает, имея полное оснащение: верхний и нижний жернова, передаточный механизм и тормозное колесо, валы и вращающие паруса. Девчонкой Брайди вслед за Валентином Роузом поднималась на самый верх той мельницы, на цыпочках крадась по лестнице мимо мельника, и там воображала, что они сидят в бочке на самом верху корабельной фок-мачты. Они ложились на пол и слушали, как полощутся паруса и скрипят веревки. Раскинувшиеся внизу поля были морем; трава, которую ветер пригибал то в одну сторону, то в другую, обозначала приливы и отливы. СURREЙСКИЙ исправительный дом (они знали, что скрывается за этим названием) они принимали за приближающийся вражеский корабль. *Эй, на палубе!* А заключенные были для них грозными пиратами! Или порой тюрьма была просто пришвартованным судном, отягощенным грузом обреченных душ.

Некогда мельница Прадо выглядела так же, как ее справная соседка, но крылья давно перестали вращаться, и, сколько Брайди помнила, крышу все собирались залить битумом. В центральной части сооружения окна располагались беспорядочно, но под самой крышей шли по кругу и были обнесены балконом, что делало мельницу похожей на маяк. Благодаря обилию окон в лаборатории Прадо, занимавшей верхний ярус здания, всегда было много света и воздуха.

Сегодня в окнах лаборатории не видно силуэта Прадо. Хотя, возможно, он откуда-нибудь и выглядывает, ибо его монокль нередко

направлен на окружающий ландшафт. Из своего «паноптикона» [\[30\]](#) на Брикстонском холме Прадо обозревает весь Лондон. Из северо-восточного окна он видит ленту Темзы и в ее излучине – тюрьму Бентама. От здания парламента Бэрри [\[31\]](#) его взгляд скользит вдоль Темзы до Ковент-Гардена, потом до Денмарк-стрит, охватывает Блумсбери, где обитают его враги из Королевского фармацевтического общества. Стоит ему чуть повернуть голову вправо, и взору его открывается убегающая на восток старая древнеримская дорога.

Несколько больших воронов воинственно патрулируют балкон, бдительно следя за происходящим вокруг. От своего занятия они отвлекаются лишь иногда, чтобы размять лапы или почистить перышки. Периодически между стражами возникает ссора, и тогда они хлопают крыльями, нахохливаются и грозно каркают. По внешней стороне здания снизу доверху идет система ведер и лебедок, которая доставляет к окнам буквально все: препараты, детей, хлеб, закись азота – все, что потребуется. Рабочие механизмы мельницы, жернова и колесные устройства демонтированы и теперь валяются в саду. По словам Прадо, он разобрал мельничную конструкцию в знак протеста против придуманного Кабиттом [\[32\]](#) пыточного трэдмилла, который используют в тюрьмах: ничто не должно вращаться, молотить и работать по чужой воле. К тому же его «паруса» оставляли без ветра соседскую мельницу, а ведь сам Прадо ничего не молот. Без оборудования идеально круглые комнаты стали служить вполне комфортным жилищем миссис Прадо, самому Прадо и сиротам.

Сироты – огромная орава детей всех возрастов, больших и маленьких, упитанных и не очень – с криками носились по саду. Миссис Прадо, приятная пухленькая женщина невысокого росточка в широкой фетровой шляпе, пропалывает морковь, придерживая на ноге малыша.

Она вскидывает руку, приветствуя Брайди.

В саду Прадо вы ничего не найдете, кроме подкидышей, сохнувшего белья и обсыпанной песком длиннохвостой моркови.

– Еще одного найденыша мне привезла, а, Брайди? – улыбается миссис Прадо, показывая на детскую коляску.

– А то вам своих мало! – смеется Брайди.

– Конечно, мало. – Она трясет ногой, подбрасывая на коленке малыша. Тот заливается смехом.

Миссис Прадо окликает двоих ребяташек из оголтелой ватаги, что гоняет по двору курицу. Те тотчас же подбегают. Оба зеленоглазые, рыжие, как две капли воды похожи друг на друга.

– Вот и наши близнецы. – Она слегка подталкивает локтем того, что стоит к ней ближе. – Ну-ка, поздоровайтесь с Брайди. Это она вас сюда привела, помните?

Детишки приветствуют ее заунывными голосами, а сами поглядывают на убегающую курицу.

– Подросли, – кивает им Брайди. – Помните меня?

Близнецы в растерянности морщат лобики. Как ни крути, а для пятилетних детей год – это целая вечность.

– Прадо в доме, – говорит миссис Прадо. – Он тебе обрадуется. В последнее время у него не было гостей, с которыми ему хотелось бы общаться.

– А у него вообще бывают гости, которые ему нравятся?

– Да, ты. – Миссис Прадо лукаво, с озорством в глазах смотрит на Брайди. – И Валентин.

– Ой, не надо, прошу тебя!

Миссис Прадо смеется, щипля малыша за подбородок. Тот хохочет, пуская слюни.

– Если б вы с ним бросили дурака валять да взялись бы за дело, и вам было бы кого катать, – она показывает на детскую коляску, – и мне подкинули бы на десерт сладких крошек. – С шутливой свирепостью она быстро-быстро губами покусывает ручонки малыша. Тот до того развеселился, что начал икать.

Брайди бросает взгляд на Руби. Он отводит глаза.

* * *

Лаборатория Прадо находится под самой крышей здания, и он, когда желает побыть в одиночестве, просто поднимает лестницу. Однако сегодня Прадо, вероятно, пребывает в добродушном настроении, потому что лестница спущена. Лаборатория – единственное помещение на мельнице, где беспорядку нет места и куда сироты не допускаются. Если только они не умеют аккуратно писать, бесшумно ступать и читать на латыни.

Брайди уверена, что Прадо никогда не лежит на полу, воображая себя в бочке на мачте. Каждое мгновение, что он бодрствует (да и во время ночного забытья тоже, ибо именно во сне он придумывает свои лучшие изобретения), посвящены работе. Спросите его, чем он зарабатывает на жизнь, и в ответ услышите, что он исследует содержимое желудков умерших. Их ему присылают ежедневно из всех уголков страны в контейнерах, которые миссис Прадо с помощью лебедки поднимает вверх. Прадо также выступает с экспертными заключениями в суде, выпускает листовки с критическими статьями собственного сочинения, пишет язвительные письма в медицинские журналы и с удовольствием читает язвительные отзывы в свой адрес, которые в них печатают. Есть несколько истин, которыми он дорожит, а именно: что представители медицинской братии в большинстве своем безнадежно глупы. Более того, женщинам необходимо предоставить неоспоримое право осваивать профессию врача, поскольку, как правило, они куда менее глупы, чем мужчины. Далее: сельскому лекарю в среднем потребуется три месяца для установления того, что его пациент отравлен; городской эскулап в четыре раза дольше будет соображать, что это он сам травит своего пациента. Исследование желудка относительно свежего трупа – это одно; исследование гнили трехмесячной давности – совсем другое. На основе своего опыта в области изучения преступного поведения, юриспруденции и правосудия Прадо пришел к твердому убеждению в том, что все законники (и со стороны обвинения, и со стороны защиты) – рогатое отродье самого дьявола, что подсудимый всегда виновен и что проба Марша [\[33\]](#) – не единственный действенный метод обнаружения мышьяка, но ни один из других способов не является столь же элегантно красивым.

Прадо – сын аптекаря в энном поколении. Его детство проходило среди рубиновых и синих бликов, которые отбрасывали стеклянные бутылки в витринах аптеки. Отец его стоял за прилавком, как прежде стояли за прилавком его деда и прадеды – хранители стеллажей и шкафов с закупоренными склянками и сосудами. Стражи ворот в мир притираний, снадобий и порошков. Изнуренным матерям они продавали снотворное с опиатами для капризных детей, измученным зудом неверным мужьям – мази. Они в равной мере травили и лечили

и ко всему, что приготавливали, прилагали старое доброе живительное слабительное.

Юношей Румольд Фортитюд Прадо решил нарушить семейную традицию и пуститься в самостоятельное плавание по неизведанным морям-океанам. Жизнь за прилавком была не для него. Он ненавидел кланяться и шептать, отвлекаться на покупателей с их чаяниями, расстройствами и естественными отправлениями организма. Прадо хотел расширить горизонты науки, медицины и собственного разума. Его неутомимая экспериментаторская натура ничуть не изменилась с того самого дня, когда он, студент-медик, лизнул пятно на простыне, чтобы определить состав примеси, убившей богатую вдову. Не угасла в нем и жгучая любознательность. В последнее время активный интерес у него вызывают месмеризм, спиритуализм, вегетарианство, путешествия во времени с использованием магнитов и терапевтический потенциал галлюциногенных веществ.

Полки Прадо – закругленные, разумеется – забиты периодикой, брошюрами и книгами, расставленными в организованном беспорядке, ибо доктору нравится сопоставлять несопоставимое.

Несколько дочиста выскобленных рабочих столов заставлены приборами, свидетельствующими о разносторонней деятельности Прадо. Здесь есть и перегонные кубы, и спиртовки, ступы с пестами, мензурки и колбы, выпарные чаши и тигли, треножники и воронки, зажимы, штативы и пробирки.

Сейчас Прадо склонился над одним из своих столов, сосредоточенно рассматривая некое вещество в маленькой круглой чаше. Внешне Прадо – полная противоположность своей жене: его отличает аристократичная худощавость, она – кругленькая и пухленькая, как сочный плод. Прадо среднего роста и сложен пропорционально: фигура, руки, ноги у него стройные, мускулистые, грациозные. Только волосы выдают его возраст: они седые, но густые и длинные, заплетены в косичку, завязанную черной бархатной лентой. Высокий лоб, прямой нос, упрямый подбородок, аккуратные бакенбарды. Одевается он так же элегантно, как и выглядит, но наряды у него простые и строгие. Единственное украшение – жемчужная капелька-серьга, которую он носит непринужденно, на манер корсаров. Глаза янтарного оттенка сами по себе добрые, и, имея привычку вглядываться, щуриться, подолгу наблюдать, способны лучиться

теплотой и вспыхивать мятежным огнем, что всегда указывает на раскованный ум. В наружности доктора Прадо сочетаются утонченность и первобытность.

– Брайди... – Не отрывая глаз от чаши, Прадо вскидывает изящную руку. – Дай мне пару минут.

Звон колокольчика внизу предупреждает Брайди, что наверх подают какой-то груз. Она отворяет окно на балкон и принимает приехавший в люльке укутанный сосуд. Один из воронов, воспользовавшись случаем, влетает в лабораторию, приветствуя Брайди низким угрожающим «кар».

Руби устраивается на стуле рядом с конторкой и кладет цилиндр на колени. Вид у него подавленный – таким он предстает перед Брайди впервые.

Ворон подле него бьет крыльями, бочком медленно передвигается по столу, скользя когтями по полированному дереву, а сам одним глазом свирепо поглядывает на покойника.

– Птица меня видит! – восклицает Руби, повеселев.

– Это же ворон, – шепотом отвечает ему Брайди. – Он все видит.

Ворон, не выказывая признаков волнения, принимается невозмутимо прихорашиваться.

* * *

Прадо внимательно рассматривает фотографию.

– Перво-наперво давай пройдемся по фактам. Кристабель – необычный ребенок. В чем это выражается?

– Она пробуждает воспоминания, внушает гневные мысли, глаза у нее меняют цвет, она кусается, как щука, приманивает улиток, насылает сырой туман, топит людей, нагоняя воду.

Прадо кивает.

– В подтверждение всего перечисленного мы имеем шрамы на руке дочери доктора, гору пустых раковин от улиток и под ковром в детской – влажное пятно в форме человеческой фигуры, возможно, след от трупа.

– Примерно так.

– Не спорю, глаза у этого ребенка слишком светлые и как будто зятянутые пеленой, однако искусство фотографии позволяет добиваться многих необычайных эффектов. – Он возвращает фотографию Брайди. – И сэр Эдмунд Берик утверждает, что он ее отец?

– Сомнительное утверждение. Не исключено, что он приобрел ее в свою коллекцию. Ты с ним знаком?

– Только по переписке. Область его интересов составляют главным образом организмы, живущие в морской воде, и некоторые пресноводные. Сухопутными он не занимается. Птицы тоже не его стихия, за исключением болотных.

Ворон перескакивает с конторки на затылок Прадо. Ласково каркнув, он потирает клюв о его волосы. Прадо подносит к птице руку, собираясь погладить ее, и она щиплет его ладонь.

– Нехорошо, дорогая. – Он поворачивается к сосуду на своем столе. – Что мне хотелось бы знать, так это откуда у сэра Эдмунда Уинтерова Русалка. После смерти миссис Имс коллекция ее покойного мужа отошла Гидеону, но после смерти сына... – Помедлив, он задумчиво продолжает: – Пока адвокаты воевали и не объявились дальние родственники, поместье Имсов оставалось бесхозным. Уинтерова Русалка исчезла без следа... Вполне вероятно, что ее украл и продал кто-то из нечистых на руку слуг.

Прадо распахнул дверь в прошлое, впусив его призрак. Тот со свистом носится по комнате: застарелый страх, мучительная боль. Брайди старается дышать ровно, чтобы успокоить расходившееся сердце.

– Что до Хайгейтских останков, ты усматриваешь связь между замурованным младенцем и этой забальзамированной русалкой?

– Они каким-то образом связаны, Прадо, – кивает Брайди.

– Зубы?

– Да, в первую очередь.

– Ты, конечно, слышала про фиджийскую морскую деву? [\[34\]](#)

– Про ту, что наполовину обезьяна-капуцин, наполовину – лосось? Ты хочешь сказать, что Кристабель – фиджийская морская дева?

– Я хочу сказать, Брайди, что людей можно обмануть или же они сами себя обманывают. У детей, что бегают здесь на мельнице, всякого

рода странности. Некоторые из них действительно несколько необычны, но они все – *люди*.

– Знаю, но это другой случай.

– Уинтерова Русалка – чудо, не спорю. – Прадо сдержанно улыбается. – Не уверен, что у меня самого хватило бы наглости увести ее из-под носа у сэра Эдмунда. – Он осторожно подбирает слова. – Но это – не настоящее существо; его создал гений. А ребенок, которого ты ищешь, сколь бы уникальным он ни был, – человек.

– А как же улитки, туман, глаза, меняющие цвет...

– Это все сказки, Брайди, – для пущего эффекта. И еще, пожалуй, такая мысль: похищение Кристабель могло бы повысить интерес к ней среди коллекционеров.

Брайди обдумывает его слова.

– Ты полагаешь, что ее похищение – инсценировка, организованная сэром Эдмундом и доктором Харбином?

– Почему бы и нет?

– А молодая женщина, которую убили, – это тоже, по-твоему, инсценировка, Прадо?

– Не всегда все идет по плану, даже если продумана каждая мелочь. Может, она была причастна к похищению или стала случайным свидетелем. Ведь тот бродяга говорил, что она зачем-то навещалась в поместье.

– То есть баронет и доктор, намереваясь продать девочку, устроили ложное похищение, чтобы вызвать ажиотаж и набить ей цену?

– Так бывает. Мне вспоминается один случай...

– Значит, поручая мне поиски, они исходили из того, что уж кто-то, а я-то точно ее не найду, – тихо молвит Брайди.

– Не понимаю, к чему ты клонишь, – хмурится Прадо.

– Мое прошлое расследование.

– Брайди, ты сделала все возможное, чтобы спасти того ребенка. Валентин сказал, что ты выложились до последнего. Не щадила себя, так что даже заболела.

– А ребенка все равно не нашла. То есть нашла, но слишком поздно.

– И полиция его не нашла.

– Мальчик погиб по моей вине, Прадо.

– Ты и сама знаешь, – качает тот головой, – что это не так. Или забыла, скольких ты нашла? И спасла? А я не забыл. Черт возьми, да вон же некоторые из спасенных тобой гоняют по двору моих кур.

Брайди смотрит в окна. И не видит ничего, кроме неба, с того места, где она сидит. Жаль, что нельзя вечно сидеть в своем гнезде, подтянув туда лестницу.

– Взять хотя бы Кору. Она первой вправила бы тебе мозги. – Его голос смягчается. – Ты помогаешь тем, кому полиция не помогла бы, не смогла бы помочь. Сама ты едва сводишь концы с концами, нередко подвергаешь себя огромному риску. Миссис Прадо это немало беспокоит.

– И это говорит тот, кто лизнул ядовитую простыню.

Прадо хохочет.

– Ты думала, что будешь делать с девочкой, когда отыщешь ее?

– Конечно.

– Дай-ка угадаю: вернешь ее сэру Эдмунду и потребуешь обещанное вознаграждение.

– Лучше уж приведу ее сюда кур гонять.

– Так ты никогда не разбогатеешь. – Он обращает на нее взгляд. – С некоторых пор ты перестала посещать лекции.

– Спускаю деньги на мадеру.

– Возвращайся, а? Вот сейчас только и разговоров что о Гаррет Андерсон [\[35\]](#).

– Рада за нее.

Лицо Прадо принимает торжествующее выражение.

– Члены Благочестивого общества аптекарей до сих пор опомниться не могут. Пока они задницы свои чесали, она благополучно прошла у них аттестацию и получила лицензию [\[36\]](#). Блэкуэлл [\[37\]](#), Гарретт, другие женщины, наделенные умом и сообразительностью, имеют полное право притязать...

– Да, Прадо, знаю. Гарретт еще станет толковым врачом, – говорит Брайди ледяным тоном.

– Если бы еще остальные студенты не выступали против нее. Ничтожества.

– Свои приверженцы у нее тоже есть.

– Женщины-медики... – начинает Прадо.

– Это именно то, что необходимо обществу, – заканчивает за него Брайди. Если сейчас разговор пойдет о Сикоул [\[38\]](#) и Найтингейл [\[39\]](#), он до ночи не слезет со своего любимого конька.

Уловив нотки категоричности в голосе Брайди, Прадо пытливо смотрит на нее. И замечает, что она сильно удручена. Вроде бы наблюдает, как ворон теребит край оттоманки, но на самом деле ничего не видит.

– Брайди, ты хоть спишь?

– Конечно.

– А питаешься как? Хорошо, регулярно?

– Эти вопросы обычно задает миссис Прадо.

Он показывает на сосуд с Уинтеровой Русалкой.

– Лестер Лафкин купил бы эту штуковину. Еще бы научить Русалку жонглировать.

– Лестер Лафкин – отпетый мерзавец.

– Импресарио Лафкин теперь Очень Важная Персона. – Прадо подается вперед всем телом. – Через пару недель его цирк приезжает в Челси. Он планирует устроить феерическое представление с морским уклоном. Воссоздать в Креморнских садах [\[40\]](#) водный рай Нептуна.

– Он намерен прибрать к рукам Креморнские сады? – удивляется Брайди. – Почему я этого не знала?

Прадо с теплотой во взгляде смотрит на нее.

– Ты слишком занята другими делами.

– В таком случае ребенок, наделенный фантастическими свойствами морского существа, как нельзя лучше впишется в программу его зрелища, – рассуждает Брайди.

– Она принесет прибыль побольше, чем двухголовая морская собака.

– Где сейчас Лафкин?

– Расположился лагерем за городом, на пустоши Хаунслоу. Обдумывает стратегию своего вторжения. Хочешь нанести ему визит и выяснить, известно ли ему что-то про твоего похищенного ребенка?

– Разумеется.

– Я так рад, что ты снова работаешь, Брайди.

Она силится выдавить улыбку.

– Ну а как Валентин? – дружелюбным тоном любопытствует Прадо. – Давно ты видела моего мальчика?

Брайди украдкой смотрит на Руби. Тот зачарованно наблюдает за тем, как ворон пытается вытащить пробку из графина с портвейном.

– Он иногда подбрасывает мне работу.

– Еще бы он не подбрасывал. Валентин высоко ценит тебя во всех отношениях.

Звенит хрусталь. Это ворон долбит клювом графин.

– Ты права, мой злой гений, – говорит Прадо ворону и затем снова обращается к Брайди: – Элодия предлагает нам выпить, раз уж все важные вопросы мы обсудили.

– Элодия? Ты опять даешь имена своим воронам?

– Только самым отъявленным разбойникам. Я и без того едва успеваю запоминать имена своего семейства. Миссис Прадо никак не уgomонится, не устает обзаводиться новыми птенчиками.

Брайди смеется.

Прадо встает и принимается суетливо искать бокалы.

– А заодно и покурим. Что у тебя сегодня в трубке?

– Твоя «Бронхиальная бальзамовая смесь».

– Это зелье не без побочных эффектов, – кривится Прадо.

– Как и все твои зелья.

– На изобретение моего последнего и самого гениального, – он бросает взгляд на ворона, – меня вдохновили мои врановые музы. Называется «Прогулка на небеса» Прадо. Не желаете присоединиться, мадам?

– Ой, Прадо, мне...

– По случаю сегодняшнего дня?

– А что сегодня за день?

– Сентябрьское равноденствие. Чем не праздник?

– Старый ты друид! – смеется Брайди.

Прадо в ответ ухмыляется.

* * *

Давно стемнело к тому времени, когда Брайди вталкивает детскую коляску миссис Аккерс через порог своего жилища на Денмарк-стрит. Всю дорогу до дома она шла пешком, поскольку долгие переговоры с кэбменами ни к чему не приводили. Те, видя габариты детской коляски

миссис Аккерс и состояние потенциального пассажира (трубка во рту, вдовый чепец наперекосяк, склонность вести беседы с пустым пространством), предпочитали отказаться от ее денег и катили мимо.

Руби следует за Брайди в дом. Она закрывает дверь и поворачивается к нему.

Он изможден донельзя – краше в гроб кладут. Лицо мертвецки бледное в свете газовой лампы, что Кора обычно оставляет в прихожей, когда знает, что Брайди вернется поздно.

Татуированная русалка на его плече уныло заплетает косу. Чернильная веревка рывками поднимает якорь на его руке.

– Руби Дойл, что касается Валентина Роуза... – Брайди умолкает.

Последнее изобретение Прадо странным образом воздействует на ее сознание: оно стало вязким, в нем не найти ни одной отчетливой мысли.

Брайди делает глубокий вдох и начинает с трудом нанизывать одно на другое простые слова.

– Он мне друг, Руби. Добрый, давний друг, в общем, очень добрый старый друг.

– Как скажешь, – отвечает Руби с блеском в черных переливчатых глазах. – Ладно, спокойной ночи.

Брайди жаждет поцеловать его глаза, усы, восхитительные губы...

– Руби... – Она протягивает к нему руку, хочет дотронуться до него, но он уже исчез.

Пошатываясь, она поворачивается к коляске, берет в руки укутанный сосуд и, пританцовывая, напевая бодрую песенку «Слушай пересмешника» [\[41\]](#), несет уродца наверх.

* * *

Не без труда Брайди отпирает шкаф в гостиной, разворачивает сосуд с Уинтеровой Русалкой и ставит его на одну из полок, на которой теперь стоят в ряд три экспоната, все очень разные. Слева от русалки – орешниковая соня – лакомая добыча для кошки. Брайди сама его законсервировала в годы ученичества. Справа от русалки – человеческое сердце в разрезе, так что виден весь его сложный механизм. Это – работа доктора Имса. Каждый из экспонатов

напоминает о мгновениях давно минувших дней, когда эти бранные останки были исследованы, отобраны и тщательно запрезервированы.

Они нарушают естественный порядок вещей: жизнь – смерть – тлен.

Они воплощают собой пойманное время.

Замаринованное «вчера».

Вечность в сосуде.

Май 1841 г.

Новый дом Брайди был сложным организмом. Во-первых, ей пришлось запоминать множество имен: Билл, Уильям, Уилл, Кейт, Мэгги, мистер Гривз, миссис Донси, та-самая-Элайза, глупые гусыни – Скверная Доркас и Крошка Мэри. И это были только слуги. А еще была господская семья: сам доктор Джон Имс, его супруга миссис Мария Имс и их дети: Гидеон и покойная мисс Лидия.

Если доктор Имс походил на любезного длинномордого коня с печальными глазами, то Марию Имс можно было сравнить с надменной чистокровкой. Женщина с редкими рыжевато-каштановыми волосами, внешне она была высокой и худой, но, благодаря ухищрениям одевавшей ее камеристки, казалась полнее. Ноздри ее постоянно раздувались оттого, что она во всем усматривала пренебрежение к ее особе; голубые глаза вспыхивали, вращались, блестели и сверкали (как у всякого человека со вздорным нравом). Темп ее существования имел две разновидности: она либо лежала, либо носилась как угорелая. Сие зависело от времени суток (и, как поговаривали, от потребления настойки опия). Выговор ее отличало манерное произношение гласных звуков – особенность, которую она выпестовала в себе еще в девичестве, когда готовилась впервые предстать при дворе. Смеялась она обычно в нос, была дочерью богатого промышленника (инновации в области усовершенствования шарикоподшипников) и ничего и никого не любила так самозабвенно и беззаветно, как своего сына Гидеона. Жаль, что Гидеон не отвечал ей взаимностью. Как заметила мудрая миссис Донси, им обоим от этого было только хуже.

Что касается покойной Лидии, в холле висел ее портрет, на котором была запечатлена белокурая, пухленькая печальная девочка в голубом платье.

Покойная Лидия.

Брайди спала в ее постели и трогала ее вещи: фарфоровых кукол и детские книжки с картинками, серую в яблоках лошадку-качалку и

кукольный театр.

Брайди носила одежду покойной Лидии.

Порой Брайди чудилось, будто она слышит недовольный голос усопшей девочки, которая вернулась с того света, чтобы выяснить, почему какую-то там бродяжку вырядили в ее платье. Брайди воображала, что шуршание ее нижних юбок – это неодобрительный шепот покойной Лидии.

Иногда Брайди замечала, что миссис Имс пристально наблюдает за ней и при этом хмурится. И Брайди пришло в голову, что, возможно, матери Лидии неприятно видеть одежду дочери на замухрышке из трущоб.

Как-то вечером, набравшись смелости, она поделилась своими тревогами с миссис Донси. И кухарка сказала ей, что миссис Имс сына боготворит, а к дочери всегда была равнодушна. В Лидии она видела в лучшем случае разряженную куклу, в худшем – неудобство вроде февраля или несварения желудка. Брайди должна крепиться: против нее *лично* хозяйка ничего не имеет. Для миссис Имс что Брайди, что дверная пружина – один черт. Она и не помнит, какие платья носила ее дочь, а если и узнает их на Брайди, уж тем более не придаст этому значения. Скорее всего, хозяйку раздражает, что она вынуждена терпеть в своем доме очередную прихоть мужа. Здесь миссис Донси глянула на Элайзу, которая штопала носок, думая о чем-то своем.

В конце концов, кто такая Брайди? Забава, вроде домашней собачки или кошки. Молва гласила, что маленькая ирландка, которую подобрал на улице доктор Имс, способна за минуту удалить желчный камень и за пять – отпилить ногу. Друзья Имсов были заинтригованы, пока не встречали Брайди – девочку с бледным и худым сиротским личиком и непокорными рыжими волосами.

Да Имса надули... хотя нет, постойте-ка: разве манеры девочки не свидетельствуют о том, что она обладает некоторыми познаниями, разве глаза ее не светятся умом?

В одежде покойной Лидии Брайди почти не отличалась от детей их круга. А вскоре под руководством доктора Имса она научилась говорить и вести себя соответствующе. Не забывали и о том, что Брайди была незадачливым отпрыском семьи талантливых дублинских врачей с трагической судьбой (жившей на Меррион-сквер). Вскоре собачонка доктора Имса стала сопровождать его в больницу, где она

подружилась с врачами и хирургами, медсестрами, сиделками, больничными чиновниками и даже с аптекарями и их помощниками (которые слыли не самыми дружелюбными людьми). Нередко, когда доктор Имс совершал обход палат в больнице, а Брайди семенила с ним рядом, ее принимали за его родную дочь.

Весть о популярности Брайди (и о заблуждении окружающих относительно ее личности) достигла ушей миссис Имс. Она была разгневана. Любая собачонка, даже любимая, должна знать свое место. О чем миссис Имс не преминула заявить мужу. Она поставила ему условия, которые тот должен был соблюдать, если хотел оставить сиротку при себе (и подкрепила свои требования значительной денежной суммой, которую пожертвовал тесть доктора Имса на нужды его любимой больницы Св. Варфоломея). С той поры Брайди больше не сопровождала доктора Имса в больницу, не ела за одним столом с господами, не показывалась на глаза их гостям, не сидела вместе с ними в церкви. Правда, миссис Имс согласилась, чтобы Брайди по-прежнему помогала ее мужу в его домашней лаборатории, ибо ей претила сама мысль, что на нее как на жену снова будет возложена обязанность (которой она пренебрегала) наклеивать ярлыки на банки с хрящами.

Теперь Брайди ела вместе с прислугой и в церкви сидела рядом с Элайзой, маленьким Эдгаром и миссис Донси, помогая им грызть конфеты. И хотя Брайди горевала, что ее больше не берут в больницу, в целом она была бы довольна своим существованием, если бы ее не мучил страх.

* * *

Брайди никогда ничего не боялась, по-настоящему – никогда. Ни уличных мальчишек, что гонялись за ней с разбитыми бутылками, ни приставучих пьяных в таверне, ни ночей, что она проводила на кладбище с Ганом Мерфи, вооружившись киркой, лопатой и мешком. Брайди никогда не испытывала страха, хотя прекрасно понимала, что людям свойственно бояться.

Гидеона Имса боялись, каждый по-своему, все слуги Олбери-Холла, от судомоек до дворецкого.

– Это не мальчишка, а лживый коварный ползучий гад, и тебе лучше поостеречься, если он вздумает позабавиться с тобой, – предупредила Брайди миссис Донси, которая знала обо всем.

Гидеон губил слуг по малейшей своей прихоти. При этой мысли миссис Донси потрясла подбородком, и глаза ее наполнились слезами. Садовники ломали ноги при подозрительных обстоятельствах, конюхов выставляли ворами, плачущие горничные шли за ворота, унося с собой свой нехитрый скарб и погубленные репутации.

– Он насквозь гнилой, – сказала миссис Донси. – Разнузданный, как и его мать.

Они сидели вместе перед кухонным очагом. Брайди, миссис Донси и Элайза. Маленький Эдгар играл на коврике возле них.

Издавая шипящие звуки, он кусочком веревки помахивал над ногой миссис Донси. Та взвизгивала со смехом:

– Ой, ой, змея! Боюсь-боюсь!

Эдгар тоже хохотал.

И Элайза смеялась, наблюдая за сыном. Ее лицо светилось любовью.

Внешне Эдгар был неприглядный малыш: лицо бледное, сероватое; голова большая, странной формы. Поразительно, что у такой красавицы, как Элайза, родился столь непривлекательный ребенок. Строилось много догадок по поводу наружности его отца, и в конце концов сложилось общее мнение, что Эдгар похож на него. С другой стороны, даже два красивейших родителя могут произвести на свет уродца. За примером далеко ходить не надо. Взять хотя бы мистера и миссис Имс. Впрочем, Гидеон был уродлив только душой, а это все-таки не так страшно, если уж уродство неизбежно.

Элайза взъерошила волосы сыну. Улыбка угасла на ее губах, миловидное лицо омрачила тень горечи.

– На этой неделе он возвращается из школы.

– Так скоро? – простионала миссис Донси. – Да еще в отсутствие доктора.

– Мать и сын, вместе, без всякой на них управы... – Элайза повернулась к Брайди. – Постарайся держаться подальше от Гидеона и миссис Имс, слышишь? Постоянно следи за тем, где они находятся, и не лезь им на глаза.

Брайди испуганно кивнула.

– Если где наткнешься на них, сразу убегай! Спрячься, если придется, слышишь, дитя? – сурово наставляла Брайди миссис Донси.

Брайди взглянула на Элайзу. Та, усадив на колени Эдгара, надолго погрузилась в раздумья.

* * *

Гидеон, как и его мать, был высок ростом, строен и чванлив, имел ясные голубые глаза и рыжевато-каштановые волосы, только у него они были густые. И – не чета матери – он отличался проницательностью и сообразительностью. На щеках Гидеона уже начинали пушиться бачки. У него были полные губы, красивые руки и надменный взгляд, от которого бросало в дрожь даже миссис Донси.

Очень скоро до Брайди дошли слухи о жестокостях, что вытворяли мать и сын. Когда миссис Имс воткнула в ладонь камеристки иглу для вышивания, Гидеон расплылся в улыбке. Когда Гидеон пинками гонял по гостиной спаниеля, миссис Имс хохотала. Когда миссис Имс с корнем выдрала клочок волос у горничной, Гидеон, чтобы переплюнуть мать, заporол до полусмерти мальчика, помогавшего на конюшне.

Потом стали ходить слухи, что Гидеон, которому уже исполнилось семнадцать лет, принялся всерьез гоняться за каждой юбкой в округе, не пропуская мимо ни одной горничной, молочницы и прислужницы в харчевне. Преследовал девушек с запальчивой решимостью, а затем избивал и бесчестил. Шепотом поговаривали, что Гидеон Имс калечил живность и скотину самым зверским образом.

– Очаровательный мальчик и такой дьявольски бездушный, – качала головой миссис Донси. – Всадит нож в твое сердце, а сам при этом будет улыбаться тебе в глаза – даже не сомневайся.

И миссис Донси знала, что говорила. В семье Имсов она служила еще с тех пор, когда доктора Имса качали в колыбели. Но с приездом домой Гидеона ничего не следовало обсуждать открыто. Он имел зловещую привычку без предупреждения появляться в помещениях для прислуги. Частенько вечерами усаживался на стул перед плитой миссис Донси и с едва заметной улыбкой на губах внимательно наблюдал за Элайзой и Эдгаром, понуждая всех спешно разбегаться по

своим углам и пораньше ложиться спать. Когда Гидеон был дома, миссис Донси приходилось выражать свои предостережения в форме притчи – на тот случай, если он подслушивает. Когда Гидеон был дома, атмосферу кухни заряжали напряженностью сказки про змей и лисиц, волков и невинных юных девиц, которых утаскивали с солнечных троп в темные аллеи, где царили разврат и порок.

Порой Брайди сильно скучала по Гану Мерфи и трактирной кошке. Она продолжала проклинать Пэдди Фаддена и его банду, желая им страшной смерти. Однажды, в один из дней первых месяцев пребывания Брайди в Олбери-Холле, ее навестил прежний папаша. Элайза и миссис Донси радушно приняли его (Ган считал неподобающим тревожить хозяина дома). Он прибыл из Лондона на поезде, привез с собой запах угольного дыма и тумана, так что Брайди сразу охватила тоска по городу. Ган взял ее за уши, повернул к свету. Потом кивнул, сел, прокашлялся, пока миссис Донси наливала им выпить, и принялся делиться сплетнями. Наконец Ган попрощался. Брайди неотрывно смотрела ему вслед, пока он не скрылся за воротами. После она вспомнила, что нельзя провожать взглядом уходящих друзей, если хочешь, чтобы они вернулись. Позже, с болью в сердце, она убедилась в истинности этой приметы.

Однако теперь у Брайди был новый папаша – доктор Имс. К ее удивлению, он всегда был о ней высокого мнения. Говорил Брайди, что ей предназначено вершить великие дела. Что за великие дела? – недоумевала она. Неужели доктор Имс поверил напыщенным рассказам Гана о ее хирургических талантах?

Конечно, он не поверил, хотя и мог бы, потому что в господских комнатах Брайди вела себя не так, как наедине с Элайзой, – не смеялась и не резвилась. В присутствии доктора Имса Брайди ступала бесшумно, разговаривала тихо и демонстрировала твердость руки. Когда доктор Имс был дома, она не отходила от него ни на шаг, как прежде следовала по пятам за Ганом. Только теперь она трудилась в анатомической лаборатории, а не бороздила на лодке Темзу вдоль и поперек в поисках жуткого улова и не бегала по закоулкам с мешком и тачкой.

Теперь у Брайди были собственные маленькие рукавицы, фартук и передвижная стремянка на колесиках, которую доктор Имс соорудил специально для нее, чтобы она доставала до поверхности рабочих

столов. Любую вещь она брала с предельной осторожностью, никогда не роняла ее и ставила на место без стука и грохота. Брайди быстро осваивала новые навыки: предугадывала, заранее подготавливала все, что требовалось доктору для работы, придумывала новшества.

Доктор Имс немало удивился, узнав, что Брайди умеет читать и писать. Грамоте ее с малых лет обучил Ган, используя в качестве учебников «Ньюгейтский календарь» [\[42\]](#) и Библию – из всех письменных источников информации только эти, по его мнению, были достойны чтения. А счетом Брайди овладела с помощью сына уличного торговца фруктами и овощами, который жил напротив, над старой лавкой судовых товаров.

Порой доктор Имс отвлекался от работы и наблюдал за тем, как Брайди исполняет свои обязанности: моет и чистит оборудование и инструменты, записывает цифры, отмеряет жидкости, помогает с препаратами. Он не уставал поражаться ей. Имея такого отпрыска, как избалованный и неуправляемый красавчик Гидеон, доктор Имс забыл, что дети и помладше Брайди содержат целые семьи. И если ему прежде не хватало терпения со своим распушенным сыном, то теперь, сравнивая его с усердной Брайди, он раздражался на Гидеона еще больше.

А Брайди трудилась ревностно, но трудолюбие было не единственной ее добродетелью. В числе ее достоинств были также смелость, любознательность, скрупулезность и интуиция.

Теперь доктор Имс почти верил в рассказы Гана Мерфи. Родись она мальчиком, будущее на медицинском поприще было бы ей обеспечено, но доктор Имс рассчитывал, что воспитает из Брайди искусного лаборанта. Когда придет время, он устроит ее брак (выдаст замуж за надежного человека из хорошей семьи, которого, возможно, удастся убедить не придавать значения ее сомнительному происхождению).

Теперь доктор Имс радостно спешил домой, чего с ним давненько не случалось. Он жаждал увидеть серьезную улыбку Брайди, услышать ее вопросы и шуршание ее юбок, когда она деловито сновала по лаборатории. Теперь он смотрел на свою работу ее глазами, в нем пробуждался былой азарт, бывшее любопытство. Время от времени он насвистывал, напевал. С каждым днем чувствуя себя все

более счастливым, он стал менее бдительным. И однажды совершил ужасную ошибку.

Доктор Имс обмолвился жене, что крепко привязался к этой стойкой девочке. Вслух недоумевал, как он мог раньше обходиться без нее.

Он подарит ей одного из щенков Свифт, сказал он.

– Декоративные собачки не для Бриджет. Ей нужен настоящий охотничий пес.

Миссис Имс вознегодовала.

– Джон, дорогой, по-твоему, это мудрое решение? – При этом ее голубые глаза обдавали ледяным холодом, хотя голос был прозрачным и душистым, как лимонные леденцы.

* * *

Однажды, когда Брайди находилась в лаборатории доктора Имса одна, туда наведалься Гидеон. В доме эта комната была ее любимой. Чтобы попасть в лабораторию, нужно было пройти через кабинет, где Брайди в измазанных кровью лохмотьях впервые стояла перед доктором Имсом, когда он привел ее к себе домой. Здесь у нее было свое рабочее место – на диванчике у окна, где она читала или рисовала препараты, пока доктор Имс работал за письменным столом. Ее тетради стояли в ряд на подоконнике.

Из кабинета двупольные двери открывались прямо в лабораторию, которая выходила окнами на юг и оттого была светлой, сплошь состояла из полированного дерева и сверкающего стекла. Там находились выскобленный до блеска рабочий стол и шкафы, забитые различными материалами и препаратами, среди которых был и соня Брайди – клубочек, плавающий в сосуде с жидкостью. Доктор Имс сам промаркировал этот сосуд и поместил его рядом со своими стеклянными контейнерами, в которых содержались образцы, одновременно вызывающие дрожь и замораживающие.

Ибо доктор Имс был кудесник. Он препарировал обычное и исключительное, в обоих случаях применяя одну и ту же искусную методику. Его супруга лабораторию мужа называла склепом – о, ей даже подумать было страшно о том, что происходит там за закрытыми

дверями! – но Брайди знала, что в сосудах доктора Имса заключена жизнь, а не смерть.

В числе экспонатов было человеческое сердце. Размером с кулак, оно было аккуратно разрезано и раскрыто, являя собой чудо из мышц, желудочков, артерий и вен. Одно бrenное человеческое сердце, сохраненное и выставленное на обозрение, спасенное от разложения – навечно! Оно никогда не переставало биться – по крайней мере, в восприятии Брайди. С помощью доктора Имса она проследила, как движется по нему кровь, представила его ритмичные сокращения, оценив гениальность природы.

Еще одним экспонатом было легкое. Чистое розовое легкое обитателя деревни, сделавшее миллионы вдохов до того, как доктор Имс его заспиртовал. Оно дышало влажным воздухом деревенского рассвета, воздухом поры урожая, знойным и пыльным воздухом, поглощало запахи рынка, коров и свиней, вкусного пива и горячих пирогов. Было здесь и легкое жителя Лондона, почерневшее от угольной пыли, измученное дымом, деформированное джином, пропитанное фабричными испарениями.

Брайди была так увлечена наведением порядка – вытирала пыль, раскладывала, разбирала, – что не сразу заметила Гидеона. А когда увидела, что он наблюдает за ней, стоя в дверях, чуть не взлетела под потолок – хоть граблями снимай.

Поначалу она с трудом понимала, что он говорит. Оцепенела под взором его холодных, как у амфибии, глаз. Прежде Гидеон Имс никогда не смотрел на нее, – во всяком случае, открыто. Обычно просто скользил по ней взглядом, как по привычной вещи – ведерку с углем или скамеечке для ног. Брайди почувствовала, что ее бьет дрожь. Дыхание перехватило, кровь ревела в ушах, сердце выстукивало дробь, предупреждая об опасности.

И разум откликнулся. Разве она не проявляла бесстрашие перед лицом лондонских грубиянов и головорезов, среди которых встречались поистине отвратительные типы? А сейчас трепетала перед мальчишкой, словно мышь, застывшая в ужасе под нависшей над ней кошачьей лапой.

Сердце сказало: «Бойся его», и разум повиновался.

Парализованная страхом, она тем не менее отметила, что Гидеон красив, как молодой бог. Черты лица правильные, идеальные: прямой

нос, твердый подбородок, длинные ресницы. Золотисто-каштановые волосы зачесаны назад, образуя над головой яркий ореол. Улыбаясь, он сверкал ослепительно-белыми зубами; если хмурился, лицо его все равно оставалось прекрасным.

Он задал Брайди два вопроса, повторяя их до тех пор, пока она его не поняла. Пока звуки, слетавшие с его чудесных выразительных губ, не сложились в слова: *откуда она явилась и когда уберется восвояси?*

А затем Гидеон поведал ей одну историю.

– В былые времена, – начал он...

Давным-давно жил некий вор, и у него была помощница. Никчемное существо со спутанными рыжими волосами и гнусным выговором: цивилизованное ухо не воспринимало ее исковерканную речь, никто не понимал, что она говорит. Однажды вор продал свою помощницу одному доверчивому доктору, а в придачу к ней – слезливую историю о таланте и трагедии, о непоправимых несчастьях, постигших одну семью – историю из тех, что все обожают! Якобы эта помощница вора была ни много ни мало дочерью джентльмена, некоего великого врача, над которым посмеялась судьба.

И вот эта маленькая самозванка поселилась в доме доктора и его семьи. Естественно, мошенница пришла туда только для того, чтобы ограбить доверчивого доктора. Украсть у него время, знания, вещи, какие можно унести. К счастью, у доктора был умный лихой сын, который мог бы изучать медицину, если бы задался такой целью да перестал дубасить конюха, гоняться по деревне за юбками и жестоко забавляться по ночам с ягнятами.

Сын, сразу раскусив мошенницу, оглушил ее, а затем отрезал обе кисти ее воровских рученок и обе ступни ее подлых ног. И заспиртовал их в сосуде. Очнувшись, мошенница осознала, что у нее нет кистей и стоп. Она посмотрела вверх: они были на столе. В закупоренном стеклянном сосуде, куда их только что поместили: ладошки взмахивают, пальчики на ногах мило растопырены. Она попыталась доковылять до двери на обрубках ног, но сын хирурга снова ее оглушил, и, когда она очнулась, ног у нее уже вовсе не было. Она смотрела на них с того места, где лежала на полу: ровно отрезанные по самые ягодичы, они изящно стояли вместе в растворе. В сосуде рядом с тем, где теперь хранились ее кисти и стопы! Она

попыталась подтащить к двери на локтях. Далеко она не уползла. Сын хирурга снова оглушил ее. На этот раз она осталась без рук (разумеется, они тоже были в сосуде: аккуратно сложенные, плавали в растворе!), и с нее содрали кожу, из которой сын хирурга сделал блокнот. Теперь он сидел за письменным столом отца и что-то в нем писал.

А мошенница – окровавленный кусок мяса – лежала на полу и выла отсутствующими губами, глядя на сына хирурга двумя жуткими глазными яблоками без век. Пока сын хирурга не положил конец ее страданиям, выстрелив из пистолета ей в висок.

– Видишь, – сказал Брайди Гидеон в завершение своей притчи, – для мошенницы все это не очень хорошо закончилось.

Брайди выросла под столом в трактире, играя с трактирной кошкой, и слышала истории и пострашнее. Она расхохоталась бы в лицо Гидеону, если бы не выражение его глаз.

Его взгляд говорил, что он отвечает за каждое свое слово. Будь его воля, он прямо сейчас вспорол бы ее. Его рукам не терпелось исполосовать ее ножом, глаза жаждали увидеть ее нутро, органы, кишки, хрящи. Ноздри зудели, мечтая ощутить запах ее кожи, волос, крови.

Он наклонился к самому ее уху и тихо выдохнул:

– Убирайся из моего дома.

* * *

Брайди назвала щенка Прутиком. У него были блестящие глазки, черная бархатная шубка, мягкий носик и крошечные цепкие зубки. Две недели, пренебрегая своими обязанностями, она играла с ним на газоне. А доктор Имс, наблюдая за ней, слушая смех, глядя на ее сияющее радостью личико, думал, что перед ним Брайди, какой он никогда ее не видел: Брайди-ребенок.

Потом Прутик исчез.

А спустя два дня, когда доктор был в отъезде, вернулся.

В мокром мешке, подброшенном в детскую.

Брайди сразу все поняла, едва открыла в комнату дверь. Поняла по запаху.

Она развязала мешок. В нем лежал ее песик – освежеванный и разделанный, как кролик для жаркого. Из ободранного черепа торчали два остекленевших глаза. Молочные клыки были оскалены в последнем рыке.

* * *

Элайза помогла Брайди похоронить Прутика под розовым кустом. Потом привлекла девочку к себе на грудь и стала гладить ее по голове, пока Брайди пересказывала ей историю о помощнице вора и сыне хирурга, сочиненную Гидеоном. Когда Брайди посмотрела на Элайзу, ореховые глаза экономки пылали гневом, а сама она была бледна как полотно.

– Держись от него подальше, – сказала Элайза. – А я постараюсь тебя защитить.

Сентябрь 1863 г.

Завернувшись в шаль, Брайди сидит ночью в гостиной своего жилища – волосы распущены, глаза темные в тусклом свете. В доме тишина, которую нарушают лишь басовые перекаты Кору, храпящей в своей комнате на чердаке. Брайди это не раздражает, ибо мысли ее далеко. На Денмарк-стрит сегодня тоже тихо. «Эклектический театр» Флаксмена давно покинули и театралы, и случайные зрители. Спят почти все обитатели улицы: гравер, изготовитель кисточек и султанов, скобянщик, красильщик и ткач. Отдыхает и мистер Фредерик Уилкс – мастер по изготовлению креплений для колокольчиков и хозяин дома, у которого Брайди снимает комнаты. Устроившись до утра в чулане с инструментом, он спит в жестких объятиях своего древнего сюртука – негнущийся, как рашпиль, прямой, как долото. А вот кошки на крышах да мыши в подвалах, конечно, не спят. Равно как и жена пекаря фрау Вайс, которая всегда укладывается спать последней и встает самой первой. Обсыпанная мукой, она ритмичными движениями месит тесто. Выпитый рислинг настроил ее на поэтический лад, и, работая, она слагает оды луне (ее рифмы нередко можно слышать тихими ясными ночами).

А что происходит за пределами Денмарк-стрит?

Крыло ворона перенесет вас в самую бездну буйного черного моря трущоб, где пьяные ночи напролет колобродят и орут песни – менее лиричные, чем сочинения фрау Вайс. Где в лачугах с затянутыми бумагой окнами гуляют сквозняки и в каждом подвале, на каждом чердаке, в каждой комнате и каждом коридоре живет хотя бы одна семья, а чаще – три. Слышите? Звон падающих бутылок, грохот на сломанной лестнице, свист, шлепок. Брань, распугивающая крыс. Писк одурманенного младенца. Возможно, все же там кто-то и спит – между ведрами с помоями, мокрыми простынями и вонючими сточными канавами, под шум ночной ругани и предрассветных драк.

А еще дальше?

Большой город не спит, по-настоящему он никогда не засыпает. На каждого спящего в постели лондонца приходится десять неспящих, замышляющих недоброе. Они вершат свои темные дела, разгуливают, развлекаются! Под взором луны.

Луна все видит. Сегодня ночью она будет нашим экскурсоводом, ибо сейчас поздно, и каждый уважающий себя ворон уже устроился на ночлег, восседая на облюбованном пяточке в покрове собственного черного оперения. Пусть вороны спят!

Луна видит красоту и жестокость Лондона: его проституток и пьяниц, святых и убийц, воров, возлюбленных и драчунов.

Луна видит каждый глухой переулок, каждый двор, каждый участок кустарниковых зарослей или болота. Где собираются буйные толпы, чтобы поорать и посквернословить, глядя на то, как рвут на части друг друга собаки с окровавленными мордами. Где бойцовые петухи насакивают, бросаются друг на друга, пуская в ход клювы и шпоры, так что в стороны летят красные от крови перья. Где мужчины дерутся на кулаках, отхаркивая зубы, сопли, кровь и слезы.

Эти громилы далеки от настоящих профессионалов, от тех, кто боксирует красиво и бьет точно, ловко уклоняясь от опасных ударов; кто не просто мутузит друг друга до полусмерти. От боксеров, которые дают представление публике, восхищая зрителей своей быстрой реакцией, своим мастерством.

Но именно в глухих закоулках и на топких полях рождаются быстро сгорающие звезды боксерского ринга, на который выходят бойцы с лоснящейся кожей. Они обмениваются рукопожатиями и свирепыми взглядами или подмигивают друг другу. Там до сих пор вспоминают Руби Дойла, его искусность и удивительные татуировки. *Расписной Дойл!* Непобедимый моряк. Он дрался со многими прославленными боксерами и всех побеждал – побеждал элегантно. Даже таких великих королей ринга, как Том Кинг и Джем Белчер! [\[43\]](#) Руби Дойл Львиное Сердце. Его жизнь оборвалась в подлейшей трактирной потасовке.

Но покойный боксер ничего этого не слышит. Он сидит и наблюдает за рыжеволосой женщиной, которая думает о чем-то своем в сумраке ночной гостиной, освещаемой тусклым огоньком газовой лампы. Если бы мог, он взял бы ее маленькую ручку в свою огромную

ладонь. Руби чуть наклоняется вперед, и этого движения достаточно; она поднимает голову.

– О чем задумалась, Брайди? – тихо спрашивает он.

– Об Уинтеровой Русалке.

– Не томи.

– Помнишь, я тебе говорила, что некогда она принадлежала доктору Имсу? Я была его ученицей.

– Помню.

– Одно время я жила у него в доме – с ним и его семьей, на положении воспитанницы.

Руби жаждет услышать историю, которую Брайди не в силах ему рассказать.

– На первых порах мне там было хорошо, – говорит Брайди, избегая его взгляда. – Пока я не столкнулась с его сыном – Гидеоном.

– И что тогда произошло, Брайди?

– Гидеон совершил ужасное преступление против одной молодой женщины, что служила в его доме. Свою вину он отрицал, хотя тому были доказательства. – Она помолчала. – Я нашла улики.

Брайди сидит. Смотрит куда-то внутрь себя. Напряжена всем телом, словно гонит прочь воспоминание. Руби молча велит ей перевести дух.

– Он был порочный юноша из хорошей семьи. Надеялись, что под соответствующим влиянием он встанет на путь истинный. – Брайди протяжно выдыхает. – И дело решили не предавать огласке. Репутация Гидеона не пострадала. Его отправили за океан, предупредив, чтобы он не вздумал возвращаться, иначе ему не поздоровится. Судя по всему, он оказался искателем приключений, сотни раз умирал. – Брайди качает головой. – Да простит меня Бог, но я каждый раз молилась, чтобы очередная весть о его гибели оказалась правдой. Потом, наконец, в «Таймс» появился некролог. Один уважаемый капитан подтвердил, что Гидеон Имс утонул у берегов Западной Австралии.

– Значит, его нет в живых?

– Да.

– И на том его история закончилась?

– Да.

Брайди смотрит на огонь.

– Просто я была ошеломлена, когда увидела Уинтерову Русалку в той комнате. Никак не ожидала.

– Да уж, шокирующая находка, – едва заметно улыбается Руби.

– А, собственно, почему ее там не должно было быть, если учесть, что сэр Эдмунд коллекционер? Разве Агнес не упоминала про его экспонаты?

– Упоминала.

– А Прадо сказал, что после смерти миссис Имс и споров по поводу поместья коллекция доктора могла осесть где угодно.

– Вот-вот. У тебя нет причины для беспокойства. Что было, то прошло, травой поросло. Прошрое не властно над настоящим. – Руби откидывается на спинку кресла и кивает, явно довольный собственной мудростью: хоть он и покойник, а зрит прямо в корень.

Брайди, не отвечая, снова набивает трубку и закуривает.

Неплохое местечко, чтобы спрятаться. Где это? В Хокэм-Визаут, на краю деревни. В самый раз, если что-то пойдет не так.

До Дувра рукой подать, утверждает доктор.

Кучер погребен в саду за домом.

Дюжий, лютый, дитя Лондона. Миссис Бибби знала его еще малышом. Поэтому, когда он заплакал, она заплакала вместе с ним, приставив ему под ребра дуло «бетти».

Во время одной из коротких остановок в пути кучер изъявил желание придушить ее юную подопечную, но тогда миссис Бибби его отговорила.

По прибытии на место он без всяких яких перенес сундук в дом (миссис Бибби держала оружие наготове – на тот случай, если возникнет спор).

Но потом встал на дыбы, охваченный жгучей потребностью перерезать горло девочке и башмаком раздавить ее курчавую головку. А та, недолго думая, вонзила в него свои зубки, и все было кончено.

Взрослый мужик, он стоял, держа под мышкой укушенную руку, и плакал, как мальчишка, которого ужалила пчела.

– Закрой глаза, сынок, – велела ему миссис Бибби, наводя на него револьвер. – Этим ты мне очень поможешь.

* * *

Девочка наблюдает за ней из плетеного сундука. Миссис Бибби видно ее лицо в дыре, которую та постепенно прогрызла до относительно большого размера. Глаза девочки следуют за доктором, расхаживающим по комнате взад-вперед. У него длинные ноги, и он в три шага доходит до одной стены, в три шага – до противоположной. Но взгляд девочки поспевает за ним. По-видимому, ее завораживает движение.

– Я – конченный человек, – стонет доктор. Он только что вошел и еще не успел снять пальто и шляпу. – В Париже покупателя нет. Из

Дувра суда не отходят. Он узнал и всех отвадил.

– Наверняка вы этого не знаете, сэр.

– Что еще могло побудить парижан отказаться от сделки, на которой они прежде так рьяно настаивали? – Он судорожно вздыхает. – Посредник уведомил меня, что ни один французский цирк, ни один коллекционер из Франции больше не станет связываться со мной и моим товаром.

– Доктор Харбин, еще не все потеряно, – говорит миссис Бибби. – Ребенок по-прежнему у нас. Можно попытаться с ней счастья на лондонском рынке.

– Почему вы решили, что мы найдем покупателя в Лондоне? Если уж французы не готовы купить похищенного ребенка, *его* похищенного ребенка...

– Попытаться стоит, сэр, – твердо заявляет миссис Бибби. – Насколько я понимаю, лондонские коллекционеры самые отчаянные и азартные. Они охотно идут на риск и редко спрашивают, откуда взялись их приобретения.

– Все, завязываю я с этим бизнесом, – качает головой доктор Харбин. – Если не попадем в лапы к преступникам, нас схватит полиция...

– Вот если *он* вас поймает, тогда уж вам точно несдобровать.

Возможно, доктор и плачет, но за толстыми стеклами его очков слез не различить.

Миссис Бибби улыбается. Улыбка у нее кошачья, голос вкрадчивый, даже ласковый:

– Доктор, дорогой, не унывайте.

Доктор Харбин снимает очки и ищет платок.

– Все, мне конец, я – труп.

– Не буду с вами спорить, сэр, но все же послушайтесь моего совета. Не падайте духом, и давайте поедem в Лондон. Если повезет, продадим свой товар. А потом купите себе билет на корабль и скроетесь в неизвестном направлении.

– А что еще мне остается?

– Значит, решено. Едем в Лондон.

– Она меняется, – сообщает доктор, снимая кольчужные перчатки. – У нее лезут постоянные зубы.

Кристабель подтягивает ноги к груди и отворачивает лицо к стене, а сама косит на доктора одним глазом, и глаз темнеет, становится черным.

Доктор Харбин подходит к окну.

– Ей нужно быть в воде. Иначе у нее атрофируются конечности.

Револьвер миссис Бибби наведен на доктора, хотя тот, как бы сильно он ни нервничал, никогда не нападает, не кричит и не теряет самообладания. Только остатки профессиональной гордости заставляют его сохранять бесстрастность в отношении пациента, даже такого, как Кристабель.

– Волосы выпадают? – спрашивает он няню.

– У меня или у нее? – Она показывает на волосяные комки в углах комнаты.

– Скоро она линять начнет.

– Линять?

– Сбрасывать кожу.

– Боже. А что будет под кожей?

– Другая кожа. Та же Кристабель, только больше. – Помолчав, доктор добавляет: – Для них это в порядке вещей, как утверждал преподобный Уинтер, пусть земля ему будет пухом.

– А он-то знал, что говорил, – бормочет миссис Бибби.

– Нельзя не учитывать и природные аномалии.

– Это вы про чаек, что ломают шеи, пытаясь залететь в дом через окна, про улиток и проклятых тритонов? И про это... – Она показывает на стены, по которым уже струится вода.

– Скоро она начнет привлекать не только улиток и чаек, – предупреждает доктор.

* * *

Миссис Бибби моет пол, ибо доктор наказал не оставлять следов. Она собирает выпавшие волосы – волнистые тонкие белые пряди, пустые раковины от улиток и игольчатые зубы. Кристабель подготовлена в дорогу: ждет в передней, лежа в простом

прямоугольном деревянном сундуке. Гроб, да и только, но при докторе не вздумайте его так называть. Изнутри сундук выстлан одеялами, по его верхнему краю проделаны вентиляционные отверстия, которые совсем не бросаются в глаза. Сундук, по проекту доктора, сколотил местный плотник. С минуты на минуту подъедет наемный экипаж. Миссис Бибби оставит окна открытыми. Как она ни старается, выветрить из комнаты специфический запах не удастся: воняет, как на рыбном рынке Биллингзгит в жаркий день.

* * *

Дождь, подобный этому, размочит дороги и увеличит путь до Грейвзенда на несколько часов. Кучер наемного экипажа нервничает, да и с чего ему быть спокойным? Колченогая пассажирка широка в плечах, взгляд у нее подозрительный, руки как у воришки. А доктор дерганный какой-то, нервно ёрзает. Не говоря уже про сундук: кучер уверен, в нем что-то шевельнулось – внезапно вскинулось и упало, – когда он заносил его в экипаж (пассажиры ни в какую не соглашались расстаться со своим багажом на время пути, хотя в карете и без того тесно). И заплатили ему за услуги втрое больше, рассчитались вперед, – чтоб не болтал лишнего. Одно это любого насторожит. Да еще эти чайки. Такого их скопища он сроду не видел. Целыми стаями они сидели на крыше дома, в саду, на прилегающих полях. Лошади в панике, чуют, фыркают, глаза у них под шорами выпучены: его тревога через вожжи передается им. Кучер подумывает о том, чтобы высадить пассажиров вместе с их багажом и укатить прочь, однако в уме он уже сотни раз потратил полученные деньги. Одно ясно: он ввязался в мутное дело.

* * *

Миссис Бибби держит под платком заряженный револьвер, оружие приятно холодит ладонь. Доктор сидит рядом, спит. Его голова болтается в такт движению экипажа, рот открыт, стекла очков запотели. По стенкам кареты уже сочится вода. Миссис Бибби слышит

крики чаек, сопровождающих экипаж. Слава богу, что они нигде надолго не останавливались, и в карету не заползли улитки.

Доктор храпит во сне. Такого общения с ним ей достаточно. Перед отъездом она напоила его зельем – успокоительным тонизирующим снадобьем, как она ему объяснила, – и тем самым обеспечила себе и Кракен мирное путешествие. Доктор, конечно, дурак, что согласился выпить его, но в последние дни он вообще перестал соображать.

У миссис Бибби мелькает мысль, что, может быть, стоит сбросить балласт, повысить эффективность этого предприятия. Она внимательно смотрит на доктора. Он оказался никудышным вором и нервным коммерсантом: кишка у него тонка. Не то что у нее. Она создана для темных делишек. Любого за пояс заткнет, спуска никому не даст, даром что у нее ноги больные.

Из сундука, что стоит у ног миссис Бибби, раздается постукивание.

– Утихомирься, спи.

Тишина. Потом снова постукивание по боковой стенке сундука – отрывистый, повторяющийся ритм.

– Один раз – «да», два раза – «нет», это ясно?

Тишина. Затем двенадцать ударов. Пауза. Еще пять.

– Ладно, уговорила, – улыбается миссис Бибби. – Раз доктор храпит во всю свою блестящую лысину, так и быть, расскажу тебе историю, Кракен. Давным-давно...

Доркас и Деллу выловили с илистого дна Темзы – ведь именно туда, разумеется, завели их туманные выдры – и положили на берегу. Они моргали, плевались, хватили ртами воздух, что-то бессвязно лопотали, и их отнесли в больницу Святого Варфоломея. Дежурный врач внимательно выслушал рассказ Доркас о том, как ей жилось в исправительной школе, как ее избивали цепью, «девятихвостой кошкой» и когтистыми лапищами. И у него созрел план. Он предложил девочкам хорошую работу: они будут жить в его доме и постигать науку прислуживания, и никаких телесных наказаний. Но когда они прибыли в дом доктора, чудесное местечко на берегу реки, их надежды растаяли. Жена доктора согласилась взять в услужение невзрачную хромую Доркас, сказав, что миленькая Делла ей не нужна. Она прекрасно знала, что из миленькой сиротки наверняка вырастет

прелестная горничная, а господам от прелестных горничных одно расстройство. Делле нашли место в другой респектабельной семье в одной из соседних деревень.

Доркас была плохо приспособлена к работе по дому. Ей был ненавистен тяжелый труд, не нравилось выполнять чужие указания, не нравилось, что она разлучена с Деллой. Однажды няня заболела, и Доркас поручили заботиться о господской дочери, фитюльке в рюшках. Жена доктора, когда она не была одурманена опиумом, выражала дочку по своему образу и подобию, и вдвоем они целый день корчили глупые рожи в гостиной: мать изображала из себя королеву, дочка – принцессу.

Принцесса, как и мать, была несносной идиоткой. Постоянно верещала о своих шелках и муслинах, о лентах и безделушках, а сама только и думала, как бы завладеть мамшиной шкатулкой со взрослыми драгоценностями.

Доркас начала прислушиваться к тому, что говорит принцесса.

У королевы, как выяснилось, были сапфиры и рубины размером со сливу.

И Доркас стала думать, как бы ей наложить свои воровские ручонки на драгоценности королевы.

Так случилось, что у принцессы была любимая игрушка: золотой шарик. Смеясь, она подбрасывала его в воздух и ловила по тысяче раз на день. Однажды, играя у реки, принцесса споткнулась в своих атласных туфельках и выронила шарик, и тот покатился в воду.

Принцесса была вне себя от горя!

И Доркас увидела свой шанс. Заметив, что шарик на самом деле застрял в глине на берегу, она сказала принцессе, что сейчас войдет в воду и достанет ее игрушку. Но при одном условии: в благодарность принцесса должна принести ей мамину шкатулку с драгоценностями. От отчаяния принцесса дала обещание. Доркас велела ей закрыть глаза, потому как сама она должна была превратиться в угря, чтобы нырнуть в мутную воду, найти на дне шарик и схватить его зубами. Принцесса закрыла глаза, а Доркас вытащила шарик из глины на берегу, поплевала на него и вложила в протянутую руку девочки. Радости принцессы не было конца и края. Она скакала и кружилась, как шальная – смотреть было противно.

Доркас тогда не ведала, что брат принцессы, молодой принц, сидел на дереве неподалеку и наблюдал за ними, от души хохоча над тем, как дурачат его ненавистную сестру. Ему также было известно то, о чем Доркас еще не догадывалась: что принцесса изменит своему слову и откажется принести ей шкатулку с драгоценностями.

Доркас пришла в ярость: ходила с хлыстом, сшибая головки всех цветов, что ей попадались. Пока не столкнулась с молодым хозяином.

И они заключили сделку.

Если Доркас поможет ему избавиться от ненавистной сестренки, он стащит для нее у матери шкатулку с драгоценностями. Хотя это все просто стекляшки, признал он.

Но Доркас решила, что ей нужно другое вознаграждение.

Она слышала, что у молодого хозяина большие способности к наукам, только он ленив. Она попросила, чтобы он научил ее читать и писать. И тогда она сумеет общаться с дорогой Деллой, которая хорошо знала грамоту.

Молодой хозяин немало изумился такой просьбе, но согласился ее выполнить.

Доркас вернулась в дом. Она должна преобразиться в угря не внешне, а внутренне. Ей необходимы качества этой рыбы. Ее способность чувствовать опасность, ее первобытная агрессивность и, самое главное, ее умение ускользать и не попадаться на крючок.

Избавиться от принцессы оказалось на удивление легко.

Доркас просто рассказала ей про гнездо милой птички, что она видела. И в нем полно милых пушистых птенчиков, мисс! Такие очаровательные серые комочки, мисс! Как где, мисс? Да сразу же за окном детской, мисс! Вон там, на карнизе, мисс! Высуньте голову и сразу увидите, мисс! Еще чуть дальше, мисс...

По стенке кареты стучит кучер.

– Грейвзэнд. Сэр, мэм! – кричит он не без облегчения в голосе.

Миссис Бибби ставит револьвер на предохранитель и убирает в карман. Открывает окно. В карету врываются запахи Темзы, гомон водоплавающих птиц, шумы реки, по которой снуют пароходы, баржи и лодочки. Смеркается. В «Трех галках» ее ждет постель, а доктора – еще одна доза снотворного. А рано утром они со своим грузом отправятся на пристань.

Первыми подняли тревогу голуби. Словно по команде, они разом взмыли ввысь, слившись в единое воркующее облако. Ворóны проводили их взглядами и полетели следом, затмевая солнце, которое будто внезапно поглотила ночь. За ними вспорхнули вóроны, грачи и галки (так что во всем Лондоне из черных птиц не покинули своего места только те, что жили на мельнице Прадо, поскольку они ни при каких обстоятельствах не расставались с химиком). Потом устремились прочь вьюрки, скворцы, воробьи, певчие дрозды, зарянки и синицы. Все улетели – судорожно махая крыльями, трепыхаясь в воздухе, с паническим блеском в глазах. Но водоплавающие птицы остались: лебеди, утки, цапли и журавли, камышницы, бакланы и поганки. Только теперь к ним еще присоединились огромные разбойничьи стаи чаек. А также качурки, кулики-сороки и фрегаты, коростели, зуйки и чибисы. На колонне Нельсона восседает буревестник, на здании парламента ссорятся кайры. Крыши домов облюбовали моевки, по Ковент-Гардену расхаживают олуши.

Может быть, водоплавающие птицы принесли на своих крыльях морские бризы и ветра из районов с влажным климатом, ибо мгла начала рассеиваться и ненадолго выглянуло солнце. И воздух озарился, восхитительно засиял: пылинки сажи блестят, дым радужно переливается, над лондонцами светится прозрачная пелена тумана, сотканная из непролитых дождинок.

Даже водители omnibuses, осадив лошадей, задирают головы вверх.

Пожалуй, это даже и к лучшему.

Потому что под Лондоном, под его тротуарами и мостовыми, под садами и дворами начинают kloкотать и бурлить выгребные ямы и kloаки. Вода поднимается, затопляя кульверты. И поколения подземных мусорщиков смывает в мгновение ока. Потоки нечистот вырывают у них из рук фонари, тару, инструменты. Они барахтаются в темноте, их крутит и подбрасывает, уши, глаза и рты забивает чем-то невообразимым.

Подземные водотоки Лондона пробуждаются!

Уолбрук, угрюмый Тайберн, Флит, Эффра – поруганные, искривленные, проклятые, погребенные притоки Темзы. Некоторые – не более чем заиленные ручейки; другие – широкие и длинные, растекающиеся в разные стороны рассадники болезней. Все начинают вспучиваться и разливаться. Возле каждого жилища в бочках колышется дождевая вода, лужи и пруды пузыряются, жидкое содержимое ведер и лоханей взбаламучивается.

Налейте чашку чая, и вы увидите в ней волнение.

* * *

Теперь, когда дождь утих, в умытой небесной выси над Хаунслоу-Хит мечутся взбудораженные чайки. Они крикливо переругиваются, кружа над шагающей по пустоши Брайди Дивайн. Пусть сейчас здесь нет виселиц и грабителей, но разбойничий запашок не выветрился, отмечает она, хотя с краев на пустошь уже начинают наползать новые селения.

Рядом с Брайди вышагивает в дорожном плаще и капоре Кора Баттер – весьма заметная фигура, что, в общем-то, немудрено: двухметровую служанку трудно не заметить. Она идет, решительно стиснув зубы и сурово сдвинув ошетиленные брови. Кора по природе своей воительница: сама на драку не напрашивается, но всегда готова к ней.

Брайди побоялась бы задирать Кору.

Сейчас она рада, что грозная Кора ее сопровождает. Ибо Лестер Лафкин имеет славу беспредельщика и не жалуется на вопросы, касающиеся его сомнительной деятельности. И Брайди благодарна подруге, ведь посещение цирка наверняка вызовет у Кору тяжелые воспоминания о ее мучительном прошлом.

По другую руку от Брайди ступает покойник – мерцающий силуэт в водянистом воздухе. Цилиндр его сдвинут на затылок, лицо обращено к солнцу, тепла которого он не ощущает.

Сзади на некотором удалении семенит мужчина, который следует за ними от самой Денмарк-стрит. В Лондоне ему удавалось

смешиваться с толпой, но на открытой местности никак не спрячешься.

– За нами хвост, – произносит Брайди. – Не показывай, что мы его заметили.

Кора и Руби оборачиваются.

– Да, сзади мужик, несется чуть ли не вприпрыжку, – докладывает Руби.

– Подозрительный тип с подозрительными намерениями, – выражает свое мнение Кора.

Брайди бросает взгляд через плечо: она склонна согласиться с обоими. Их преследователь – приземистый мужчина с грушеобразной фигурой и довольно широкой задницей. Он не отстаёт от них всю дорогу, что делает ему честь, ибо любой, кто хочет поспеть за длинноногой Корой, должен уметь ходить быстро. Мужчина снимает котелок и вытирает лоб, от которого у него начинается лысина, прикрытая редким пушком. Слюнявый тип, такие обычно склонны фырчать и храпеть. Нос луковицей выдает в нем пропойцу, любителя самых разных крепких напитков.

– Может, встряхнуть его как следует?

– Не спеши, Кора, – улыбается Брайди. – Подождем и посмотрим, как он себя поведет.

– Это точно будет кто-то из людей инспектора Роуза. Бобби в штатском.

Руби кивает.

– Скажи ей, что она права. Бобби, как пить дать, с заплетающимися ногами. Проворством не отличается.

Кора толкает Брайди в плечо.

– Он послал его присмотреть за вами. Ваши расследования могут навлечь на вас опасность, а инспектор переживает за вас. Он вам *симпатизирует*.

– Скорее подозревает, что я от него что-то утаиваю, – хмурится Брайди. – И давай больше не будем про Роуза и его симпатии.

* * *

На ветру развеваются флаги Лестера Лафкина. Шатры в средневековом стиле блестят после недавнего дождя. На каждом эмблема Лафкина – золотой вензель на алом фоне. Кочевой цирк Лафкина поражает воображение. Если бы не яркие краски, можно было бы поклясться, что это военный лагерь, ибо всю территорию цирка патрулируют крепкие охранники.

Брайди и Кору тотчас же останавливают. Они объясняют причину своего визита: им необходимо увидеться с королем цирка. Их имена не имеют значения. Охранник, чуть запрокинув голову, вытягивает шею и злобным взглядом долго оценивает Кору. Та, насупившись, сжимая кулаки, столь же злобно смотрит на него сверху вниз. Не рискнув дать им от ворот поворот, охранник жестом приглашает женщин следовать за ним.

Они идут по деревянным настилам, проложенным между конструкциями из трепыхающейся парусины. Зачарованный Руби следует за ними.

– Святая Матерь Божья, – выдыхает он себе под нос.

В одной из клеток на соломе лежит лев. Лапы у него размером с чайный поднос, шкура на солнце имеет светлый золотисто-коричневый цвет, роскошная грива чуть темнее.

Руби заморожен.

– Никогда такого не видел. – Кажется, он сейчас заплачет. – Всю жизнь мечтал посмотреть на царя зверей.

Лев, оскалившись, лениво рычит на Руби.

– Он меня видит, – шепчет тот.

– Это же лев, – шепотом откликается Брайди. – Он видит то, что хочет видеть.

Лев с равнодушным видом принимается чистить лапу, клыками ковыряя меж острых и длинных, как столовые ножи, когтей.

– Брайди, я, пожалуй, поторчу тут немного, подружусь, – говорит Руби. – Но если понадобится, немедленно примчусь.

– Я буду рычать.

Брайди с Корой вслед за охранником углубляются в лагерь. На ступеньках раскрашенных фургонов курят циркачи. В глубоких гамаках, сделанных из юбок, качают младенцев. Кто-то чистит картошку, сбрасывая кожуру в ведра. Слышится звон фарфоровой посуды. В клетках поют птицы. Макака в гофрированной юбке пляшет

под аккордеон. Собака наблюдает, как ребенок делает колесо. С коврика им машет «человек-змея», засунувший голову между ног.

Кора низко надвинула на лицо капор, смотрит строго перед собой. Брайди пихает ее локтем и, увидев в ответ обнаженные в милой печальной улыбке выпирающие зубы служанки, вздыхает с облегчением.

Под навесом художники рисуют вывески. Рыжебородый Нептун – с трезубцем, в цилиндре – стоит раскинув руки, представляя волшебный хаос за своей спиной. Гимнасты с трапеций ныряют в пенящиеся волны. Стройными рядами шествуют пингвины. Из каждого угла улыбаются клоуны с клешнями вместо рук.

Над двухголовой морской собакой художник рисует новый образ.

Через бортик аквариума перегибается русалка с белокурыми локонами. Она застенчиво улыбается. Ее хвост уходит глубоко в воду.

Кора вскидывает брови.

– Похожа на фотографию Кристабель, да?

Брайди кивает.

В верхней части вывески золотыми буквами возвещается чудесная новость:

*Цирк и бродячий зверинец Лестера Т. Лафкина
представляет:*

ПАРК РАЗВЛЕЧЕНИЙ НЕПТУНА

В программе вас ждет

ОШЕЛОМИТЕЛЬНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ СЮРПРИЗ

(демонстрируется впервые)

Морские диковинки. Сказочные морские существа.

Смертельные водные аттракционы и т. д. и т. п.

ПЛАВУЧИЙ АМФИТЕАТР!

МИЛЛИОНЫ ГАЛЛОНОВ морской воды!

(За ущерб, причиненный водой – морская болезнь, утопление, любой другой вред, нанесенный публике, – администрация ответственности не несет).

Охранники подводят Брайди и Кору к величавому шатру с парусиновыми башенками, на которых полощутся флаги. Это,

объявляет их провожатым, парадный зал мистера Лафкина, где сам владелец цирка – в окружении придворных, гобеленов, мехов и золотых блюд – принимает гостей.

Мистер Лафкин – джентльмен, отдающий предпочтение историческому антуражу.

С детства он мечтал создать внушительную цирковую империю и искал пример для подражания. В итоге он взял за образец короля Генриха VIII, сочтя, что тот обладал качествами, необходимыми человеку, который поставил перед собой цель преуспеть в жизни.

В молодости, имитируя внушительную фигуру короля, Лафкин носил подкладки на груди, плечах и гюльфике. Теперь, не считая гюльфика, подкладки ему больше нигде не требуются. Присущий ему ныне облик стареющего монарха неподделен: Лафкин любит вкусно поесть, не ограничивает себя в еде и, потакая этой своей склонности, в конце концов приобрел наружность тучного толстопузого обжоры с заплывшими жиром глазками. Равно как и некогда Генрих VIII, Лафкин страдает подагрой, имеет невообразимо рыжую бороду, острый ум проницательного стратега и пристрастие к неприступным женщинам.

Самое существенное отличие между историческим монархом и цирковым королем – рост. Лафкин не наделен статностью Старого Медного Носа [\[44\]](#), что он компенсирует тюдоровским беретом с плюмажем и сапогами на высоком каблуке.

За спиной у Лафкина стоит его четвертая жена – Эвриала, *Королева Змея*, черноволосая красавица из Ист-Энда. В медном корсете, она держит в руках королевского питона. Вид у нее подавленный. Змея, обвивающая ее шею, тоже угрюма, вяло шевелит языком. Кора, тронутая безграничной печалью в насурьмленных глазах Эвриалы, сочувственно улыбается ей. Эвриала краснеет.

– Бог мой, неужели Брайди Дивайн собственной персоной? – вопрошает Лестер Лафкин, прикрывая глаза гусиной ножкой. Голос у него пряный, как переперченный соус. – Ваш ужасный капор ни с чем не спутаешь.

Взмахом руки он предлагает гостям сесть. Его приспешники опускают полы шатра и зажигают еще несколько свечей. Лафкин одним глазом задумчиво посматривает на Кору.

– Не желаете поступить в мой цирк, прекрасная великанша? – предлагает он.

Кора отводит глаза от Эвриалы.

– Размечтались.

– Подумаешь, – смеется Лафкин. – Есть женщины и поболее вашего, да еще и с бородами до колен. Впрочем, готов поспорить, в рукоборстве никто из них вам не ровня.

Кора в ответ лишь сердито смотрит на него.

Лафкин встречает взгляд Брайди.

– Примите мои искренние соболезнования по поводу вашей последней неудачи. – Он обращается к своей свите: – Все присутствующие слышали про последнее дело миссис Дивайн?

Его придворные в растерянности, не знают, какой реакции ждет от них маленький король.

– Для тех, кто *пропустил* это мимо ушей, рассказываю: с целью выкупа был похищен маленький мальчик, в результате его убили. Похитители, – продолжает Лафкин, – сообразив, что сети, в которые они угодили, затягиваются, решили, что *застиртованного* ребенка продать будет легче, чем *живого*. Слышали об этом, мои подданные?

Те энергично кивают.

– Сомневаюсь, – чопорным тоном говорит он. – Ладно, любезности в сторону. Что вас привело сюда, Дивайн?

– Вы усилили охрану, – замечает Брайди.

– Мы всегда охраняем своих артистов. С тех пор как Джон Хантер прикарманил ирландского великана, мы находимся в состоянии войны. – Для пущего эффекта Лафкин гусиной ножкой разрубает воздух. – Антрепренеры и анатомы – заклятые враги.

– Ну да, – комментирует Брайди, – когда не торгуют между собой украденными, выкопанными или контрабандными диковинками.

Лафкин резко втягивает в себя воздух, приходя в ярость. Он кладет на стол гусиную ножку и вскидывает свои униженные кольцами руки.

– На что это вы намекаете, миссис Дивайн?

– У вас есть связи, Лафкин, – не отрицайте. Насколько мне известно, без вашего ведома ничто о двух и четырех ногах или в сосуде не пересекает границу нашей страны в обе стороны.

– Думаете, я в сговоре со своими врагами?

– Я думаю, что вы – бизнесмен.

Лафкин прищуривается.

– Миссис Дивайн, вы заявили в мое королевство в безобразнейшем капоре, какой только есть в христианском мире, и еще смеете обвинять меня бог знает в чем?

Брайди вытаскивает фотографию Кристабель и по столу придвигает ее Лафкину.

– Эту девочку выкрали из ее родного дома в Восточном Сассексе. Я должна ее найти.

Лафкин вытирает пальцы о скатерть, из кармана своей туники достает монокль и устраивает целое представление, вставляя его в глазницу.

Эвриала насмешливо поводит глазами, и Кора отваживается послать ей еще одну улыбку. Эвриала улыбается в ответ, отчего на щеках у нее проступают прелестные ямочки. Питон чуть разматывает свои кольца.

Лафкин поворачивает фотографию к свету и изображает удивление.

– Милая лапочка, – произносит он.

– Похожа на героиню центрального номера программы на вашей вывеске, вы не находите, Лафкин?

– Совпадение, миссис Дивайн.

– Она – опасное приобретение, из-за нее уже погиб один человек.

– Напугать меня пытаетесь, мадам? – Лафкин возвращает ей фотографию.

Брайди выпрямляет спину, сидя на стуле.

– Помните, несколько лет назад у вас были неприятности с полицией, когда, в частности, вами заинтересовался инспектор Валентин Роуз?

Лафкин протирает монокль о свой складчатый рукав с буфом.

– Я попросил бы вас, мадам, не упоминать это имя в моем дворце.

– Благодаря доказательствам, что я раскопала, вас сняли с крючка, Лафкин. Хотите, чтобы я напомнила вам обстоятельства того дела?

– Не надо. То есть вы хотите сказать: *Лестер, дорогой, ты у меня в долгу. Услуга за услугу.*

– Я прошу вас о содействии, Лафкин. Вряд ли вы хотите, чтобы сюда наведалься полиция и спутала все ваши планы относительно

Креморна. – Она помолчала для выразительности. – Инспектор Роуз проявляет интерес к этому делу.

Лафкин морщится.

– Ему известны подробности?

– Если еще не известны, то скоро он будет осведомлен, а вы у него не самый любимый антрепренер.

Крякнув, Лафкин убирает в карман монокль.

– Что ж, буду держать ухо востро и смотреть в оба. Может, что и узнаю о вашей пропавшей крошке.

– Вы знакомы с няней по имени миссис Бибби? Хромая на одну ногу, грубые манеры?

– Нет. Ее тоже похитили?

– Исчезла вместе с девочкой. Скорее всего, замешана в похищении.

– Как я сказал, буду смотреть в оба.

– Только за мной следить не вздумайте, Лафкин. – Брайди задиристо вскидывает подбородок, в ее бандитских глазах стальной блеск.

Эффект потрясающий. Лафкин взволнован, ибо надменных пылких женщин он предпочитает всем остальным. Он пал бы к ногам женщины, которая относилась бы к нему со столь необузданным неуважением. Лафкин вдруг начинает сознавать, что нашел в Брайди свою Анну Болейн, и его сердце наполняется ликованием.

С золотого блюда на столе он берет половинку граната, смачно кусает его и, пережевывая зернышки, со страстным вождением смотрит на Брайди.

Подумывает о том, чтобы выразить свое недовольство, но вместо этого спрашивает:

– Миссис Дивайн, какие у вас планы на сегодняшний вечер?

Под ее испепеляющим взглядом его сердце пронизывает трепет.

– Я скорее глаза свои съем, Лафкин, – отвечает она.

* * *

Эвриала, *Королева Змей*, подает Коре знак из-за шатра. Ее изящные лодыжки обвивают ужи.

Кора учтиво кивает, почесывая свои бачки.
Эвриала подмигивает ей. Кора смеется.
Брайди возводит глаза к небесам.
– Иди спроси, чего она хочет.
Кора почти сразу возвращается. Ее глаза сияют.
– Она приглашает нас в свой фургон, хочет что-то рассказать нам про Лафкина.

* * *

Все вместе они сидят в тесном фургоне Эвриалы. Ноги Кору торчат из двери, Брайди держит на коленях свой капор.

По стенам стоят клетки со змеями, воздух в фургоне затхлый. Время от времени Брайди замечает, как между прутьями выстреливают раздвоенные языки. Или слышит сухой скрежет, издаваемый чешуей змей, потому что рептилии наслаиваются друг на друга и тасуются между собой, словно змеиная колода карт. Несколько ужей намотались на черенок метлы, еще несколько лежат на полках, вытянувшись во всю длину. В ведре, что стоит у ног Брайди, копошатся цыплята. В клетке у выхода белые мыши, ожидая, когда сказочная фея превратит их в ливрейных лакеев, пребывают в счастливом неведении относительно того, какая судьба уготована им на самом деле.

Королева Змей с питоном на плечах кипятит чайник на крошечной плитке.

– Насколько мне известно, мэм, Лафкин заключил одну крупную сделку. На огромную сумму: все говорят, что он взыскивает долги, – сообщает Эвриала тихим шипящим голосом, напоминающим шорох листы.

Наверно, оттого, что привыкла болтать со своими змеями, думает Брайди.

Эвриала расставляет чайную посуду. Кора, с густеющим румянцем на щеках, следит за каждым ее движением. Она приглаживает свои бачки, поправляет ленты на капоре. Брайди перехватывает ее взгляд. Лицо Кору становится пунцовым.

– Это будет грандиознейшее шоу из всех, что он когда-либо привозил в Лондон, и для него он придумал грандиознейший номер.

– Это Лафкин так говорит? – уточняет Брайди.

– Лафкин ничего не говорит, мэм. Когда надо, он умеет молчать.

– Значит, это все просто слухи?

– Больше чем слухи, мэм. Его охранник сказал мне, что Лафкин планирует представить в Креморнских Садах новый аттракцион на торжественной церемонии открытия.

– Через две недели, – добавляет Кора.

– Лафкина навещал кто-нибудь не из его традиционного круга посетителей, может быть, тайно?

Питон ведет головой вдоль руки Эвриалы. Она ласково поглаживает его с рассеянным видом.

– Приходил один человек, миссис Дивайн, с неделю назад.

Вода закипает. Эвриала снимает с плиты чайник.

– Ты знаешь, как его зовут?

Эвриала выглядывает из фургона и ближе придвигается к Брайди.

– Не знаю, миссис Дивайн. Лафкин, я слышала, называл его «мой старый друг».

– Можешь его описать?

– Голова странной формы. Ухмылка на лице.

– Курит сигары?

– Не знаю, мэм. Я видела его всего мгновение, а потом Лафкин нас всех отослал, даже своего телохранителя. Что тоже меня удивило. – Эвриала обдаёт кипятком заварочный чайник и выплескивает из него воду за дверь. Питон сползает с ее плеч, и она подтягивает его, возвращая на место.

– Почему тебя это удивило?

Эвриала пожимает плечами, насыпая в чайник заварку.

– Лестер Лафкин никогда не остается один. Слишком многие точат на него зуб.

– Мнительный он очень.

– Да нет, не мнительный, миссис Дивайн. – Эвриала обращает взгляд на Брайди. – Я не вижу ни одной достойной причины, которая *отбила бы* у кого-то охоту его убивать, – невозмутимо заявляет она.

Кора смеется.

– Он всегда держит при себе телохранителей, – продолжает Эвриала, уже менее язвительным тоном, – даже когда спит и справляет нужду. И даже когда исполняет свои супружеские обязанности.

Голова питона резко уходит в сторону. Кора принимает страдальческий вид.

– Что бывает не часто, – добавляет Эвриала. – Из-за того, что маленького короля мучит подагра, ну и вообще. – Быстрым движением руки она делает спереди полукруг, изображая огромное пузо.

– Что было дальше? – спрашивает Брайди.

– Я спряталась, хотела подслушать и все бы узнала, если бы не эта бестолковая змея. Она заметила крысу и ринулась за ней. Выдала меня. – Эвриала постукивает по одной из клеток. – Нехорошо, Кларисса, плохо.

О прутья клетки ударила змеиная морда с немигающими блестящими глазами.

– Лестер, увидев, что я подслушиваю, разозлился и вышвырнул меня из шатра. С тех пор я живу в этом фургоне, хотя иногда он позволяет мне бывать на его пирах. Соблюдает внешние приличия. – Она морщит носик. – Но здесь мне нравится куда больше, чем при его «королевском» дворе, чтоб ему пусто было.

Эвриала разливает по чашкам чай. Кора наблюдает за ней с восхищением.

– Он грозит расторгнуть со мной брак или отрубить мне голову. Говорит: я на него действую, как Анна Клевская, – признается Эвриала. – Из-за меня он не может... ну вы *понимаете*.

Питон обвис на плечах Эвриалы. Кора разглядывает свои ботинки.

– Если почувствуешь опасность, сразу беги отсюда. Приходи к нам, и мы поможем тебе встать на ноги.

– Спасибо, миссис Дивайн. Если ваша пропавшая девочка здесь объявится, я тотчас же дам вам знать.

– Если она попадет в руки Лафкина, у нас еще есть шанс ее спасти.

– Вероломные это руки, не дай бог в такие попасть, – хмурится Кора.

– Есть руки и похуже, – говорит Брайди. – Поверь мне.

– Я пошлю за вами, – обещает Эвриала. – Клянусь.

Питон сползает с ее плеч и юркает под койку в углу.

Руби все там же, где Брайди с ним рассталась. Только теперь он сидит по-турецки в клетке льва, насадив свой цилиндр на одно колено. Большая кошка слушает его с выражением печального сочувствия в глазах и время от времени кивает. При виде Брайди Руби умолкает и густо краснеет, чего никак не ожидаешь от покойника. Лев с любопытством смотрит на нее, затем, зевнув, потягивается и ложится, принимая присущий ему вид скучающего хищника.

– Что с ней такое? – хмурится Руби, глядя на Кору.

С лица служанки сошло свирепое выражение, на ее губах играет едва заметная улыбка.

– Влюбилась. В жену Лафкина. – Брайди таращит глаза, изображая бурный восторг.

Руби приподнимает брови.

– Никогда бы не подумал, что ты замечаешь такие вещи.

– Какие вещи?

– А то не понимаешь. – Руби понижает голос и произносит одними губами, так что усы едва шевелятся: – Любовь.

Брайди фыркает.

Руби отводит глаза. Лев бросает на него участливый взгляд.

Дождь прекратился, на речной поверхности, как на зеркале, ни единой морщинки: Темза застыла в неподвижности. Такое впечатление, что все суда от Грейвзенда до Дептфорда разбил паралич. Парусники стоят, потому что нет ветра; паровые двигатели работают вхолостую, да и веслами сколько ни гребь, все без толку. Никто сегодня не может тронуться с места. Словно река устроила против них заговор, решительно препятствуя малейшему продвижению.

Плывет только одно судно, а над ним кружит туча орущих водоплавающих птиц.

Команде заплатили не за то, чтобы они изумлялись, но как тут не удивляться? Моряки – народ суеверный, а этот рейс – сплошная чертовщина. Наемная баржа идет по Темзе быстрее, чем под парусами, а сами-то паруса висят. Словно некие незримые силы под килем направляют, приподнимают судно, ибо оно скользит днищем фактически по самой поверхности воды.

Груз – женщина, мужчина и сундук – ничего особенного.

Капитан ни о чем и не спрашивает. К тому не располагают ни блеск в широко расставленных голубых глазах женщины, ни ее покошачьи вкрадчивая улыбка. Не комментирует он и затравленный вид небритого мужчины, глаза которого за мутными стеклами очков полнятся беспокойством. И он знает, что его матросы ни словом не обмолвятся по поводу шорканья, которое исходило из сундука, когда его заносили на палубу.

Пассажиры заплатили вдвое больше обычного, купив их молчание.

Груз находится в трюме. Сундук закреплен. Женщина сидит на крепком стуле, задрав одну ногу. Глаза ее закрыты, но видно, что она настороже и что-то держит наготове под своей шалью.

Мужчина, позеленевший оттого, что плохо переносит качку, сидит, съежившись, на палубе.

Кристабель принюхивается через вентиляционные отверстия. Она бледна, как мраморное изваяние, все еще похожа на кладбищенского ангела, но, по мнению миссис Бибби, с каждым днем меняется. Няня

отслеживает малейшие изменения, что происходят с девочкой, и сообщает о них доктору, а тот скрупулезно записывает ее наблюдения. Кажется, сегодня глаза у девочки запали еще глубже, а зрачки стали еще чуть более плоскими? Щеки ввалились, а скулы заострились, торчат, как у скелета? Локоны лезут, сменяясь более густыми и прямыми прядями, скользкими на ощупь, как бурые водоросли. Ее движениям присуща сверхъестественная стремительность; она быстра, как хищник. Новые зубы чрезвычайно остры; десны имеют четко выраженный красновато-синий оттенок, как у собаки. Да поможет Господь очередному бедняге, которого ей вздумается укусить.

Кристабель барабанит по стенке сундука, отбивая ритмичную дробь.

Миссис Бибби грохнула кулаком по крышке.

– Угомонись. По твоей милости у меня нет ни капли лекарства и придется торчать в проклятом Дептфорде.

Стук обрывается.

Миссис Бибби бросает взгляд вокруг. Ей нравится сидеть здесь, под палубой, в тусклом деревянном чреве баржи, куда свет проникает через несколько разрозненных иллюминаторов. В трюме сохраняется запах прежних грузов, специй, гвоздики – довольно приятный, он смешивается с вонью Темзы.

Она вполне могла бы быть контрабандисткой, думает о себе миссис Бибби. Перевозила бы нелегальные товары. Или была бы речным пиратом! Хромая нога у нее уже есть.

Тихое поскребывание.

– Если расскажу историю, ты уймешься?

Шум мгновенно прекращается.

Миссис Бибби удобнее устраивается на стуле, делает глубокий вдох. Умиротворенная качкой, она начинает.

– Итак, в былые времена...

Любая служанка была собственностью господина и госпожи, как лошадь или чайная чашка. Да и сейчас это так, с тех пор ничего не изменилось. В благодарность за опухшие колени и скрюченную спину, согбенную под бременем тяжелой работы, служанка получала жалованье, кров и, по уходе, превосходную «рекомендацию».

К несчастью, подруге Доркас, Делле, досталось не столь теплое местечко.

Пока Доркас училась читать и писать, Делла отбивалась от приставаний хозяина. Хозяйка сквозь пальцы смотрела на шалости мужа, но за своим столовым серебром следила зорче орла. Через пять лет безупречной службы Деллу безо всякой рекомендации выпихнули на улицу за то, что ложечка для горчицы оказалась не в надлежащем месте.

В двух днях пути Делла нашла полуразрушенный домик и, с разрешения фермера, занялась земледелием. Трудилась не покладая рук, кое-как сводила концы с концами, жила тихо и незаметно, в полной неизвестности. Делла стыдилась такой жизни и опасалась, что знакомство с ней повредит репутации ее подруги, поэтому не пыталась искать Доркас. И когда наконец Доркас узнала про Деллу...

Миссис Бибби умолкает. Она проводит рукой по лицу и поднимает глаза к деревянным небесам.

Деревянные небеса отзываются скрипом, не предлагая в ответ ничего более мудрого, чем плеск воды, разрезаемой баржей. Тишину душистого пряного сумрака нарушает едва уловимый стук.

— На этом все, Кракен, — глухим голосом говорит миссис Бибби. — Та история закончилась плохо. Даже ты не заставишь меня воскресить ее в памяти.

Она закрывает глаза и сдвигает брови, погружаясь в горькие воспоминания, и девочка в сундуке затихает, не тревожа ее.

А баржа плывет вперед, сквозь бурление реки, ибо Темза пробуждается, течет быстрее. Над водой разносится какофония звуков: звон колоколов, плеск весел лодочников, тарахтенье паровых двигателей, гомон детских голосов и нестихающие крики водоплавающих птиц в вышине. А баржа плывет вперед. Мимо набережных и шлюпочных мастерских, мимо пакгаузов и причалов, мимо зданий и шпилей. Мимо старинных пивных с покосившимися балками, которые клонятся к реке. Вперед плывет баржа. А вокруг уже снуют почтовые и пассажирские суда, колесные и винтовые пароходы, лодки и ялики, паровые яхты, паромы и буксиры. Самые разнообразные суда и суденышки бороздят благодетельные грязные воды бездонной, мелкой, стремительной, заиленной, раздираемой

глубинными течениями Темзы. Река – ворота Лондона, по которой корабли со всего света прибывают в город и убывают в разных направлениях: в Индию, в Америку, в Балтийское, Черное и Средиземное моря. Река – беспорядочное нагромождение рангоутов и такелажей, флагов и парусов, мачт и закопченных дымовых труб. Миллуоллские доки принимают мрамор и древесину, Санта-Катарина – табак и вино, Лаймхаус – уголь, Сэррей – пшеницу, ну а на верфь Батлера, конечно же, привозят чай!

Баржа приближается к Дептфорду, минуя пароходные пристани и газовые заводы. Несется по воде, словно ведомая судьбой.

На берегах реки поднимают вой собаки, кошки оцетиниваются и фырчат. Младенцы и пьяные горланят и вопят, внезапно охваченные непонятным страхом, который сразу же улетучивается, как только баржа проплывает мимо.

Брайди идет между прилавками на рынке в Севен-Дайалсе. Руби, раздраженный толпучкой и тем, что сквозь него то и дело кто-то случайно проходит, решил поискать тихое местечко, чтобы покурить. Но Брайди не одна: на хвосте у нее все тот же гаденький полицейский. Сегодня из кармана у него выглядывает опрятный желтый носовой платок, которым он вытирает пот с покрасневшегося лица. Что он делает довольно часто, поскольку Брайди взяла темп вдвое быстрее обычного – чтобы позабавиться над бобби, заставляя его суетиться и нервничать. Ей непонятно, что этот шпион может сообщать о ней Роузу, если она постоянно от него ускользает. Разве что о том, как и чем она завтракает да какие продукты доставляет ей помощник бакалейщика.

Другое предположение – что Роуз поручил этому шуту *обеспечивать ее безопасность* – еще менее привлекательно. Либо Роузу известно, что ей угрожает нечто такое, о чем она не ведает, либо он думает, что Брайди не способна постоять за себя. И то и другое неприятно.

Сегодня на рынке народу пруд пруди. Чего здесь только не продают: певчих птиц и зубной порошок, гончарные изделия и мази от мозолей, кроликов и черенки для метел. Встречаются сапожники, продавцы нот и художники-портретисты. Стоят палатки с кофе, лимонадом и знахарскими снадобьями. И всюду покупатели: мнутя в нерешительности, рассматривая вещи, воруют, предлагают обмен, щупают, перебирают товар. Торговцы зазывают, обхаживают, умасливают. Купля-продажа, когда обе стороны сговорились, происходит быстро: деньги уплачены, товар упакован и вручен покупателю – в мгновение ока.

Брайди находит то, что ищет. Доктор Румольд Фортитюд Прадо вклинился между продавцом пуговиц и точильщиком. Почтенный токсиколог торгует своим товаром – листовками радикального содержания и табачными смесями собственного изготовления – из сундука. То и другое потреблять можно по отдельности или вместе. По отдельности они проясняют разум, вместе – изменяют его.

Ворон, восседающий на навесе над ним, впивается в Брайди своими блестящими черными глазками-бусинками и издает низкое мрачное «кар». Прадо поднимает голову и улыбается.

* * *

– Твое здоровье, Брайди, – чувствует ее Прадо, приподнимая бокал. Они сидят в уютом уголке паба «Дом с часами».

– И ты будь здоров, Прадо. Торговля идет?

– На листовках я ничего не зарабатываю. Смеси расходятся лучше, чем мои идеи. Теперь они приносят больше денег, чем аутопсия. Может, попробую сегодня изложить свои идеи в песнях. Певцам же платят.

– Попробовать стоит.

Вид у Прадо утомленный.

– Устал я от отравлений, Брайди. Хоть бы что-нибудь новенькое для разнообразия. А то мышьяк, мышьяк и еще раз чертов мышьяк.

– Популярный яд, Прадо.

– Дешевле, чем сахар.

– Не желаете брэдфордский леденец ^[45], сэр?

– Ложечку смертельного соуса, мэм?

– Мышьяк – излюбленная приправа убийц!

– И если человека отравили, почему это так трудно установить? – в отчаянии восклицает Прадо. – Последний труп, что я исследовал, полгода пролежал в могиле. Именно столько времени ее соседям потребовалось, чтобы сообразить: старая миссис Киттиуэйк не просто так умерла – ее убили.

– Да, удивительно, – соглашается Брайди.

– Вот и приходится выискивать остатки мышьяка в гнойном месиве пораженных желудков. Будто мне заняться больше нечем! Хотя, с другой стороны, это мой хлеб. – Прадо осушает бокал. – А как твоё расследование?

– Продвигается потихоньку.

По лицу Прадо Брайди видит, что он хочет что-то сказать, но не решается.

– В чем дело, Прадо?

- Есть кое-какие новости.
- О Кристабель?
- Нет, к похищенной девочке это не имеет отношения.
- Выкладывай.
- Тебе это не понравится, Брайди.
- Выкладывай.
- Угадай, кто воскрес из мертвых?

* * *

Взгляд Брайди обращен в пустой бокал, что стоит перед ней на столе. Она не ослышалась. Это так же реально, как ее руки с опущенными вниз ладонями, что лежат на столе по обе стороны от бокала. Реален сам стол – массивный, из темного дерева. Безусловно, реален сидящий перед ней Прадо, а также барная стойка и посетители, освинцованные окна, да и, пожалуй, сам хозяин паба. Только все это кажется ненастоящим; словно что-то изменилось, некий основной закон вселенной, потому она и подвергает сомнению сущность всего, что ее окружает.

– И это точно он?

Прадо кивает.

– Значит, он не утонул в гавани Фримантла?

– Теперь он – врач, Брайди; хирург, как и его отец.

Брайди качает головой.

– Как ему это удалось?

– Работал в Европе, в отдаленных районах, делал тайные пожертвования. Потом вернулся в Лондон, стал хирургом в больнице Святого Варфоломея. Еще живы влиятельные друзья его отца. Впрочем, Имс-младший, похоже, и сам неплохо преуспел в продвижении собственных интересов. Во время своих странствий он сколотил капитал. Огромный капитал, Брайди.

– Но ведь столько лет от него не было ни слуху ни духу.

– Я бы сказал, что он укреплял свои позиции, готовясь к возвращению. У него были свои противники, когда он уезжал, те, кого интересовала причина его отъезда. В конце концов, это было похоже на изгнание.

– Я никому не говорила. Доктор Имс взял с меня слово хранить тайну.

– Только мне и миссис Прадо?

Брайди не может ответить.

– Людям свойственно строить догадки, такова человеческая природа. – Прадо мрачнеет. – Что ж, теперь он вернулся, и, судя по всему, у него неплохая репутация.

– Вот объясни, – качает головой Брайди, – почему Генеральный медицинский совет [\[46\]](#) не пускает в медицину женщин, а убийце...

– В их глазах Гидеон Имс не убийца, – мягко напоминает Прадо. – Он приобрел дом на Кавендиш-сквер.

– О боже, я ведь могу столкнуться с ним на Оксфорд-стрит.

– Теперь ты предупреждена.

Брайди вдруг приходит в голову одна мысль.

– Он коллекционер?

– Если пошел по стопам отца, то вполне возможно.

– Прадо, как мне быть? – спрашивает Брайди. Ее черты искажает боль.

Прадо берет ее руки в свои.

– Будь настороже. Это все, что ты можешь сделать.

Какое-то время они молчат. Прадо поднимает пустой бокал Брайди. К ним подходит мальчик, прислуживающий в пабе. Прадо берет бутылку и наливает ей еще виски.

Потом:

– Ты когда-нибудь слышал про боксера Руби Дойла?

Прадо, чувствуя перемену в ее настроении, вздыхает с облегчением.

– Про *Расписного Дойла*?

Брайди кивает.

– Ты его знал?

– Видел, как он дерется. Смотреть его выступление на ринге было одно удовольствие. Великолепное тело, какие картинки! Неукротимый боевой дух!

– Но с ним лично ты не был знаком?

– Нет. Почему ты спрашиваешь?

– Да так, сама не пойму. Я вроде бы его знала, – уклончиво отвечает Брайди.

– Обидно, – задумчиво произносит Прадо. – Такой талантище загублен во цвете лет. – Он смотрит на нее с едва заметной улыбкой на губах. – Это твое следующее дело? Кто убил Руби Дойла?

Брайди залпом выпивает виски и наливает еще.

– Боже, надеюсь, что нет.

Какая-то птица перелетает через порог паба и быстро-быстро семенит по полу в глубь зала.

– Непостижимая ты женщина, Брайди, неистовый вихрь мыслей и чувств – прямо как мои вороны.

Птица подсакивает к Прадо. Взлетев на стол, придвигается к нему и ласково смыкает клюв вокруг его большого пальца.

– Мой злой гений!

Хозяин паба внимательно следит за Прадо из-за стойки бара, держа наготове тряпку. Доктор – его самый лучший и самый худший посетитель. С одной стороны, он заказывает дорогие блюда, но с другой – с ним всегда его птицы, которые гадят где попало.

– Мы поищем твоего украденного ребенка, правда? – Прадо жестом показывает на ворона. – Видишь, Брайди, у меня свои глаза по всему Лондону.

Ворон раздражается гортанным карканьем, напугав завсегдатаев «Дома с часами».

– Поищи, Прадо. Не приведи Господи, если она окажется в цирке или еще где похуже.

– И такое случается... – кивает Прадо с серьезно-печальным видом.

– Я сделаю все, чтобы этого не случилось, – решительно заявляет Брайди.

* * *

Сегодня вечером Брайди раздевается без помощи Кора. Она спокойно может обходиться и без служанки, но Кора навязывает свои услуги, ибо ей нравится притворно возмущаться по поводу слабо затянутого корсета и распутывать волосы Брайди, что требует немалой сноровки. В настоящий момент Кора занята своими делами. Сидит в пабе «Лошадь и Дельфин», глядя в насурьмленные глаза Эвриалы,

Королевы Змей. Они лакомятся бараньей головой и не только, а Эвриала тем временем рассказывает Коре про свое детство, проведенное в рыбной лавке в Бермондси. Ей не составило труда, объясняет Эвриала, перейти от угрей к змеям. Кора с ужасом смотрит на королевского питона, обвившегося вокруг ножки стола. Эвриала зубами открывает еще одну бутылку и улыбается, отчего на ее щеках появляются ямочки. Кора потеряла голову.

Брайди рада, что она одна в своей комнате, ибо настроение у нее отвратительное. Расставшись с Прадо, она наняла экипаж и доехала до Хайгейтской часовни с намерением – лично – попросить священника, чтобы ей позволили осмотреть замурованные трупы. Часовня оказалась закрытой, на двери главного входа была приклеена записка, в которой говорилось, что священник скоро вернется. Тщетно прождав его довольно долгое время, Брайди ушла ни с чем, при этом ее не покидало ощущение, что, пока она стояла у ворот, за ней наблюдали – сам священник и наверняка его неприятный викарий Кридж.

Брайди развязывает нижние юбки, выступает из них и садится за туалетный столик. Распускает волосы и начинает их расчесывать. Не отвлекаемая болтовней Кору, она рассматривает себя в зеркале. Сорочка снята, рыжие волосы падают на спину густыми волнистыми прядями. Лицо в обрамлении волос кажется бледнее и старше. Глаза у нее красивые – она и сама это видит. Плечи тоже восхитительные – гладкие, округлые. Может, ей любовника завести? А есть ли у нее время на любовника? А нужен ли ей вообще любовник? Ей когда-нибудь хотелось иметь любовника?

А что же покойный фиктивный мистер Дивайн? Брайди взяла его фамилию, но толком ничего о нем не знала. Хотя порой воображала его неудачливым молодым врачом, который лечил бедняков, оттого и умер – подхватил лихорадку у грязной постели больного.

А иначе: незамужняя девица, гувернантка – старая дева! Одна? Без сопровождения родных? Какой ужас!

Вон как трещит ее бесплодное чрево – будто зрелый стручок гороха! Грудь, молодость увядают; губы – нецелованные; ноги никогда не раздвигались. Налетай! Налетай! Она еще полна жизни, пышна, в ней есть пыл! А ляжки какие! А на зубы взгляните! Кто ее возьмет? Кто ее возьмет?

Может быть, вдовец, клерк, наживший десять детей и пианино, образец прилежания и упорства – он всего добился сам! Своей семье он каждый день читает вслух Сэмюэла Смайлса [\[47\]](#). Нет? Ну тогда литератор, сгорбленный, вдвое старше ее по возрасту: она сама будет читать ему вслух после того, как уложит в постель! Или, может быть, брак по любви с каким-нибудь лощеным негодяем, который будет искать ее расположения, женится на ней и станет готовить ей кофе – *такой, какой надо*. Это совсем не трудно, голубка моя! И – пожалуйста на вскрытие к доктору Прадо.

И тут в Брайди мгновенно всколыхнулась жгучая ярость, охватывающая любую нормальную женщину, которую возмущает ее стоимость, да и сам факт, что у нее вообще есть стоимость. Она свирепо смотрит в зеркало.

Так как же насчет любовника?

Ее взгляд смягчается.

Она пытается увидеть себя их глазами: губы приоткрыты, на щеках прелестный румянец, буйные волосы так и хочется наматывать на пальцы и целовать.

Из-за двери раздается деликатное покашливание.

Брайди надевает ночную сорочку, накидывает на плечи шаль, волосы беспорядочно запихивает под ночной чепец.

Подойдя к двери, она прислушивается: до нее доносится шарканье. Наверняка подтягивает на себе панталоны, ноги елозят в ботинках. Татуировки блуждают по его лоснящейся коже. На выпуклостях спины и широких плечах взрываются чернильные ядра, вылетающие из орудий боевого корабля. Удивленная русалка наматывает якорную цепь на его мускулистую руку и сворачивается клубочком у него под мышкой.

Брайди трогает дверь. На этом уровне, должно быть, находится его грудь. Она закрывает глаза, представляя, как ее пальцы скользят по его груди, прокладывая тропинку к шее, а он берет ее руку в свою и целует ладонь. Другой рукой он едва-едва давит ей на поясницу, привлекая ее к себе, наклоняясь к ее лицу.

– Брайди, ты одета?

Она отступает от двери.

Сегодня, как и в предыдущие вечера, они сидят вместе перед камином. Брайди курит, глядя на огонь. Руби смотрит на Брайди.

Она сообщает ему новость, которую узнала от Прадо. Лицо ее непроницаемо. Запинается только раз – когда называет имя Гидеона Имса. Руби отмечает, что при этом она крепче сжимает в руке трубку и говорит медленнее, чем обычно, взвешивает каждое слово. Он слушает не перебивая, пока она не заканчивает свой рассказ.

Руби улыбается ей, но улыбка у него натянутая – и не улыбка вовсе.

– Ты красивая решительная женщина, взрослый человек, – говорит он. – Теперь Имсу вряд ли удастся тебя запугать.

Брайди не отвечает.

– Ну что, по-твоему, он может сделать, Брайди? Ведь он только вернулся, к нему приковано внимание всего Лондона.

– Руби, ты его не знаешь.

Май 1843 г.

Брайди сидела одна в сенном амбаре Олбери-Холла. До чего же это было унылое утро! Минувшим вечером домой неожиданно вернулся Гидеон, за несколько недель до окончания учебного семестра. Более неудачного времени придумать было нельзя. Доктор Имс уехал на несколько дней, поскольку ему предстояло выступить в суде в качестве судмедэксперта. А миссис Имс, как назло, пребывала в дурном расположении духа. Ужаснейшее стечение обстоятельств. Мать и сын на целую неделю получили полную свободу творить все, что им заблагорассудится, потворствуя собственным прихотям и капризам.

Но Брайди за год многому научилась. Теперь ей было не больше двенадцати лет, не меньше десяти, и она в усадьбе знала каждый уголок. При необходимости могла спрятаться так, будто ее вовсе не было.

С приездом Гидеона Олбери-Холл обезлюдел. Домом управляли невидимые руки – слуги-тени. Никто не шатался по двору, не составлял компанию миссис Донси у плиты и даже словом не перекидывался на лестницах. Все, кто мог, находили повод убраться подальше из усадьбы, вызываясь выполнить то или иное поручение в городе.

Обычно Брайди пряталась в помещении для пересадки растений или в прачечной, если в этот день не стирали белье. Однако кошка, обитавшая в амбаре, недавно окотилась, и у Брайди вошло в привычку скармливать новоявленной мамаше копченую селедку из своего завтрака. Находиться близ конюшни было рискованно: Гидеон любил ездить верхом и всегда имел при себе кнут. Но Брайди не посмела перенести кошку в другое место, потому как садовник сказал, что ее это собьет с толку и она съест своих котят. И Брайди связала себя обещанием каждый день навещать кошку, ибо та выглядела изможденной, ее черно-белая шерстка потускнела. Котята резвились, кувыркались и мяукали, раскрывая-закрывая свои крошечные розовые

ротики. Брайди нашла ящик с высокими бортами, выстлала его чистой соломой и поместила туда все кошачье семейство, дабы котята не разбегались и королеве не приходилось таскать их за шкурку в устроенное для них гнездышко.

Кошка лизала руку Брайди, а та гладила ее по голове – бережно и с огромным почтением.

Дверь конюшни отворилась и захлопнулась. Кошка моргнула.

Шаги проследовали к последнему стойлу, за стенкой которого находился сеной амбар. Скрипнула калитка.

– Ты согласилась. Я заплачу...

– Спасибо, конечно, но условия изменились.

Лошади в стойлах зафыркали, стали бить копытами.

Кошка вытаращила глаза, котята прекратили мяукать. Брайди, сидя на корточках, приникла к щели между деревянными досками, но увидела только, как подергивается хвост чалого жеребенка.

– Я лишь хотел сказать...

– Я знаю, что ты скажешь, Гидеон.

Жеребенок, встревоженный вторжением незваных гостей, зашуршал копытами по соломе.

– Ты ложилась под других, так какая разница?

Пауза. Потом:

– Я оставлю его.

– Я мог бы тебе помочь.

Брайди не видела лица Гидеона, но по его голосу поняла, что оно изображает: голубоглазую искренность.

– Мама не потерпит в доме еще одно внебрачное отродье отца, – тихо произнес он.

Тишина. Доносилось только едва слышное сопение жеребенка.

– Давай, я быстро. Почувствовать ничего не успеешь.

Элайза – ибо в конюшне с Гидеоном была Элайза – что-то сказала, да так тихо, что Брайди не уловила слов. Потом приглушенный вскрик, стук, будто что-то швырнули о стену.

Жеребенок испугался и выскочил из стойла.

Не отдавая себе отчета, Брайди схватила вилы и со всей силы ударила ими в стену.

Кошка-мать в страхе умчалась, бросив своих котят.

За стеной кто-то копошился, карабкался, торопливо выбежал из стойла, распахнул дверь конюшни. Стук каблуков по мощенному булыжником двору.

Брайди крепче сжала в руках вилы.

Жеребенок, она слышала, уже заметно успокоился. И больше ни звука. Брайди подумалось, что по двору бежали две пары ног. Что Гидеон погнался за Элайзой.

Она опустилась на колени, наклоняясь к отверстию между досками. Мимо прошел жеребенок, уже немного успокоившийся.

И вдруг темнота.

А потом – голубой глаз, во все отверстие.

Сентябрь 1863 г.

В Лондоне вверх по реке разносится слух. С Темзой происходит нечто странное: вода в ней не только поднимается – она становится чище, прозрачнее и спокойнее. И куда только подевались коварные подводные потоки и опасные приливные течения? Лодочники озадачены. Илокопатели тоже обескуражены. Стоят на берегу со своими шестами. У всех ноги посиневшие, глаза вытаращены, с недоумением смотрят на Темзу, которая утихает и становится глубже с каждым днем.

Чудеса, да и только.

Все, что когда-либо утонуло в реке, всплывает на поверхность. Причем не мертвые собаки и разбитые бутылки, а бесценные красивые предметы. У самой поверхности воды искрятся древнеримские монеты и языческие броши. Величаво поднимаются со дна мечи викингов. Нужно только подгрести к ним и схватить. Но, как они ни стараются, ни одному не удастся овладеть этими восхитительными сокровищами. Стоит к ним приблизиться, как речные дары, мерцая, исчезают. В погоне за ними многие расстались с жизнью, ныряя за погружающимся вглубь богатством.

По утверждению некоторых лондонцев, поздно ночью они слышат музыку, которая несется от реки. Все сошлись во мнении, что это – хорал, исполняемый либо задом наперед, либо на иностранном языке – на греческом или итальянском, кто ж его знает? Вскоре эту музыку можно слышать на всем протяжении от Блэкфрайарса до Барнса.

Под землей, на которой раскинулся Лондон, растет и ширится клочок. Древние реки Лондона, пробудившись, набирают силу и вырываются из-под земли, заливая улицы и переулки, затапливая подвальные жилища вместе с их обитателями и переполненные выгребные ямы.

И постоянно идет дождь. Огромные капли беспрерывно тарабанят по каждому окну, по ставням, консервным банкам и ведрам. А вода в

Темзе поднимается все выше.

* * *

Брайди смотрит на дождь из окна гостиной над лавкой Уилкса на Денмарк-стрит. Наблюдает за тем, как он хлещет по стеклу. Сегодня струи как-то странно извиваются – падают вниз, устремляются вверх, а иногда меняют направление прямо в полете. Брайди хмурится. Она абсолютно уверена, что обычно так дождь не идет. Возможно, эту природную аномалию следует отнести за счет «Бронхиальной бальзамовой смеси» Прадо. Равно как и покойника, который в углу комнаты теребит бинты на своих руках. Ее размышления прерывает появление Кору, которая приносит письмо и с торжеством в голосе сообщает:

– Из Хайгейтской часовни.

* * *

Преподобный Эдвард Гейл появляется в дверях дома священника с двумя ушастыми кроликами под мышками. Брайди, повидавшая немало чудаковатых клириков, сохраняет невозмутимость. Она следует за священником в ризницу, где тот одного кролика отпускает, но второго держит в руках, прижимая его к щеке.

Преподобный Гейл – худой старик с растрепанными волосами и горящими глазами пророка. Он носит длинную бороду; она доходит ему до колен и кое-где утыкана сухими веточками: известно, что священник – любитель полазать в живой изгороди.

Преподобный Гейл, престарелый священник часовни при школе Чолмли [\[48\]](#), где он против своей воли преподает французский язык, доживает свой век, заправляя зверинцем. Его теперешняя паства состоит не из учеников (получающих образование платно и бесплатно) и разнородных прихожан (те удрали в церковь Св. Михаила [\[49\]](#), польстившись на более современные условия и понятные проповеди), а из куда более достойных божьих тварей.

Их в часовне предостаточно.

На хорах спит одноглазый барсук, ризницу облюбовало семейство полевок. Мыши свирепствуют, кромсая на клочки сборники гимнов. В купели плавает утенок со сломанным крылом, под церковными скамьями сопят ежи.

Ныне преподобный Гейл предпочитает общаться с миром фауны.

Несколько лет назад священник пришел к осознанию, что человеческие существа – все сплошь олухи и неисправимые грешники и бесполезно наставлять их на путь истинный. Какие яркие проповеди он читал – и все напрасно! И преподобный Гейл принял решение сторониться людей, а в тех случаях, когда общение с ними неизбежно, сводить его до минимума.

– Ну? – Он неприветливо смотрит на Брайди.

– Я пришла по вашему приглашению, сэр.

– Напомните.

– Дело касается трупов, обнаруженных в стене крипты, преподобный Гейл. Я хотела бы осмотреть их еще раз...

– Их нет.

– Нет, сэр?

Священник пожимает плечами.

Брайди с любопытством отмечает, что ее это почему-то не удивляет.

– Ваше преподобие, а викария вашего здесь нет?

Преподобный Гейл поднимает вверх один палец, идет к двери ризницы и кричит:

– Видмерпол!

Они ждут.

– Видмерпол! – снова зовет священник, закатывая глаза.

В ризницу входит опрятный седовласый мужчина. Он несет ковчег, доверху заполненный птичьим кормом. Манжеты на его рукавах обтрепаны, лицо круглое, честное, взгляд кроткий: либо ему от природы свойственна безмятежность духа, либо за долгие годы он приучил себя к смирению.

– Вы не Кридж, – констатирует Брайди и обращается к Гейлу: – Ваше преподобие, у вас есть еще помощник? Молодой человек по фамилии Кридж?

Преподобный Гейл стучит Видмерполу по лбу.

– Только этот: вот уже двадцать лет.

Видмерпол кланяется.

– Его преподобие имеет в виду, что я служу здесь викарием уже два десятилетия. Других викариев за это время здесь не было, мадам.

Брайди резко втягивает в себя воздух.

– В мой прошлый визит в крипту меня препроводил некий молодой джентльмен по фамилии Кридж. Щуплый, с большой головой, постоянно ухмыляется.

Преподобный Гейл и Видмерпол переглядываются.

– Вы знаете человека, которого я описала?

Преподобный Гейл краснеет, качая головой.

– Нет, – отвечает Видмерпол, уткнувшись взглядом в свои ботинки. – Простите.

– Ваше преподобие, по поводу трупов в крипте...

– Переведи. – Гейл наставляет на Видмерпола средний палец.

Викарий внимательно смотрит на священника, словно читает по его лицу некое многосложное сообщение, потом поворачивается к Брайди.

– Его преподобие понятия не имеет, куда делись останки усопших. Спустившись в крипту на следующий день после вашего визита, он обнаружил, что их там нет. Исчезли!

– Исчезли? – спрашивает Брайди.

Видмерпол кусает губу.

– Скорее всего, вероятно, предположительно, *да*.

– То есть трупы эти вы не продавали? Например, молодому человеку неприятной наружности, прикинувшемуся вашим викарием?

Преподобный Гейл прячет лицо в шерстке кролика.

– Разумеется, скорее всего, по всей вероятности, *нет*, – переводит Видмерпол.

– Значит, зря я сюда шла, – сетует Брайди. – Я разыскиваю похищенную девочку, ее отец занимает высокое положение в обществе. Как ни странно это прозвучит, но я надеялась, что трупы, обнаруженные в вашей крипте, помогут моему расследованию.

– Простите, но мы ничем помочь не можем, – произносит Видмерпол не без сожаления в голосе.

К Брайди подкатывает еж. Он ударяется о ее ногу и затем начинает медленно разворачиваться.

– Ах, какой славный малыш, – радостно улыбается она, наклоняясь к зверьку, который весь состоит из колючек и милой мордочки с хитрыми глазками.

Преподобный Гейл локтем подталкивает Видмерпола и кивает.

– Миссис Дивайн, вы позволите предложить вам чашку чая? – спрашивает тот.

* * *

Брайди игнорирует вопросительный взгляд старого осла, которому устроили стойло между шкафом и аквариумом в библиотеке преподобного Гейла. Резервуар заполнен ракообразными, вызволенными с рынков, на которых торгуют морепродуктами. Осел, не дождавшись реакции Брайди, обращает угрюмый взгляд на Руби.

– Он меня видит.

– Это осел, Руби. Он ничего не видит, потому что близорук.

Осел шевелит длинными ушами, следя за их беседой.

– И слышит.

– Конечно, слышит. У него же есть уши.

Преподобный Гейл усаживается напротив Брайди, рядом с ослом, и они в дружеском молчании ждут Видмерпола с чаем. Безмолвие нарушает лишь тиканье часов да шорохи и шуршание, производимые разнообразными подопечными священника.

Возвращается Видмерпол с чайным подносом, который он ставит на стол. Преподобный Гейл наклоняется вперед, снимает с сахарницы сою и сует его в карман.

После того как чай разлит по чашкам, священник и викарий рассматривают фотографию Кристабель. Видмерпол сочувственно прицокивает языком, преподобный Гейл не издает ни звука.

Когда священник ублажает себя второй чашкой чая, на него вдруг нисходит озарение. Он резко выпрямляется на стуле и, выпучив глаза, тычет пальцем на книжный шкаф.

– Уинтер! – восклицает он. – Уинтер!

В лице Видмерпола, после того, как он проследил за взглядом Гейла, отражается понимание.

– Его преподобие хочет сказать, что, пусть он не может показать вам любопытные *останки*, которые вы хотели бы еще раз увидеть...

– Короче! – рявкает преподобный Гейл.

Видмерпол вздрагивает.

– Однако его преподобие хотел бы поделиться с вами материалами научных изысканий и гипотез относительно *личностей* вышеупомянутых трупов.

Брайди подается вперед всем телом.

– Вы знаете, кто были эти люди?

– Мы думаем, что знаем. Нам не совсем понятно, как это могло бы помочь вам в поисках ребенка, но если...

– Книгу, – стонет священник.

Видмерпол встает со вздохом и идет к книжному шкафу. Сдвинув в сторону птичье гнездо, он находит нужную книгу, сдвигает с нее пушистое перышко и отдает Брайди.

Книга в кожаном переплете покрылась крапинками от старости. Брайди открывает фронтиспис.

О многообразии диких существ,

живущих в пресной и соленой воде:

Научное исследование

Преподобного Томаса Уинтера

1771 г.

– Уинтер... как *Уинтерова Русалка*, – замечает Руби.

Брайди кивает.

– Дальше, – взмахом руки велит Гейл Видмерполу.

– Его преподобие хотел бы вкратце изложить вам свои заключения. Книга, как вы видите, имеет совершенно неговорящее название, но написана она великим натуралистом.

Преподобный Гейл крикает в знак согласия.

– Его преподобие Уинтер, – продолжает Видмерпол, – был священником Хайгейтской часовни и преподавал натурфилософию и латынь в школе сэра Роджера Чолмли, в конце прошлого столетия. Он также слыл выдающимся специалистом по мерроу [\[50\]](#).

– Мерроу?

– Это – мифические морские существа, которые, как говорят, водились у берегов вашей родной Ирландии, миссис Дивайн. Морские ведьмы, героини легенд, подобные свирепым русалкам, я бы сказал.

Руби таращит глаза.

– На долю Уинтера выпала трагичная, полная треволнений жизнь, – рассказывает Видмерпол. – Он был увлеченный человек, таксономист [\[51\]](#) – взял на себя задачу описать и систематизировать фантастические диковинки. Очарованный байками моряков о сиренах, он был одержим идеей найти и каталогизировать живые создания, в существование которых только он один и верил. Эта страсть побудила его пренебречь своими прямыми обязанностями и воспламенила в нем непреодолимую потребность выявлять морские аномалии...

– «И твари склизкие ползут из вязкой глубины» [\[52\]](#), – возглашает преподобный Гейл с сияющими глазами.

– Совершенно верно! – восклицает Видмерпол, снисходительно улыбаясь старику.

– Кольридж, – отмечает Брайди.

– Склеп, – подсказывает Гейл.

Брайди смотрит на Видмерпола.

– Его преподобие хотел бы сообщить вам, мадам, что великий поэт и его семья похоронены здесь, в крипте.

– Да что вы говорите.

Священник, кажется, доволен.

– Боксер, – снова подсказывает он. – Ирландец.

– Да, точно, – подтверждает Видмерпол, дальше развивая тему. – Недавно здесь был погребен боксер Руби Дойл. Его преподобие Гейл – большой поклонник бокса.

Старик угрожающе выставляет перед собой два костлявых кулака.

Руби, в полнейшем восторге, хлопает в ладоши.

– Молодчина! – И затем спрашивает у Брайди: – Ну как тебе это? Священник любит бокс!

Гейл, ничего этого не видя, опускает кулаки и берет чашку.

– Его преподобие Гейл был на последнем матче мистера Дойла и, когда узнал о его безвременной кончине...

– Трагедия, – перебивает его старик. – Ужасная.

– Его преподобие, узнав, что мистера Дойла постигла ужасающе трагическая кончина во время потасовки в таверне, устроил так, чтобы

его останки были погребены на нашем погосте, – объясняет Видмерпол.

Руби в изумлении вылутился на священника.

– Так вот почему мои кости притащили аж сюда.

– Мистер Дойл, будучи человеком беспечным, заранее не позаботился о своих похоронах. К счастью, его друзья собрали между собой деньги на надгробие.

Брайди украдкой бросает взгляд на Руби. Тот, повесив голову, рассматривает свои забинтованные кулаки.

– Давайте вернемся к его преподобию Уинтеру, – предлагает Брайди. – Мистер Видмерпол, вы говорили, что он увлеченно выискивал и каталогизировал морские аномалии?

– Порой такое случается даже с лучшими из клириков. Человек изменяет своему долгу ради поиска более значительных таинств, еще более значительных, чем таинство веры. Это заставляет его ступать на непроторенные тропы.

– Простите, я не совсем вас понимаю, – признается Брайди.

– Уинтер пошел другим путем, который он сам определил для себя и который, конечно же, в то время был не проторен. – Видмерпол на время умолкает, его лицо оживает. – Теперь же ввиду недавних научных открытий Дарвина...

– Пустые слова, – кхекает его преподобие. – Отступление.

Видмерпол останавливается, делает глубокий вдох, чтобы унять возбуждение.

– Письменно нигде не задокументировано, когда Уинтер впервые услышал про мерроу, но в конце концов он полностью посвятил себя их поискам.

Дремавший стоя осел внезапно фыркает, выводя всех из равновесия.

Видмерпол с минуту собирается с мыслями.

– Разумеется, ученое сообщество считало Уинтера сумасшедшим, но, занимаясь исследованием мерроу, он попутно сделал множество важных открытий о мире природы. Верно ведь, ваше преподобие?

Священник Гейл роется в своей бороде. Вытащив из нее листочек, он внимательно рассматривает его и снова сует в бороду.

– Уинтер внес ценный вклад в развитие науки, – продолжает Видмерпол, – но все свои достижения он перечеркивал настойчивыми

заявлениями о том, что мерроу действительно существуют, за что он был осмеян и предан остракизму. Руки он не опустил, работал в одиночку, но больше ни с кем не делился своими изысканиями. Вскоре вокруг его имени стали циркулировать слухи, порой весьма дурные.

– Что за слухи? – спрашивает Брайди.

Видмерпол обращает взгляд на преподобного Гейла. Тот, поджав губы, кивает.

– Что из одной рыбацкой деревни в Ирландии он похитил молодую женщину с ребенком, – отвечает Видмерпол.

– Когда это случилось? – хмурится Брайди.

– Летом 1770 года, как мы думаем. Молодая женщина, о которой идет речь, происходила из уважаемой семьи, проживавшей в отдаленном местечке на берегу залива Бантри. Некоторое время назад она родила ребенка. Мать и дитя держали отдельно от остальных обитателей селения. По поводу отца младенца строилось множество догадок... – Викарий краснеет.

– Продолжайте, прошу вас, мистер Видмерпол, – подбадривает его Брайди.

– Та молодая женщина была не замужем. – Красные пятна на щеках викария приобретают пунцовый оттенок. – Она утверждала, что никогда не состояла в связи с кем-либо из местных мужчин. Но, поскольку никто из селян ребенка никогда не видел, на сей счет уверенности ни у кого не было. Однажды Уинтер прогуливался по берегу близ той деревни и наткнулся на мать с ребенком.

– И что произошло?

– Он спрятался и стал наблюдать. Мать распеленала новорожденного и бросила его в море. Преподобный Уинтер заметил, что внешне ее ребенок отличался от обычных младенцев и что при контакте с водой он преобразился.

– Каким образом? – спрашивает Брайди.

– У него вырос хвост и все такое, как у мерроу, когда они находятся в море. Уинтер направился к матери, но та испугалась и убежала. Позже он нанес визит семье девушки. Сообщил им, что он ученый, и попросил дозволения увидеть мать и младенца. Ему отказали. Уинтер уговаривал их и так и эдак, пытался подкупить, угрожал, пока в конце концов местные жители не прогнали его из деревни. Но одержимость сделала Уинтера хитрым и придала ему

смелости. Он похитил мать с ребенком и привез их сюда, в Хайгейт, чтобы понаблюдать за ними и изучить их феномен.

– Но в книге Уинтера этого нет?

– Нет, миссис Дивайн. Эту историю по большей части поведала семья той молодой женщины, в частности, ее отец. Он последовал за Уинтером в Лондон в надежде отыскать свою дочь. Незадолго до своей кончины он написал письмо, в котором изложил все эти события. Письмо было обнаружено в переплете этой самой книги. Судя по дате, оно было отправлено спустя несколько лет после смерти Уинтера.

– Мистер Видмерпол, можно ли взглянуть на это письмо?

– Боюсь, что нет. – Викарий бросает взгляд в сторону осла. – Его съел Ходжес.

Осел задирает вверх губу, обнажая ряд длинных желтых зубов. И издает щелкающий звук, по-прежнему не сводя глаз с Руби.

Священник усмехается.

– И ту молодую женщину так и не нашли?

Видмерпол качает головой.

– Ее отец явился домой к священнику и потребовал, чтобы тот вернул похищенных. Уинтер наконец-то смиростивился, пообещав возвратить отцу дочь и ее ребенка на следующий день. Тот, как и полагается, пришел на следующий день, а Уинтер сказал, будто ему ничего не известно. Они схватились, отца арестовали. Он все рассказал полиции. Часовню обыскали, но никого и ничего не нашли.

– Значит, не исключено, что замурованные трупы, обнаруженные в вашей крипте, – это и есть та молодая женщина и ее ребенок?

Видмерпол кивает.

– Ее звали Маргарет Келли. Имя ребенка неизвестно.

– Почему вы не поведали мне все это раньше, сэр, ваше преподобие? Зная, что инспектор Роуз поручил мне собрать информацию об этой находке?

Гейл выглядит слегка смущенным.

– Его преподобие боялся, что эта жуткая находка привлечет в часовню *толпы* народу.

Старый священник, содрогнувшись, тычет пальцем на книгу, затем – в сторону Брайди.

– Взять. Читать.

– Его преподобие говорит, что вы можете позаимствовать эту книгу. Возможно, она вам пригодится.

Преподобный Гейл поворачивается к Видмерполу.

– Голубые глаза.

– Некоторое время назад... так, наверно...

– Пять. Викарий.

– Благодарю, ваше преподобие. Примерно пять лет назад к нам обратилась молодая женщина. Как выяснилось, она была родом с берегов залива Бантри и являлась, по ее утверждению, потомком Маргарет Келли.

– Она представилась?

– Эллен Келли.

– Можете ее описать?

– Немножко нервная, бледная и худая, как будто плохо питается, но весьма благовоспитанная. Светлые волосы, капор, шаль, все как полагается, – отвечает Видмерпол.

– Тело на погосте у часовни? – бормочет Руби.

Брайди кивает и обращается к викарию:

– Значит, предположительно, Эллен Келли знала про преподобного Уинтера и Маргарет?

– Она слышала семейные предания, но ей известно было только то, что знали мы, когда ее выследил доктор Харбин.

Руби присвистнул.

– Вы знакомы с доктором Харбином? – опешила Брайди.

– Это доктор Харбин побудил нас заняться изучением трудов Уинтера, – объясняет Видмерпол. – Он наткнулся на его имя, когда изучал легенды о мерроу.

– Берик, – добавляет преподобный Гейл.

Брайди перевода не требуется.

– Вы проводили исследования совместно с сэром Эдмундом Бериком?

– Да! – обрадованно восклицает Видмерпол. – Так вы их знаете – баронета и доктора?

– Знакома с ними. Когда они навевывались в часовню?

– О, теперь уже минуло несколько лет...

– Семь, – бурчит преподобный Гейл.

– Им известно про находку в крипте?

– Мы сразу же написали им, – сообщает Видмерпол, – памятуя про их интерес к Уинтеру и его трудам. Но ответа не получили.

– А теперь Маргарет Келли и ее ребенок снова исчезли. Вы не догадываетесь, где они могли бы быть?

– Как я сказал, миссис Дивайн, это загадка, – говорит Видмерпол. Осел сквозь зубы втягивает в себя воздух.

* * *

Брайди сидит, прислонившись спиной к одному из надгробий, в тихом уголке кладбища. Местечко приятное, полевые цветы вокруг, и погода солнечная. Хотя тень, отбрасываемая часовней, все ширится и удлиняется, накрывая заросшие сорняками тропинки. Брайди высекает огонь, подносит его к чашке своей трубки, искусно раскуривает ее и снова опускает глаза в книгу, что лежит у нее на коленях.

Руби пристроился рядом.

– Выходит, это викарий Кридж забрал трупы?

– Купил или украл – пока не ясно. Но я подозреваю, что преподобный Гейл заключил с ним какую-то сделку.

– А Эллен Келли... это она та несчастная, что мы нашли задушенной?

– Похоже на то. Я сообщу ее имя Роузу.

– А причину, что привела ее в Марис-Хаус? – Руби кладет свой цилиндр на землю. – Ты расскажешь Роузу про похищенного ребенка?

– Он парень сообразительный, Руби. Наверняка уже и сам все знает.

Руби смотрит куда-то вдаль; на лице мертвеца с точеным твердым подбородком перекатываются желваки.

– Значит, баронет и доктор, наслушавшись историй о сумасшедшем священнике Уинтере, отправились к берегам залива Бантри, чтобы найти там своего особенного младенца Келли.

– Только, по-видимому, им нужен был один ребенок, без матери. Ну а Эллен, естественно, от них узнала про свою прародительницу.

– И потому пришла сюда.

– Возможно, она думала, что жизнь Маргарет прольет свет на ее собственную судьбу.

– На то, что у нее украдут ребенка с щучьими зубами, которого она родила?

– Примерно так, сыщик, – подтверждает Брайди, сдерживая улыбку.

– Ну ты и зануда.

– Не мешай, я читаю, – смеется Брайди.

– Считаешь себя очень умной?

– Считаю. Ну все, не мешай.

Руби ложится на спину и закрывает глаза.

* * *

Листая книгу преподобного Уинтера, Брайди обнаруживает две истории. Под бесстрастной объективной поверхностью бурлит более опасное, штормовое течение. Брайди с интересом знакомится с особенностями поведения морских коров и моллюсков, жабообразных рыб и морских огурцов. А потом пленяется преданиями о них. Вскоре факты и выдумки перемешиваются. Но к середине книги она понимает, что погружается в более темные воды, читая о преподобном Уинтере и мерроу: историю, что началась в Голландии, а завершилась в стене крипты Хайгейтской часовни.

* * *

В 1600 году в Голландии после одного сильнейшего шторма было найдено удивительное существо. Полуженщина-полурыба, она заплывала из моря в реку, заблудилась и попала в запруду. Измазанную в глине и плачущую, ее нашел некий фермер. Он положил ее в парусиновый мешок и принес домой. Они полюбили друг друга, она приняла католическую веру и научилась шить. Как говорили, они жили очень счастливо, родили пятерых детей, и все они были с ногами, а не с хвостами. Уинтер приехал в Голландию, побеседовал с потомками фермера и полурыбы-полуженщины. Те гордились своей прародительницей – ибо у них всех пальцы на ногах соединялись тонкой пленкой, похожей на луковую кожицу – и своей способностью

ловить угрей голыми руками. Далее Уинтер отправился на остров Мерси [\[53\]](#), где в 1680 году толпа суеверных деревенских жителей убила ребенка дьявольской наружности. Младенца вынесли на берег волны. Он едва дышал, имел хвост, как у лосося, ангельское личико и щучьи зубы. Селяне побоялись бросить малыша снова в море, опасаясь навлечь на себя гнев его родителей (наверняка это были морские демоны), и камнями забили ребенка до смерти, а потом похоронили в ящике на перекрестье дорог.

Уинтер прослышал про любопытное существо, обитавшее в местности Камарг во Франции. Месье Эспадона отличали выпуклый спинной хребет, большие ступни с перепонками меж пальцев и отсутствие пупка. Ноги его соединялись вместе посредством сморщенной кожи. Ему приходилось постоянно принимать грязевые ванны, иначе весь его эпидермис высыхал. Месье Эспадон регулярно производил на свет потомство, причем одних только девочек, которых нарекали одним и тем же именем – Дельфина. Все они рождались с хвостами. И, как это ни печально, все умирали во младенчестве. Сам месье Эспадон оказался неуловимым человеком. Уинтер по прибытии во Францию поселился в соседней деревне и несколько недель ждал с ним встречи, пока местные жители не сообщили ему, что месье Эспадон как-то днем заснул на солнце, усох и умер.

Но именно мерроу, как никакие другие существа, пленяли воображение Уинтера. Разумеется, он читал сказочные легенды Томаса Крофтона Крокера [\[54\]](#), писавшего о мерроу, но на том не остановился – стал копать глубже, изучая историю происхождения этих преданий и внимая связанным с ними слухам. Молва упоминала некую семью Келли с берегов залива Бантри, в которой через каждые несколько поколений рождалась очень необычная девочка. Эти дети были зачаты не в результате традиционных отношений, и, когда они появлялись на свет, их прятали от соседей. Однако кое-кому все же доводилось видеть этих странных отпрысков – бледноликих белокурых красавиц с приплюснутыми глазами, которые в одно мгновение меняли цвет от жемчужного до черного. В прозе Уинтера сочетались скептицизм, объективность и волшебство.

Из ирландского фольклора он почерпнул, что мерроу по природе своей убийцы. Верхняя часть тела у них как у обычного человека, а нижняя в воде превращается в мускулистый лососевый хвост. Особи

женского пола, даром что со щучьими зубами, прекрасны, но морские мужчины уродливы до безобразия. Что и послужило причиной скрещивания мерроу с людьми, ибо молодые женщины-мерроу склонны влюбляться в рыбаков самой обычной наружности. Мерроу выходят на сушу, но если возлюбленный хочет удержать ее на берегу, он должен похитить и спрятать ее шапочку – *cochllín draíochta*, маленький волшебный чепец, с которым она родилась. И тогда она будет вынуждена жить на земле, потому как без своей шапочки мерроу не способна выказывать свою морскую сущность. Шапочку следует спрятать хорошо – в дымовой трубе, в соломе, в яме под розовым кустом – и не отдавать ей ни при каких обстоятельствах (даже когда она изнывает от тоски по морю). Без шапочки мерроу спокойно проживает свои дни на суше, в своем доме, с мужем и детьми. Но бывает и так, что, умирая от тоски, она находит свою спрятанную шапочку, сжигает свой дом, убивает детей и утаскивает вопящего мужа в море. Уинтер ставил под сомнение существование шапочки – то, что создания, которым сама природа предопределила жить в воде, могут лишиться этой возможности из-за такого пустяка, – резонно предположив, что это поверье идет из фольклора.

К двенадцати годам мерроу становятся взрослыми особями и живут не более двадцати лет. По достижении этого возраста они бросаются на морские скалы и разбиваются насмерть. Говорили, что мерроу управляют погодными условиями, приливами, морскими птицами и всеми тварями, что обитают в воде и любят сырость. Мерроу могут спасти жизнь, а могут ее отнять: они – предвестники бедствий, которые сами же навлекают на людей. Наводнения, штормы и кораблекрушения случаются по вине мерроу. Поцелуями они могут залечивать раны, но укусы их жгучи. Для женщины они просто болезненны, но мужчину убивают: он умирает в адских муках. Потому-то мерроу, повинаясь некоему древнему закону, используют свои зубы только как оружие защиты.

Впрочем, мужчине следует бояться мерроу не только из-за ее зубов. Ведь она, если захочет, даже не кусая его, может заглянуть ему в душу, которая для ее взора прозрачна, как чистая вода. Она способна будоражить и выуживать любую мысль, любое воспоминание, что наполняют сознание мужчины. А если этого недостаточно, она запросто утопит его даже на суше.

На следующей странице – иллюстрация. Брайди проводит по ней рукой.

Мерроу сидит на скале. Ее хвост, покрытый тонкими чешуйками, опущен в воду спокойного моря. Она прекрасна: тело словно высечено из мрамора, жемчужные глаза, яркие волосы. Одну прядь она наматывает на палец.

Брайди переворачивает страницу, и картина меняется. Она смотрит на нее.

И знакомится с мерроу.

Плавник на спине стоит торчком, как шерсть на ошестинившейся кошке. Пальцы безобразно скрючены, будто вывернуты. Хвост вскинут, словно для удара. Она рвет на себе волосы, выдирая их клочьями.

Вспененное море дыбится в преддверии надвигающегося шторма.

Черные глаза мерроу пылают яростью, щучьи зубы оскалены.

Воплощение гнева и могущества.

Muirgeilt: морская фурия.

Неудивительно. Возлюбленный обманом заманил ее на сушу, на долгие годы спрятал ее волшебную шапочку, и она, приняв обличье смертной женщины, жила с ним, изо дня в день тоскуя по своей стихии. Мечтая вернуться в водную пучину, раствориться в восхитительном кипучем море.

Брайди видит, что ангельский лик мерроу искажает гримаса чудовищного торжества. Рядом с ней на камнях, обескровленный и парализованный, лежит ее муж. Он претерпел тысячу любовных укусов. Его голые руки, лицо, шея испещрены точечными ранками. Из его носа, рта, глаз и кончиков пальцев струится вода, стекающая в море.

Мерроу преобразилась у него на глазах – после того, как он сказал, где спрятал ее шапочку, когда обманом заставил полюбить его. Она вытащила шкатулку из-под пола, зубами вскрыв каменные плиты. Хлестал дождь, море приливало, и всю эту воду нагоняла она.

Она оставила в колыбели их плачущего младенца и заскользила на берег навстречу вспученному морю, таща с собой своего мужа, словно собака – кролика. Передвигалась она рывками, за счет мощных сокращений мышц хвоста, ползла по камням и по песку.

Ее дом в огне, ее ребенок заходится криком, ее мужчина лежит бездыханный.

В следующее мгновение она блаженно вздохнет и бросится в объятия волн. Один глубокий вдох океана, и ее легкие наполнятся водой. Один удар хвоста, и она исчезнет.

* * *

Брайди закрывает книгу и встает, глазами выискивая Руби.

Он бродил по кладбищу и теперь стоит, держа в руке цилиндр, у собственной могилы. Наклонившись, пытается счистить с надгробия нападавшие листья. Разумеется, у него это не получается.

Потом, наверное, услышав шаги Брайди, оборачивается.

В его лице неизбывная грусть. Таким печальным она его еще не видела.

* * *

– Я не верю в существование мерроу, – говорит Брайди, спускаясь с Хайгейтского холма. – Несмотря на все усилия преподобного Уинтера.

– А в привидения? – улыбается Руби. – В существование призраков ты ведь тоже не веришь, да?

Вид у Брайди бунтарский.

– Верить в существование мерроу и в то, что Кристабель – одна из них, значит верить в то, что она способна проникать в сознание человека, способна убивать смертельными укусами и топить людей, стоящих на суше.

– С такими способностями она не нуждается в посторонней помощи: сама себя вполне может спасти.

– Тем не менее это – моя работа, Руби. Но я не верну ее сэру Эдмунду. И не оставлю в руках доктора Харбина, если она все еще у него.

– Думаешь, они причастны к убийству Эллен Келли?

– Не знаю. Но из-за них Эллен приехала в Марис-Хаус. Она пыталась забрать своего ребенка или, возможно, хотя бы быть рядом с ней. И поскольку она старалась никому не попадаться на глаза, мы знаем, что она там была нежеланной гостьей.

– Упокой, Господи, ее душу, – произносит Руби. – Ведь совсем молодая была. Ей бы еще жить да жить.

Какое-то время они идут в молчании.

– Наверное, нужно прибраться на твоей могиле? – осторожно предлагает Брайди. – Посадим осенние цветы?

– Зачем, если я там почти не бываю? – В голосе Руби слышится обида.

Брайди поднимает на него глаза. Но видит только Хайгейт, накрываемый сумеречной мглой.

Лондон постигнет участь Атлантиды. Если дождь так и будет идти, а река – разливаться. В некоторых районах города лошади, что тащат омнибусы, копытами утопают в воде. Кондукторы в галошах длинными палками постоянно делают замеры подъема уровня воды (у вокзала Виктория – на два фута, в Уолтемстоу – на три дюйма). На рынке в Ковент-Гардене белокочанная капуста – это уже вчерашний день; идет бойкая торговля камбре приморской. Вместо спаржи продают критмум морской, вместо репы – бурую водоросль. До того как разразился дождь, почти вся рыба ушла из Темзы; та, что осталась, была склизкая и грязная – полудохлая. Теперь же поплавки дергаются, сети кишат речными деликатесами. Чего в них только нет: лангусты, крабы, лосось, форель – свежие, сочные, с ясными глазами!

Люди, склонные к меланхолии, живущие в вечном ожидании катастрофы, заявляют, что наводнения (а они будут становиться всё разрушительнее) – это божья кара за разгул порочных развлечений, которым предаются лондонцы. И это чистая правда: Лондон – город грехов. Темза будет разливаться шире, пророчествуют они, и Лондон смоет с лица земли.

По утверждению медиумов, они стали чаще общаться с утопленниками. Их хлюпающие дýхи наводняют сеансы, оставляя мокрые следы и слабый запах затхлой воды. В десять раз участились случаи пиратства. Преступный мир Лондона сменил ножи на abordажные сабли, боевых псов – на попугаев. Даже те, у кого оба глаза на месте, один закрывают повязкой.

Брайди почти все эти рассказы – особенно в изложении Кору Баттер – воспринимает скептически: лондонцы склонны драматизировать даже малейшие перемены погоды. Обходя глубокие лужи, она сосредоточивается на стоящей перед ней задаче. Ей нужно незаметно миновать Мясницкий переулок, пройти крадучись по Патерностер-роу, поклониться на Амен-Корнер и Аве-Мария-лейн. Над ней вздымается собор Св. Павла – божественно высокий! – по крайней мере, купол его взмывает выше полосы тумана. Храм равнодушен к тому, что происходит на улицах – к ухищрениям Брайди и других

людей – и к колебаниям погоды. Купол – завершающий штрих Рена [\[55\]](#) – сверкает в водянистых лучах солнца, в которых танцуют пылинки сажи.

Время от времени Брайди приветствует кого-нибудь из незнакомцев, заходится страшным кашлем или внезапно издает пугающее восклицание, а затем всматривается в лица прохожих.

Она проверяет свою маскировку.

Сегодня Брайди сменила юбки на брюки, корсаж – на сюртук, капор – на цилиндр. Кора подняла вверх ее волосы и из старого мехового палантина смастерила пару пышных бачков, которые она закрепила на щеках Брайди с помощью специально приготовленного клея.

Как ни странно, эффект вполне убедительный. Но достигается он, пожалуй, больше за счет манер Брайди, а не самого костюма.

Руби, прислонившись к дверному косяку одной из лавок, с любопытством наблюдает за ее экспериментами.

Последний раз Брайди надевала мужской наряд несколько лет назад. Она делает пробный круг по переплетеньям узких улочек и возвращается по Литл-Бритен. Вскоре прохожие при виде нее перестают вздрагивать, а лишь скользят по ней невыразительными взглядами, и Брайди вспоминает, что она отличная актриса. Что она не только ловко носит шляпу и мастерски управляет с тростью и карманными часами, но еще умеет насвистывать (бодро, весело) и подмигивать (цветочницам, лавочницам и ослам уличных торговцев). Она вспоминает свою давнюю походку – целеустремленный пружинистый шаг. К этому она добавляет вальяжность Руби – в соразмерности со своим возрастом и опытом. И снова наслаждается почти позабытой свободой движений, когда ноги, не стесненные нижними и верхними юбками, получают возможность широко шагать, подпрыгивать и перепрыгивать. И другими свободами – бывать всюду где душе угодно, что дозволено только мужчинам. А что вы хотели? У них ключи от города! А со свободой бывать где угодно приходит и раскрепощенность взгляда, ибо главное занятие мужчины на улице – *рассматривать* окружающих, а не *к себе* привлекать внимание (новые щегольские пышные бакенбарды не в счет).

Брайди приподнимает шляпу, приветствуя Руби, посылает воздушный поцелуй поденщице и, обхватив ладонью набалдашник

трости, направляет свои стопы в больницу Св. Варфоломея, на смотровую галерею главного анатомического театра. У нее билет в первый ряд.

* * *

Нет, пожалуй, не в первый. Брайди решила, что разумнее занять место в последнем ряду верхнего яруса. Руководствовалась она двумя причинами: во-первых, в священные залы медицинской науки допускаются только мужчины; во-вторых, возможно, скоро она лицом к лицу столкнется с величайшим антихристом, который когда-либо ступал по земле. И, если это произойдет, нежелательно, чтобы Гидеон Имс узнал ее.

Зрители толкаются, вертятся, обмениваются медицинскими сплетнями. Они переговариваются тихими голосами, и оттого шум, скапливающийся в зале с высоким стеклянным потолком, походит на жужжание, перемежающееся покашливанием и шарканьем ног. Царит атмосфера напряженного ожидания, зловещего возбуждения. Помещение нагревается, и тепло разносит запахи косметических средств для укладки волос, застоялого табачного дыма и перегара. В жару Брайди все труднее удерживать бакенбарды на лице. Она прижимает их к щекам, промокает лоб и надеется на лучшее.

Никого из знакомых она не видит – и слава богу. Если увидит, нагнет голову. Сейчас она – служитель медицинской науки, как и все остальные зрители.

Пациента кладут на стол, делают ему анестезию – под надзором врача с засученными рукавами, в безукоризненно чистом фартуке. Тот скрупулезно проверяет и поправляет стеклянную бутылку, резиновые трубки, дисковые регуляторы и насосы. Благодаря благословенному усыпляющему средству сейчас перед Брайди разворачивается совсем не та картина, свидетелем которой она была, когда впервые наблюдала хирургическую операцию.

Сентябрь 1846 года. Та же больница, другая операционная. Она стояла между Прадо и Валентином Роузом. Ей было не больше пятнадцати лет, не меньше... да кто ж его знает. Прадо нарядил ее под мальчика и тайно провел в операционный зал, наверняка подкупив

одного-двух человек. Роуз шутил, что у него появился младший брат-извращенец, и она, чтобы досадить ему, оставила незастегнутой одну пуговицу на жилете. Брайди смотрела, как два дюжих санитаров тащили в зал пациента. Тот активно сопротивлялся, но без должного энтузиазма, как могли заметить зрители. Правда, он все еще кричал, но теперь уже хрипло и на удивление ритмично.

— У него сложный перелом правой ноги, — объяснил Прадо, поворачиваясь к Брайди. — Словно из мясорубки.

Пациента — теперь он всхлипывал — привязали ремнями к длинному деревянному столу. Срезали с него брюки.

В зал вошел хирург — суровый тип в грязном фартуке. Зрители мгновенно умолкли.

— Сложный перелом, — провозгласил он. — Что мы делаем в случае сложного перелома конечности?

— Отпиливаем ее, сэр, — ответил ему один из медиков.

— Браво. — Со стола, что стоял рядом, хирург взял ампутирующий нож с прямым лезвием.

Прадо слегка подтолкнул локтем Брайди.

— Он использует метод *tour d'mastre*: круговой разрез по диаметру конечности, начиная под коленом. Потом хирургической пилой быстро отсекает кость. Не время терять присутствие духа.

— Пила вонзится, хочешь не хочешь запаникуешь, — рассудила Брайди.

— Я не пациента имел в виду, — улыбнулся Прадо. — Хирургу нельзя паниковать. Потом что?

— Перетягиваем артерии и формируем культю кожными лоскутами? — предположил Роуз.

Прадо кивнул.

— На все про все четыре минуты. Я видел, как такую операцию провели за три минуты тридцать восемь секунд. Лучший результат на моей памяти.

— Есть более современный метод, сэр, — заметил Роуз.

— Есть более современные хирурги. Впрочем, подожди, этот еще всех переплюнет...

Пациент метался на столе: глаза лезут из орбит, слюна брызжет во все стороны. Ассистенты хирурга, встав по обе стороны от больного, пытались удержать его за плечи.

Хирург глянул на ассистента, что стоял подле него с карманными часами в руке.

– Засекай, поехали.

Руки хирурга сомкнулись вокруг сломанной ноги пациента. Тот закричал. Издал столь ужасающе душераздирающий вопль, что Брайди чуть не бросилась бежать. Она заткнула пальцами уши. Быстрыми уверенными движениями хирург ощупал сломанную ногу.

Нож приставлен. Брайди и остальные зрители подались вперед.

Пациент потерял сознание – к счастью для себя и для всех остальных.

* * *

– Он – талантище, – говорит парень слева от Брайди.

Высокий, худой, с выпирающими зубами, он стоит почти вплотную к Брайди, так что она чувствует на щеке его дыхание.

– Гений из гениев, – поддакивает ему краснощекий плотный парень по правую руку от Брайди. От него несет мясом.

Парень справа пристально смотрит на Брайди.

– Что-то я тебя раньше не видел. Впервые?

– В Лондоне – да, – отвечает Брайди более низким голосом, чем намеревалась.

Парни переглядываются. Зубатый ухмыляется. Мясоед хмурится.

– Ирландец? – высказывает он предположение.

– Про доктора Гидеона Имса слышал, ирландец? – спрашивает Зубатый.

– Напомни.

– Много лет назад он уехал из страны, – отвечает Мясоед. – Считался погибшим. Объездил колонии, Европу и т. д. и т. п. Освоил торговлю, изобретательство и прочее...

– Всякие штучки-дрючки, – вставляет Зубатый.

– Передовые хирургические методы и технические новинки, – поправляет его Мясоед. – Путешествовал по миру, то да сё, приобретал знания...

– В *Париже!* – со смешком произносит Зубатый. – А то где еще знания приобретают, верно?

Мясоед награждает его презрительным взглядом.

– Имс объездил весь белый свет.

– Вот как? – изумляется Зубатый. – Я знал только, что он бывал в Копенгагене.

– А почему вернулся? – любопытствует Брайди.

– А сам не догоняешь, ирландец? – спрашивает Мясоед.

– Вроде нет.

– Да перебесился просто, вот и все, – говорит Зубатый.

– При чем тут перебесился? – возражает Мясоед. – Имс за знаниями ездил, медицину изучал.

– Ради науки он раз сто умирал! – восклицает Зубатый. – Был казнен гарротой в Южном полушарии. Застрелен жандармами в Руане. Заколот на дуэли в Вене.

– В Эдинбурге стал жертвой хирурга, по вине которого у него началось заражение крови, – добавляет Мясоед, с завистью в голосе.

– Такого, как Листон [\[56\]](#).

– Повезло ему, что из всех этих передраг он выбрался с целыми яйцами, – замечает Мясоед.

Дверь открывается, и публика мгновенно умолкает.

В операционный зал входит доктор Гидеон Имс.

* * *

Брайди силится побороть подступающую к горлу тошноту.

Он все тот же юноша, каким она его знала, и все-таки совсем другой.

Рослый, плотнее в талии, широкоплечий, как атлет. Волосы, все такие же рыжевато-каштановые, не по моде длинные; золотистая борода с проседью – окладистая, в стиле новейших тенденций. По габаритам и апломбу он мог бы составить конкуренцию Руби. Но, в отличие от Руби, он узурпирует все пространство, забирает весь воздух. Брайди задыхается, ей нечем дышать.

Гул голосов стихает.

Взглядом голубых сардонических глаз он обводит зал. Брайди молится, чтобы он ее не заметил. Его взгляд, минуя ее, скользит по задним рядам зрителей, но она все еще не переводит дыхание.

Рукава у него закатаны, фартук чистый.

– Внимание, поросята. – Голос у него зычный, скрипучий. – Поднимите руки, кто хочет посмотреть, как я буду разделять пациента!

Анестезиолог хмурится.

– Чудо анестезии, которое продемонстрирует нам мистер Блейк-Джеймс, заключается в том, что теперь мы имеем возможность проводить усложненные операции, – он понижает голос до доверительного шепота, – в том числе *на кишках*.

Публика смеется.

Санитар пододвигает к нему столик с инструментами.

У Брайди от жары кружится голова.

Перед глазами всплывает картина прошлого.

Словно время с тех пор остановилось.

Светлая узкая комната в полуразвалившейся старой хижине. Брайди, снова маленькая девочка, держит в руках таз, наполненный водой и кровью. Руки трясутся от страха и напряжения, так и норовят выронить таз, огромный, чуть ли не больше самой Брайди. Гидеон, снова юный, обливается потом, пытаясь защитить женщину, которую он вспорол...

– Сегодня, – провозглашает доктор Гидеон Имс, – у нас случай неприятной окклюзии. Ничего необычного. Всего лишь непроходимость мочевых путей. Но окклюзия вызывает у меня особый интерес.

Доктор Имс обращает взгляд на санитаря.

– Мистер Хиндл, будьте любезны, приподнимите мошонку пациента, и мы приступим.

Работая, Гидеон рассказывает всевозможные истории из медицинской практики. Ведет себя так, словно общается с гостями на званом ужине. Голос у него теплый, располагающий, и медицинская братия зачарованно вытягивает шеи. А Гидеон демонстрирует попеременно то элегантность манеры художника, творящего изящными мягкими мазками, то будничную сноровку кузнеца, подковывающего лошадь.

Брайди вместе с остальными восхищенно наблюдает за ходом операции. Лишь один представитель публики – покойный боксер в заднем ряду – отводит глаза от операционного стола. Одно дело –

кровь, пролитая в разгар поединка: на это, разумеется, он реагировал спокойно; другое – смотреть на кровь в холодном освещении анатомического театра. Он предпочитает разглядывать столы и блоки, наборы хирургических инструментов и зрителей, расположившихся ярусами. Руби отмечает, что общество здесь собралось разношерстное. Есть среди публики неопрятные, есть самые обычные, а есть – ну просто щеголи.

Все эти люди – джентльмены, извлекающие пользу из того, что могут дать образование, усердие и деньги. Джентльмены разные по способностям и по интеллекту; а по характеру – прямые, волевые или же посредственные. Джентльмены, рожденные быть врачами или выбравшие профессию врача по принуждению. Джентльмены, пришедшие сюда посмотреть, как проводит операцию другой джентльмен, и не скрывающие своего интереса. Руби поворачивается к Брайди. Бакенбарды на ее щеках перекошились, жилет на ней трещит по швам, брюки скроены не по фигуре. Но взгляд зеленых глаз тверд и невозмутим, подбородок вскинут, плечи расправлены – сама себе командир. Она внимательно следит за тем, что происходит за операционным столом. С полнейшим самообладанием. Несмотря на смещение, что наверняка всколыхнулось у нее в душе, как только она снова увидела того чудовищного изувера.

Руби абсолютно уверен, что из присутствующих в операционном зале Брайди больше остальных имеет право находиться здесь.

* * *

Публика покидает анатомический театр, ассистенты убирают хирургические инструменты, санитар вытирает шваброй пол. Брайди отстает от хлынувшей в дверь толпы. Она поднимает воротник сюртука и низко надвигает на лоб шляпу.

И вдруг замечает его. Он стоит у операционного стола и о чем-то оживленно беседует. Викарий Кридж из Хайгейтской часовни. Сегодня он одет так же убого, как и в тот день, когда представился ей священником. Но теперь Брайди ясно понимает, кто он есть на самом деле: медик. Губы его не кривятся в ухмылке, но во всем остальном это тот самый тип: худой, с непомерно большой головой и в целом

внешне неприятный. Мнимый викарий стоит в компании других таких же молодых нечестивцев, курит и треплет языком. Дюжий санитар, орудуя шваброй, заодно выпроваживает зрителей. Кридж бросает сигару в ведро с водой, нахлобучивает шляпу и устремляется к выходу.

Брайди спешит следом, протискиваясь сквозь гомонящую, медленно движущуюся толпу. Проходя мимо ведра, она наклоняется и выуживает брошенную Криджем сигару. Дешевое курево, в большом почете у студентов-медиков: «Гусарская смесь».

Брайди торопливо выходит из операционного зала. Криджа нигде не видно. Потом ее взгляд снова натывается на него – в вестибюле, возле широкой дубовой лестницы. На нее напедают со всех сторон, но она все равно останавливается.

В распахнутых дверях стоит Гидеон Имс.

Прижимаясь к стене, Брайди ближе подбирается к нему.

Гидеон ждет, когда подадут его экипаж. Его окружает толпа. Мужчины пожимают ему руку, смеются над его шутками. Некий молодой врач представляет Гидеону свою супругу. Тот улыбается женщине, целует ей руку, пальцами касаясь ее кожи поверх манжеты перчатки. Она краснеет, и его улыбка становится шире.

Должно быть, почувствовав, что за ним наблюдают, Гидеон оборачивается.

Брайди кажется, что кровь застыла у нее в жилах. Их взгляды встречаются, всего на мгновение. Он в знак приветствия касается края шляпы и затем отводит взгляд, ибо какой-то мужчина тронул его за руку. Это Кридж. Гидеон похлопывает его по плечу – пренебрежительно и в то же время с чувством.

Люди, пробиваясь к выходу мимо Брайди, на несколько секунд заслоняют от нее Гидеона и Криджа, и, когда толпа снова рассеивается, их уже нет.

Старая лавка судовых товаров – то место, куда приходят, дабы найти что-то потерянное или избавиться от того, что было найдено при сомнительных обстоятельствах. Осевшая от старости дряхлая лавка с оплетенными паутиной прокопченными окнами горбится на берегу Дептфорд-крика [\[57\]](#). Загляните в нее, и вашему взору откроется целый мир всякой всячины! Истлевшие канаты – на вид мотки пыли – настолько древние, что ими, наверно, еще сам Ной пришвартовывал свой ковчег!

Растрескавшиеся поплавки, уключины и отпорные крюки, топоры и вар, «летучие мыши» [\[58\]](#), изъеденные молью головки швабр, «обезьяньи кулаки» [\[59\]](#) и тысячи других приспособлений, сделанных из сетей, металла, веревок и бечевы. С потолка на крюках свисают странные предметы флотского назначения; на полу вздымаются груды пыльных сокровищ, которые изо дня в день становятся все выше. На двери – вывеска загадочного содержания:

Часы работы: каждый второй ВТОРНИК месяца.

За исключением тех случаев, когда магазин открыт каждый третий ЧЕТВЕРГ

Или каждый второй ПОНЕДЕЛЬНИК.

По вопросу проживания и столования обращайтесь в магазин.

По вопросам швартовки и конопачения – в мастерскую.

По распоряжению мистера У. Таккетта.

Когда дверь лавки открыта, речной бриз (обычно бесцельно рыскающий вдоль водного потока), пользуясь представившейся возможностью, устремляется в магазин вместе с нечаянным покупателем. Особенно ему нравится бить в колокол, что висит в лавке у входа, – в тот самый колокол, который трезвонил на борту «Летучего голландца». Погребальным звоном ветер мрачно приветствует незадачливого покупателя и затем принимается «наводить порядок» в самой лавке, заставляя раскачиваться, греметь, трястись, клацать, падать и кататься собранную в ней всякую всячину. И тогда кажется,

будто магазин внезапно отчалил от берега. Над лавкой — комнаты, которые сдаются внаем. Сейчас они пустуют, а в счастливую пору, когда торговля шла бойко, постояльцев в них набивалось раз в десять больше, чем эти комнаты могли вместить. Жильцы были самые разные — и святые, и грешники; слепой капитан и однорукий портовый грузчик, десятки обнищавших джентльменов и ирландский сборщик трупов. В хорошую погоду квартиранты усаживались в рядок перед магазином и, щурясь на солнце, плевали вслед прохожим.

В часы работы магазина его владелец Билл Таккетт занимает свое место за прилавком. Под прилавком обитает ящик для денег (но теперь вместо столь необходимой наличности в нем лежат другие предметы: голыши, птичьи перья и зеленый стеклянный шарик). Сухопарый мужчина, словно законсервированный во времени с помощью заклинаний и соленой морской воды, Билл Таккетт сам подобен старому моряку. На нем вощенная зюйдвестка, натянутая на уши; брюки, чтобы не спадали, подвязаны веревкой. Сморщенный рот с поджатыми губами похож на раковину моллюска, черные вращающиеся глаза вполне уместно смотрелись бы на голове краба. Сегодня сморщенный рот Билла и вовсе вытянут в трубочку, а вращающиеся глаза так и зыркают во все стороны. После многих лет отсутствия объявилась его жена, и он не особо рад ее возвращению. Недоволен он и тем, что заявила она в сопровождении некоего замшелого хмыря (якобы это доктор) и лодочника, с которым нужно расплатиться, да еще приволокла с собой сундук с каким-то непонятным товаром.

Доктора — по прибытии он едва держался на ногах, а в животе у него что-то постоянно булькало — проводили в давно пустовавшую комнату для гостей. Жена Билла немедленно принялась хлопотать вокруг него, напоила бедолагу бульоном из ножки для студня, и тот с тех пор носу не высывал. А вот сундук оказался шумным: в нем что-то скреблось и постукивало. По просьбе жены Билл перенес сундук в мастерскую, что находилась рядом с лавкой. Работать в ней нельзя — помещение слишком темное; использовать в качестве склада тоже — там слишком сыро. Окно на уровне пола зарешечено, свет в него почти не проникает. Из обстановки — только верстак и стул. Его жена велела принести лохань и ведро рыбы — любой. Для удобства нового постояльца. Прежде чем открыть сундук, она выставила Билла из

комнаты. После она вышла из мастерской, заперла дверь, а ключ, на прочном шнуре, повесила на шею.

Теперь Билл с женой сидят в глубине лавки судовых товаров. Он – на одном конце стола, она, положив больную ногу на скамеечку, – на другом.

– Вот и весь сказ, – говорит она. – Такие вот дела.

– Ты за свою жизнь, жена, много всяких гнусностей натворила, – отвечает Билл, – но это вообще ни в какие ворота не лезет.

Она смеется. На столе между ними грязные тарелки, три порожние бутылки из-под джина и блюдо с остатками холодной телятины.

– Устроилась на работу в загородный дом, выдала себя за няню... – ошеломленно произносит Билл. – И как теперь тебя величают?

– Миссис Бибби, – ухмыляется она.

– Это же девичья фамилия моей матери! – стонет Билл.

– У меня ни стыда, ни совести.

– Похитила ребенка, выкрала из-под носа лорда, будь он проклят...

– Баронета.

Билл прищуривает свои маленькие глазки.

– Везла бедную девочку через всю страну в гробу.

– В сундуке. Для ее же пользы.

– Ты чудовище. Креста на тебе нет, – говорит Билл, беря со стола нож. – Отпусти ее. Верни девочку ее друзьям, – геройски требует он.

– Не нарывайся, положи нож, а то не поздоровится. – Разражаясь сочной бранью, его жена сдвигает больную ногу на скамеечке, ища для нее удобное положение. – Я немало намучилась с этой девчонкой и хочу получить вознаграждение за свои труды.

Билл кладет нож на место.

– А доктор? Он тоже захочет получить свою долю, и, если что-то пойдет не так, он первый тебя сдаст, сделает крайней, и ты загремишь на виселицу.

– Какой доктор?

– О нет, только не это... – Билл возводит глаза к потолку. – Неужели прямо *здесь*?

– Плохо же ты обо мне думаешь.

Билл поднимается со стула, обходит стол и садится рядом с супругой.

– Жена, вот я сижу здесь, – с искренностью во взоре он смотрит на нее, тщательно подбирая каждое слово, – рядом с твоей вонючей гниющей ногой, и умоляю, заклинаю тебя: оставь в покое этого ребенка. Поступи по совести, будь человеком.

– Муж, ты как был остолоп, так им и остался.

– Жена, ты ведь еле ходишь. Посмотри на свою ногу: раздулась, пальцы – гнойные подушки.

– Не спорю.

– Надеюсь, они у тебя отвалятся один за другим, твои пальцы. Надеюсь, эта твоя болячка сожрет тебя всю целиком. У тебя всегда было черное сердце.

Смех жены Билла рокошет, как поток воды в сточном желобе.

* * *

В лавку зашел незнакомец – рослый, плотный, но проворный. Лицо и руки иссечены шрамами; волосы коротко пострижены; бесформенная борода, как у ветеранов Крымской войны. И чувствуется в нем затаенная враждебность. Билл, немало повидавший на своем веку, сразу понимает, что этот человек не просто привык преступать закон – он делает это мастерски. Билл ничего не говорит посетителю, но настороженно следит за ним из-под полей своей зюйдвестки. Его жена ведет незнакомца меж грудями затянутого паутиной хлама в комнату, что находится в глубине лавки, дверь за ними закрывается. Билл ту же завязывает веревку на брюках, натягивает зюйдвестку на уши – на тот случай, если в лавку внезапно ворвется шквальный ветер, и подкрадывается к двери. До него доносятся отдельные слова: *пакет, Полгейт, доставка*. Потом он слышит шаги, направляющиеся к выходу. Билл спешит ретироваться за прилавок, чувствуя, как мучительно стонет под ребрами его изношенное старческое сердце. Незнакомец, покидая лавку, на прощание приподнимает шляпу и награждает Билла столь недвусмысленно злобным взглядом, что старый моряк умчался бы в море в бадье, будь у него хоть одна недырявая посудина.

Девочка не замечает, как миссис Бибби входит в мастерскую, потому что она стоит у окна.

Крышка сундука откинута. На дне лежат спутанные ремни. Сама виновата, ругает себя миссис Бибби. Не она ли, в порыве жалости, собственными руками, приоткрыла сундук, – чтоб ребенку легче дышалось, – и чуть расслабила ремни на растущей девочке?

И вот вам пожалуйста: любуйтесь на Кристабель Берик.

Стоит на свету, что сочится в низкое зарешеченное окно. Бледная, в белой ночной сорочке, как самый обычный тощий ребенок, которому грош цена в базарный день.

Миссис Бибби чувствует, как в ней всколыхнулась жалость. Наверно, это жалость. Откуда ей знать, если сердце ее черство, как мозолистая подошва? И тем не менее почему-то она готова заплакать, глядя на эти худенькие ручки и тоненькие косолапые ножки. Или на то, как девочка неуверенно поводит плечами и неуклюже покачивается, делая робкие шаги, будто напуганный цыпленок. Добавьте к этому ее полупрозрачное одеяние, странный изгиб спины, хрупкие узловатые запястья. Да, миссис Бибби могла бы плакать веки вечные, не будь она бездушной старой ведьмой.

За окном голоса – веселые, писклявые.

По другую сторону окна – Кристабель. Настороженно принюхивается, смотрит во все глаза.

Сквозь решетку просовывается детская ручонка. Ладонка медленно раскрывается. В ней – голышек.

Кристабель наклоняется, чтобы лучше рассмотреть камешек. Рука шевелится. Кристабель отшатывается. Ладонка предлагает ей взять голышек. Двумя пальцами Кристабель осторожно, осторожно берет камешек. И прижимает его к губам. Целует.

Миссис Бибби, ковыляя, ближе подходит к девочке.

Кристабель вздрагивает и на четвереньках отползает в угол, в испуге позабыв, что она умеет ходить – позабыв, что она умеет стоять и ходить, как самый обычный тощий ребенок, которому грош цена в базарный день.

Миссис Бибби ее игнорирует. Раздвигая губы в кошачьей улыбке, она подходит к окну, наклоняется.

Из-за решетки на нее смотрят три маленьких личика.

– Заходите к нам на чай, прошу вас, – ласковым медовым голосом обращается она к самой старшей девочке, которая стоит посередине. – У нас есть пирожки: сдобные, с тмином, джемом и ягодами. И с яблоками, конечно!

С минуту девочки переговариваются, затем старшая поворачивается и, подталкивая остальных, неторопливо идет ко входу в старую лавку судовых товаров.

Кора топает по спальне, подбирая предметы мужского туалета Брайди: нелепые бакенбарды из мехового палантина, жилет и шляпу. Брайди еще в постели: она поздно легла и не могла уснуть почти до самого утра.

Потягивая кофе, она смотрит на письма, что принесла ей Кора. Когда та выходит из комнаты, Брайди, не вставая с постели, раскуривает трубку. Предается постыдному пороку, который Кора горячо порицает. Но Брайди считает, что сегодня она заслуживает снисхождения: как-никак она пережила встречу с Гидеоном Имсом – первую с тех пор, как его отослали из страны. Ее не удивляет, что по прошествии стольких лет он все еще способен смущать ее покой. И она сомневается, что за это время он изменился в лучшую сторону.

Брайди вскрывает первое письмо. Написано оно неуверенной рукой, на бумаге кляксы (из чего можно заключить, что его автор долго копался в словарях и все такое).

Марис-Хаус

Полгейт

Восточный Сассекс

Сентябрь 1863 г.

Дорогая миссис Дивайн.

Пишу, как вы просили. А НОВОСТИ такие. Миссис Суонн заперла дом. Мертил забрал в Лондон ее дядя. Но вы ВОТ ЧТО послушайте. Миссис Суонн утверждает, что доктор отправился в БАТ. Как вам это нравится? Я молюсь, чтобы Мертил хорошо устроилась в Лондоне. ДАЙ-ТО БОГ. БЕДНОЕ ДИТЯ. Ее мать умерла при родах, а теперь еще и отец исчез. ВЫ ЕЕ ВИДЕЛИ?

Бродяжку, что вы нашли мертвой, похоронили на кладбище приходской церкви. УПОКОЙ ГОСПОДИ ЕЕ ДУШУ. Имя ее никому не известно, но, по словам полиции, они вроде бы узнали, как ее зовут. Хозяин худеет, ходит, КАК ТЕНЬ – унылый и подавленный. Мистер Пак говорит, Хозяин вообще не спит с тех пор, как его дочь похитили.

ДА БЛАГОСЛОВИ И ХРАНИ ВАС ГОСПОДЬ.

*Искренне ваша,
мисс Агнес Моллой*

Брайди читает второе письмо, написанное каллиграфическим почерком, но дрожащей рукой, что вполне объяснимо, учитывая нервное состояние баронета.

*Марис-Хаус
Полгейт
Восточный Сассекс)
Сентябрь 1863 г.
Миссис Дивайн,
Какие новости? Ответ направляйте на имя МИСТЕРА ПАКА. С
первой же оказией.
Остаюсь... и т. д. и т. п.
(*Неразборчиво)*

Брайди кладет письма, раскуривает трубку и снова погружается в подушки, наблюдая за облачками дыма.

Обитатели Денмарк-стрит давно встали. Она слышит, как за окном они занимаются своими повседневными делами: торгуют, скребут свои крыльца, сетуют по поводу низкого густого тумана, накрывшего город, словно нестираная простыня. Непотребного цвета! Как гной. И туман плотный, каким бывает только лондонский смог. Хоть кружкой черпай. Только сегодня он ведет себя еще более странно, чем обычно. Во-первых, плывет *против* ветра. В Ричмонде, где воздух чище, туман подобен игольному кружеву, образует изящные узоры. Под мостом Ватерлоо он принимает форму резвящихся выдр. В Саутварке извивается, словно угри. День еще только начался, а уже темно. На омнибусах горят фонари, а сами они движутся со скоростью пешеходов: уныло дребезжит упряжь, раскатисто громыхают колеса. Люди и здания появляются и исчезают, да и собственная рука тоже, если держать ее не перед самым носом.

Брайди в окно не видит ни угрей, ни выдр – только пасмурную погоду: уже подходящий повод, чтобы вообще не подниматься с постели. Скоро Кора вернется и примется пилить ее, заставит встать с кровати и утянуться в корсет. Потом, пока она будет расчесывать

Брайди, так и норовя щеткой выдрать ей все волосы, они с Корой обсудят планы на день. Затем Брайди сядет завтракать. Руби уже будет ждать ее, притулившись в углу комнаты. Коротая время, он будет заново перевязывать бинтами свои кулаки, поглаживать свои великолепные усы или рассеянно подтягивать панталоны.

Но пока Брайди попыхивает трубкой, отдаваясь на волю всего, что она знает, не знает и думает, что знает. Действующие лица этой пантомимы разыгрывают представление на подмостках ее воображения.

Брайди смотрит, как они один за другим выходят на сцену.

Первой появляется Кристабель Берик. Белокурая, с жемчужными глазами, она выбегает вприпрыжку на человеческих ногах и приседает в безупречном реверансе, обнажая в жуткой улыбке острые щучьи зубки. Следом выступают сэр Эдмунд и его прислуга, доктор Харбин и Мертл. За ними – маленький король цирка Лестер Лафкин в костюме шпехшталмейстера. Вот всплывает Эллен Келли – с мокрыми светлыми волосами, посиневшими губами и жучками в корсете. И миссис Бибби – хромая, с дырой вместо лица (знать бы, как она выглядит!) – не преминула приковылять. К стоящим на сцене присоединяются приходской священник Гейл и Видмерпол, а также ухмыляющийся мнимый викарий Кридж с сигарой в руке. Затем шепот, шарканье, толпа расступается, пропуская вперед последнего участника. Гидеон Имс, в золотом костюме, с улыбкой на лице, выходит на авансцену и раскланивается.

* * *

Почтовый зал «Библиотеки избранных книг» Мади – уютное местечко, где приятно посидеть, прийти в себя. Сюда не доносится шум Нью-Оксфорд-стрит и Музейной дороги. Слышно только, как Руби Дойл неуклюже расхаживает в своих незашнурованных ботинках да в углу тикают часы. В центральном зале за столами работают библиотечные клерки. Демонстрируя четкость движений, они с проворством фокусников и соблюдением всех правил вежливости выдают посетителям невероятное количество книг. Леди и джентльмены листают каталоги. Ливрейные лакеи ждут, когда те

отберут книги, которые они понесут вслед за ними. У входа в библиотеку постоянно останавливаются экипажи, высаживая книголюбов. Брайди просматривает аккуратные стопки книг, которые ждут, чтобы их упаковали и по почте отправили подписчикам библиотеки Мади. Ее внимание привлекает одно название:

Экстрасенсорные возможности

Автор: мадам Волков

Рассуждения о СПИРИТИЗМЕ, полтергейсте,

привидениях, заблудших и назойливых духах

Как ОСВОБОДИТЬ свой дом от ПРИЗРАКОВ

ИЛИ ПРИВЛЕЧЬ их в свое жилище.

ПОУЧИТЕЛЬНО-РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ сеансы

Руби с любопытством поглядывает на Брайди.

– Что это?

– Роман.

– Чтение романов – пустая трата времени, – комментирует Руби, продолжая расхаживать с цилиндром в руке. – Только мозги усыхают.

Брайди усмехается.

Возвращается клерк – худой юноша с нездоровым цветом лица и длинными пальцами, которыми он с глубочайшим почтением касается книг и бумаги.

Он с беспокойством во взоре смотрит на Брайди.

– Миссис Дивайн, если я сообщу вам эти сведения...

– Я буду нема, как могила, – заверяет его Брайди. – Клянусь.

Клерк – его зовут Вилли – сын Уильяма Уитакера, изготовителя кисточек и султанов с Денмарк-стрит. Брайди ни за что на свете не поставит под угрозу положение своего соседа.

Вилли кивает.

– Это учетная карточка читателя, здесь все сплошь беллетристика.

– Какого плана?

– Массовая литература. Ей нравятся остросюжетные романы.

– Кому ж они не нравятся? Похищенные наследницы, готические особняки, ужасные преступления – все такое?

– «Женщину в белом» запрашивали несколько раз. Периодически брали леди Одли [\[60\]](#).

– Пустые разговоры, Вилли. У тебя есть адрес этой читательницы?

– Проживает в Сомерс-Тауне. Только в карточке указано не то имя, что вы назвали. Я дважды проверил.

Вилли вручает Брайди формуляр, заполненный аккуратным почерком.

Фанни Сквирс [\[61\]](#).

– Что-то подсказывает мне, что мы имеем дело с поклонницей мистера Диккенса, – замечает она.

Руби легким шагом возвращается к Брайди и заглядывает ей через плечо. Имя в формуляре ему ни о чем не говорит.

– Так зовут одного из его вымышленных персонажей, – объясняет ему Брайди.

– Я знаю, миссис Дивайн, – отвечает Вилли. – Но сама читательница вполне реальная.

Брайди пытливо смотрит на него.

– Вы ее знаете?

– Нет, мэм, – хмурится Вилли. – Она присылала за книгами служанку. Вот ее я никогда не забуду.

– Можешь описать эту служанку?

– Грубая такая, хромает. – Вилли сильнее морщит лоб. – *Выражается.*

Из кармана юбки Брайди достает книгу, что она обнаружила в детской Марис-Хауса.

– Одна из книг, что брала у вас Фанни Сквирс. Думаю, все сроки по возврату уже вышли.

– Наверняка.

Руби, догадываясь, что разговор подходит к концу, идет к двери, наблюдая за работой библиотекарей.

Брайди показывает на книгу, что лежит на столе.

– Я возьму вот эту, – шепчет она. – Запиши на меня, ладно?

Вилли берет книгу в руки.

– Никогда бы не подумал, миссис Дивайн, что вас это заинтересует. Призраки и кладбищенские воры.

Руби оглядывается через плечо.

– Выдай мне ее, пожалуйста.

Вилли переворачивает несколько страниц и фыркает от смеха.

– Потрясающе! «Любовь к призраку. Когда твой возлюбленный умер».

Брайди выхватывает у него книгу и сует ее в карман, не обращая внимания на довольное лицо Руби.

* * *

Проливной дождь, и дороги превращаются в скользкое месиво. По улицам текут потоки грязи – праздник для подметальщиков перекрестков [\[62\]](#), орудующих метлами на каждом углу; беда для пешеходов, которые думают только о том, как бы устоять на ногах. Брайди идет по Нью-Оксфорд-стрит в сторону Британского музея. Руби, разумеется, рядом, шествует величаво вальяжной поступью непобедимого боксера: панталоны подтянуты, цилиндр сдвинут на затылок. Они минуют площади Рассел-сквер и Вуберн-сквер – на обеих разбиты парки. Потом – Гордон-сквер, на которой стоит общежитие медицинского колледжа и кучкуются студенты. Вот Юстон и грандиозные площади остались позади. Впереди – Сомерс-Таун, некогда район престижных домов, которые теперь заполнила самая разномастная публика.

Фанни Сквирс проживает на Сидней-стрит, в нешироком унылом неприглядном домишке, вклинившемся между двумя большими разлапистыми домами, которые похожи на грузных престарелых дам, локтями прокладывающих себе путь в омнибус. Рядом с дверью – вывеска: «Гостевой дом миссис Пич».

Войдя в дом, куда ее впустила служанка миссис Пич – нервная девочка лет двенадцати, не старше, Брайди вскоре понимает, что обшарпанный фасад дает обманчивое представление о весьма красочном интерьере. Узкая гостиная миссис Пич убрана столь же пышно, как и сама хозяйка. В углу на жердочке расположился старый цветистый попугай – птичий двойник миссис Пич. Перья его обтрепались, клюв слоится, но глаза-бусинки не потускнели.

Помимо попугая, комнату украшает весьма обширная коллекция антикварных вещей и безделушек. Большинство помещены высоко, вне досягаемости кринолина миссис Пич – довольно объемной конструкции с массой оборок, рюшей, складок и бантиков.

Брайди садится, наблюдая, как миссис Пич силится втиснуть свой кринолин в кресло. Руби стоит в стороне, у камина, среди полок с фотографиями в серебряных рамках, фарфоровыми статуэтками животных, образцами рукоделия, часами из золоченой бронзы и расшитых флажков. Миссис Пич ненароком демонстрирует свои панталоны в рюшках, прежде чем ей удастся совладать с широкой юбкой на обручах.

Руби из вежливости отводит глаза.

Из-за того, что в узкое пространство гостиной миссис Пич впихнуто невероятное обилие вещей, Брайди сидит – так уж получилось – почти нос к носу с самой хозяйкой. Со столь близкого расстояния – их разделяет не более двух шагов – Брайди видит каждую черточку лица миссис Пич, и ее восхищает мастерство и изобретательность, с коими был создан эффект сияющей кожи.

С более далекого расстояния человеку с обычным зрением было бы вполне простительно принять миссис Пич за цветущую юную, розовощекую, белозубую девушку с большими глазами. В действительности миссис Пич уже давно пережила период своего расцвета. Эффект свежести – и даже молодости – достигается с помощью всевозможных косметических средств и уловок. Кремы, пудра, румяна – все наложено на лицо умелой рукой. Искусный макияж дополняет сооружение из шиньонов и накладок у нее на голове и зубные протезы во рту.

Вблизи ее внешность производит жуткое впечатление. Брайди неприятно поражена.

Попугай потрясывает одряхлевшими крыльями и гортанно ворчит, со своей жердочки наблюдая за Брайди. Миссис Пич берет у Брайди библиотечную карточку и какое-то время рассматривает ее, чмокая шатающимися вставными зубами.

– Что ж, миссис Дивайн, – начинает она любезным голосом, припасенным специально для светских бесед (каждый слог четко проговаривается, гласные тянутся – произношение на благородный манер). – Я могу со всей ответственностью утверждать, что никакая *мисс Фанни Сквирс* жилье здесь не снимает.

Она медленно опускает небесно-голубые веки и трясет напудренным подбородком.

– Даже представить не могу, зачем указывать адрес моего скромного дома, если здесь не квартируешь.

– Имя вымышленное, миссис Пич, – говорит Брайди. – Принадлежит персонажу популярного романа мистера Диккенса.

– Популярные романы и вымышленные имена – это прекрасно, миссис Дивайн, но я к ним отношения не имею.

– Вы сдаете комнаты постояльцам?

Миссис Пич оскорблена.

– Это *гости*, с вашего позволения. У меня их три, и одна из гостей живет здесь не постоянно.

– *Непостоянные друзья*, – ни с того ни с сего вдруг обиженно вопит попугай. – *Не-постоян-ные друзья!*

Миссис Пич не обращает на него внимания.

– И это исключительно респектабельные дамы, как и я сама.

– *Не суй свой нос*, – комментирует попугай, глядя Брайди прямо в глаза, – *в чужой вопрос*.

Руби у камина хохочет.

– У вас проживает – или когда-нибудь проживала – респектабельная дама, называющая себя миссис Бибби?

Миссис Пич поджимает губы.

– Вряд ли я смогу ответить на ваш вопрос. При всем моем уважении, миссис Дивайн, мы с вами едва знакомы.

– Миссис Пич, – улыбается Брайди, – я провожу важное расследование: речь идет о тяжких преступлениях.

Попугай, нагнув голову, тихо присвистывает.

– Я не вправе раскрывать вам подробности дела, – продолжает Брайди, – но поверьте, вы оказали бы следствию неоценимую услугу.

Брайди ждет, давая возможность миссис Пич осмыслить ее слова. Та сохраняет невозмутимость, даже бровью не повела. Попугай, недовольно ворча, передвигается туда-сюда на жердочке.

– Или вы предпочитаете, чтобы вас допросил представитель полиции, миссис Пич? Я могу его прислать. Инспектор Валентин Роуз – мой близкий друг. Слышали о таком?

– *Прячь подсвечники!* – отзывается попугай.

Выражение лица миссис Пич не меняется, только кончик носа начинает краснеть, что не скрывает даже густой слой пудры.

– В этом нет необходимости, миссис Дивайн. – Домовладелица раздраженно разглаживает свои юбки. – Две мои постоянные жилицы – мисс Фиггс и мисс Флэш. Обе – дочери священников, гувернантки. В настоящее время ищут работу.

– *О да, конечно...*

– И еще время от времени здесь останавливается мисс Виндзор...

– *Пират колченогий!*

Нос миссис Пич разгорается ярче.

– Весьма почтенная дама, аккуратная и очень приятная.

Попугай насмешливо фыркает.

– Случаем, мисс Виндзор не хромает? Не имеет привычки употреблять крепкие словечки? – подсказывает Брайди.

Миссис Пич едва заметно кивает.

– *ГРЯЗНАЯ ШЛЮХА! ДЕШЕВАЯ ПОТАСКУХА!* – кричит птица. – *ЛАХУДРА ВОНЮЧАЯ!*

Миссис Пич умирляет попугая убийственным взглядом. Тот роняет голову, переступая с лапы на лапу.

– Мадам, когда вы последний раз видели мисс Виндзор? – спрашивает Брайди.

– Несколько недель назад, – резким тоном отвечает миссис Пич. – Может, несколько месяцев.

– Вам известно, где мисс Виндзор сейчас?

Миссис Пич чуть не проглатывает свои вставные зубы.

– Местонахождение мисс Виндзор – не моего ума дело, мадам!

Брайди дожидается, когда подбородок миссис Пич перестает трястись, и задает новый вопрос:

– Мисс Виндзор кто-нибудь навещал?

– *Оборванец*, – докладывает попугай. – *Голубец набитый!*

Нарисованные дуги бровей миссис Пич меняют конфигурацию, выражая шок и негодование.

– Мой гостевой дом – приличное заведение, миссис Дивайн!

– *Покажи-ка панталоны!* – свистит попугай.

– С соблюдением всех правил приличия, разумеется, – добавляет Брайди.

Теперь миссис Пич каждой черточкой своего лица выражает крайнее недовольство.

– Я, право, не могу сказать. У вас ко мне остались еще какие-то вопросы, миссис Дивайн?

– С вашего позволения, мне хотелось бы посмотреть комнату мисс Виндзор.

Попугай расхаживает по жердочке, воинственно задирая голову, как петух.

– *Шутишь?*

– Мисс Виндзор вряд ли понравится, что...

Брайди смотрит домовладелице прямо в лицо.

– Мадам, мисс Виндзор вряд ли сюда вернется.

– *В тюрьму!* – выкрикивает попугай. – *В тюрьму ее!*

Миссис Пич плотно сжимает губы, сдвигает брови в единую линию.

– *Пока, пока, Нэнси-лапочка!* – с ликованием напевает попугай.

* * *

В сопровождении служанки миссис Пич Брайди поднимается в комнату на чердаке, где мисс Виндзор иногда останавливалась. Она пытается втянуть девочку в разговор, но та тут же убегает вниз.

Чердачная комната мисс Виндзор обставлена скудно. В крашенные стропила впитался запах копченой селедки, что едят на завтрак.

При осмотре комнаты не обнаружено ничего, кроме мясного пирога (несвежего), банки с горчицей и отмычки, которую Брайди убирает к себе в карман.

– Значит, эту комнату вверх дном не переворачивали. Впрочем, что тут переворачивать, даже если сумеешь проскользнуть мимо миссис Пич?

– Где же они? – Руби стоит у окна, наблюдая, как две кошки гоняются друг за другом по подогнанным почти вплотную соседним крышам более низких домов.

– Кто?

– Миссис Бибби и доктор. Они в сговоре. Это их рук дело.

– Похоже, что так.

– Ребенок еще у них?

– Возможно. – Брайди ищет тайник под половицами, но те все крепко приколочены. – Думаю, они залегли на дно, ждут покупателя. Или ударились в бега со страху.

– Боятся, что их поймают? Так ведь полиция их не разыскивает.

– Возможно, скрываются от конкурентов. – Брайди поворачивается к камину, осматривает дымоход, ворошит золу в топке. И вытаскивает какой-то полуобгоревший предмет.

В ее ладони окурок сигары.

– «Гусарская смесь»? – предполагает Руби.

Брайди кивает.

– Викарий Криддж везде поспевает.

Май 1843 года

Брайди с головой залезла в живую изгородь, наблюдая за гнездящейся птицей. Там жил крапивник, а ей нравились эти крошечные пернатые создания. Только на самом деле она не птичкой любовалась, а предавалась размышлениям. Помимо этого занятия, она бегала по поручениям миссис Донси, по несколько часов не появляясь в Олбери-Холле, и, разумеется, была этому только рада. В помещениях для прислуги царило уныние. Гидеона за какой-то проступок временно отчислили из колледжа, и на этот раз возвращаться он не собирался. Среди слуг ходили разговоры о том, чтобы оставить Олбери-Холл и искать другую работу. Даже миссис Донси приглядела для себя новое местечко – один прибрежный трактир, где она подавала бы пиво и жаркое и была бы королевой в своем собственном маленьком королевстве.

Крапивник давно улетел, а Брайди, все еще головой утопая в живой изгороди, продолжала размышлять. Правда, обдумывала она не столько саму эту новость о Гидеоне, сколько реакцию на нее своей новой подруги. Элайзе, казалось, было все равно.

После той встречи с Гидеоном в конюшне она изменилась. Была подавлена, рассеянна, часто где-то скрывалась. Эдгар, как всегда, семенил за матерью, тянул к ней ручки, цеплялся за юбки. Но Элайза просто смотрела на малыша, словно пыталась вспомнить, кто он такой, и лишь потом устало брала сына на руки.

Если Элайза и знала, что это Брайди пряталась тогда в сенном амбаре, она ей ничего не говорила. И сама Брайди тоже молчала, хотя несколько раз порывалась ей о том рассказать – в немалой степени из страха перед мстью Гидеона. Но потом она рассудила: разве Элайза сумеет защитить ее, если она не способна защитить саму себя? Брайди не совсем понимала, что произошло между ними в тот день на конюшне, но она видела, что Элайза напугана. Страх сквозил в ее голосе, страхом отзывались ее быстрые шаги.

И вот, пока Брайди думала об источнике всех зол – о Гидеоне, – она услышала, что по дороге едет коляска. Услышала она прежде, чем увидела, ведь голова ее находилась в кустах.

Если бы Брайди догадывалась, кто к ней приближается, она бы нырнула в живую изгородь.

Зря она вовремя не вспомнила совет старика Гана Мерфи: *не думай о плохом, если не хочешь, чтобы это плохое тебя настигло.*

Гидеон остановил коляску.

– Залезай. Мне нужен помощник с крепкими нервами.

Брайди колебалась. Поблизости на дороге больше никого не было. Она подумала о том, чтобы броситься наутек. Бегала она быстро. Успела бы продраться сквозь изгородь и умчаться через поле, пока он выбирался бы из коляски.

– Живей, Бриджет. Больному нужна помощь.

Возможно, ее подкупило то, как Гидеон произнес ее имя – естественно, без сарказма, – а может быть, выражение искренности на его лице. Но, к своему неизбывному сожалению, Брайди вылезла из кустов и села в коляску.

* * *

Хижина, к которой они направлялись, стояла за селением Крэнбурн. Когда дорога кончилась, они покинули коляску и дальше пошли через поля пешком. Гидеон нес саквояж – кожаный, похожий на тот, с которым его отец ездил в больницу. Брайди он всучил сверток – что-то мягкое, завернутое в упаковочную бумагу. Их путь пролегал по тропинкам, заросшим сорняками и шиповником. Брайди не знала, где она находится. Наконец показалось какое-то жилище – хлипкая старая халупа.

На крыльце сидела женщина с миской на коленях. Плечи ее были укутаны платком. По их приближении она попыталась встать, и платок соскользнул с ее плеч. Она не стала его поднимать. Более изможденного человека Брайди еще не видела.

– Она беременна, – определила Брайди по форме живота женщины, ибо Ган рассказывал ей о таких вещах.

– Нет, – покачал головой Гидеон. – У нее овариальная опухоль. – Он взглянул на Брайди. – И я ее удалю.

Брайди вытаращилась на него.

– Сэр, ее нужно отвезти в больницу.

Гидеон покраснел.

– Это пусть она сама решает.

– Но ведь вы не хирург, сэр.

– Я стану хирургом.

– Вы ведь даже не знаете, с чего начинать.

В лице Гидеона отразилось раздражение.

– Я читал об этом и практиковался на свиньях.

– Свиньи – это одно, женщина – совсем другое.

– Ты слышала про Эфраима Макдауэлла?

– Нет, сэр.

– Это американский врач. Он успешно проводил операции по удалению опухоли яичников. Его пациентки благополучно переживали послеоперационный период.

– Сэр?

– Они не умирали от перитонита. – В голосе Гидеона слышалось едва скрываемое возбуждение. – Свою первую операцию – по удалению массивного новообразования у некоей Джейн Тодд Кроуфорд – он провел в 1809 году. Через месяц она уже снова ездила верхом, и прожила эта дама до семидесяти восьми лет.

Брайди нахмурилась.

– Сэр, почему вы не попросите отца помочь этой бедной женщине?

– Я сам прооперирую несчастную.

Взгляд Брайди наполнился ужасом.

– Не надо, прошу вас...

– Бриджет, если Макдауэлл делал такие операции, значит, это возможно.

– Сэр, я настоятельно...

– Ты здесь потому, что мне нужна пара твердых рук, а не твое дурацкое мнение, – отрезал он. – Держи его при себе.

Женщину звали Делла Уэбб. В хижине она жила одна, возделывала свой участок земли, ни с кем не общалась. Женщина с желтушной кожей и обескровленными губами, Делла была столь изнурена болью и лихорадкой, что определить ее возраст не представлялось возможным. В ее больших серых глазах застыло недоумение. Она сказала, что Гидеон – ее молодой лесной олень. Ее знатный гость. Брайди понимала, что лучше ни о чем не спрашивать, даже если бы ей было дозволено говорить. Делла сама ей это сообщила между приступами рвоты, когда пыталась встать, чтобы угостить их вином. Гидеон наблюдал за ними с веранды.

– Что вы посоветуете, сэр? – обратилась к нему Делла.

– Делла, мы это уже обсуждали. Ты скорее умрешь в больнице, чем под моими руками, – с досадой произнес Гидеон.

– Сэр, и вы сумеете избавить меня от этого?

– Да.

Делла мрачно кивнула.

* * *

Из двух комнат, что имелись в хижине, ни одна не подходила под операционную. Первая была светлая, но слишком узкая, вторая – пошире, но темная. Гидеон остановил выбор на более светлом помещении. С помощью Брайди он расчистил пространство и втащил туда крепкий стол. Затем развернул сверток, доставая тетрадь и чистые простыни. Упаковочную бумагу он расстелил на каминной полке и разложил на ней хирургические инструменты.

Гидеон с Брайди помогли Делле лечь на стол. Дрожа от боли, она бранилась и извинялась. Потом, когда Брайди начала раздевать Деллу, та тихо заплакала.

Гидеон дал Брайди тетрадь.

– Мы должны строго следовать моим записям. Читай это вслух, пока я буду готовить пациентку к операции.

Брайди силилась сосредоточиться на четком красивом каллиграфическом почерке Гидеона. Слова попадались трудные, но она знала: если не торопиться, прочитать можно что угодно.

Инструкция гласила: *сделать разрез по срединной линии, промыть кишечник, удалить кровь из брюшной полости.*

Ремнями собственной конструкции Гидеон привязал Деллу к столу, закрепив их вокруг ее ног и туловища, затем мелом начертил на стене крест. Делле он велел повернуть голову и смотреть на крест. Полчаса, не больше, и операция будет закончена, пообещал он ей.

После Гидеон вплотную подошел к Брайди и тихо сказал ей на ухо:

– Быстро и спокойно выполняй все мои указания, что бы ни случилось. Ясно?

От страха Брайди даже не смогла кивнуть.

* * *

С истерзанным сердцем, отупев от страха, Брайди ждала Гидеона на веранде. Она затруднялась объяснить, что сейчас произошло в комнате, долго длилась операция или не очень, в какой последовательности. В воображении мелькали лишь отдельные картины – каждая по-своему яркая и ужасная. Делла Уэбб на столе. Ее лицо обращено к стене, на которой мелом начерчен крест. Бьющая спорадически струя крови, пока Гидеон накладывал лигатуру. Таз с теплой водой, который Брайди держала наготове. Вываливающиеся в него внутренности Деллы. Брайди изо всех сил старалась не выронить отяжелевший от них таз, а сама недоумевала, как при этом женщина еще остается живой, смотрит на стену обезумевшим взглядом, беззвучно шевелит губами. Судорожный стон.

Если это кровавое месиво и лишало Гидеона самообладания, вида он не подавал. Равно как не выказывал и сомнений. Пытаясь остановить кровь. Зашивая живот. Накладывая повязку. Плотнo закрывая рану, чтобы в нее не попал воздух. Усмиряя Деллу настойкой опия, хотя она и без того лежала неподвижно. Брайди вытерла лицо Деллы. Та уже остывала. Брайди низко склонилась над несчастной и дыхания ее не почувствовала. Затем, следуя указаниям Гидеона, она скатала одеяла по обе стороны от Деллы, подоткнула ее с боков. Они оставят пациентку на столе. Перемещать ее еще нельзя.

Брайди покинула комнату, увидев, что Гидеон начал снимать с себя рубашку. Он вытер ею лицо, шею и руки и связал в узел вместе с пропитанными кровью простынями. Брайди услышала, как он вышел на улицу. Плеск дождевой воды в бочке, что стояла неподалеку от крыльца.

Брайди ждала на веранде, сидела, подложив под ноги ладони.

Из-за угла дома появился Гидеон. В чистой сорочке с расстегнутым воротом. Его светлые волосы потемнели от воды и, мокрые, липли к голове.

– У нее есть все шансы на выздоровление. Я действовал в строгом соответствии с описанием Макдауэлла и своими собственными записями.

– Она не дышит, – проронила Брайди.

Оставив без внимания ее слова, Гидеон достал табак и закурил.

– А ты молодец, малышка, хорошо ассистировала.

Брайди рассматривала сад Деллы, решетки с вьющимися растениями, цветы, декорированную ракушечником тропинку. Несколько курочек бегали по двору, клювами что-то подбирая с земли; пестрый кот, развалившись, грелся на весеннем солнышке.

– Бриджет, ты никому не должна говорить о том, что мы здесь сделали.

Она промолчала.

– Ты – соучастница. Понимаешь, что это значит? Ты – мой сообщник: ты ассистировала мне. Для тебя это тоже не останется без последствий.

Брайди взглянула на него.

– Спрашивай, – сказал Гидеон. – Задай вопрос, который тебя гложет.

– Почему вы не попросили отца помочь ей?

– А ты знаешь, кто она такая? Чем занимается?

– Она живет одиноко, возделывает свой сад.

Гидеон рассмеялся.

– Она работала официанткой в трактире «Лилия», пока ее не выгнали оттуда за непристойное поведение. Добропорядочные люди с такими не общаются.

Брайди смотрела на кота, лежащего на солнцепеке, а сама боролась со слезами.

– На самом деле, – признается Гидеон, – я хотел обследовать ее брюшную полость.

– Ее нужно было отвезти в больницу.

– В больнице ее все равно бы не оставили, даже если бы довезли туда живой.

Брайди знала, что это ложь.

– Я отвезу тебя домой. – Гидеон встает и протягивает ей руку. – Меня не хватятся, а вот на поиски маленькой бродяжки-ирландки вышлют целый спасательный отряд.

– А как же Делла? – спросила Брайди, проигнорировав его руку.

– Я вернусь, побуду с ней. Пока она не окажется вне опасности. – Он сложил на груди руки.

До коляски они шли в молчании и всю дорогу до поместья тоже молчали. День начал угасать.

У дома, когда Брайди стала выбираться из коляски, Гидеон положил ладонь ей на плечо.

– Ты дружишь с Элайзой. Я вижу, что вы постоянно вместе, о чем-то шепчетесь.

– В последнее время мы почти не общаемся, – ответила Брайди и поспешно добавила: – У нее много дел.

– Она что-нибудь говорит обо мне? – спросил он.

В его наигранно беспечном тоне Брайди уловила необычные нотки. Она подняла глаза к лицу Гидеона.

– Да нет. Что она может о вас говорить?

Гидеон пылливо, с интересом смотрит на нее и вдруг расплывается в улыбке.

Сентябрь 1863 г.

Кора Баттер внимательно оглядывает дорогу, но не видит того, кто минуту назад, словно оглашенный, колотил в дверь, заставив ее, всю обсыпанную мукой, бегом кинуться вниз по лестнице. На крыльце – посылка, по форме и величине напоминающая шляпную коробку. Кора еще раз окидывает взглядом улицу: на Денмарк-стрит все как обычно. И тем не менее ее не покидает стойкое ощущение, что за ней наблюдают. Она наклоняется и поднимает посылку, которая оказывается на удивление тяжелой для своих габаритов.

Кора ставит посылку на стол в гостиной, где ее госпожа ужинает остатками выпечки фрау Вайс; сдобу она запивает кофе и курит трубку. Кора разрезает веревку и разворачивает упаковочную бумагу.

В посылке – шляпная коробка, а в коробке – человеческая голова.

– Матерь Божья! – охает Кора.

Брайди потягивает кофе.

* * *

– Осмелюсь предположить, – произносит Кора, – что причина смерти – обезглавливание.

Брайди исследует место среза. Голова отсечена аккуратно, ровно, с хирургической точностью.

– Голову отрезали после смерти.

Кора поражена.

– Тогда от чего же он умер?

– Чтобы это определить, надо бы взглянуть на тело доктора Харбина.

– Когда он умер? Голова, я смотрю, уже некоторое время где-то повалялась.

– Пожалуй, два-три дня назад. Голову держали в холоде, но она существенно обглодана: нет ушных мочек, части щеки, кончика носа...

– Крысы постарались?

– Крысы, Кора.

– О боже! – стонет Руби и поспешно исчезает в камине: он места себе не находит с тех пор, как доставили голову.

Остекленевшие глаза доктора Харбина утопают в глазницах за разбитыми стеклами очков, которые сейчас криво сидят на его небритом лице с неподровненными бакенбардами. Сама голова лысая, кожа морщится в складки – ни дать ни взять тухлое очищенное яйцо.

– Печально видеть его в таком состоянии, – сетует Кора. – Он так гордился своими бакенбардами.

Брайди замечает, что изо рта доктора Харбина что-то торчит.

– Давай-ка его к окну, Кора, к свету.

Со всей церемонностью Кора вставляет пальцы в уши доктора и, двигаясь мелкими шажками, осторожно, словно полную супницу, несет его голову на ломберный стол.

Брайди щипчиками раздвигает губы доктора и достает из его рта сплюснутый комоч бумаги. Она осматривает ротовую полость: там больше ничего нет. Брайди кладет комоч на стол и начинает его расправлять.

– Запись сделана стойкими чернилами, – констатирует Брайди. – Несмываемыми. Прочитай, пожалуйста.

Кора склоняется над запиской.

Достану я жемчужный гребешок
И медленно причесываться стану,
И, напевая, буду я гадать,
Кто меня любит,
А кто не жалуется.

Кора озадаченно смотрит на лысину доктора Харбина.

– Странно. Что он мог бы расчесывать? У него ж ни волосинки на голове.

– Это Теннисон, – объясняет Брайди. – Из стихотворения «Русалка».

– То есть кто-то сообщает нам, что Кристабель у них.

– Возможно, – задумчиво произносит Брайди.

– Что ж, бог им в помощь: рассчитывали на русалку, а получили мерроу. Морскую бестию, которая выуживает воспоминания, топит людей на суше и до смерти кусает мужчин.

Брайди тотчас же жалеет, что позволила Коре прочитать книгу преподобного Уинтера. Просто ее обрадовало, что служанка проявила интерес к чему-то еще, помимо бульварных романов.

– Кора, Кристабель – ребенок. Она – не мерроу. Мерроу – мифические существа. В реальной жизни их не бывает, они живут только в сказках.

– А как же доказательства? – с бунтарским видом возражает Кора.

– Какие доказательства? Мокрые стены и пара улиток?

Кора, погрузившись в раздумья, чешет висок.

– А взбесившаяся Темза, наводнение, дождь? Что, по-вашему, все это вызвало?

– Ну не шестилетний же ребенок.

– Его преподобие Уинтер оставил место для сказок, и правильно сделал, потому что в каждой сказке есть доля истины, – величаво провозглашает Кора.

Брайди смотрит на нее прищурившись.

– У тебя новое платье?

На Коре красный бархатный наряд, который как будто бы пошит из занавеса в театре Флаксмена. В талии платье перетянута шнуром – толстым, как кулак Брайди. Сбоку свисают две кисточки длиной два фута. Подбородок ее чисто выбрит, на щеках – румяна.

– На свидание, что ли, собралась?

– Не ваше дело! – рычит Кора. – Если это все, я пошла. У меня сегодня полдня выходной. – И, подхватив свои широченные юбки, она выскакивает в дверь.

Распоряжения он получил, пора приступать к выполнению задания. Сейчас он направляется в паб «Карета и лошади», чтобы пропустить бокальчик живительной влаги для мистера Бойда. Он садится и начинает отхаркиваться и сморкаться, ибо он потливый человек, мокроты с соплями в нем хоть отбавляй, и нынешние погодные условия в Лондоне – дожди, наводнение – лишь усугубляют его состояние. А дело, которое ему поручили, требует, чтобы он был малозаметен и тих, как мышка, не выдавая себя постоянным фырканьем и сопением.

Лавочник, что живет внизу, чокнутый колокольщик, теперь уже улегся спать в своем чулане, чтобы утром снова приступить к работе. Дылда-горничная гуляет (на свидании с Королевой Змей, как пить дать). Рыжая тоже скоро отойдет ко сну. Да, она дома, но еще не ложилась, курит трубку и полночи болтает сама с собой, стоя у окна. Он должен подгадать так, чтобы она спала. Помимо всего прочего, нельзя забывать, что, стоит ему появиться на Денмарк-стрит чуть раньше, чем нужно, и он наткнется на последний ночной патруль, чуть припоздаст – и фрау, что встает с первыми проблесками рассвета, уже будет печь пироги. Мистеру Бойду известны все привычки обитателей улицы, дома, в котором живет Рыжая, и самой Рыжей. Он следит за ней уже много дней. Для женщины, да еще такой козявки, она очень уж непоседлива – просто шило в одном месте. Вверх-вниз, вниз-вверх по лестницам; ходит на дальние расстояния, причем всегда пешком, никогда не сядет ни в кеб, ни в омнибус.

Мистер Бойд смотрится в зеркало, что висит за барной стойкой.

С недавних пор он носит котелок, и ему этот головной убор идет. Сегодня вечером он добавил к своему платью модный сине-красный галстук, придающий выразительность его глазам. Он любит красиво приодеться, и теперь, когда он неплохо зарабатывает на хлеб насущный, у него есть возможность пощеголять – каждый день при полном параде. Он снимает котелок и, хмурясь, принимается искусно укладывать спереди свои жиденькие волосы.

Дай бог, чтобы сотрудничество с его нынешним щедрым работодателем продлилось как можно дольше. При этой мысли мистер Бойд напоминает себе:

Сегодня ночью он должен совершить кражу, а не отправить кого-то на тот свет.

Перечень: один предмет.

Сосуд, в котором заспиртован хвостатый младенец.

(Боже всемогущий, как его угораздило ввязаться в это?)

Кража, мистер Бойд, повторяет он себе. *Не* убийство.

Порой одно не обходится без другого.

Порой прибываешь по назначению, чтобы прикончить кого-то. Дело сделано. Порыскаешь по дому, найдешь несколько симпатичных вещичек, которые грех не взять. Только не всегда можно продать то, что прихватил. Спрячешь украденное под половицами, а потом – бах! – приходится срочно среди ночи оставлять дом и спасаться бегством. Вот как бывает.

Порой прибываешь по назначению, чтобы кого-то ограбить. Дело сделано. Семья просыпается, начинает бороться за свое имущество, ты пытаешься их утихомирить – получается, что перестарался. Так тоже бывает.

Мистер Бойд оставляет паб и идет к дому. Он подберется к черному ходу. С крыльца заходить нельзя.

Мимо шагает какой-то торговец. Тот не обращает внимания на Бойда, не пялится на его физиономию (он неизменно придает своему лицу невинное спокойное выражение, как у священника). Мистер Бойд хвалит себя за то, что у него всегда хватает ума идти на дело в приличном костюме.

Задняя калитка заперта. Не без труда он перелезает через ограду, затем промокает потный лоб, поправляет на голове котелок.

(Святая Матерь Божья, как его угораздило опуститься до такого?)

Еще не так давно, всего несколько лет назад, мистер Бойд вытанцовывал на крышах, был первым из первых в своем ремесле: по четыре кражи со взломом за день, шесть – по субботам, и никогда ни одной – упаси Господи! – по воскресеньям. Но для такой работы нужно иметь быстрые ноги и легкую задницу.

В дом через кладовую, и здесь мистер Бойд на минуту останавливается...

Ммм, какое блаженство! Интимные запахи чужого дома!

Потому он и соглашается на такую работу.

Он двигается осторожно, стараясь не фырчать, не перекачивать мокроту во рту, не чертыхаться.

Столы, неплотно пригнанные половицы, ковры – все это его не волнует. Он ищет то, что запирается. И вот оно. Ряды сосудов, как ему и говорили. Стекло на ощупь холодное.

Он зажигает шведскую спичку, поднимает ее вверх.

(Господи Иисусе, его сердце, будь оно проклято, этого не выдержит!)

Содрогаясь, он убирает в мешок уродца. Дело сделано, Рыжая спит как спала.

Мистер Бойд направляется к выходу, и его вдруг охватывает уныние. Ему не хочется возвращаться ни в свою одинокую берлогу, ни в трактир, чтобы выпить там в одиночку. Он предпочел бы побаловать себя немного женским обществом, пусть им повосхищаются. Разве он сегодня не хорош собой?

Мистер Бойд направляется в спальню.

* * *

Брайди в постели, спит. Лампа все еще горит, рядом лежит раскрытая книга, которую она читала перед сном. Если она и слышит шум – тихий стук отворившейся и закрывшейся двери, крадущиеся шаги по лестнице, – она думает, что это Кора поздно вернулась домой, и продолжает спать. Но затем вспоминает, что Кора никогда не ходит крадучись и не закрывает дверь, не испытав на прочность ее петли.

Брайди резко садится в постели. Ее вскрик утопает в зажавшей ей рот мужской руке.

* * *

Он сидит на ней верхом, зажав между коленями.

О боже, его мерзкое тело на ней, какой кошмар...

Нижняя часть его лица скрыта под шейным платком, но она мгновенно узнает в нем полицейского, который следил за ней.

Если Руби здесь, она его не видит...

Без шляпы, лысеющий, голубые слезящиеся глаза, исходит потом от напряжения. Что-то бубнит. Слов она не разбирает.

Разве может мертвец ее защитить...

Один и тот же вопрос, снова и снова, вопрос, заглушаемый шейным платком.

Сумев извернуться, она тянет руку к прикроватной тумбочке.

Ночной гость, догадавшись о ее намерениях, бьет Брайди по лицу. Вроде как хотел заехать кулаком, а дал пощечину. Словно по ходу передумал.

Это – не человек Валентина Роуза.

Он зажимает ей рот рукой и что-то делает с простыней. Лицом он тыкается ей в шею: фырчит, пыхтит. Брайди холодеет от отвращения и гнева. Высвободив руку, она наносит ему удар в челюсть.

На этот раз он отвечает кулаком.

Август 1843 г.

На кухне миссис Донси об этом говорили приглушенными голосами.

Элайза: полузадушенная, избитая и того хуже. Слуги обменялись многозначительными взглядами потрясенных до глубины души людей.

Брайди лежала на диванчике в углу кухни и притворялась, что спит. А сама наблюдала из-под опущенных ресниц. Что может быть хуже избиения?

– Прямо у ребенка на глазах, да благословит Господь его душу. Он сидел рядом с матерью, когда ее нашли. Глазенки вытаращены, маленькая ладошка покоится на разбитом лице бедняжки.

Миссис Донси всплакнула, издав судорожный сердитый всхлип, который как будто застрял у нее в горле, отчего у Брайди замерло сердце. Это на нее подействовало сильнее, чем любые слова.

– Вот, миссис Донси, держите. – Слуги разом протянули ей носовые платки. Миссис Донси нашла свой собственный платок и промокнула им лицо.

Слуги были ошарашены: что дальше?

– А малыш... – начала прачка.

Миссис Донси качнула головой, показав на диванчик.

– Прямо у нас на пороге, – снова попыталась высказаться прачка. – Нехорошо это.

Остальные замычали в знак согласия.

Однако полиция произвела арест – схватила какого-то типа, что околачивался неподалеку от усадьбы.

– Значит, все-таки есть на свете справедливость, – заключила прачка.

Слуги поджали губы. Миссис Донси промолчала.

Задержанный отрицал свою вину, но в тот день после обеда, когда было совершено нападение, его видели в поле, где потом нашли Элайзу вместе с Эдгаром.

Миссис Имс показала, что обвиняемый тайком пробирался по чужому полю, когда она возвращалась домой с прогулки вдоль реки. Слуги выразили немое удивление. После обеда миссис Имс, приняв настойку опия, занималась организацией вымышленного бала. Ни на какую прогулку, тем более после обеда, она не ходила.

Предполагаемый преступник был приезжим без определенного места жительства. В Виндзоре он объявился, ища работу, ночлег и пропитание. Он был разносчиком угля, имел жену в Портсмуте и прежде обвинялся в краже строительных материалов и в том, что спал под заборами. Он любил выпить и был слаб на правую руку, которую повредил, пытаясь совладать с ломовой лошастью. С его левой рукой дела обстояли не лучше: ее он покалечил, спяну провалившись в погреб.

Мог ли такой человек избить до бесчувствия Элайзу, изуродовав ее лицо и тело? На суде по настоянию защиты обвиняемый сжимал кулак и каждой своей слабой рукой пытался поднимать тяжести. Но миссис Имс верила своим глазам: этот человек находился в поле незадолго до того, как Элайза была найдена лежащей без сознания. Более того, миссис Имс теперь вспомнила, что обвиняемый был испачкан в крови. Прокурор потребовал подвергнуть обвиняемого тщательному медицинскому освидетельствованию, которое выявило, что тот симулирует свою неспособность. Это было установлено, когда выяснилось, что обвиняемый якобы мерился силой рук в одном из пабов Датчета.

* * *

С травмами, что получила Элайза, трудно было смириться. Она не просто лишилась своей красоты: ее чудесная улыбка превратилась в гримасу, от гладких сияющих волос на голове остались одни клочья, челюсть была сломана. Трудно было смириться с тем, что отняли у нее в тот день. Речь ее стала невнятной, она быстро впадала в бешенство, утратила всякое чувство юмора. Она ни в чем не находила

удовольствия, разве что иногда в еде. Некоторые лица она узнавала, но имен не помнила. Сына своего она не выносила, а тот, маленький уродливый пристава, постоянно лип к ней, пока однажды в приступе безотчетной ярости она не отшвырнула его, едва не изувечив. После этого случая миссис Донси не подпускала Эдгара к матери. Тот играл со своей веревкой, никогда больше не смеялся и кусал всякого, кто приближался к нему.

Миссис Донси поручила мальчика заботам Скверной Доркас – горничной с грубыми манерами. Та, надо отдать ей должное, нашла с ним общий язык. И вдвоем они перестали путаться под ногами у миссис Донси. После нападения на Элайзу Доркас часто видели в обществе Гидеона. Они вместе гуляли, смеялись, а маленький Эдгар, надутый, плелся сзади. Даже миссис Донси недоумевала, что за отношения их связывают.

Брайди больше не пряталась от Гидеона, а напротив, пристально наблюдала за ним. Она начала понимать, что на самом деле это Гидеон избегает ее. Прежде он просто скользил по ней взглядом, как по неодушевленному предмету, не стоящему его внимания. Теперь же, если их пути пересекались, он отводил глаза. В ее присутствии он чувствовал себя неловко. Интересно, думала Брайди, что будет, если она подойдет к нему и громко, прямо в лицо, произнесет одно имя?

Делла Уэбб.

* * *

Как-то поздно вечером, когда Брайди и миссис Донси были на кухне вдвоем, она осторожно поинтересовалась у кухарки – та знала все обо всем, – не слышала ли миссис Донси что-нибудь про женщину, жившую сразу же за Крэмбурном и оказавшуюся в тяжелом положении. Через несколько дней кухарка сообщила Брайди, что не так давно в пожаре погибла некая молодая женщина сомнительного поведения, работавшая в пабе официанткой. Молва гласила, что это был поджог. Что молодая женщина разлила по дому ламповое масло и затем его подожгла. Пламя полыхало столь сильно, что от самой этой женщины и комнаты, в которой она лежала, вообще ничего не осталось.

Поджечь дом, а потом преспокойненько взять и лечь среди языков пламени... Кто бы на такое решился?

Миссис Донси обратила на Брайди долгий пытливый взгляд. Та, чувствуя, что за ней наблюдают, смотрела на огонь в очаге.

* * *

Брайди знала: есть такое понятие, как улики. Крошечные незаметные детали, способные рассказать целую историю, возможно, такую, которую кто-то желал бы скрыть. Не исключено, что обидчик Элайзы оставил улики, и если Брайди старательно поищет, то, возможно, что-нибудь найдет.

Брайди занялась поиском улик и была вознаграждена за свои труды.

Она нашла мешок с сапогами, который был спрятан в лодочном сарае. Сапоги принадлежали Гидеону. Она нашла печатку, утопленную в глине на поле, где была обнаружена Элайза. Кольцо принадлежало Гидеону. Она уговорила камердинера дать ей сюртук Гидеона, который был на нем в тот день, когда на Элайзу совершили нападение.

Все эти вещи Брайди исследовала под микроскопом доктора Имса. На сапогах были обнаружены нити, похожие на те, из которых был соткан платок Элайзы. На кольце в углублениях гравировки под слоем грязи остались следы запекшейся крови. На манжетах сюртука, в швах, застряли мелкие колючки с клейких ветвей ивы, что росла у того места, где лежала Элайза.

Нападение на Элайзу совершил Гидеон. На это указывали найденные улики, неопровержимые улики.

Октябрь 1863 г.

Глаза у Брайди заплыли, синяки по цвету разнились от бледно-желтого до густого черно-фиолетово-зеленого. Нос, к счастью, сломан не был, а вот центральным и боковым резцам повезло меньше. На месте зубов теперь мягкая десна и непривычная для языка брешь с металлическим привкусом. Разрывы во рту благополучно заживают. Прадо уверен, что на губах шрамов не останется. Позже, когда она, оставшись одна в спальне, села перед зеркалом, Брайди согласилась с его прогнозом. Потом она немного поплакала, излив горючие слезы жалости к себе, и на том успокоилась. Ночной гость не взял ничего, кроме Уинтеровой Русалки, оставив распахнутыми дверцы шкафа и пустое место между обглоданным соней и человеческим сердцем в разрезе.

В один прекрасный день решив, что хватит валяться в постели, Брайди с утра снова на ногах, ковыляет по дому, словно деревянная, игнорируя причитания суевающейся вокруг нее Коре. Ей требуется немало времени, чтобы влезть в свой мужской костюм. Пошутив, что к ночи уже выйдет из дома, она позволяет Коре застегнуть на ней пуговицы и приклеить на щеки бакенбарды. Большие руки служанки очень бережно помогают ей принять надлежащий вид, и слова ее столь же ласковы, сколь и прикосновения.

Если прежде Брайди выглядела потрепанной, то теперь и вовсе кажется жалкой. Она останавливает кеб и едет в больницу св. Варфоломея. Сегодня она не прогуливается легким шагом, не вращает тростью, не подмигивает – ни цветочнице, ни лавочнице, ни мулу уличного торговца.

Руби не отстает от нее. Он старается поглубже упрятать свою жалость, но от ее улыбки у него щемит в груди. Раньше она улыбалась широко, сверкая белыми зубами; теперь же ее плотно сжатые губы искривлены в робкой усмешке, словно она не понимает шутки.

Брайди решила, что сначала попытает счастья у привратников: о больнице им известно больше, чем кому-либо другому. Обычно они обитают в своем домике у входа в больницу или – в дневное время – в пабе «Восход солнца». Брайди идет в караульную. Сменившийся с дежурства привратник разрезает пирог с дичью. Его коллега спит на соседнем стуле. В комнате наведен домашний уют. Брайди замечает бутылку портвейна и подставку с курительными трубками – подарки пациентов. Подружись с привратником, и будешь иметь дополнительные льготы вдобавок к тому, что может предложить Бартс: это существенно облегчит ваше пребывание в больнице.

– Сэр, вы не знаете, где можно найти человека по фамилии Кридж?

Привратник оглядывает ее с ног до головы.

– Что, победа не вам досталась, сэр?

– Не в этот раз, – качает головой Брайди.

– Надеюсь, несколько ваших ударов все же достигли цели?

– Не так много, как хотелось бы, – отвечает Брайди.

– Кридж, говорите? Такого здесь нет.

Брайди не удивлена.

– Может быть, вы знаете человека неприятной наружности: плюгавый, с большой головой, с лица не сходит ухмылка?

– Неприятной наружности?

Брайди кивает.

Привратник задумывается.

– Сэр, вы вообще представляете, что за махина эта больница, сколько здесь народу?

– Представляю.

– Тогда вы должны знать, что это – настоящий лабиринт извилистых коридоров, где никто долго не задерживается на одном месте и не находится там, где ему следует быть. – Он помолчал. – Этот ваш Кридж – пациент, сэр?

– Скорее всего, медик.

– Значит, у вас есть шанс найти его живым. – Привратник осторожно чешет нос кончиком ножа. – А то больных у нас здесь выше крыши: стоны, гной, ор, хрипы. – Он усмехается. – И это только в хирургии.

Его дремлющий на стуле коллега, словно по сигналу, громко всхрапывает.

– У нас чего здесь только нет: сепсис; чахотка; гангрены всякие – носа, обрубков, членов; гной, доброкачественный и не очень, хоть ведрами выноси. – Он понижает голос: – А иногда и холера.

– Но не сегодня?

– Нет, не сегодня, – признает он. – И все равно, будь я болен, сэр, сюда бы ни за что не пришел. Лучше сразу в могилу лечь. Или сунуть башку под колеса омнибуса. Или найти хорошую веревку...

– Этот человек, сэр...

Привратник отвлекается от своих разглагольствований.

– Медик, говорите, сэр?

– Он присутствовал на операции, что проводил доктор Гидеон Имс.

– Я слышал, отличное вышло представление. – Привратник пересчитывает куски пирога и, удовлетворенный, кладет нож. – А мы тут немало зрелищ повидали.

Привратник, что дремлет на стуле, довольно присвистывает во сне.

– Но с прежними не сравнить. Тогда оперировали великие врачи. Ох и быстро работали, опомниться не успеешь. Листон даже без жгутов обходился, – мечтательно вспоминает привратник. – Он пережимал сосуды левой рукой. Ох и силен был! Перетягивал артерии, держа нож в зубах, пока пациент брыкался под ним. А теперь, когда пациент спит во время операции, это уже никакой не спектакль. – Он облизывает пальцы. – Большая голова, говорите?

– Да, сэр.

Привратник снова задумывается.

– Курит «Гусарскую смесь», – добавляет Брайди.

– Ее полбольницы курят. А этот ваш, случаем, на вид не подозрительный тип, из тех, кто прячет в карманах части тела?

– Пожалуй.

– Кемп, ассистент в мертвецкой, – уверенно определяет привратник. – Подходит по всем статьям. Иначе остается только старший флеботомист [\[63\]](#), Уисперс, но ему лет восемьдесят.

Привратник угощает Брайди кусочком разрезанного пирога.

– Господь любит побежденных. В следующий раз бейте первым: ударили и отскочили. Нужно пользоваться тем, что вы маленький и юркий. И наверняка быстро бегаете.

– Премного вам благодарен, сэр. – Брайди прикладывает руку к шляпе.

* * *

Брайди подходит к моргу, а он – мистер Кридж, он же мистер Кемп – выскакивает из двери и куда-то несется стрелой. Брайди прижимается к стене и, когда он ее минует, поворачивается и следует за ним, стараясь двигаться быстро, насколько позволяют полученные травмы. Руби скорым шагом идет рядом. Брайди направляется к выходу, минует караульную, где ее советчик, ожидая новых указаний, салютует ей остатком пирога.

Кемп выбегает на дорогу, останавливает омнибус и забирается на крышу. Экипаж трогается не сразу, поскольку в него усаживаются две дамы с ворохом пакетов. Благодаря этому Брайди успевает дохромать до омнибуса, но, поднявшись на подножку, медлит.

– Решайте скорее, сэр, – говорит кондуктор.

В пылу погони Брайди потеряла свои меховые бакенбарды. Но с ними или без них, Кемп все равно ее узнает, если она двинется за ним вверх и займет место на крыше. Вслед за дамами с пакетами Брайди садится в карету, несмотря на то, что там тесно и стоит одуряющий запах мокрых зонтов и грязной соломы. Игнорируя любопытные взгляды других пассажиров, она на каждой остановке по маршруту внимательно наблюдает, не слезает ли с крыши Кемп.

Тот выходит на Оксфорд-стрит. Брайди – за ним. Кемп переулками устремляется к Кавендиш-сквер, взбегает на крыльцо какого-то дома и стучит. Брайди идет в сквер напротив дома. Спрятавшись в кустах, она через ограду наблюдает, как дверь открывается, впуская Кемпа.

Руби становится рядом с ней.

– Чей это дом? Вряд ли его.

– У меня есть предположение, – хмуро отвечает Брайди.

Через ограду она окликает подметальщика. Тот подбегает и всматривается в листву.

– Командир, кто живет в том доме?

– Да чтоб мне знать... *мисс*?

– «Сэр» было бы уместнее, – поправляет его Брайди.

– Сэр, – улыбается мальчишка.

Она достает монету и протягивает ему.

– Один врач, *сэр*, – отвечает подметальщик, убирая деньги в карман.

– Его фамилия, случайно, не Имс?

Мальчишка притворяется, будто усиленно вспоминает: морщит лоб, обращает взгляд к небу, словно ждет помощи свыше. Кареглазый, весь чумазый, он принадлежит к тому типу людей, которым до всего есть дело и кто все обо всем знает. На нем яркий шейный платок, который выдает в нем поклонника какого-то боксера, и фетровая шляпа. Некогда широкие поля шляпы обрезаны, чтобы ее хозяин имел более широкий обзор, как и подобает человеку его профессии. Наряд дополняет грязный шелковый цветок в петлице сюртука, который мальчишке слишком короток.

Брайди достает еще одну монету.

– Это освежит твою память?

– Освежит, *сэр*. – Подметальщик кладет деньги в карман. – Точно. Имс.

– Это твой участок?

– Этот и соседние, *сэр*.

– Мне нужен агент. Человек, который следил бы за тем, что здесь происходит.

– Джем, – представился мальчишка, мгновенно сообразив, на что намекает Брайди. Он поправляет на голове шляпу и энергично кивает: – К вашим услугам.

Стиснув зубы, Руби Дойл колошматит кулаками невидимого противника. Глаза его горят, татуировки мечутся на прозрачном теле. После нападения на нее Брайди часто замечает, как он боксирует с горшечной пальмой или ведет бой с тенью. Почувствовав на себе ее взгляд, Руби опускает кулаки и встряхивает руками.

Потягивая кофе, Брайди вскрывает почту. Прочитав до середины второе письмо, она ставит на стол чашку и бранится себе под нос.

– Что случилось? – спрашивает Руби.

– Вести из Марис-Хауса. В этом письме мистер Пак от лица сэра Эдмунда благодарит меня за последний отчет по известному вопросу конфиденциального характера и сообщает, что в поместье его хозяина все как обычно. – Брайди кивает на второе письмо. – А горничная Агнес Моллой рассказывает совершенно другую историю: в Марис-Хаусе обнаружен обезглавленный труп доктора Харбина. В кабинете сэра Эдмунда.

– Иисус, Мария и Иосиф! – восклицает Руби, вытаращив глаза.

– По словам Агнес, мистер Пак никак не может оправиться от потрясения. Это он обнаружил труп. Тот сидел в кресле перед камином.

– От такого потрясения трудно оправиться.

– Мистер Пак послал за полицией. Пока ждали прихода местного констебля, Берик бежал. Его поймали по дороге в Лондон.

– Никогда бы не подумал, что баронет способен убить человека и отсечь ему голову.

– А потом усадить его перед своим собственным камином. Тем более что прежде он поручал погибшему вести свои самые деликатные дела.

– Но разве погибший не предал его? То есть если это доктор Харбин похитил ребенка.

– И то верно, – соглашается Брайди.

– Только зачем бы сэр Эдмунд стал присылать тебе голову несчастного придурка?

– Не знаю, Руби.

Кабинет инспектора Валентина Роуза в Скотленд-Ярде – образец порядка и элегантности, если не обращать внимания на гипсовые копии посмертных масок некоторых бывших обитателей Ньюгейтской тюрьмы, что висят на стене над валиком для картин. Это галерея портретов убийц, давних и недавних. Брайди узнает лицо Чарли Пилла. Оно висит сразу же над дверью, между посмертными масками Джеймса Маллинза ^[64] и некоего ухмыляющегося типа с квадратной челюстью, который ей не знаком. На посмертном лице Чарльза Пилла лежит печать раскаяния, а ему было в чем раскаиваться. Брайди не уверена, что ингредиенты для пресловутого жаркого месье Пилюли поставлялись не по его заказу. В конце концов, в Лондоне люди пропадают каждый день, многие довольно мясистые или с подкожным салом (а разве хрустящая корочка – не самое вкусное?). Каждое блюдо – даже самое скромное – должно носить имя.

Руби широким шагом входит в кабинет. Вид у него более дерзкий, чем обычно. Возможно, он взвинчен из-за того, что оказался в логове полицейских: некогда ему приходилось иметь с ними дело.

Руби подступает к инспектору Роузу, медленно кружит вокруг него, не сводя глаз с лица Валентина. Руки покойного боксера опущены, кулаки сжаты не плотно.

Брайди пылливо смотрит на него.

Руби отклоняется назад и наносит Роузу легкий отрывистый удар по щеке, словно сопернику на ринге. Постоянная борьба с самыми опасными и хитрыми преступными элементами криминального сообщества Лондона обострила интуицию Роуза. Он обводит взглядом комнату, ища источник сквозняка. И, конечно же, ничего настораживающего не замечает.

А Руби видит соперника.

В красном углу:

Руби Дойл. *Боксер тяжелого веса*. Рост – более 180 сантиметров. Левша. Потрясающая техника. Сногсшибательные карие глаза. Усы черные, навощенные. Предпочитает носить панталоны, разболтанные повязки и незашнурованные ботинки. Нос: неоднократно сломан, но

его всегда аккуратно вправляли искусные руки. Квадратная голова [\[65\]](#), как у надежного верного пса; широкоплеч; вспыхив по характеру. *Покойник*.

В синем углу:

Валентин Роуз. *Боксер среднего веса*. Чуть ниже среднего роста. Правша. Будет драться нечестно. Серые глаза, ухоженная рыжеватая борода. Одевается с щегольским шиком. В петлице – роза (сегодня розового цвета) Нос: не сломан. Голова ничем не примечательна, худые плечи; решительный характер. *Живой*.

* * *

– Коротышка, – презрительно бросает Руби в лицо озадаченному Роузу. Он идет к столу инспектора, садится на его стул и, поводя своими глянцевыми плечами, кладет ноги на журнал учета арестованных.

Роуз хмурится, глядя перед собой.

Они сидят бок о бок на подоконнике. Миссис Брайди Дивайн и инспектор Валентин Роуз. Руби делает вид, будто рассматривает разложенные на столе документы, а сам краем глаза наблюдает за ними.

Молодой полицейский в форме из плотной жесткой материи саржевого плетения, подпоясанный новым кожаным ремнем, приносит чай и начинает почтительно расставлять на столе чайные принадлежности.

– Дальше мы сами, сынок. – Роуз дожидается, когда закрылась дверь. – Итак?

– События в Марис-Хаусе.

– Ты уже слышала?

– Что ты можешь рассказать?

– Ничего такого, что тебе еще не известно. Дворецкий обнаружил обезглавленный труп. Доктора Харбина опознали по запонкам для воротничка. – Роуз разливает по чашкам чай. – Голова доктора, в шляпной коробке, объявилась в Бартсе. Один из привратников видел,

как некая женщина-великанша покидала больницу, толкая перед собой детскую коляску.

– Надо же, – комментирует Брайди.

Лицо инспектора остается бесстрастным, лишь губы чуть изгибаются.

– Сэр Эдмунд ударился в бега. Мы настигли его в нескольких милях от Марис-Хауса, по дороге в Лондон.

Они пьют чай. Брайди смотрит в окно. Роуз смотрит на Брайди. Руби смотрит на них обоих.

– Ты все еще разыскиваешь его похищенного ребенка?

Брайди морщит нос.

– Ой, да ладно тебе. Мне по долгу службы положено было это выяснить. И как успехи?

– Есть несколько зацепок. А ты? Твоим гением преступного мира оказалась миссис Бибби?

Роуз потягивает чай. Его серые глаза пытливо смотрят на Брайди поверх края чашки.

– Пожалуй.

– Миссис Бибби рассказывала дочке доктора всякие ужасы.

– Например?

– Что она убила некую леди и некоего джентльмена.

Роуз отставляет чашку, идет к своему рабочему столу и роется в бумагах. Найдя какую-то газетную вырезку, он дает ее Брайди, а сам снова садится.

– Восемь лет назад в течение нескольких дней одно за другим были совершены два убийства – богатой старой девы и вышедшего на пенсию школьного учителя. Преступника, которого окрестили Брентфордским Мясником, так и не нашли.

Брайди пробегает глазами статью.

– Оба были задушены. И расчленены.

– Старую деву, – кивает Роуз, – запихнули в корзину, в которую обычно укладывают провизию для пикника. Школьного учителя обнаружили в обнимку со своей отсеченной ногой. Ничего не напоминает?

– Думаешь, миссис Бибби постаралась?

– Думаю, тебе следует быть осторожной.

– Что с сэром Эдмундом? Он еще у вас?

– Он пытался бежать, при задержании оказал сопротивление. Возможно, он с нею в сговоре.

– Вряд ли. Она похитила его ребенка. – Брайди задумывается на мгновение. – Миссис Бибби встречалась с человеком по фамилии Кемп в гостевом доме миссис Пич в Сомерс-Тауне.

– Ты навевалась туда?

– Я нашла книгу, которую миссис Бибби взяла в библиотеке. В ее карточке был указан тот адрес.

– Брайди, а ты не подумала, что это могла быть ловушка? – Роуз потирает лоб. – Теперь она точно знает, кто за ней охотится. Пич – бывшая проститутка. Преступница по найму.

Брайди кусает губу.

– А человек, с которым она встречалась? – спрашивает Роуз уже менее жестким тоном. – Подозрения есть?

– Кемп: работник морга в Бартсе. Выдавал себя за викария Хайгейтской часовни, когда я туда приходила. У священника Гейла купил или выкрал трупы, что были замурованы в стене.

– У тебя есть доказательства?

– Не совсем. Его преподобие Гейл не стал откровенничать на эту тему. Но Кемпа нельзя выпускать из поля зрения, Роуз.

– Кемп: принято к сведению.

– Он навевался домой к доктору Харбину в тот день, когда был разгромлен его кабинет.

– Шустрый малый этот Кемп, всюду поспевает.

Руби кивает, неохотно соглашаясь с ним.

– Он знаком с Гидеоном Имсом, – сообщает Брайди. – Я видела их вместе, в Бартсе, а потом я проследила за Кемпом до его дома.

– Брайди, я знаю, что в прошлом у тебя были нелады с Гидеоном Имсом...

– Не в этом дело.

– В чем конкретно ты его обвиняешь?

Брайди с некоторой тяжеловесностью опускает чашку на стол, внезапно встает и подходит к окну.

– Пока не знаю.

Снова полил дождь. Брайди ведет пальцем по стеклу – по дорожке, оставленной дождевой каплей. Интересно, она одна замечает, что струи падают в обратном направлении?

Брайди прижимает ладонь к стеклу, затем – ко лбу, охлаждая лицо. Внизу в переулке толпятся полицейские.

– Я очень рад тебя видеть, Брайди, – тихо произносит Роуз. – Живой и активной.

Она поворачивается к нему. Он смотрит на нее с жалостью и беспокойством во взгляде. И то и другое ей неприятно.

– Роуз, где вы держите сэра Эдмунда? Я хочу побеседовать с ним.

Он встает, идет к столу. Руби освобождает его стул, театрально отшатнувшись, когда инспектор проходит мимо. Роуз садится и что-то пишет.

Брайди тем временем оглядывает комнату: горшечные растения, полированная мебель, светильники с абажурами. Роуз уютно обустроил свой кабинет, создал, можно сказать, в нем домашнюю атмосферу. Брайди подозревает, что он и ночует здесь. Обстановка и впрямь располагающая, если не обращать внимания на посмертные маски, ухмыляющиеся со стен. На одной, прямо над окном, есть место еще для нескольких гипсовых слепков. Она хотела бы видеть там лица Гидеона Имса и того ублюдка, что выбил ей зубы.

– Есть новости о моем ночном визитере?

– Под твоё описание подходят несколько человек. Оставь это нам, у тебя своих забот хватает. – Роуз промокает чернила, сворачивает письмо и вручает его Брайди. – Процедуру ты знаешь, отдай это тюремщикам.

– Премного благодарна, Роуз. Если миссис Бибби где-нибудь выплывет, я дам тебе знать.

– Если она объявится, ради всего святого, Брайди, держись от нее подальше.

* * *

Ньюгейтские тюремщики неторопливо читают письмо Роуза. Потом раздумывают. Перечитывают.

Один тюремщик высокий, с яйцеобразной головой, которую покрывают светлые курчавые волосы. Второй – низенький, упитанный, с образцово-показательным двойным подбородком. Оба одеты в черное, оба угрюмые, словно задались целью усугубить

ощущение жути, что возникает у посетителя, когда он входит в ворота мрачной тюрьмы (и слышит, как они закрываются за ним). В приемной Брайди расписывается в журнале учета посетителей, что лежит на столе, над которым висят посмертные маски Бишопа и Уильямса. На лицах обоих застыло обиженное выражение. Роузу следовало бы добавить их в свою коллекцию.

Высокий тюремщик буравит Брайди подозрительным взглядом.

– Итак, в нашем каменном мешке посетитель к...

– Сэру Эдмунду Ательстану Берику, эсквайру, – заканчивает его приземистый коллега.

Высокий сурово кивает.

– Благодарю вас, мистер Скаддер. Сэр Эдмунд – наш гость в этом хранилище человеческих страданий.

– Да что вы, – смеется мистер Скаддер. – Его поместили в нашу лучшую камеру, мистер Хой!

– А как же иначе?! – Мистер Хой злорадно улыбается. – Ему обеспечены все удобства, какие здесь только есть.

– Трехразовое питание и чистая ночная сорочка по четвергам.

– Как и приличествует баронету, – кивает мистер Хой.

– И пэру Англии.

– Вы ошибаетесь, мой друг. – Мистер Хой сдвигает брови, глядя на мистера Скаддера. – Берик – *баронет*, а никакой не пэр.

Мистер Скаддер смущен. Но потом ему в голову приходит еще одна мысль, и он заметно веселеет.

– Ведет он себя довольно оживленно.

– Да, любит пошуметь, – соглашается мистер Хой.

– Если не плачет, то жалуется. Если не жалуется, требует адвокатов.

– Своего поверенного.

– Своего барриста.

– Своих советников.

– Ни минуты не сидит на месте, ни минуты не молчит; все ноет и ноет, – довольно сообщает мистер Скаддер.

– Талдычит о своей невиновности.

– День и ночь, ночь и день.

– Или расхаживает, – добавляет мистер Хой.

– Туда-сюда.

– Сюда-туда.

– А ведь ему выделили шикарную камеру, – замечает мистер Скаддер.

– Не камера, а хоромы. Настоящие хоромы, – жеманно улыбается мистер Хой. – Где ему обеспечены все удобства, достойные баронета.

– Пэра Англии.

Мистер Хой смотрит на мистера Скаддера с едва скрываемым раздражением.

– Господа, мне сегодня удастся повидать заключенного? – напоминает о себе Брайди ровным тоном.

Мистер Хой напыщенно кивает.

– Примите посетителя, мистер Скаддер. Проводите посетителя к заключенному.

– Слушаюсь, мистер Хой.

– Строго следуйте протоколу – в соответствии с многочисленными правилами и установлениями, которые ввел наш уважаемый начальник в своей безграничной мудрости.

– Что это значит, мистер Хой?

– Попроси, чтобы она вывернула карманы, и не забывай запирасть за вами двери.

– Слушаюсь, мистер Хой.

Рослый тюремщик смотрит на Брайди в прищуре.

– И проверь ее чертовы каблуки.

* * *

Брайди следует за мистером Скаддером по лабиринту коридоров. Говорят, что в наше время тюрьмы не такие уж мрачные. Помещения побелены, чисто выметены, есть дворики для оздоровительных прогулок и санитарные блоки. Пища вполне съедобная, отношение к заключенным – самое доброе. Например, приговоренного к смерти больше не принуждают сидеть в часовне вместе со своим гробом, а в «солонке» (последней камере, что он видит перед встречей с палачом!) стоят стулья, украшенные салфеточками.

Перед свиданием с баронетом Брайди ни о чем таком не размышляет. Она наблюдает, как мистер Скаддер отпирает и запирает

двери, гремя связкой ключей, что он носит на поясе, и ей хочется поскорее убраться из тюрьмы. А впереди еще много ворот, которые предстоит открыть и закрыть. Руби плетется рядом, теребя бинты на своих кулаках.

– В чем дело? – шепотом спрашивает его Брайди.

– Тут как в тюрьме, – отвечает он.

– Но ты же можешь проходить сквозь стены.

Руби пожимает плечами.

– Руби, ты сидел в тюрьме? – тихо спрашивает Брайди.

Русалка на плече Руби отворачивается и прячет лицо в волосах.

Якорь резко поднимается.

Брайди кивает.

– Подожди меня на улице.

Руби с облегчением смотрит на Брайди и удаляется во внутренний двор.

Брайди с тюремщиком продвигаются по коридорам медленно. По приближении к третьим воротам мистер Скаддер всем своим видом напоминает взволнованную курицу, которая вот-вот снесет невиданное яйцо. В конце концов его прорывает:

– Жестокое убийство местного доктора – так называют это преступление. Хладнокровное убийство. Чудовищное. Так о нем говорят.

Они проходят несколько шагов, и путь им блокируют очередные ворота.

Мистер Скаддер вновь принимается перебирать ключи, по очереди пытаясь вставить их в замочную скважину, пока наконец не находит нужный.

– Суд над сэром Эдмундом еще не состоялся, тюремщик. Пока вина его не доказана, он невиновен.

– Еще как виновен. Они оба полюбили одну бродяжку. – Он отпирает ворота, самодовольно улыбаясь Брайди через плечо. – Ту, что нашли задушенной на церковном кладбище близ Марис-Хауса. Представляете, два джентльмена обезумели от любви к ней – баронет и доктор? А сама она кто такая? Шлюхино отродье! Она околдовала их, одного за другим, когда продавала прищепки.

– Рассказни.

– Она выбрала доктора. От горя и ревности баронет убил влюбленную парочку самым жестоким образом.

– Все это фантазии.

– Потом он отчекрыжил доктору голову его же собственной пилой, – продолжает тюремщик. – А потом – и вот это загадка – он отослал его черепушку шеф-повару «Клариджеса» и попросил сварить из нее *заливное*.

– Невероятно.

– Но потом мы с мистером Хоем сообразили: все дело в *голубой крови*. Предки сэра Эдмунда сносили головы врагам на поле боя. Да и что только знатные господа не едят в виде заливного!

– Это информация из достоверного источника?

– У нас находится еще один гость Ее Величества, так он вопит, что твой городской глашатай.

Коридор вел в многоярусные галереи.

– Вот мы и на месте. Отель «Ньюгейт», первый этаж. На вашем месте я зажал бы нос, голубушка.

* * *

В лицо Брайди ударил жуткий смрад людских несчастий. Она старается дышать неглубоко, через рот. По коридору надзиратели ведут колонну заключенных, скованных, словно свора свирепых псов. Внешне это не люди, а оболочки с затравленными глазами. В тюремных робах, они производят гнетущее впечатление. При виде мистера Скаддера узники с укором смотрят на тюремщика и, волоча ноги, тащатся дальше.

Мистер Скаддер идет впереди, замедляя шаг лишь для того, чтобы постучать своей дубинкой по решеткам или крикнуть что-нибудь «ободряющее».

– Простыня тебя не выдержит, Клементс! – орет он. – Я, пожалуй, подыщу для тебя крепкую веревку.

– Да ты отличный художник, Минтон. Давай отведу тебя в «комнату отдыха»? Разрисуешь ее для нас, любовь моя.

В следующую минуту мистер Скаддер останавливается и оборачивается к Брайди.

– Сюда, голубушка, будьте любезны.

Он отодвигает запор с зарешеченного окошка – размером с глазок, не больше – в верхней части двери.

– Радуйтесь, сэр Эдмунд, пэр Англии, к вам посетитель. Только сорочку не забудьте надеть, сэр, чтоб не сверкать своими причиндалами.

Мистер Скаддер показывает на стул в коридоре.

– Мне с вами войти или здесь подождать?

– Думаю, я справлюсь, – холодно отвечает Брайди.

Мистер Скаддер кивает.

– Лицо у вас как у заправского драчуна. Вы уж его не обижайте.

* * *

На сэре Эдмунде Ательстане Берике – лишь ночная сорочка. На подбородке темнеет многодневная щетина, передние зубы он где-то потерял, под одним глазом – синяк.

Такой же побитый, как и сама Брайди.

Он быстро встает и перелезает за койку, затем закрывает руками лицо и съеживается. Если прежде он был сломлен, то теперь и вовсе утратил всякое человеческое достоинство.

– Сэр Эдмунд, это миссис Дивайн.

Он смотрит на нее сквозь пальцы и начинает плакать.

* * *

Хоромы сэра Эдмунда в ньюгейтском «отеле» по размеру не больше, чем уборная в Марис-Хаусе. В камере стандартный набор «удобств»: ведро, окно и койка с матрасом. Ему как баронету также выделили одеяло, стул и столик. Остальные повседневные предметы первой необходимости полностью отсутствуют. Нет ни простыней, ни чернильниц, ни сигар, ни писчей бумаги. Нет графинов со светлым портвейном, пряных отбивных, фруктовых желе и чистых полотняных сорочек.

– Я не убивал, – лопочет баронет с непривычной шепелявостью в голосе, появившейся из-за выбитых зубов.

Брайди могла бы научить его, как не шлепать губами.

– Сэр Эдмунд, у нас мало времени. Если кто-то пытается свалить на вас это убийство, вы должны назвать своих врагов. – Она пристально смотрит на него. – Вы имели дела с Гидеоном Имсом?

Сэр Эдмунд качает головой.

– А с человеком по имени Кемп?

Сэр Эдмунд снова мотает головой.

– Значит, вы только вдвоем с доктором отправились на побережье залива Бантри, нашли там девочку и забрали ее у матери?

Сэр Эдмунд тупо смотрит на нее.

– У Эллен Келли, помните? У молодой женщины, что была найдена задушенной на кладбище у часовни близ Марис-Хауса?

Сэр Эдмунд принимается лупить себя по голове.

– Нет, нет, нет!

Брайди подступает к нему, хватая его за запястье. От него невыносимо разит мочой; перед его ночной сорочки насквозь мокрый.

Он снова начинает плакать, но бить себя перестает.

– Вы должны ходить в ведро, сэр Эдмунд, – мягко говорит ему Брайди. – Оно вон там, в углу.

Он немного успокаивается и кивает.

Она отпускает его руку.

– Потом доктор Харбин похитил у вас Кристабель, вероятно, с помощью миссис Бибби. А вы слишком поздно поняли, что ваш верный помощник, даже друг, предал вас, так?

Сэр Эдмунд поднимает на нее воспаленные глаза. В уголках его рта собираются пузырьки.

– Так все было, сэр Эдмунд?

Тот опускает веки.

– Но вы его не убивали, да?

Никакой реакции.

– И Эллен Келли вы тоже не убивали, верно?

Сэр Эдмунд прячет лицо в ладонях и сотрясается от рыданий.

Брайди закрывает за собой дверь камеры. Сэр Эдмунд забился под кровать и выползать из-под нее отказался. Лежит там, сосет большой палец, выставив напоказ все свои «причиндалы». Теперь уже ни слова из него не вытянешь.

Тюремщика нигде не видно. Брайди идет назад по галерее.

– Мисс! – Из окошка в верхней части одной из дверей высовывается заскорузлый палец. – Мисс, из Марис-Хауса!

Брайди подходит ближе к двери. В окошке появляется глаз.

– Вы дали мне милостыню, – напоминает ей голос из камеры.

– Было дело. Так вы и есть тот самый глашатай, о котором говорил мистер Скаддер? Сенсационный рассказ о событиях в Марис-Хаусе с участием доктора, баронета и дочери шлюхи?

Из-за двери доносится довольный смешок.

– Что вы натворили, за что угодили сюда? – спрашивает Брайди. – Вряд ли за бродяжничество?

– Одного типа уколошил за башмаки. – Глаз в окошке наблюдает за ее реакцией.

– Я же дала вам денег на башмаки, – стонет Брайди.

– Его мне понравились больше, но он отказался их продать. Послушайте, я хочу вам кое-что рассказать. – И рот, сменивший в окошке глаз, прошептал: – О том, *как все было*.

Из-за угла, замечает Брайди, появляется, размахивая связкой ключей, тюремщик.

– Давайте быстро. Скаддер идет.

Глаз возвращается.

– Сначала я подумал, что это мне приснилось, кошмарный сон – в тот вечер мне сильно нездоровилось. Пытался убедить себя, но, оказалось, зря! Потом до меня дошел слух, что на погосте у часовни близ Марис-Хауса нашли труп. Тело светловолосой молодой женщины.

– Это я ее обнаружила, сэр, – говорит Брайди.

– А я видел, как угасал свет в ее глазах! – сообщает ей дрожащий голос.

– Вы хотите сказать, что видели, как ее убили?

– Эх, такая красавица: благородная, кожа белая, как творог, в сиянии луны! Она бродила среди могил, прикосновением своих ног к сырой земле согревая тех, кто покоится в ней с миром.

Скаддер идет по коридору, своей дубинкой свирепо колотя в двери каждой камеры.

В окошке снова возникает рот.

– И вдруг откуда ни возьмись – дьявол, нечистый в женском обличье, ведьма, само воплощение смерти. Она набросилась на красавицу! – Губы затряслись. – Девушка сопротивлялась: кричала, отбивалась руками – все тщетно.

Мистер Скаддер останавливается у одной из камер, заглядывает в окошко.

– Девушка упала. – Рот закрывается. Язык облизывает губы. – Призрак заковылял прочь.

Мистер Скаддер подходит к Брайди и тычет в нее своей дубинкой.

– Вы не к этому узнику пришли.

Глаз снова в окошке.

– Мисс, я видел злую ведьму на кладбище в тот вечер. Ту, что погубила милую красавицу.

– У злой ведьмы есть имя, Повелитель Дорог?

Глаз закрывается.

– *Бибби.*

Сентябрь 1843 г.

На его столе между ними лежал документ. Заголовок на нем был старательно выведен рукой Брайди:

Относительно прискорбного случая нападения на Элайзу Кемптон

Брайди, с гулко бьющимся сердцем, стояла перед ним, заложив за спину сжатые в кулаки руки. На том самом месте, где она стояла более двух лет назад, с ног до головы измазанная в крови убитого человека.

Затаив дыхание, она ждала.

– И ты использовала для этого мой микроскоп? – уточнил доктор Имс.

– Да, сэр. – Брайди заранее подготовила свою речь и теперь старалась говорить четко, чтобы каждое слово, которое она подобрала, имело вес. – Образцы, помещенные на предметные стекла, под микроскопом показали, что в глине, взятой с сапог господина Гидеона, присутствуют нити с платка Элайзы. В углублениях гравировки на кольце обнаружена кровь, на сюртуке – мелкие колючки...

Доктор Имс вскинул руку.

– Но ведь есть свидетели, подробный отчет о событиях того дня. Подозреваемый арестован, Бриджет.

– Сэр, человек, которого арестовали, не виновен в этом преступлении.

– А кто виновен – мой сын?

Брайди опустила глаза, потрясенная его полным горечи голосом.

– У нас есть показания миссис Имс, – продолжал доктор Имс. – Она видела обвиняемого в поле примерно в то время, когда было совершено нападение. И она утверждает, что, когда она уходила на прогулку, господин Гидеон находился в библиотеке, составлял каталог книг вместе с Доркас Чапмэн.

Брайди нахмурилась. У Доркас, она знала, не было дел в библиотеке ни в тот день, ни в какой другой.

— По возвращении миссис Имс Гидеон пришел к ней в гостиную и весь вечер не отходил от матери. Гидеон не мог совершить нападение на Элайзу.

— Улики указывают на иную версию событий. Они подтверждают, что господин Гидеон был в поле с Элайзой.

— А как же свидетели?

— Свидетели могут ошибаться, сэр.

— Ты хочешь сказать, что моя жена ошибается?

— Да, сэр, — едва слышно выдохнула Брайди.

Доктор Имс встал из-за стола, подошел к окну и повернулся к Брайди.

— Бриджет, а ты не думала, что кто-то мог сфабриковать улики, чтобы подставить Гидеона?

— Сэр, нити застряли глубоко, — возразила Брайди. — А еще обнаружена кровь на кольце и колючки...

— Хватит. — Доктор Имс провел рукой по лбу. — Почему полиция ничего этого не нашла?

Казалось, вопрос не был адресован непосредственно Брайди, но она все равно объяснила.

— Они искали только в том месте, где была обнаружена Элайза, сэр. Кольцо лежало на другом краю поля.

— Ты обыскала все поле? — изумился доктор Имс.

— Да, сэр.

— И сколько времени это заняло?

— Неделю, сэр.

Доктор Имс отвернулся к окну и устремил взгляд во двор. Он стоял сгорбившись, безвольно опустив плечи, что обычно ему было ему не свойственно. Брайди глубоко сопереживала его горестям.

— Я понимаю, что прежде Гидеон не всегда вел себя подобающе, и это не располагало к нему окружающих. — Невесело улыбаясь, доктор Имс повернулся к Брайди. — Но в последнее время он просто образец сострадания. Разве он не старается помочь Элайзе и ее сыну?

Брайди молчала. Верно, Гидеон жаловал своим вниманием Эдгара. Пару раз ездил вместе с ним в город, усадив в седло перед собой.

– К тому же Эдгар не выказывает страха перед Гидеоном, – рассудил Имс. – Нападение произошло на глазах у мальчика... Если бы это преступление совершил Гидеон, малыш наверняка боялся бы его.

На этот вопрос Брайди не находила ответа. Эдгар был нездоровый капризный ребенок. Можно ли полагаться на его реакции? Да и как объяснить, что подозрение вызывает именно внимательность Гидеона: он пошел на все, чтобы завоевать привязанность Эдгара.

– Да и Элайза не нервничает при виде Гидеона, так ведь?

– Так, сэр.

– Значит, она не узнает в нем своего обидчика.

Элайза сына родного не узнавала.

Брайди смотрела на свой письменный отчет, составленный со всей скрупулезностью. Толку от него никакого.

Брайди была слишком взрослой, чтобы плакать, слишком гордой, чтобы умолять.

Сколько тогда ей было лет?

Не больше двенадцати, не меньше десяти.

Она вытащила из-за спины руки и, стоя перед доктором, неосознанно впилась ногтями в ладони, на которых отпечатались красные луночки. Если долго смотреть на ладони, различит она в их линиях предначертанную судьбу?

На одной ладони – Делла Уэбб, не сводящая глаз с креста на стене.

На другой – Элайза Кемптон, такая, какой она была. Элайза, которая в этой самой комнате улыбнулась ей и без колебаний взяла ее за грязную руку.

– Доктор Имс, – произнесла Брайди. – На Элайзу напал Гидеон, я сама видела.

* * *

Разумеется, у доктора Имса сразу возникло к ней множество вопросов, на которые она с легкостью дала правдоподобные ответы. Страх помешал Брайди выступить с обвинениями раньше. Да и кто бы ей поверил без доказательств? Лгать Брайди умела. Как-никак она была воспитанницей Гана Мерфи.

Она шла по делам и вдруг услышала сдавленные крики. Она кинулась в поле и увидела там Гидеона: он стоял на коленях в траве. Рассказывая, Брайди и сама все ярче представляла описываемую сцену, сама начинала верить в свою ложь. Она также сообщила о стычке Гидеона с Элайзой в конюшне, постаравшись точно передать все, что ей запомнилось.

Наконец вопросы были исчерпаны. Доктор Имс надолго застыл у окна.

Потом повернулся к ней. У него были синие глаза и лицо как у печальной лошади. И он купил Брайди за гинею.

– Ты кому-нибудь еще говорила об этом? О том, что видела, что нашла?

– Нет, сэр.

Доктор Имс кивнул.

– Тогда это должно остаться между нами, Бриджет, ты понимаешь, да?

Октябрь 1863 г.

– Поверните его сиятельство к свету, мистер Скаддер, да-да, вот так.

– Щипцы, мистер Хой?

– Пожалуй.

– Молоток, мистер Хой?

– Пока не надо.

Сэр Эдмунд, словно кающийся, стоит на коленях между двумя тюремщиками. Рот он услужливо раззявил и вздрагивает, хотя инструмент, что держит в руке мистер Хой, еще не касается ни его губ, ни языка, ни зубов, ни десны.

– Не дергайтесь, сэр Эдмунд, стойте смирно, мы быстро закончим, и вы уйдёте. Правда, мистер Хой?

Яйцеголовый тюремщик стоически кивает.

– И не кричите, любовь моя.

– И не вопите.

– Вот и умница, молодчина.

Мистер Скаддер обеими руками крепко берет сэра Эдмунда за плечи.

* * *

Прижимая ко рту окровавленную тряпку, сэр Эдмунд переходит безлюдную улицу возле Ньюгейтской тюрьмы. Глаза его покраснели, воспалены, волосы стоят дыбом. Он не знает, где находится, но знает, где ему нужно быть. Он утратил еще пять зубов (на этот раз – золотых) и карманные часы, зато обрел свободу и халат с чужого плеча. То ли оборотень, то ли деревенский мужик, сэр Эдмунд Ательстан Берик растворяется в ночи.

Брайди с раннего утра на ногах. Ее раны благополучно заживают, синяки немного поблекли, рассеченная губа зарубцевалась. Но лицо ее все еще пугает прохожих, поэтому Кора прицепила на капор Брайди вуаль. Брайди направляется в Бартс, чтобы справиться в морге о Кемпе. Ей сообщают, что он уже несколько дней не показывается на работе. В следующий раз перед визитом в больницу она облачится в свой мужской костюм. Интересно, ответ будет другим? Руби, как всегда, шагает рядом. Должно быть, ему понятно ее настроение, ибо вопросов он не задает и не пытается завязать беседу. Какое-то время Брайди ждет у больницы, перед входом для пациентов. Часы на соборе Св. Павла отбивают час дня. Люди проходят мимо и останавливаются, собираются и расходятся. То и дело прибывают пострадавшие – те, кто упал с крыши или попал под колеса; они стонут от боли, корчатся на носилках, которые несут друзья или незнакомые люди. Звенит дверной колокольчик, привратник открывает ворота, и толпа рассеивается. До следующего представления о людских злоключениях.

Покинув больницу Святого Варфоломея, Брайди идет домой – по улицам узким и широким, тихим и оживленным. Время от времени принимается лить дождь, дороги в некоторых местах по-прежнему затоплены. Вода, смешиваясь с лондонскими нечистотами, образует некую невообразимую смесь (не будем уточнять, чего именно). Как и у всех в эти дни, ботинки и нижние края одежды Брайди не просыхают. И богатые, и бедные ходят по колено в грязи. Однако не все в равной степени: одни живут в грязи постоянно, другие лишь недолго ступают по ней. Но что такое замызганная юбка или заляпанные глиной ботинки для служанки, умеющей управляться с чистящими средствами и щетками с жесткой щетиной?

Как и многие лондонцы, Брайди следует советам кондукторов omnibuses, уличных торговцев и констеблей, подсказывающих, как обойти самые непролазные места. Менее склонна она слушать разговоры о всемирном потопе, что ведутся в пабах, лавках и на углах улиц. Выход на поверхность затерянных рек Лондона и библейские ливни многих заставили вспомнить забытые детские сказки,

персонажей старинных народных преданий. Существа, что давно спали в озерах, под мостами, в лошадиных кормушках и прудах, пробуждаются и, струясь, шлепая, скользя, крадясь, устремляются в Лондон. Словно кто-то их призывает. У многих на языке теперь снова вертятся имена страшных чудищ, которыми пугали их в детстве: Пег Паулер [\[66\]](#), Зеленозубая Дженни [\[67\]](#), Длиннорукая Нелли [\[68\]](#). Существа, у которых на голове спутанная копна водорослей вместо волос и жилистые цепкие руки. Поговаривают, что дети начали тонуть в ведрах. Других затягивает в колодцы. Джентльмены больше не осмеливаются гулять в одиночку у Серпантина [\[69\]](#) из страха, что какая-нибудь барахтающаяся в озере мокроволосая красавица утянет их на дно. Говорят, у ручья в Дептфорде, близ старой лавки судовых товаров, обнаружили трех утонувших маленьких «илокопательниц».

Брайди, приближаясь к Денмарк-стрит, ни о чем таком не думает. Она мечтает выпить горячего кофе и, может быть, выкурить трубку.

* * *

– В гостиной вас ожидает инспектор Роуз. Уже некоторое время.

– По какому он делу, Кора?

– Об этом он не докладывает, зато выпил пять чашек чая, умял кусок пирога с бараниной и остатки холодного завтрака. У него отменный аппетит. Я на скорую руку состряпала для него ягодное пюре со сливками. На десерт.

Брайди отдает Коре свой плащ. Та встряхивает его, выворачивает воротник и вешает на крючок. Вдвоем они заглядывают в чуть приотворенную дверь гостиной. Роуз стоит в глубоком раздумье перед прибором на каминной полке. Делает шаг вперед, словно хочет потрогать его, но затем отказывается от своих намерений и убирает руки за спину, сцепив ладони.

Кора подталкивает локтем Брайди.

– В этом своем костюме у него очень солидный вид, правда?

– Павлин расфуфыренный, – бурчит Руби. Он идет мимо них в комнату и с хозяйским видом занимает место у камина.

Брайди заходит следом.

– Роуз, говорят, тебя уже накормили.

– Пришлось поесть, у меня не было выбора. – Тепло глядя на Брайди, он берет ее за руку.

– Разумеется. Где ты достанешь эти цветы? Каждый из них – просто чудо.

В петлице сюртука полицейского сияет роза изысканного цвета – бледного персикового оттенка.

Роуз вынимает цветок из петлицы и вручает Брайди.

– Он – твой, только в воду поставь.

Руби возводит глаза к небесам.

Кора приносит поднос с чаем, который в ее огромных руках кажется крошечным, и ставит его на стол перед инспектором.

– Десерт, сэр.

Поправив на голове домашний чепец, Кора достает из широченного кармана фартука тряпку размером с простыню и принимается медленно водить ею по полкам книжного шкафа. А сама прислушивается к разговору.

Роуз бросает взгляд на Кору.

– Потом, – говорит Брайди.

Роуз кивает.

– Сэр Эдмунд бежал из Ньюгейта. Я знаю, ты считаешь, что он невиновен...

– Точно невиновен.

– Может, и так, Брайди, но, если где увидишь его, дай мне знать. – Роуз придвигает к себе десерт и берет ложку.

Брайди озадаченно смотрит на Кору: та перестала вытирать пыль и, стоя у книжного шкафа, показывает на дверь и гримасничает, пытаясь беззвучно что-то ей объяснить.

Роуз оборачивается, и Кора мгновенно закрывает рот.

– Очень вкусно, Кора, – хвалит он. – Что это?

– Крыжовник, – отвечает она.

Руби сдерживает улыбку.

– Есть ли предел твоим талантам, Кора?

– Нет, инспектор Роуз, – говорит Кора, одним глазом кося на дверь. – Предела нет.

Сэр Эдмунд спит у кухонной плиты на постели, что соорудила для него Кора. В уголках его рта запеклась кровь, оставшаяся после недавнего удаления зубов. Кора надела на него вязаные чулки и шапку, обернула во что-то необъятное из истертой хлопчатобумажной ткани, которую она на нем закрепила и завязала на поясе.

– Он в одном из твоих платьев, Кора?

– Его одежда сушится. Я одолжила ему свой наряд в цветочек, не самый лучший.

– Что ж, давай его будить.

– Пусть поспит. Надеюсь, хуже от этого никому не станет, – язвительно бурчит Кора, словно стыдясь своей отзывчивости.

– Нужно, чтоб он рассказал нам свою историю до того, как мы сдадим его Роузу.

Сэр Эдмунд стонет во сне.

– Пусть побудет немного у нас. Я впервые так близко вижу баронета.

– Он должен быть в Ньюгейте, Кора. Но пусть отдохнет.

* * *

Сэр Эдмунд просыпается ночью. От пищи он отказывается, но соглашается выпить чаю. Кора кипятит воду, расставляет на столе чашки с блюдцами и достает из буфета заварочный чайник. Облаченный в старое платье Кору, выглядит он плачевно: лицо вытерто не дочиста, как у ребенка нерадивой мамы; на коленях лежит тряпка, которую он прикладывает к кровоточащим деснам.

– Я никого не убивал, но мои поступки привели к гибели людей, – сообщает сэр Эдмунд загробным смятенным голосом.

Кора, устроившись в углу с чашкой чая в руках, смотрит на Брайди.

– Продолжайте, сэр, – подбадривает его та.

Сэр Эдмунд кивает, не смея встречаться с ней взглядом.

– Я хотел бы сделать признание, миссис Дивайн, относительно того, что незаконным путем заполучил ребенка, девочку, которая ныне известна как Кристабель Берик.

– Начните с самого начала, сэр Эдмунд.

Они приходили трижды. В их первый визит они сидели вместе с семьей Келли в доме на берегу моря. Эллен присутствовала при встрече, но была без ребенка, о котором были наслышаны баронет с доктором. Без ребенка, из-за которого они отправились в тот глухой уголок Ирландии. Брат Эллен, глава семьи, внимал гостям. Жена брата Эллен, настоящий глава семьи, тоже внимала. Это хорошо, говорили гости, что они приехали именно теперь, ведь малышке еще не исполнилось и полугода. Они показывали семье научные схемы, читали отрывки из трактата его преподобия Уинтера, священника Хайгейтской часовни. Когда семья вспомнила предания об их прародительнице Маргарет, гости принялись рисовать им радужные картины: что у ребенка Келли будет новая жизнь, что она будет расти в безопасности и комфорте, под присмотром знающих людей, что ей будут обеспечены все блага современной медицины.

Эллен сказала, что ее дочь не больна, вежливо поблагодарила гостей за проявленный интерес и отказалась вверить их заботам свое дитя.

В их второй визит брат Эллен предложил, чтобы она показала сэру Эдмунду местные достопримечательности: святой источник у конского водопоя, магическое кольцо из камней на студеное поле и все такое. Сэр Эдмунд был ласков с молодой женщиной, и та мало-помалу поведала ему все, что знала об истории их семьи и обстоятельствах своего родоразрешения.

Женщины Келли с берегов залива Бантри, сказала она ему, всегда славились своей красотой, но каждые несколько поколений в их роду рождалась несравненная красавица. Последней была Маргарет. У нее были волосы песочного цвета и глаза оттенка морского мелководья. Кожа гладкая, как галька; голос подобен плеску волн, накатывающих на галечный берег. Однажды она гуляла по берегу, и вдруг налетела волна и унесла ее в море. Из воды она вышла, сухая, несколько дней спустя. А через несколько месяцев родила ребенка, весьма примечательного, как поговаривали.

Эллен подумала о Маргарет в тот день, когда сама очнулась на берегу. Она лежала ничком, причем достаточно далеко от того места, где она собирала водоросли. Как она там оказалась, Эллен не помнила.

Она подумала о Маргарет, когда у нее начал округляться живот.

Когда ей страстно захотелось крабов, и она ела их сырыми, прямо с панцирем, целиком. Когда ей страстно захотелось рыбы, и она поедала ее сырой, с костями и всеми потрохами. Морскую воду она пила ведрами.

Эллен вспомнила про Маргарет, когда родила дочь. Она нарекла ее Шибел.

В первые дни малышка вопила так, что, казалось, дом обвалится, и ничего не ела. Чего ей только ни давала Эллен, малышка все отвергала. Пока в один холодный день к ней в колыбель погреться не забралась кошка, которая свернулась калачиком и заснула, прижимаясь к девочке. Эллен, придя к дочери, увидела, что та вся в крови. Ее паника улеглась, когда она поняла, что девочка цела и невредима. Оказалось, что малышка убила кошку, разодрала ее и съела все косточки, не тронув ни шкурку, ни мясо, ни сухожилия. Сообразив, что нужно дочери, Эллен стала кормить ее каракатицами и панцирями, из дома не выходила и отваживала любопытных гостей. Мало кто видел ее ребенка. К тем немногим принадлежал священник (он ушел так же быстро, как и пришел, ибо мать Шибел, как говорили, не раскаялась в грехе, которого она не совершала). Слухи об Эллен и ее дочери быстро распространялись и в конце концов достигли Полгейта, баронета и доктора.

В их третий визит Эллен по настоянию брата повела сэра Эдмунда на скалы. Опустилась ночь, прекрасная ночь. Эллен запела песню о мерроу в плену земной любви. Сэр Эдмунд зачарованно слушал, хотя не понимал ни слова.

Пока они гуляли, брат Эллен (практичный человек, который, по словам его жены, желал для своей семьи только добра) заключил с доктором Харбином сделку. Доктор покинул дом с маленьким свертком в руках и, крадучись пробираясь в ночи, вернулся на дорогу, где его ждала нанятая повозка. Сэр Эдмунд сердечно поблагодарил Эллен за пение и простился с ней у ворот ее дома.

Несколько месяцев Эллен добиралась до Марис-Хауса, но все же добралась. Это уже не была кроткая прелестная девушка, какой сэр Эдмунд ее помнил. Он пытался вразумить ее, но она плакала, оскорбляла, стенала и угрожала. Денег его она не видела: их потратили брат со своей женой. Она намеревалась вернуть свое дитя – ведь его

отняли у нее силой. Сэр Эдмунд отказал ей, пригрозив, что сдаст ее полиции и поместит в сумасшедший дом, если она будет настаивать на своих притязаниях. Он предупредил, что ей никто не поверит: слово простолюдинки не будет иметь веса против слова баронета. Эллен ушла ни с чем.

После время от времени она незаметно проскальзывала на территорию Марис-Хауса, но крика уже не поднимала. Сэр Эдмунд позаботился о том, чтобы о существовании девочки никто не знал, и она находилась под постоянным присмотром, ибо он не сомневался, что мать выкрадет дочь при первом удобном случае. Иногда он месяцами не видел Эллен Келли, а потом вдруг она появлялась без предупреждения: тень на газоне, сплющенное лицо в окне. Пять лет она преследовала его: до того дня, когда ее нашли мертвой на кладбище у часовни.

В стылой тишине, заполнившей кухню, сэр Эдмунд, в своем нелепом облачении, со всем достоинством обреченного подбирает вокруг себя широченные складки цветастого платья из хлопка.

Первой подает голос Кора:

– Вы плохо поступили с Эллен Келли, сэр. Плохо поступили с матерью и ребенком.

Баронет оцепенело кивает.

Отправляясь спать, Брайди оставляет в замке ключ. Это все, чем она может ему помочь.

* * *

В предрассветный час на улице можно видеть фигуру человека, идущего на восток, к останкам моста Блэкфрайерс. Его снесли некоторое время назад, и перехода на другой берег теперь здесь нет. В том месте река Флит выносит в Темзу свою долю дохлых собак. Человек, в облачении из истертого цветастого шелка, спускается по ступенькам к реке. Карманы его платья набиты камнями, оставшимися от разрушенного моста. Высокий и худой, он похож на страдающего мученика библейских времен. А ликом – на божество Темзы, которому известны все ее подводные течения, вся ее пагубная грязь. Цапля смотрит на него с надменным презрением. Человек останавливается и

замирает. Цапля и человек долго стоят не шелохнувшись. Первым подает признаки жизни человек. Когда ночная тьма начинает рассеиваться и город окрашивает мутная серость раннего утра, он поднимает глаза к светлеющему небу и заходит в воду.

Дряхлый моряк глаз не спускает с жены. Перед тем как куда-то уйти, она непременно проверяет, надежно ли заперта мастерская, и ключ вешает себе на шею. Затем кричит через дверь:

– Кристабель, делай, что хочешь. У Билла Таккетта голова – пустой пруд, из которого все рыбки давно уплыли.

Затем хитро прищуривается и ковыляет прочь, волоча за собой свою гнилую ногу, и целый день бродит где-то, ища покупателя для похищенного ребенка.

Билл убеждает жену, что нельзя держать малышку в мастерской.

Там сыро и темно, а крысы, что живут в старой лавке судовых товаров, огромные, три фута длиной, и жирные, как пышные булки. Это умные и злобные твари с желтыми зубами и толстыми длинными хвостами – из тех, что утаскивают младенцев. Они – сущее наказание. Уж Билл-то знает. Налетают на тебя, стоит только закрыть глаза. Воришки проклятые. Обязательно вырвут то клочок волос, то ноготь, то зуб. А потом дерутся из-за своей наживы.

* * *

Дряхлый моряк стоит перед запертой дверью мастерской, и сердце его рвется на части. Если бы у него хватило смелости, говорит он девочке через дверь, он убил бы свою жену. Он освободил бы маленькую пленницу, будь он ловок и хитер. В голове Билла зреют планы, поражая его своей замысловатостью, своим коварством. Но, поскольку он забывчив и неповоротлив, пока он возится, собирая необходимые инструменты, жена его возвращается.

Билл Таккетт пытается – безуспешно – спорить с женой. Умоляет ее вернуть ребенка в родной дом. Объясняет, что из ее затеи ничего хорошего не выйдет.

– Муж, – ответствует ему жена, – вот скажи, что у тебя в твоей коробке для денег?

Билл в отчаянии качает головой.

- А я скажу вам, сэр: голыши да птичьи перья.
- Не дело это, жена. Нельзя продавать за деньги невинное дитя.
- Невинное, говоришь? А как же те дети, которых она утопила?

Три несчастные маленькие девочки-илокопательницы, что померли у нашего порога?!

Билл прищуривается.

– Да как бы она смогла утопить тех бедняжек, если сама она постоянно сидит под запором?

– По-твоему, те малышки умерли естественной смертью? – спрашивает его жена со злорадным блеском в глазах.

Билл молчит. Он не может отрицать, что с появлением похищенной девочки вокруг его лавки происходит что-то *необъяснимое*. Морские птицы стаями кружат, все стены в улитках, тритоны везде юркают, хоть ведрами их отгребай.

– Те илокопательницы, когда их нашли, были абсолютно сухими, а в легких у них было полно воды. И ты еще спрашиваешь: «Жена, что за гнусная смерть постигла тех крошек? А я тебе отвечу: «Смерть по имени Кристабель».

* * *

Очень скоро жена Билла возвращается в лавку довольная донельзя.

– Ребенок продан, и завтра ее заберут.

– Значит, тебе конец, жена.

Она пристально смотрит на него.

– Не хочешь познакомиться с ней, пока она не уехала?

– Чтобы она меня покалечила? – рычит он.

– Глупости, – улыбается жена. – Ты же ее друг и заступник, всегда печешься о ее интересах!

Билл снимает зюйдвестку и ту же затягивает веревку на штанах. Потом (что бы ни говорила его жена, он вовсе не старый дурак) прячет в карман кривой нож и следует за женой в мастерскую.

* * *

Миссис Бибби отдыхает, положив ногу на угол открытого сундука, в котором лежит Кристабель. Пусть девочка гроша ломаного не стоит – вид у нее сейчас неважнецкий, – продала она ее за несколько сотен фунтов.

– Бывало, ты выглядела и краше, – говорит ей миссис Бибби, – но ты не умираешь. Ты *линяешь*.

Кристабель непонимающе смотрит на нее.

– Если верить почившему доктору Харбину, – добавляет миссис Бибби, – и еще раньше усопшему доктору Уинтеру. Тот написал целый ученый трактат о таких, как ты.

Кристабель закрывает глаза.

– А в остальном ну разве ты не цветочек в своем красивом новом платье? – весело говорит миссис Бибби.

Кристабель словно застыла.

Их окутывает тишина, пока Кристабель, снова открыв глаза, не стучит по стенке сундука шелушащимся пальцем. Она искоса смотрит на миссис Бибби. Ее глаза светлеют, из чернильно-черных превращаясь в бледно-бледно-серые с матовым оттенком, – не исключено, что это просто игра света, излучаемого пламенем свечи.

Миссис Бибби кивает – вообще-то, немного печально.

– Что ж, ладно. Раз уж наши пути расходятся, Кракен, так и быть, напоследок расскажу тебе историю. Давным-давно...

Жили-были две леди – в лавке у реки, где продавались чудесные сокровища: уключины и «обезьяньи кулаки», вар и «летучие мыши». Одну леди звали Делла, вторую – Доркас. Магази́нчик был тихий и уютный. Они имели все необходимое и почти все, что хотели иметь. У Деллы была своя комната, у Доркас – карманные часы. По обыкновению, Доркас во время отлива ходила по берегу, собирая то, что оставила вода. Зеленые стеклышки, веревочные банты – подарки для своей сероглазой возлюбленной, Деллы! А Делла ждала ее, сидя перед лавкой. Она куталась в пальто, что сшила для нее Доркас. Лоскутное пальто с серебристо-серым воротником, скроенное из тысячи шкурок.

Однажды, когда Доркас ходила по берегу, высматривая дары реки, она увидела на мокром песке среди галечника что-то съездившееся в комочек. Она подумала, что это спящий угорь,

положила его в ведро и принесла в лавку. Вымыв свою находку, она обнаружила – представить только! – что это маленькая девочка – само совершенство! Девочка со светлыми, как будто мраморными глазами, маленькими острыми зубками и сияющими белокурыми кудряшками. Делла от радости захлопала в ладоши и дала девочке имя Кристабель.

И вот девочка росла, ее часто видели в окне лавки: она либо спала в своей колыбели из рыбацьей сети, либо сидела на высоком стульчике, сделанном из ловушки для омаров, и рассматривала детские книжки. Она была всеобщей любимицей, всегда махала прохожим, обнажая в улыбке свои свирепые мелкие зубки. Иногда в лавку заходили покупатели, привлеченные видом необычной малютки. Делла и Доркас ни за что не желали расстаться со своей худенькой воспитанницей, что подарила им река, хотя они получали щедрые предложения от ученых джентльменов, которые, прослышав про их драгоценную находку, приезжали издалека, чтобы познакомиться с малышкой.

Девочка росла, а лавка хирела. Кристабель скучала, апатично глядя на улицу из окна магазинчика. Сказочная рыбка в унылом пруду. Не в этом было ее предназначение.

Однажды в город приехал цирк, а вместе с ним и его импресарио.

И импресарио придумал грандиозный план. С участием Кристабель он сделает самое знаменитое представление на свете. Она будет путешествовать по миру, знакомиться с королевами, королями и другими важными особами. Ее все будут чествовать, ею все будут восхищаться. И, возможно, в один прекрасный день ее даже уговорят выступить с речью перед толпами поклонников или хотя бы опубликовать свои мемуары. И, когда ей придет время выйти на пенсию, она покинет цирк и вернется к своим друзьям в старую лавку судовых товаров.

Делла подарила Кристабель свое лоскутное пальто, Доркас – карманные часы.

И Кристабель отправилась навстречу своей славе.

Миссис Бибби смотрит на девочку. Та, слава богу, спит. Что ж, теперь осталось закончить начатое, и дело сделано. Миссис Бибби быстро прикладывает к бутылке, что стоит рядом, и краем шали вытирает глаза. Винить надо тех, кто виноват. Она поднимает бутылку

к свету, наклоняет ее в одну сторону, потом в другую. И допивает остатки.

Едва рассвело, Брайди поднимается с постели, выбивает в камин содержимое трубки, которую она выкурила с вечера, и берет кiset с «Бронхиальной бальзамовой смесью» Прадо. Кiset пуст. Тогда она начинает проверять другие свои запасы: в шкафу гостиной, в корзине для зонтов, в кармане нижней юбки. Все выкурено. Она, конечно, немедленно пошлет кого-нибудь к Прадо за куревом, но доставка может занять несколько дней. И вдруг ей в голову приходит поразительная мысль: она слишком привыкла рассчитывать на то, что рядом с ней Руби Дойл, погибший боксер, который, возможно, знал ее когда-то, а может, и нет. Согласитесь, весьма шаткая основа для дружбы. Тем не менее она уже не представляет жизни без этого человека. Без *покойника*, который неожиданно появился вместе со стружкой дыма на церковном кладбище и, по всей вероятности, так же неожиданно скоро исчезнет. Брайди рассматривает пустую чашку своей трубки. Хоть начинай курить сигары «Гусарская смесь», чтоб самой убедиться, какая это гадость. Внезапно ее охватывает радость: она вспоминает про заначку под подушкой, надеясь, что этого ей будет достаточно.

* * *

Брайди уже давно завтракает, когда появляется Руби. Она лишь на секунду отрывает глаза от газеты, никак не выражая, что его приход вызвал у нее облегчение. Он опять боксировал, ибо бинты на его ладонях ослабли, кожа блестит от призрачного пота, панталоны свалились. Он кивает ей, поглаживая свои красивые черные усы.

— Мне нужно изменить внешность, Руби. Я должна проникнуть в тот дом.

— Ну...

— Туда доставили много ящиков — их экономка принимала. И поздно ночью какой-то экипаж привез мешок, который несли с большой осторожностью.

- Откуда тебе это известно?
- Мой новый агент сообщил. Подметальщик Джем. Гидеон Имс что-то задумал.
- Цилиндр свой наденешь, Брайди?
- У меня есть идея получше.

* * *

Кора говорит, что гримироваться лучше во дворе, там светлее. Она вертикально прилаживает на ящик с углем свое зеркало, перед которым обычно бреется, и смешивает грим. Соседские дети виснут на заборе, зачарованно наблюдая, как Кора создает миссис Дивайн новое лицо – делает ее на двадцать, нет, на *тридцать* лет старше! Огромные руки служанки весьма умело управляют с тонкой кисточкой. Даже вблизи Брайди выглядит весьма убедительно. А когда еще и улыбается, обнажая брешь на месте передних зубов, – ну просто настоящая старуха. Свой новый образ Брайди довершает массивными очками Кору, в которых та читает бульварные романы. Волосы, собрав в узел, она убирает под платок и набрасывает на плечи старую шаль.

Вдовий чепец, безобразный капор и добротный плащ Брайди оставляет дома. Она останавливает первого галантерейщика, что встречается ей на пути, и за немалые деньги приобретает женский капор, деревянные башмаки и корзину с товаром, в которую она также сует свои собственные ботинки.

Походка у нее теперь другая: в деревянных башмаках, которые ей узки и жмут, она семенит. Широкую корзину с товаром Брайди несет перед собой, а чтобы капор, который ей велик, не сползал на лицо, голову держит высоко, выпячивая подбородок. Всем своим видом она напоминает важную сову.

Брайди доходит до площади Кавендиш-сквер, проскальзывает в сад напротив дома Гидеона Имса, садится на скамейку и ждет. Дом не выдает своих тайн. Элегантный и респектабельный, как и его соседи. Но Брайди не проведешь. И потому она прихватила с собой свой пистолет, который лежит в корзине под ворохом лент – из кисеи и бархата, атласа и кружева, с узором и однотонные, и из первоклассной жаккардовой ткани. Она обращает лицо к солнцу и ждет.

* * *

Брайди внезапно очнулась, почувствовав рядом какое-то шевеление: в ее корзине с лентами роется маленькая рука. Она открывает глаза и видит Мертл Харбин.

Мертл Харбин. Капор на голове сидит криво, рот измазан в шоколадном пудинге, под мышкой – одноглазая Роза. Дочка доктора медленно вытаскивает из корзины руку и широко улыбается.

* * *

Мертл сидит на скамейке рядом с Брайди и, болтая ногами, время от времени бросает взгляд через плечо.

– Сбежала, что ли, Мертл?

– Няня после обеда джину выпьет и засыпает.

– А ты отправляешься на прогулку?

– Да.

– Твоя няня, случайно, не миссис Бибби?

Мертл мотает головой.

– Ой, какая вы смешная. – Девочка заливисто смеется и тут же благовоспитанно прикрывает рот рукой.

Брайди корчит сварливую рожицу, сердито глядя на нее через очки.

Мертл хохочет.

– Мертл, почему ты теперь живешь с Гидеоном Имсом? Как так получилось?

– Я его *подопечная*. – Последнее слово она произносит медленно, выделяя его интонационно, как, вероятно, ее научили.

– Значит, доктор Имс знаком с твоим папой?

Подумав немного, Мертл морщит нос.

– Сюда меня привез мистер Кемп.

– Понятно, – отзывается Брайди. – А Кристабель ты видела?

Девочка качает головой.

– Хочешь пойти со мной домой? Познакомишься с Корой Баттер. У нее рост семь футов и пышные бакенбарды.

Мертл от удивления таращит глаза.

– А шоколадный пудинг у вас есть? Я его очень люблю.

– Наверняка.

Мертл раздумывает с минуту.

– Нет, спасибо. Я работаю на доктора Имса.

– И что ты делаешь?

– Вас это не касается. – Девочка раскрывает ладонь, рассматривая ленты, которые она украла и получила в подарок от Брайди.

– Мертл, видишь того мальчишку? – Брайди показывает через решетку ограды. – Подметальщика?

Мертл кивает.

– Его зовут Джем. Если у тебя будет для меня сообщение, он передаст.

– Если я захочу прийти к вам и познакомиться с Корой Баттер?

– Да.

– Или если я увижу Кристабель? – хитро добавляет девочка.

– И это тоже.

Мертл наматывает на палец синюю атласную ленту и оглядывается на дом.

– О боже, проснулась.

Дверь дома, в котором живет Гидеон Имс, открывается, и с крыльца спускается суровая женщина размером со шкаф.

– Это твоя няня? – уточняет Брайди.

Мертл тяжело вздыхает.

Грузно переваливаясь с боку на бок, няня торопливо идет через дорогу в сад. Выражение лица у нее сварливое, зубы стиснуты.

Мертл неуклюже приседает на прощание и, схватив Розу, ныряет в кусты.

Креморн возрождается. Сады – новое временное пристанище знаменитого цирка Лестера Лафкина. Воздвигнут огромный шатер, на каждом шесте реет флаг с эмблемой Лафкина. Акробаты, знамена, гроты, пещеры, резвящиеся тюлени, белые медведи. Маленький король цирка каждый день совершает плавание по реке на золоченой барже. Его гребцы – греческого роду-племени; они могли бы на равных посостязаться с Ясоном и его аргонавтами. На их загорелых лоснящихся спинах – плавники. Толпы простонародья, собирающиеся по берегам реки, с любовью приветствуют Лафкина бранными выкриками. Тот величаво машет им в ответ. Или разъезжает по Стрэнду в экипаже, запряженном зебрами, которых поставил ему мистер Джамрах, проживающий на Рэтклиффской дороге [\[70\]](#). У мистера Джамраха Лафкин, очевидно, также приобрел пингвинов, большого агрессивного тюленя по кличке Уилберфорс и целые косяки разноцветных рыбешек. Медведь, лев и слон принадлежат самому импресарию.

Мадам Креморн, конечно, все это уже видела: увеселительный парк – мастер преобразования. Днем мадам Креморн – с розовыми губками, с радужным блеском в ясных глазах – предлагает благопристойные развлечения добропорядочной семейной публике. Но к ночи, вульгарно раскрашенная, она сидит в развратной позе, подбирая свои оставшиеся зубы, и услаждает всякий непотребный сброд – хлыщей, сутенеров, художников и проституток. Однако с приездом импресарио Лафкина у мадам Креморн появилась возможность утроить свой доход! Она ликует, чувствуя, как учащается пульс коммерческой деятельности.

Лафкин, однако, не разделяет уверенности мадам Креморн. Озадаченный, он стоит в мехах перед своим походным шатром. До премьеры рукой подать, а у него не готов заявленный на афише сенсационный номер. И интуиция шоумена подсказывает импресарию, что в гробообразном сундуке, который его люди с опаской несут к нему, он не найдет решения своей проблемы. Нанятые лодочники, вздыхая с облегчением, спешат удалиться.

Гвалт сбивающихся в огромные стаи морских птиц и внезапно вздыбившаяся Темза тоже не внушают надежды. Благо сейчас вечерет, погода хмурая, и внезапно поднявшийся ледяной ветер заставляет всех разумных лондонцев искать прибежища в укромных местечках и у домашних очагов. Так что, возможно, Лафкин и его охранники – единственные свидетели доставки этого груза.

* * *

Лафкин кричит, чтобы принесли побольше светильников. Когда его требование выполнено, он велит строго охранять все входы в его шатер, а сам, почесывая бороду, медленно обходит сундук. В его верхней части, замечает он, просверлены вентиляционные отверстия, но изнутри не доносится ни звука.

Он жестом велит одному из королевских стражей откинуть крышку.

Маленький король цирка пристально смотрит в сундук.

– Господа, меня провели. По мне, так это самый обычный ребенок. Где ее хвост, черт побери?

– Наверно, сначала ее нужно в воду поместить, – высказывает предположение один из охранников.

– Почему она связана?

– Она опасна, сэр.

Лафкин окидывает охранника язвительным взглядом и снова сосредоточивает внимание на обитательнице сундука.

– Как можно держать человека связанным и в сундуке? – изумляется он.

Один из охранников, подтолкнув плечом другого, выступает вперед и достает из кармана своей золоченой ливреи сложенный листок бумаги.

– Прошу прощения, сэр. Вместе с сундуком передали записку. Вам прочитать?

Лафкин протягивает руку за запиской. Он извлекает монокль из расшитого камзола и начинает читать ее, держа вверх тормашками, издавая звуки, коими обычно сопровождается напряженное чтение.

– Без кольчужных перчаток к ней лучше не прикасаться, – подсказывает охранник. – Так говорится в записке.

– Совершенно верно.

– В записке говорится, что она кусается, – добавляет охранник, для наглядности оскаливая стиснутые зубы.

– Мои артисты не кусаются! – негодуя восклицает Лафкин. – И их не запирают в сундуках. С ними заключают контракты, они владеют загородными поместьями, умеют после ужина поддержать светскую беседу. Их принимают в высшем обществе и в благородных домах.

Охранник опускает глаза в застеленный ковром пол.

– Приведите мою жену. Она прекрасно управляетя с любыми скользкими тварями и сообразит, что с ней делать.

– Слушаюсь, сэр.

– Скажите Эвриале, пусть прихорошит ее немного, уберет волосы с ее лица, подрумянит. Проверьте, умеет ли она петь или жонглировать, черт возьми. И, ради бога, уберите этот запах.

* * *

Ночь почти на исходе, и король цирка давно в постели к тому времени, когда его непонятно где бродившую жену наконец-то находят и приводят в его пиршественный шатер.

Закрытый сундук стоит под надзором нескольких стражей. Он облеплен улитками, которыми усеян и пол. Да еще и тритонов набежала уйма.

Эвриала, в накидке, с питоном на плечах, подходит ближе. Змея мгновенно сползает к ее ногам и быстро обвивается вокруг них, пригвождая ее к месту.

– Он меня не пускает, – шепчет Эвриала. – Он напуган.

Стражи смотрят на нее с сочувствием, но к змее – и не просите – они ни за что не прикоснутся.

Увещевая, успокаивая своего питомца, Эвриала снимает его с себя и сажает на шест, подпирающий шатер. Потом кивает стражам, и те откидывают крышку.

На волю вырывается тошнотворный запах.

Рукавом прикрывая нос и рот, Эвриала приближается к сундуку.

На дне лежит ребенок – девочка. Лицо ее прячется под светлыми волосами. Поверх поношенного бархатного платья, которое знавало лучшие дни, на ней смиренная рубашка из плотной парусины. Сложенные на груди руки перетянуты ремнями.

Эвриала бережно убирает волосы с лица девочки, ибо это – маленькая девочка, кем бы еще она ни была. Ее крепко смеженные веки обрамляют матовые ресницы; носик изящный, губы белые. Кожа шелушится, отслаиваясь полосами отмирающей ткани; волосы лезут клочьями. Целые пряди намотаны на ее кулачки, застревают под ногтями.

Она вроде как шевелится, но незаметно, чтобы это было дыхание. Кремовые червячки копошатся в ее волосах и складках одежды. Силясь подавить отвращение и жалость, Эвриала легонько, нежно дотрагивается до лица Кристабель.

Девочка холодна, как камень.

* * *

Утром Эвриала появляется на пороге дома Брайди на Денмарк-стрит. Лицо ее покраснело от слез.

Октябрь 1843 г.

Брайди стояла перед доктором Имсом. Тот, сидя за столом, поставил свою подпись, промокнул чернила и запечатал письмо.

– Бриджет, ты уверена, что хочешь этого?

– Да, сэр, – ответила она.

Доктор Имс кивнул.

Их разделяли пропасть лжи и правды, отъезд Гидеона и ее роль в его изгнании.

После нападения на Элайзу доктор Имс постарел. Он сильно похудел, но шаг у него стал тяжелый, медленный: он с трудом переставлял ноги. Это тревожило миссис Донси. Кухарка опасалась – и небезосновательно, – что доктор (теперь ослабевший, не столь крепкий здоровьем) может заразиться сыпным тифом. Как ни странно, подкосило его расставание не с сыном, а с Эдгаром. В лице доктора ни один мускул не дрогнул, когда он провожал взглядом экипаж, навсегда увозивший прочь Гидеона. Но, отдавая в чужие руки маленький сердитый комочек, он расплакался. Дворецкий видел это и никому не сказал. Ливрейный лакей видел и растрезвонил всему свету. И действительно, для столь сдержанного человека, как доктор, это было весьма необычное поведение. Тем более что все домочадцы знали Эдгара как неприветливого ребенка, в котором в последнее время стали проявляться внушающие беспокойство наклонности: ему нравилось жестоко мучить беспомощные создания. Все, кроме доктора Имса, вздохнули с облегчением, когда Эдгара отправили в сиротский приют.

– Я понимаю, здесь без нее... – Доктор Имс опустил глаза. – Она не мучилась? – шепотом спросил он.

– Нет, сэр, Элайза не страдала.

С минуту он сидел за столом, понутив голову.

Потом пододвинул к Брайди конверт.

– Это твоё рекомендательное письмо. Ты многому научишься у этого человека. У него весьма *своеобразные* взгляды на жизнь, но он

хороший врач и великолепный химик.

Брайди взяла письмо. Оно было адресовано «Д-ру Р. Ф. Прадо».

– Ты будешь получать пособие. Этих денег тебе хватит на то, чтобы жить скромно, но респектабельно.

– Спасибо, сэр.

Брайди повернулась, собираясь уйти. Доктор Имс ее окликнул, а потом встал, взял ее за руку и вложил ей в ладонь гинею.

Октябрь 1863 г.

Голубые стены, белые простыни, а за окном снова дождь: о стекло плющатся большие мягкие капли.

В голубой комнате малышка, лежит в постели. Взгляните на нее. Ангел с церковного кладбища, мраморное изваяние: светлые локоны, веки каменных глаз плотно закрыты, словно запечатаны.

Наверное, спит.

Лежит, будто жемчужина в раковине. Но она – не жемчужина. Она утратила свой блеск.

* * *

У нее гостя. У малышки, что лежит в постели в голубой комнате. К стулу, стоящему у ее кровати, на цыпочках подкрадывается девочка.

Шумно дыша, гостя взбирается на стул, поправляет на себе нижние юбки, сводит вместе носки своих новых туфелек. Из белого атласа, с розовыми бантиками. Красота-то какая! Она и так, и эдак выворачивает ступни, любуясь своими чудесными башмачками.

Смотрит на малышку в постели. У той вовсе нет обуви. Бедняжка.

Она ведет по подушке одноглазую куклу.

Роза – в волосах у нее застряли комки овсянки – с ужасом смотрит (своим единственным глазом) на малышку в постели. Та даже не шевелится.

– Кристабель, – тихо шепчет Роза крошечным фарфоровым ротиком. – Просыпайся!

Роза не станет называть ее новым именем. *Шибел*. Оно жутко некрасивое, а она не доверяет людям с некрасивыми именами.

Маленькой фарфоровой ручкой Роза постукивает по личику малышки.

– Крис-та-бель.

Девочка в постели даже не шелохнулась.

Роза делает на подушке пируэт и идет назад.

Потеряв терпение (скучно же так долго болеть, не вставая с постели!), гостя спрыгивает со стула.

Но, будучи гостей воспитанной, она достает из кармана подарочек, чтобы утешить и подбодрить больную. На этот раз чернослив. До завтрака она принесла ей интересную пуговицу. А еще раньше (после того как больную искупали, смыв с нее вонючий запах) – восхитительную ленту.

Теперь эта лента украшает малышку. Голубая лента в белокурых волосах.

Воспитанная гостя вприпрыжку подбегает к каминной полке, на которой выставлены подарки. Кончиком пальца она задвигает чернослив в один ряд с остальными дарами. Поглаживает пуговицу.

Роза что-то шепчет ей на ухо.

– В чем дело, Роза? Да, ты можешь ее поцеловать – только *нежно*.

Кукла и гостя возвращаются к кровати.

Роза осторожно наклоняется к малышке в постели. Целует. Прикасается к ней измазанным в овсянке холодным фарфором.

– Не умирай, – советует Роза серьезным шепотом.

Воспитанная гостя закрывает глаза и молится Иисусу, который радуется за всех больных детей и тварей божьих, просит Его, чтобы он не дал умереть Кристабель.

– Аминь, – произносит Роза.

– Мы скоро опять придем, – обещает воспитанная гостя оживленным тоном, похлопывая по стеганому одеялу.

Девочка в постели даже не шелохнулась.

* * *

У нее гость. У малышки, что лежит в постели в голубой комнате. К стулу, что стоит у ее кровати, крадучись, подходит мужчина.

Он садится и приглаживает свои жиденькие светло-каштановые волосы, липнувшие к его голове весьма необычной формы.

Он рассматривает девочку, что лежит в постели. Она неподвижна.

Он закуривает сигару: вспышка пламени и затем сладковатая вонь кошачьего дерьма в смеси с соломой.

Он сидит на стуле, наблюдая за девочкой. Курит.

Девочка в постели неподвижна.

* * *

У нее гость. У девочки, что лежит в постели в голубой комнате. Он пододвигает стул ближе к кровати и садится. Голубые глаза, золотистая борода с проседью.

Он наклоняется, приглаживает назад ее волосы. Касается ее щеки.

На ощупь она не сравнима ни с чем в природе. Кожа восковая, влажная, холодная – неестественно холодная.

Девочка в постели даже не шелохнулась.

Он изучает ее лицо. Закрытые скорлупки глаз. Острый выступ скулы, изогнутый, словно жабры. В чуть приоткрытых бледных губах виднеются зубки – маленькие и острые, как у щуки.

– Мы на время потеряли тебя, – произносит гость. – И об этом я очень сожалею.

Под веками вздрагивают чернильные тени зрачков.

Гость наклоняется к ее уху.

– Просыпайся, Шибел, – шепчет он. – Разве ты не хочешь увидеть море?

В огромном пиршественном шатре Лестера Лафкина за обедом тишина. Все взгляды обращены на маленького короля цирка, а тот не сводит глаз с Брайди, которую сопровождают служанка-великанша и Эвриала, *Королева Змей*. Телохранители Лафкина, чувствуя, что их хозяину грозит опасность, на шаг отступают. Лицо миссис Дивайн пылает дикой яростью. Словно, дай ей малейший шанс, она перемахнет через стол и вцепится Лафкину в горло. Лафкин сгорает от любви к ней.

Он медленно кладет на стол вилку и встает, забыв про пирог в форме лебедя, которым он лакомился.

– Миссис Дивайн, – воркующим голосом произносит Лафкин, – давайте не будем делать поспешных выводов.

– Сэр, вы – лжец, – чеканит Брайди, тыча в него пальцем, чтобы у него не оставалось сомнений в том, кого именно она обвиняет.

Пришедшие с ней женщины согласно кивают в унисон. Питон, обвинившийся вокруг шеи Эвриалы, тоже ритмично качает головой.

– Откуда мне было знать, что это тот самый ребенок? Она не очень-то была похожа на ту крошку, фотографию которой вы мне показывали.

– Это была девочка с фотографии Брайди, Лестер, – поправляет его Эвриала. – Правда, немного подросшая. С этим не поспоришь.

– Не поспоришь? – багровеет Лафкин. – Вы – предательница, мадам. Я с вами разведусь. – Он поворачивается к телохранителям. – Ну просто Анна Клевская: равнодушная, с толстыми лодыжками.

Стражи участливо поддакивают.

Кора подталкивает локтем Брайди.

– Давайте потрясу его? Сразу всю правду выложит.

Лафкин испуганно вздрагивает.

– Миссис Дивайн, вышло недоразумение. Простите, если я ненароком купил вашу похищенную девочку. Я же не знал.

Стражи бубнят что-то в его поддержку. Откуда он мог знать?

– Я оказался в тяжелейшем положении. Премьера на носу, а мою главную артистку доставляют *мертвой*. – Он качает головой. – Да не

просто мертвой, а уже в стадии разложения. Вонь такая, что башку сносит.

Несколько его придворных морщатся.

– Ее даже просто так показать было бы нельзя, – поддерживает Лафкина один из его телохранителей. – А еще эти улитки. Ужас.

– Потому он так быстро и продал ее, – добавляет другой стражник. – За бесценок.

– На кой черт им все эти подробности?! – орет на своих людей Лафкин и затем обращается к Брайди: – Пожалейте меня, мадам. Мне даже нечего показать публике в качестве гвоздя программы. У меня только и остались, что поедательница крыс, второсортный ясновидец да мальчик с лишним пальцем на ноге.

– Есть еще пингвины, сэр, – напоминает ему один из телохранителей. – Они очень забавны.

Лафкин возводит глаза к потолку.

– Вас, Лафкин, с крючка никто не снимал, – грозит ему Брайди. – Я собираю информацию о ваших *делишках*.

Кора с Эвриалой обмениваются улыбками.

Лафкин кивает, прекрасно поняв ее намек.

– Что вы от меня хотите?

– Назовите имя коллекционера, которому вы продали тело ребенка.

– Сделка проводилась на условиях полной анонимности, миссис Дивайн. Никаких фамилий не называли.

– В таком случае мне придется навестить инспектора Роуза.

– Это был тип с большой головой и мерзкой ухмылкой, не очень высок ростом, – сообщает Лафкин.

– Кемп?

– Как скажете. – Он приспускает веки и, глядя на нее со страстным выражением на лице, добавляет: – Отобедаете со мной, Брайди Дивайн?

Брайди Дивайн награждает Лестера Лафкина полным презрения взглядом и решительным шагом покидает его шатер.

Придворные прячут усмешки.

Сердце Лафкина испепеляет жар любви.

Подобного дождя Лондон еще не видел. Улицы затапливают вонючие пенящиеся потоки, словно Господь выплеснул на город грязные помои после кипячения сатанинского исподнего.

Свирепый ураганный ветер, налетая с побережья, приносит вести об учиненных им разрушениях: о штормах и погубленных кораблях. Темза клокочет, снова вспучиваясь. Ее течение столь стремительно, что илокопатели не смеют сойти с берега, а лодочники лишь присвистывают, удрученно качая головами. Река никогда не была такой сердитой. Нет, они ни за что не выйдут в ее бурлящие взбесившиеся воды.

А грозовые тучи продолжают сгущаться над Лондоном.

* * *

Брайди и Мертл стоят в кустах на Кавендиш-сквер. Ветви защищают их от непогоды. Брайди нравится слушать стук дождя по листьям и вдыхать поднимающийся от земли запах сырой почвы. Мертл нравится шлепать по лужам: чулки ее забрызганы грязью. Брайди, разумеется, изменила внешность. Старая торговка лентами, семенящая в узких неудобных деревянных башмаках. Глаза моргают за стеклами очков; капор, вечно наползающий на лицо оттого, что он ей велик.

В корзине она принесла плитку тоффи.

Мертл отламывает один кусочек для себя, второй – для Розы.

– По-моему, Розе очень идет ее новая вуаль, – отмечает Брайди. – Мы починим ей лицо?

Мертл задумывается. Поправив кусок кружева на капоре Розы, она сует палец в пустой глаз куклы, потом переворачивает ее вверх тормашками и рассматривает ее панталончики.

– Нет, оставим как есть, – отвечает девочка.

– Ладно, пусть так.

Мертл баюкает Розу на руках.

– Она дома, – заговорщицки сообщает девочка. – Только болеет.
У Брайди екает сердце.
– Кто дома?
– Кристабель, – шепчет Мертл. – Правда, теперь ее зовут по-другому.
– И как же ее зовут?
– Шибел. – Мертл поводит глазами.
Брайди смотрит на дом.
– Хотите пойти со мной и поздороваться с ней? – предлагает Мертл.

* * *

Маленькая девочка заводит старую торговку лентами в дом через вход для прислуги. Они минуют кухню и поднимаются по лестнице. Для столь рискованного приключения время выбрано весьма удачно. Няня прилегла вздремнуть после обеда, дворецкий корпит над бухгалтерскими книгами, кухарка вымачивает крупу.

Доктор Имс в больнице. Мистер Кемп в этот день не приходит.

Мертл мистер Кемп не нравится. Он показывает совершенно не смешные карточные фокусы, ходит бесшумно и имеет обыкновение подкрадываться к людям.

Мертл вместе с Розой расхаживают по коридору. Они взяли на себя роль караульных, пока Брайди возится с замком, орудуя отмычкой, которую она нашла в гостевом доме миссис Пич.

К тому времени, когда Роза завершает второй круг на лестничной площадке, Брайди открывает замок.

* * *

В комнате стоит резкий дух минеральных испарений, к которым примешивается вонь нагретых на солнце водорослей, о чем Мертл, сейчас вышагивающая за дверь, предупредила Брайди. Как ни странно, этот запах ей приятен. Окно занавешено голубым газом; сквозь щель в шторах Брайди видит, что оно зарешечено, а стекло

облепляют улитки. По выкрашенным в голубой цвет стенам сочится влага.

Из обстановки в комнате только кровать и стул. На каминной полке аккуратно выставлены в ряд несколько предметов, пуговица и прочее. На кровати – девочка в белом платье. Она сидит спиной к двери, поддерживаемая валиками и подушками; ее ноги накрыты одеялом. На ухе и шее у нее заживающие ранки, на коленях – неглубокая чаша с водой.

Брайди делает шаг вперед. Малышка оборачивается. Глаза как серовато-белый мрамор начинают темнеть, чернеть. Зрачки до странного плоские. Может, такой эффект создает приглушенный свет?

Девочка улыбается. Несмело, не разжимая губ. Почти так же, как теперь улыбается Брайди. На фоне голубого окна ее тонкие светлые волосы имеют оттенок цвета морской волны. Лицо прелестно, наделено сверхъестественным очарованием; чертам свойственна удивительно безупречная симметричность. Которую портит только криво посаженный бант, закрывающий одно ухо, – Мертл постаралась, догадывается Брайди. Пред ее очами девочка с фотографии, только немного подросшая. Хрупкая, худенькая. Из-под тонкой ткани платья выпирает позвоночник.

Брайди медленно подходит к стулу и так же медленно садится. Шибел возвращается к своему занятию. Окунает в чашу пальцы, шлепает по воде, плещется. Брайди смотрит на нее, не отрывая глаз. Шибел цепляет пальчиком капельку, потом еще одну и еще. И складывает их в другую ладошку.

И капля за каплей Брайди перестает сознавать себя, отдаваясь на волю воспоминаний.

Женщина выхватывает цветочную гирлянду из неразумных рученок малыша и горделиво вешает ее на свой чепец; ее ореховые глаза лучатся смехом.

Девочка поскальзывается на мокром деревянном полу таверны, ныряя под стол, за кошкой.

Мокрая палуба на кренящемся пароходе во время шторма...

Шибел переворачивает ладошку, наблюдая, как капельки скатываются с нее.

Картины прошлого заполняют воображение, а вместе с ними возникает непреодолимое желание обнять это существо. Ее порыв

усмиряет жалость к малышке, к маленькой девочке, брошенной на произвол судьбы, как когда-то это произошло с ней самой.

Брайди сидит в гостиной на Денмарк-стрит и смотрит в стену. Разглядывать на ней нечего, разве что непонятный узор на выцветших обоях: то ли урны, то ли фонтаны, ну и гирлянды, конечно. Но дело не в обоях. Внимание Брайди сосредоточено не на стене. Кора тоже в гостиной. Разбрасывает по ковру чайные листья, которые она затем принимается сметать щеткой на длинной ручке, беспорядочно размахивая ею в разные стороны. Разбрасывая чайные листья, Кора напевает себе под нос; подметая ковер, она насвистывает сквозь зубы. Ковер чище не становится, но дело не в нем. Внимание Кору сосредоточено не на ковре.

Брайди погружена в раздумья, вот уже несколько часов, возможно, просидела всю ночь. Кора застала ее в таком состоянии на рассвете, и с тех пор Брайди не шелохнулась, ибо трубка в ее руке не набита табаком, кофе под рукой не тронут.

Кора придвигается ближе к хозяйке и замечает в складках ее юбки позабытую книгу «О многообразии диковинных существ, живущих в пресной и соленой воде: Научное исследование преподобного Томаса Уинтера».

– Так себе книжка, – говорит Кора. – Должна сказать, раздел о пескожилах меня совсем не увлек.

Коре кажется, что она видит некую реакцию в лице Брайди: веки дрогнули, ноздри чуть раздулись.

Кора наклоняется к хозяйке.

– А вот частная жизнь брюхоногих моллюсков – захватывающая история.

Брайди моргает, вздыхает.

– Даже не представляю, как ее вызволить оттуда, – произносит она, наконец-то очнувшись от раздумий.

– Из-под его носа? Пожалуй, это будет непросто.

– И если мне удастся ее забрать, что я потом буду с ней делать?

– Отнесите ее к миссис Прадо, пусть растет там с ее найденышами.

– Возможно, она убийца.

– Тогда отпустите ее в море.

– Кора, возможно, она убийца.

Кора кивает на книгу священника Уинтера.

– Значит, вы теперь в это верите? В мерроу и им подобных?

Брайди не удосуживается ответить.

– Тогда оставьте ее у коллекционера. У того, кто знает, как с ней обращаться. – Кора снова принимается мести ковер, краем глаза наблюдая за Брайди.

– Господь с тобой, Кора. Как, по-твоему, он будет с ней обращаться? Что хорошего можно ждать от такого изувера, как Гидеон Имс? – Хмурясь, Брайди берется за курительную трубку. – Ладно, сначала попробую вызволить Шибел, а потом решу, как с ней быть.

Кора улыбается и продолжает мести ковер, ловко орудуя щеткой и совком.

* * *

Брайди перестает смотреть в стену и принимается расхаживать по комнате.

Руби, чтобы не путаться у нее под ногами, стоит у камина с обнаженной головой.

– То есть утопление на суше и жгучие укусы ты не принимаешь в расчет, продумывая свой план? – упорствует он.

– Она меня не утопила и не укусила.

– Она все еще роется в твоей голове? – понизив голос, спрашивает Руби. – Выживает воспоминания?

– Да все было не так. Черт, зря я тебе рассказала.

– И ты меня не вспомнила, даже когда она всколыхнула твои воспоминания?

– Я же говорила...

– Может, она нас сейчас слушает.

– По-твоему, она способна тебя услышать, Руби?

– Да, удивительное существо, – улыбается он. – Прямо как я.

Испустив стон, Брайди снова принимается мерить шагами гостиную.

– Брайди, а охрана в доме есть?

– Про охрану не знаю, а слуг много, и мимо них надо проскользнуть незаметно. Одна няня чего стоит: шкаф – попробуй обойди.

– А Имс? – Руби пристально смотрит на нее. – Мимо него ты тоже намерена проскользнуть?

Брайди колеблется.

– Я приду, когда его не будет дома.

В гостиную всплывает Кора.

– К вам посетитель. Миссис Дивайн примет подметальщика господина Джема?

– Примет.

– Только он ни в какую не хочет расставаться со своей метлой, – тяжело вздыхает Кора.

– Значит, его метлу тоже милости просим.

* * *

Господин Джем, в ярком шейном платке, в фетровой шляпе с обрезанными полями, с настороженностью в лице, рассматривает загадочный прибор на камине – постукивает по измерительной шкале, разглядывает резиновую насадку.

– Что это? – любопытствует он.

– Понятия не имею, – признается Брайди.

Кора приносит поднос с угощением для нищего мальчишки: три куска мясного пирога и полпинты крепкого эля.

Джем бережно прислоняет свою метлу к стене у камина (как-никак это его главное средство пропитания) и с благоговением смотрит на рослую служанку. Потом, вспомнив про хорошие манеры, почтительно кланяется.

– Премного благодарен, ваше высочество.

Кора величаво кивает в ответ.

– Джем, у тебя есть для меня новости?

– Доктор переезжает, миссис Дивайн. Отправляется в Виндзор.

– В Олбери-Холл?

– Ага, туда, – подтверждает Джем.

– Это отчий дом Гидеона Имса? – уточняет Кора.

– Он самый.

– Тогда в погоню, – предлагает Кора. – Устроим засаду. Если не получится, ворвемся в дом, заберем Кристабель...

– Шибел.

– Ну да... и Мертл Харбин, – добавляет Кора. – Нельзя оставлять ее в лапах Имса.

– Кора, это опасно. Я не могу просить тебя...

– Детей нужно спасать, а я хочу помочь. – Кора поправляет на голове домашний чепец и выпрямляется во весь свой гигантский рост. – Одной вам не справиться. Большая сильная рука лишней не будет.

Джем таращит глаза.

– Их наверняка будут сопровождать несколько головорезов, даже с оружием, – говорит Брайди.

– А у вас есть ваш пистолет, а у меня это... – С подставки у камина Кора берет один из предметов утвари. – Кочерга.

Джем в восхищении смотрит на великаншу.

Кора подбрасывает в руке кочергу, определяя ее вес.

– Осталось найти резвых лошадей.

* * *

Ожидая возвращения Кору, Брайди в гостиной проверяет свой пистолет. С улицы доносится цокот копыт. Это Кора едет по Денмарк-стрит в фаэтоне, запряженном парой резвых лошадей. Громыхая на булыжниках, экипаж останавливается у окна мистера Уилкса. Кора стучит по стеклу кнутом. Старик кладет на стол болт и спешит к окну. Прищурившись, он смотрит на улицу, но не видит ничего, даже служанку семи футов ростом.

– Джем, – обращается Брайди к стоящему рядом подметальщику. – Я ценю твою отвагу, благодарна тебе, что ты вызвался поехать с нами, но у меня для тебя другое задание.

Джем с выражением разочарования на лице смотрит на пистолет в ее руке.

– Миссис Дивайн?

– Очень важное поручение.

Мальчик просиял.

– Если что-то пойдет не так, Джем...

За окном раздается зычный крик Кору.

– ...а чутье подсказывает мне, что это не исключено, – решительно продолжает Брайди, – нам понадобится подкрепление.

Она садится за конторку, черкает записку и вручает ее Джем.

– Отнеси это в Скотленд-Ярд и передай инспектору Валентину Роузу.

– Полицейскому, мэм? – с сомнением в голосе уточняет Джем.

– Это хороший полицейский. – Брайди поправляет грязный цветок в его петлице. – Он возьмет тебя с собой, если сочтет нужным.

Довольный, мальчик откланивается и убегает с запиской.

– Брайди, ты готова? – спрашивает Руби.

– Готова. Просто... он...

– Я буду там с тобой. И у тебя есть это. – Руби взглядом показывает на пистолет. – Пустишь его в ход, если потребуется.

Брайди кивает и идет к выходу. Под юбками она прячет кинжал, в кармане – многоствольный пистолет, и, возможно, в каблуках ботинок – кое-что еще.

Рядом с вами приземляется ворон. Косит на вас одним глазом, черным, как смоль, и придвигается ближе. Тычется в вас клювом и издает тихое «кар». Предлагает последовать за ним и увидеть то, что видит он. Готовы? Ворон взмывает ввысь.

Может быть, это один из питомцев Прадо, может, нет. В любом случае воспользуйтесь зорким глазом ворона, ему не помеха самый густой туман – даже лондонский и не только.

Его мир – это крыши, дымовые трубы, колокольни, деревья и сверкающая между ними извилистая лента реки. Ранняя суматоха раскинувшегося внизу Лондона. С высоты птичьего полета люди напоминают пунктуационные знаки! Верхушки шляп... точки. Штрих – бегущая собака.

А вокруг – бескрайнее небо. Ворон кружит в своей стихии, и мир кружится вместе с ним, подтверждая то, что ему и так давно известно: что он – центр вселенной.

Ворон опускается на водосточный желоб и отряхивает перья. Внизу на площади Кавендиш-сквер готовятся к отъезду два одноконных экипажа. Лошади прядут ушами, ливрейные лакеи закрывают дверцы. Кучера, завернувшись в плащи, берутся за поводья. Брогамы с зашторенными окнами трогаются с места, почти вплотную следуя один за другим, словно это гарантирует им некую безопасность. Удила бряцают – скорее нервно, чем бойко, – ибо лошади чувствуют, что затевается нечто недоброе. Ливрейные лакеи укутываются в шарфы и зорко смотрят по сторонам, при каждом толчке ожидая засаду.

* * *

Виндзор с Лондоном соединяет хорошая дорога, а экипажи новые, лошади – свежие и крепкие. Но если бы ливрейные лакеи обернулись (на прямом участке) и посмотрели назад в подозрительную трубу, они заметили бы, что за ними мчится угнанный фаэтон. На козлах –

семифутовая служанка с выражением решимости на лице. Рядом с ней сидит миниатюрная симпатичная женщина во вдовьем чепце и безобразном капоре. На задке фаэтона стоит полуодетый покойник, с непокрытой головой, с горящим взором. Фаэтон несется – дух захватывает: как-никак искусству управления лошадьми возница училась в цирке. Но ее живая пассажирка не наслаждается быстрой ездой. Она наблюдает за вороном, что кружит над ними в вышине, – обращает внимание на каждый взмах и угол наклона его черных крыльев, словно в полете птицы видит некие мрачные знамения.

* * *

Сегодня Виндзор – само совершенство. Чистый воздух, напоенный ароматом яблок; нигде ни клочка тумана. Освященный веками древний город с уютными тавернами и благоустроенными жителями. Замок на вершине холма; старинные церкви, сложенные из теплого камня; славные деревушки. Лес, где скачет призрачный охотник Герн [\[71\]](#) и под порывами свежайшего ветерка трепещут, облетают листья – яркие осенние самоцветы. И по этой благословенной земле вьется старушка Темза, милостивая и кроткая в своем непревзойденном величии.

Олбери-Холл может похвастать завидным расположением: он стоит за городом в лесистой местности, наслаждаясь уединением и окружающей его зеленью. С трех сторон усадьба огорожена кирпичной стеной, с четвертой – рекой. Всякий, кто приближается к дому по обрамленной деревьями дороге, сразу же видит роскошный особняк. В послеполуденном осеннем освещении его каменный фасад имеет медово-кремовый оттенок. Одинаковые окна, элегантный портик. Дом из воспоминаний Брайди.

Экипажи въезжают в ворота и катят по широкой аллее. Первый останавливается у центрального входа, второй едет к каретному сараю. Ворота за ними тотчас же запираются. Из кареты выходит мужчина средних лет в расцвете жизненных сил. На губах его играет милостивая улыбка. Шляпу он держит в руке. Густые длинные волосы зачесаны назад. У него красивая золотистая борода, как у античного бога, в которой теперь серебрится седина, что только придает его

внешности ауру мудрости. Он перекидывается парой слов с дворецким и экономкой, кивает прислуге, выстроившейся у двери, и заходит в дом. За ним следует молодой человек неприятной наружности – худой, с несуразно большой головой; его губы будто созданы для того, чтобы ухмыляться. Он держит за руку девочку. Та, прижимая к себе куклу, вырывается от него, вприпрыжку поднимается по ступенькам и исчезает в большом доме. Слуги, приветствуя ее, приседают и кланяются.

У каретного сарая кучер второго экипажа натягивает поводья, останавливая лошадей. Из кареты выгружают сундук, который быстро заносят в помещение, словно для него опасен дневной свет.

* * *

С первого взгляда на Олбери-Холл у Брайди создается обманчивое впечатление, что усадьба ничуть не изменилась. Но при более внимательном рассмотрении она замечает, что территорию охраняют свирепые псы, которым только дай волю вцепиться в живую плоть; все ворота заперты, стены ограды на три фута выше.

Наши друзья оставили экипаж на дороге на некотором удалении от усадьбы, вне поля зрения ее обитателей, и, привязав лошадей, дошли до ворот со стороны лабиринта, которыми пользовались реже всего. От дороги ворота заслоняют густые заросли, подступающие к самому лабиринту из зеленой изгороди, который находится на дальнем краю усадьбы. По легенде, первый владелец Олбери-Холла установил эти ворота для того, чтобы под прикрытием лабиринта незаметно покидать усадьбу, когда ему хотелось посетить местную таверну.

Собаки, сторожившие дом, польстились на одурманивающее зелье, что Кора набросала им через ворота. Они с готовностью слизали порошок и затем, бегая кругами, стали валиться на землю и засыпать прямо там, где их сморил сон.

– Нам лучше поторопиться, долго они не проспят.

– Откуда это у тебя, Кора?

– Взяла у доктора Прадо. В кладовой держу, чтобы потчевать ваших не самых приятных клиентов.

– Надеюсь, ты не...?

– У меня был соблазн угостить доктора Харбина.

Руби хохочет.

Кора взламывает запор, они ступают в ворота и, разделившись, молча несутся по двору, руками подавая друг другу знаки. Кора мчится к центральному входу; Брайди обегает дом с торца, направляясь к входу для прислуги.

У Брайди странное ощущение, будто она грезит наяву: сад с каменными урнами и фигурно подстриженной растительностью, залитый солнцем газон, река вдалеке – все как она помнила. Только во дворе безлюдно, что само по себе удивительно. Да и вообще атмосфера здесь какая-то напряженная, будто сам дом и все вокруг затаили дыхание. Брайди чувствует, что за ней наблюдают, но людей не видно. Она ускоряет бег, проклиная свои длинные юбки. По краю газона, к которому примыкает гравийная дорожка, добегают до черного хода. Дверь распахнута, как бывало всегда, если стояла хорошая погода. Перед ней беленый коридор, на стене – панель с колокольчиками, оповещающими слуг, из какой комнаты поступил вызов. Брайди прислушивается. Ни одного постороннего звука, только кровь шумит в ушах. Она шагает в коридор. Руби – следом.

Они минуют помещение для прислуги и кабинет экономки. Оба не подают признаков жизни.

Руби останавливается у одной из закрытых дверей.

– Там кто-то есть.

Брайди делает глубокий вдох и входит.

На кухне, где некогда хозяйничала миссис Донси, в старом кресле кухарки у плиты сидит Скверная Доркас.

* * *

Доркас Чапмэн сидит в прямоугольнике солнечного света у окна кухни. Она сильно постарела внешне, и солнечный свет ей не льстит. Но Брайди все равно без труда узнает в этой старухе молодую горничную, какой была Доркас, когда сама она, маленькая ирландка-бродяжка, впервые вошла в этот дом. Те же невероятно голубые широко расставленные глаза, плотно скроенная фигура, ловкие руки воровки. Брайди также видит, что у женщины – опасное заражение,

скорее всего, смертельное. Больная нога, без ботинка и чулка, задрана на табурет. Пальцы лишены ногтей и гноятся; три из них – воспаленные обрубки. Распухшую до безобразия ногу покрывают язвы. Рядом с ее креслом – столик, на котором Брайди видит бутылку, коробок спичек, сигару и раскрытую книгу корешком вверх.

– Брайди Дивайн. – Женщина берет со столика бутылку и приподнимает ее, будто провозглашает тост.

– Доркас Чапмэн.

– Меня сто лет так никто не называл. – Доркас откупоривает бутылку. – Успокаивающий сироп матушки Бибби. Облегчает боль, лечит нервы, дарует безоблачный покой. Не желаешь?

– Нет, спасибо.

– Ну вот мы и опять в Олбери-Холле, зависим от милости доктора Имса. Ничего не изменилось. – Она затыкает бутылку пробкой и ставит ее на столик.

– От его милости?

– Ты вторглась в его владения; я его обманула, пошла ему поперек. – Доркас смотрит Брайди в глаза. – Плохи наши дела.

– Вы с доктором Харбином должны были похитить у баронета ребенка для него?

– Такой простой план, – признается Доркас. – Но я по натуре вероломна, да и доктор Харбин, как оказалось, тоже. От меня-то предательства вполне можно было ждать, а вот Харбин хозяина разочаровал. – Она поправляет юбки.

– Осторожно, Брайди. – Руби подходит к ней. – У нее револьвер.

– Руки на виду держи, Доркас.

Доркас выворачивает руки ладонями вверх и кладет их на колени.

– Берик, гусак старый, отхватил себе золотое яйцо, которое он не мог ни спрятать как следует, ни уберечь. Гидеон, зная это, предложил ему сделку, через своих агентов, конечно.

– Через Кемпа?

– Да хоть бы и через него. Берик ему отказал, а Харбин – нет. Гидеон пообещал ему партнерство. Сказал, что они вместе будут ездить по свету, показывая девочку. Но не *публично*, а лишь избранным джентльменам ученого ума.

– Однако Харбин в итоге не сдержал свое слово. Почему?

– Я убедила его, – улыбается Доркас, – что доктор Имс партнеров не берет и прибылью не делится. Перед ним встал трудный выбор: доставить Имсу девочку и умереть или обмануть Имса и, может быть, остаться в живых. К тому же за нее посулили большие деньги. Деньги и определили выбор доктора.

– И Харбин решил рискнуть.

– Париж, грандиозное шоу. Он хотел опередить Имса, выскользнуть из зоны его влияния.

– Значит, это ты все заварила?

– Я была лишь мелким колесиком в махинациях этих господ. – Доркас бросает взгляд на свои руки. – Что, я так и должна сидеть? Мне хочется выпить, покурить. Время-то идет и все такое.

– Только без резких движений.

Доркас берет бутылку.

– Но доктор оказался слабым звеном.

– И ты убила его, а ребенка продала Лафкину?

– Тот глупый клоун решил, что она мертва и разлагается. А она просто *линяла*.

– И тогда Лафкин продал ее Кемпу, который работает на Гидеона.

– Круг замкнулся, – подытожила Доркас. – И колесо судьбы завертелось, спеша раздавить меня. Вот и вся история.

– Ты же наверняка понимала, что Гидеон тебя найдет. Почему ты решила перейти ему дорогу?

– Из-за денег. – Морщась, Доркас снова прикладывает к бутылке и прижимает ее к груди. – Что будешь с ней делать?

– Найду ей дом.

– Или отпусти, брось ее в воду, – говорит Доркас. – И тогда нам всем конец, – хохочет она.

– Она всего лишь ребенок, Доркас.

– Себя-то не обманывай.

Руби стоит в дверях кухни, прислушиваясь. На улице звучат голоса.

– Брайди, нам пора.

– Это пока она ребенок, а вырастет – утопит весь белый свет. – Доркас ставит бутылку на стол и берет сигару. – Но сначала она справится со мной.

– Это ты о чем?

– О моем наказании. – Доркас зажигает спичку и взмахом руки показывает на ломберный столик. – «Тайная вечеря». – Она подносит пламя к сигаре, в несколько быстрых затяжек раскуривает ее, затем закрывает глаза и выпускает дым. – Гидеон хочет испытать ее способности. – Она задувает спичку. – Я вызвалась стать подопытным кроликом.

– Значит, ты веришь, что она способна убивать. Ты это видела?

Доркас смотрит на сигару.

– Не пойму, почему Кемп курит всякую дрянь, когда у Имса этого добра пруд пруди. – Она глубоко затягивается. – Верю ли я, что она убийца? Думаю, моя нога быстрее меня доконает.

Брайди подходит к ней ближе.

– Ампутация...

– Ну уж нет.

– Я могла бы обработать раны. Перевязать.

– Ты готова мне помочь? – улыбается Доркас. Она подается вперед в кресле, кусая губу от боли. – Я ведь помню, как впервые увидела тебя: вся сплошь вшивая, одежда от грязи к спине прилипла. – Она жестом показывает куда-то через комнату. – Там, в старой прачечной, я помогала тебя купать, помнишь? Никто слова не понимал из того, что ты лопотала.

Брайди не сводит глаз с Доркас.

– Я не сама сюда пришла.

– Элайза тебя любила не меньше, чем того маленького ублюдка.

– Эдгара?

– *Кемпа*, – отвечает Доркас и ждет.

– Эдгар Кемптон Джонс, – медленно произносит Брайди. – Значит, Кемп – сын Элайзы.

– Вечная боль доктора Джона Имса. – Доркас снова берет в рот сигару, медленно затягивается, словно выдерживая паузу. – После того как его изгнали, Гидеон отыскал своего единокровного брата и забрал его с собой за границу. Весьма дальновидный шаг.

– Почему?

– Кемп унаследовал жирный кусок поместья, и, разумеется, для получения наследства ему не требовалось никуда уезжать.

– Почему Гидеон вернулся?

– Меня больше удивляет, почему он так долго не возвращался. – Доркас буравит Брайди пронизывающим взглядом. – Впрочем, ведь Джон Имс, по твоей милости, скрутил сына в бараний рог. Не выделил никакого содержания да еще пригрозил арестом, если тот вернется.

Брайди сдвигает брови.

– Тебе-то откуда это известно?

– Скажем так, – Доркас похлопывает по подлокотнику кресла, – мне досталась в наследство мудрость старой миссис Донси.

Из сада доносятся громкие голоса. Руби уходит из кухни сквозь стену.

Доркас попыхивает сигарой.

– Но теперь у Гидеона есть собственные деньги и влиятельные друзья. Старого хозяина больше нет, Бриджет. – Она выпускает изо рта дым и наблюдает, как его клубы рассеиваются. – А у нового ты, возможно, не будешь пользоваться особой любовью.

– Ты сказала ему о том, какую роль я сыграла в его изгнании?

– За кого ты меня принимаешь? – Доркас натянуто улыбается, словно оскорблена вопросом Брайди. – Я просто согласилась с его предположениями, а он считал, что это была твоя месть.

– Он виновен. Я нашла улики. Это он напал на Элайзу и бросил в поле, думая, что она умерла.

Улыбка сходит с губ Доркас, а без улыбки ее лицо теряет всякое выражение.

– Ты в том уверена, Бриджет?

– Все знали, что это сделал он.

– На Гидеоне, конечно, много грехов лежит, но этого преступления он не совершал.

Брайди ошеломленно смотрит на нее.

– Ты хочешь сказать...

– Я хочу исповедаться. Прости меня, Брайди Дивайн, ибо я согрешила.

– Так это ты напала на Элайзу? – Брайди придвигается ближе к Доркас. – Но улики... кольцо, сапоги...

– Ты задалась целью найти доказательства, так я тебе их подбросила.

– То есть если Гидеону известна моя роль... – Брайди на мгновение умолкает, начиная понимать, что к чему. – Значит, он,

вероятно, думает, что я сфабриковала доказательства против него.

– Точно.

– Кого же он считает виновным в нападении на Элайзу?

– Не меня.

Брайди немного поразмыслила.

– Ты обеспечила ему алиби.

– Сам он не мог доказать, что его там не было. – Доркас складывает на груди руки. – А Гидеон был мне благодарен. Поэтому я все еще жива, сижу здесь, задрав ногу, потягиваю настойку опия и курю гаванскую сигару.

– Зачем ты это сделала: изувечила Элайзу, подставила его?

– Она была выскочка, он – мерзавец, – пожимает плечами Доркас.

– Она была моей подругой.

Доркас рассматривает свою сигару.

– Некогда у меня тоже была подруга. Она жила за Крэнбурном, одна. Работала в трактире «Лилия». – Доркас сует сигару в рот. – Колесо судьбы.

– Делла Уэбб, – тихо произносит Брайди.

Доркас вздрагивает. Меняет положение больной ноги.

– Говорят, когда тонешь, вся жизнь проносится перед глазами. Интересно, что лучше: на виселице помереть или отдаться на волю Гидеонова чудища? Судя по твоему лицу, ты, я смотрю, тоже имеешь способности к выживанию.

– Ко мне в дом вломились.

Улыбаясь, Доркас стучит себя по губам.

– И ты, поди, не только с зубами рассталась, да?

– Тебе и это известно. Это ты его послала...

– На такое плевое дело? Да я бы сама пришла. – Она веселеет. – А вот Харбин в шляпной коробке – это моя работа.

Руби возвращается через стену.

– Роуза еще нет, но лакей и старший конюх обыскивают дом. Что-то заподозрили.

Брайди кивает и поворачивается к Доркас.

– Тебя разыскивает инспектор Роуз. Сейчас он едет сюда.

– Пусть забирает мои кости, – протяжно вздыхает Доркас.

– Брайди...

– Что ж, ладно. – Брайди делает шаг к двери.

– Мерроу в детской, – останавливает ее глухой усталый голос Доркас. – Кемп особенно коварен, но вообще-то оба брата не любят играть честно. И быстро они тебе умереть не дадут. Они ведь оба разбираются в строении человеческого тела. Так что сама делай выводы.

Брайди достает из кармана пакетик с «Бронхиальной бальзамовой смесью» Прадо и, шагнув к Доркас, кладет курево на ломберный стол.

– Курительная трубка у тебя есть?

Доркас качает головой.

Брайди вытаскивает свою трубку и оставляет ее на столике рядом с табаком.

– Что это? – удивляется Доркас.

Брайди смотрит на Руби. Тот уже наполовину исчез в коридоре, ждет ее, нетерпеливо улыбаясь.

– Болеутоляющее, – бросает Брайди, направляясь к выходу.

– Под прилавком! – кричит ей вдогонку Доркас. – В старой лавке судовых товаров, в Дептфорде. Найди деньгам Лафкина достойное применение: пусти их на сирот, на благотворительность, на чертовых мерроу...

Но Брайди уже ушла.

Для прислуги Олбери-Холла настал час испытаний. Кора Баттер сажала под замок всякого, кто встречался ей на пути: кухарка, горничные и хнычущий камердинер были помещены в подвал, где уже находился дворецкий. Тот откупорил несколько бутылок вина, чтобы запить шок, который они все пережили, когда вооруженная кочергой служанка семи футов ростом загоняла их в не имеющую окон подземную темницу.

Брайди, ни о чем таком не ведая, поражается, что в столь огромном доме она не видит слуг. Через обитую зеленым сукном дверь [72] она ступает в господскую часть дома и идет по коридору. Никого и ничего. Перед ней – гостиная. Отослав Руби на поиски Кристабель, она вынуждена полагаться на собственные органы чувств, а она простая смертная. Она напрягает слух. Из-за двери не доносится ни звука. Брайди входит в гостиную.

Комната точно такая же, какой она ее помнит.

Вон там вершила суд вышивальной иглой Мария Имс. А вот камин, у которого стояла Элайза, смеясь над фигуркой купидона. Чертеночек среди ангелочков, он был точной копией Эдгара. Брайди придвигается ближе к камину. Да нет, все ангелочки с одинаковыми лицами. Возможно, память ее подводит. Да и обои – вроде бы желтые, как и раньше, но теперь чуть светлее, чем она помнит.

Брайди минует столовую, библиотеку. По приближении к кабинету она все острее ощущает, как ноги у нее тяжелеют, живот сводит и ее охватывает чувство неизбежности развязки.

* * *

Кабинет доктора Джона Имса почти не изменился. Вон диванчик у окна, где сидела Брайди, а там книжные шкафы Джона Имса. Брайди кажется, что он все еще здесь, уже никому не нужный, шаркает в углу или расхаживает в ореоле пылинок с навечно застывшим вопросом на губах.

В комнату, с листком бумаги в руке, входит Гидеон. Он закрывает за собой дверь в лабораторию, садится за отцовский письменный стол, берет ручку и начинает что-то записывать.

Брайди могла бы убежать, вытащить пистолет и пристрелить его или позвать на помощь Кору. Но она застыла на месте. Что ее удивляет. Она ждет, затаив дыхание. На одно безумное мгновение ей представляется, что он ее не заметил.

Гидеон, не поднимая глаз от записей, жестом предлагает ей занять место перед столом.

Место, где много лет назад она стояла, с головы до пят измазанная в крови убитого в трактире человека.

Где стояла, излагая ложные факты, которые изменили жизнь Гидеона.

Что ж, если она не намерена убегать, стрелять или звать на помощь, по крайней мере, она найдет другое место, где встать.

Брайди медленно идет к окну, в которое видны газон, река вдалеке и облачное небо. Но Брайди не пейзажем любит, а следит за человеком, что сидит за столом.

Гидеон Имс кладет ручку, откидывается в кресле и смотрит на нее.

– От тебя, Бриджет Дивайн, всегда одни неприятности.

* * *

Под гнетущим взглядом его ужасных голубых-преголубых глаз Брайди велит себе дышать, заставляет сердце биться, а ноги – не подкашиваться.

Она давно уже не ребенок, но ее бьет дрожь, а язык окаменел во рту. А потом, с чувством облегчения, Брайди видит Руби. Материализовавшись в комнате, он занимает место рядом с креслом Гидеона.

– Брайди, на меня смотри.

Она повинуется.

– Хорошо, что у тебя с собой пистолет, – говорит Руби. – Он – без оружия. Ближайшая дверь у тебя за спиной. Беги, если можешь.

Брайди переводит взгляд на Гидеона Имса.

Он наблюдает за ее лицом.

– Ты думала, я умер?

– Да.

– Надеялась. – Ледяная улыбка.

Брайди не отвечает. Она слышит, что в кабинет кто-то входит: дверь у нее за спиной тихо открывается и закрывается.

– О нет, – стонет Руби. – Кемп.

Кемп идет к столу, держа за руку Мертл Харбин. На ней чудной наряд – платье из сетки цвета морской волны, переливающееся блестками; светло-каштановые кудряшки украшают ленты.

Вежливо улыбнувшись Брайди, девочка высвобождает свою ладонь из руки Кемпа, подбегает к Гидеону и забирается к нему на колени – будто с рождения его знает. Он гладит ее по щеке, но она, не реагируя на его ласку, трогает пальчики на своих босых ногах.

Кемп подходит к книжному шкафу, берет сигару, закуривает. Брайди улавливает запах «Гусарской смеси» – кошачьего дерьма и соломы.

Если она надеется убежать, медлить нельзя.

Брайди отмечает, где находятся двери и препятствия, выбирая оптимальный путь отхода. Только вот как забрать Мертл? И своим бегством не разбудит ли она в них хищнический инстинкт? Если не в Гидеоне, то в Кемпе уж точно. В его взгляде, обращенном на нее, сквозит дикарская неприязнь.

Она разглядывает Кемпа. В нем просматриваются черты того непривлекательного малыша, каким он когда-то был. Но теперь, зная, кто он такой, Брайди замечает и многое другое – это очевидно. И она вспоминает, как он играл с куском веревки у плиты на кухне миссис Донси, как хныкал, топоча за Гидеоном и Скверной Доркас после того, как было совершено нападение на его мать.

– Что с тобой случилось, Эдгар? – произносит Брайди.

– Меня зовут Кемп. – Он бросает взгляд на Гидеона. – Нам известно, что вы сделали.

– Да, нам известна вся правда о Бриджет Дивайн и ее поступках! – улыбается Гидеон.

Он снимает Мертл с колен, встает и протягивает руку девочке. Та охотно вкладывает в нее свою ладошку.

Гидеон наклоняется к уху малышки.

– Покажем Бриджет Дивайн наши новшества?

Мертл пожимает плечами, подпрыгивая на месте.

– Кемп, окажи нам честь, – кивает Гидеон.

Кемп, с сигарой в зубах, распахивает двупольные двери, ведущие в лабораторию покойного доктора Джона Имса.

* * *

Брайди ошеломлена. Прежнюю лабораторию заметно расширили. Пол опустили, потолок подняли выше, создав огромное пространство, по которому гуляет эхо. Множество окон, по которым сейчас стучит дождь. Белые мраморные ступеньки ведут к лестницам, ведрам с красящими веществами, каким-то завернутым предметам и открытым ящикам. Это музей и лаборатория. Рядом с пустыми баками и выставочными стендами стоят шкафы с бутылками и приборами.

Гидеон спускается по ступенькам. Мертл вприпрыжку скачет впереди. Брайди идет следом. Кемп неслышным шагом замыкает шествие.

– У нас здесь пока еще беспорядок, – признает Гидеон, – но представление ты получила.

Вслед за Гидеоном Брайди проходит в другую часть лаборатории, которая находится за лакированной перегородкой с изображением некоей средневековой сцены ада. Яркие тона картины создают резкий контраст со светлым фоном окружающей обстановки.

– Эта зона почти закончена. Как видишь, Бриджет, некоторые экспонаты уже заняли свои места.

Брайди смотрит на экспонаты, размещенные на подставках или в сосудах: необычные диковинки. Вдоль одной стены – аквариумы, в которых воспроизведена та или иная водная среда, от болот до приливных заводей. Орнаментированный стеклянный гроб с похищенными телами Маргарет Келли и ее младенца. Оба в том же облачении, в каком были обнаружены в крипте. Запеленатое дитя-мерроу размером не больше репы; его крошечные зубки сомкнуты вокруг пальца матери. Слева от гроба – шкаф, стеклянный со всех сторон. Внутри всего один экспонат: Уинтерова Русалка.

– Это ты у меня украл... послал того подонка...

– А ты украла русалку у Берика, – невозмутимо парирует Гидеон. – Главная достопримечательность там.

В центре «всемирной» выставки Гидеона Имса – резервуар. Вокруг рядами стоят гнутые стулья. Пятиугольный по форме, резервуар напоминает морского ежа, распушившего свои иглы. Сделан он из огромных листов стекла. Рядом – переносная выдвижная стремянка, позволяющая добраться до самого верха резервуара. Здесь же операционный стол и шкаф с медицинскими инструментами. Брайди замечает стеклянную бутылку с хлороформом и маску, а также скользящие движения предметы одежды с кожаными ремнями и петлями.

На Брайди внезапно накатывает тошнота. Она поворачивается к Гидеону.

– Для чего все это оснащение?

– Для вивисекции.

– Убить ее собираешься.

Гидеон садится на один из гнутых стульев. Мертл подбегает к нему.

– Исследования будут проводиться с единственной целью: продлить ее жизнь и изучить ее природу.

– Она – ребенок.

– Нет, она не ребенок. – Гидеон раздраженно потирает лоб, будто внезапно потерял всякое терпение.

Брайди показывает на стулья.

– А это что... На публике будешь разделывать ребенка?

– Мы – сообщество ученых мужей, желающих изучать новые ценные виды живых существ.

– Этим вы оправдываете свою жестокость?

– Мертл, пойдем. – Гидеон встает, подводит девочку к резервуару, ставит ее на стремянку, а сам отступает назад, разглядывая конструкцию.

– Сюда постоянно поступает речная вода, но через край она не переливается. Этот эффект достигается с помощью электрического тока. – Он смотрит на Брайди. – Ты знакома с трудами Дюшона де Булоня? [\[73\]](#)

В лице Брайди отражается замешательство.

– Электроды, гротескная мимика, врата души? – Гидеон делает паузу. – Нет? Ну не важно.

– Если она попытается сбежать, – Кемп выглядывает из-за резервуара, – ее ударит электрическим током.

– Как-то так. – Гидеон поворачивается к Мертл и жестом велит ей подниматься наверх. – Залезай в резервуар.

Девочка, вытаращив глаза, мотает головой.

– Мы же договорились, что ты будешь участвовать в *демонстрации*, помнишь? – Гидеон переводит взгляд на Брайди. – Нам пришлось погоняться за русалкой с берегов залива Бантри. Доктор Харбин сильно нас подвел. Но не он один оказался предателем. Яблоко от яблони недалеко падает.

Мертл прячет лицо в своей сетчатой юбке.

Гидеон снова садится на стул и жестом подает знак Кемпу.

При виде приближающегося Кемпа Мертл начинает плакать. Он хватается ее за руку.

– Оставь ее, – говорит Брайди.

– Она – болтливая птичка, – задумчиво произносит Гидеон. – Порхала по Кавендиш-сквер, выбалтывая секреты в обмен на ленты и конфеты.

Кемп взбирается по стремянке, таща за собой Мертл. Девочка от страха даже плакать боится.

Брайди вытаскивает пистолет и взводит курок, целясь в Кемпа.

– Отпусти ее.

– Отпусти Мертл, Кемп, – командует Гидеон. – У Бриджет пистолет.

Кемп выпускает руку Мертл. Та бросается к Брайди.

– Убери оружие. – Голос Гидеона спокоен, но лицо его выдает совершенно иные чувства. – В этом нет необходимости.

Мертл визжит, цепляясь за юбки Брайди. На них надвигается Кемп. В руках он держит нечто вроде штыка, подсоединенного к проводу.

– Не приближайся, – предупреждает Брайди.

Кемп не останавливается. Лицо его дышит злобной решимостью.

Брайди спускает курок.

Выстрел. Под высокий потолок лаборатории Гидеона взлетает эхо. И тишина.

Потом слышится мелодичный звон, будто кто-то стучит ложкой по бокалу.

Прозрачные стенки резервуара покрываются сеточкой трещин. Раздается глухое хрумканье и следом – грохот.

Гидеон хмурится.

Стекло взрывается. Шум падающей воды. Резервуар разлетается на осколки.

Кемп, с недоумением в лице, карабкается и скользит по полу. Лабораторию заливают речная вода. В воде плавают стулья. Гидеон неуклюже поднимается на ноги.

Брайди хватается босую Мертл и бросается к выходу.

Кора прикладывает ухо к двери. Кочерга все еще у нее в руках, хотя, обыскивая дом, она не встретила особого сопротивления – только нервничающих слуг.

Она открывает дверь в детскую с интерьером, который был в моде несколько десятилетий назад.

Обложенная подушками девочка сидит в клетке из тонких стальных прутьев. На ней голубое платье, волосы стянуты сзади голубой лентой. Заурядный убор лишь подчеркивает ее необычность: неестественное совершенство черт, белые волосы. Кажется, что ее светло-серые глаза быстро темнеют. Вероятно, это игра света: в комнате сумрачно, потому что на улице пасмурно, идет дождь.

– Ты – Шибел, – обращается к ней Кора.

Девочка не отвечает. Прислонившись головой к клетке, она водит зубами по прутьям.

– Выбраться, наверно, хочешь.

Малышка невыразительно смотрит на Кору.

Кора осматривает замок: нет, не открыть. Она оценивает конструкцию клетки, решая, в каком месте ломать. Прутья голыми руками не вырвать: они хоть и тонкие, но крепкие. Орудую кочергой, как рычагом, Кора раздвигает их до определенной ширины – дальше не получается.

– Попробуй пролезть здесь, ладно? Ты худенькая, должна проскользнуть.

Шибел пытается подползти к разъему. Кора, видя, какие у нее тонкие ручки и ножки, как она слаба, чувствует, что у нее сердце щемит от жалости.

– Вот сволочи, – качает головой Кора. – В клетку посадили.

Шибел смотрит на нее немигающим взглядом.

– Давай еще немного, и я тебя освобожу. Понимаешь, да?

Девочка начинает придвигаться к бреши между прутьями.

– Так, так, молодец, Шибел. Теперь я возьму тебя и вытащу, осторожно-осторожно. Не кусайся.

И вот малышка на свободе, у Кору на руках. Она невесома, словно бесплотный дух. Ощущая под рукой бугорки ее позвонков, глядя на острые скулы, Кора силится побороть слезы жалости. Малышка умирает.

– Ну что, отнесём тебя к реке?

Шибел прижимается лицом к плечу Кору.

– Там твое спасение, да? – говорит Кора.

* * *

Брайди заталкивает Мертл за стену, сложенную из ящиков, и прислушивается, но не слышит ничего, кроме собственного дыхания и биения своего сердца. Убегая из лаборатории, они спустились по лестнице в некое помещение, похожее на склад. И, поскольку обе побывали в воде, что вылилась из резервуара, за ними тянется цепочка мокрых следов, которая указывает путь их бегства.

Брайди пытается думать, пытается отдышаться. Мертл, глядя на нее, храбро улыбается. Вымокшая насквозь девочка дрожит от холода и потрясения.

Из-за горы коробок появляется Руби. Лицо его мрачно, татуировки мечутся по телу.

– Брайди, там за ящиками запертая дверь и проход, ведущий в сад. Вы здесь под землей. Если сумеешь открыть дверь, выберетесь на улицу.

Брайди приставляет палец к губам, Мертл кивает. На цыпочках они вдоль стены из ящиков подбираются к двери. В кармане, к своей великой радости, Брайди находит отмычку. Вставляя ее в замок, она замечает, что у нее трясутся руки.

* * *

Кора крадется по дому с Шибел на руках. Стараясь двигаться бесшумно и быстро, она спускается по парадной лестнице, идет через гостиную и выходит на террасу.

* * *

Дверь отперта. Они бегут по проходу. Мертл отстает, шлепая босыми ногами по каменным плитам. Брайди рывком ставит ее перед собой. Сейчас вверх по лестнице, а там уже газон.

Подъем Брайди замедляют не только мокрые юбки. Он цепляется за нее. Чтобы ухватить получше, переносит руку ей на грудь. От его прикосновения дрожь омерзения по всему телу.

Брайди велит Мертл бежать. А девочка, всхлипывая от страха, виснет на ней.

Она не представляет, что сейчас произойдет.

– Беги! – пронзительно кричит Брайди. И Мертл пускается наутек.

* * *

Завязывается ожесточенная схватка. У Брайди в мозгу свербит одна мысль: подняться по лестнице и выскочить во двор, где у Гидеона Имса меньше шансов ее убить. И она выбирается во двор, но вырваться от него не удастся. Он наваливается на нее всем телом, держа за волосы, тычет лицом в траву. Рот Брайди забивает земля. Их поливает дождь.

И вдруг – легкость, на нее ничто не давит, Гидеона нет.

Брайди лежит на земле обмякшая, словно кролик, которому свернули шею.

Она смотрит вверх и видит только Кору. Та с каким-то свертком в руках мчится к реке.

* * *

Сквозь пелену дождя Кора различает реку. Покатый спуск ускоряет ее бег. От удара по пояснице ее лицо сморщивается, но ребенка она не выпускает из рук. Второй удар, третий, и она понимает, что ее бьют не кулаком.

Заслоняя Шибел своим могучим телом, Кора валит обидчика на землю, но тот держит ее за пояс, снова и снова вонзая в ее юбки нож.

Кора глазам своим не верит: откуда в ней столько крови?

Она роняет девочку. Ее правая рука искромсана, но левая – целая, и ею она отшвыривает Гидеона Имса. Тот летит кувырком. К ней на помощь спешит Брайди.

* * *

Гидеон Имс – самый обычный человек, твердит себе Брайди, кулаком нанося ему удар в челюсть. В следующую минуту он набрасывается на нее и принимается душить.

Истекая кровью, Кора подползает к ним, обхватывает его за шею, из последних сил удерживая в кольце своей огромной руки.

– Бери ее и неси. – Кора кивает в сторону реки. – Туда.

* * *

Возле ивы, что растет на берегу, склонившись над водой, есть причал – укромное местечко. Брайди видит, что там стоит на приколе лодка. Всего одна. Значит, погнаться за ней никто не сможет.

Шибел лежит на боку с закрытыми глазами. Белые волосы, голубое платье. Брайди подсовывает под нее ладони, неуклюже поднимает с земли. Мокрая от дождя Шибел скользит в ее руках. Она не тяжелая, но Брайди обессилена. Девочка неподвижна, как оглушенное животное: не сопротивляется, но и не помогает. На ощупь она ледяная, ее дыхание холодом обдаёт щеку Брайди.

Она спешит с девочкой к реке – то ли несет ее, то ли тащит. За спиной слышит крики: двор наполняется бегущими людьми. Над ними грозное небо, обрушивающее на землю водопад дождя. В вышине кружат стаи галдящих чаек.

Спустившись к причалу, Брайди принимает устойчивое положение. Сейчас она опустит девочку в лодку, в которой уже полно дождевой воды, следом сама залезет. Весла на месте. С девочкой на руках она наклоняется...

Шибел – и откуда только силы взялись – вдруг начинает изгибаться и извиваться, вырываясь из ее объятий.

Падает в воду между причалом и лодкой.
И мгновенно тонет.
Брайди, не раздумывая, ныряет за ней.

Февраль 1837 г.

Ган Мерфи завернул ее в одеяло, дал ей морковку и понес на корабль. Пароход кряхтел, кренясь и качаясь на волнах. Из его трубы в небо взвивались черные клубы дыма. Когда Ган с Брайди на руках поднимался на борт по трапу, она смотрела на воду внизу и думала, что, наверное, больше никогда не увидит суши.

В такой свирепый шторм, говорили все, нельзя выходить в море. Но корабль отправлялся в плавание, потому что хуже погода быть уже не могла, а море, возможно, успокоится еще не скоро. Ган сказал, что они должны рискнуть. Штормовое море таит для них меньше опасностей, чем дублинский порт.

Парохода они ждали несколько недель. Перед ними была огромная очередь, пароход не мог увезти сразу всех, хотя каждый раз пассажиров на судно набивалось в три раза больше того, что оно могло вместить. Деньги на билеты Ган пропивал, затем на несколько дней исчезал, чтобы заработать на проезд. Когда он возвращался, от него пахло землей и виски либо потом и серой. Обитали они в районе захудалых таверн и лачуг, где на мощенных булыжником улицах не просыхали лужи и гуляли студеные ветра. Однако Ган снимал укромный уголок на подворье «У Магвайра» – в приземистом хмуром здании в самой глубине одного из тупиков. Там он курил, надвинув на глаза шляпу. Брайди носилась по улицам с другими детьми. Племя чумазных сопливых оборвышей в лохмотьях, безбожно сквернословя, они гонялись друг за другом по двору и комнатам, пока кто-нибудь, надавав им подзатыльников, снова не вышвыривал озорников на улицу.

Друзей как таковых у Брайди не было, да она и не стремилась ими обзавестись, пока однажды не стала свидетельницей драки во дворе. Орава сорванцов мутузила одного мальчишку. Они висли на нем, рвали его на части, колотили кто как мог. Силы были неравны: мальчишка упал, не имея возможности подняться.

Не раздумывая, Брайди схватила ведро и окатила забияк водой, разгоняя их, как драчливых собак. Некоторые убежали, но остальные

даже не обернулись. И тогда она взяла толстую палку и ринулась в бой.

Драчуны захохотали, потешаясь над угрюмой малявкой, которая размахивала палкой длиной с ее собственный рост. Мальчишка не преминул воспользоваться удобным случаем. Недолго думая, он вскочил на ноги и быстро вскарабкался на крышу уборной.

– Это Ронан, – сказали они ей. – Такой гадёныш!

Что правда, то правда.

Ронан задирает всех кого ни попадя. Ему было не больше восьми лет, а он дрался, как взрослый мужчина, вечно нарываясь на неприятности.

Сила в нем была недюжинная: он мог без труда поднять Брайди. И позже он ей это продемонстрировал, когда тайком вернулся во двор. Он был ужасно быстрый: она наблюдала, как он бежит, лазает и боксирует. После они каждый день проводили вместе, и, когда пришло время уезжать, они вместе сели на пароход. Ронан не отставал от Гана, когда тот всходил на корабль с Брайди на руках, но стоило появиться поблизости представителям официальных властей, он мгновенно куда-то исчезал.

Ган заплатил за место на палубе и нашел угол, где приткнуться. Штормило все сильнее, а он спал себе, надвинув шляпу на лицо. Никакая качка не могла его разбудить. Волны обрушивались на палубу, все вокруг выли, рыгали и молились, а Ган знай себе похрапывал.

Пароход задирает нос – Брайди взвизгивала; пароход опускался – Брайди всхлипывала. Пока не почувствовала чью-то ладонь на своей руке и не увидела его лицо. Карие глаза с поволокой в обрамлении длинных ресниц, черные как смоль волосы.

– Если мы выживем, обязательно поженимся, – сказал он. – Ты не против?

– Поженимся, Ронан, – кивнула Брайди.

– Вот и договорились.

Корабль опять накренился под невероятным углом, море вздыбилось, раззявило на них свою пасть.

– Брайди, ты умеешь плавать? – спросил он.

– Нет. А ты, Ронан?

– Как топор.

И оба рассмеялись.

* * *

В ливерпульских доках, когда они сходили на берег, их считали, как баранов. Только они, беспомощные ирландцы, были грязнее баранов. Кишели вшами, смердели, распространяя вокруг себя вонь торфяного дыма и дешевого алкоголя. Брайди искала глазами Ронана. Уже начала отчаиваться, думая, что больше никогда не увидит друга, и вдруг наткнулась на него взглядом: Ронана тащил по трапу служащий порта, радуясь, что поймал безбилетника.

Брайди выпустила ладонь Гана и кинулась к Ронану. Какой-то мужчина подхватил ее, она укусила его за руку. Он выронил ее, и она упала в воду.

* * *

От соприкосновения с водой она испытала шок, так что глаза полезли из орбит; она бултыхалась, как бутылка, стараясь удержаться на поверхности.

Ронан, заметив ее, ринулся на помощь, нырнул за ней.

Это она еще видела. А потом ушла под воду.

* * *

Ее положили на причал. Захлебываясь, она отхаркивала соленую воду. Ган, а может, еще кто-то, сидя рядом на корточках, растирал ей спину, приподнимал, чтобы она села. В отяжелевших юбках, без одного башмака, Брайди пыталась на четвереньках проползти меж ног зевак к тому месту, где она видела Ронана.

– Он не умеет плавать, – кричала она, только вместо крика из горла вырывался клокочущий хрип. – Он не умеет плавать.

* * *

– Я была совсем еще девчонкой, – шепчет в темноту Брайди.

— Я был совсем еще мальчишкой, — шепчет ей в ответ темнота.
Она чувствует его дыхание на своем лице.

Октябрь 1863 г.

Брайди тонет с открытыми глазами. Она не видит ничего, кроме беснующейся реки. Не слышит ничего, кроме беснующейся реки. Под водой шум, яростная круговерть – стоя на берегу, такое даже не представишь.

Рядом в воде пробуждается Шибел.

И видит, как мимо нее идет ко дну некая фигура – странная рыба.

Шибел опускается за ней, подталкивая диковинку плечом и лбом. Но она, эта маленькая женщина, все равно тонет. На ней раздуваются юбки, волосы струятся, из носа и рта выходят пузырьки.

Шибел плывет рядом и, пальцами трогая лицо женщины, смотрит ей в глаза.

* * *

Брайди выносит к берегу чуть дальше вниз по реке от причала. Откашливаясь, она замечает там, на одной линии с ней, лодку, которая теперь не раскачивается, даже не подрагивает, словно вообще ничего не произошло. Дождь прекратился, сквозь ветви ивы пробиваются слабые солнечные лучи. Брайди карабкается на берег, на секунду останавливается, онемевшими пальцами развязывает нижние юбки. Те плюхаются в реку. Услышав крики, она поднимает голову. По склону торопливо спускается Гидеон. Прихрамывая, он доходит до причала, бежит по нему туда-сюда, всматривается в воду возле лодки. И наконец замечает Брайди.

Он ковыляет к ней. Она лежит во взбаламученной глине у кромки воды. Он тащит ее выше на берег, словно спасает. Затем переворачивает на спину, ударом кулака пригвозждает ее голову к земле. Она продолжает откашливать речную воду. Он хватает ее за подбородок. На лице его знакомое ей выражение – решимости и презрения.

Такое же выражение было у него в тот день, когда он убивал Деллу. Такое же выражение появлялось у него на лице всякий раз, когда он видел Элайзу.

Его лицо близко, и она сразу вспоминает цвет его глаз – голубой глаз, который она видела сквозь щель в стене конюшни.

Его ладони на ее шее, сдавливают горло – душат. Задыхаясь, она поднимает руку и пальцами ласково касается его щеки, бороды.

От удивления Гидеон, словно ужаленный, ослабляет хватку.

Глядя ему в глаза, Брайди гладит его по волосам, опускает ладонь под его воротник, на шею. У обоих учащенное горячее дыхание. От него несет потом и помадой для волос, от нее – табаком и речной водой.

От ее прикосновения выражение лица его меняется: отвращение и интерес или нечто среднее. Брайди подает ему знак: она хочет что-то сказать, шепотом, так как он травмировал ее голосовые связки.

Гидеон колеблется.

Смотрите внимательно: пальцы Брайди, будто перышко, стелются по шее Гидеона, так что волосы на его затылке встают дыбом. Другой рукой она незаметно поднимает юбку, кладет ее на согнутую ногу, ощупывает бедро, находит то, что к нему привязано ремнем.

Гидеон приближает ухо к ее губам. Брайди впивается в его ухо зубами, а в самого Гидеона вонзает кинжал.

Он крикает, отворачивает лицо. Брайди глубже всаживает в него клинок. Она не остановится, пока не искромсает его вдоль и поперек.

Чьи-то руки стаскивают с нее Гидеона, чьи-то руки обуздывают ее, чьи-то руки вырывают у нее кинжал. Чьи-то руки сковывают ее. Она кричит и бранится.

Мощный всплеск в реке на мгновение заставляет всех замереть.

Рябь достигает берега, лодка раскачивается.

Это не укрывается от внимания Гидеона и всех остальных. Он бьет констебля, что удерживает его, высвобождается, быстро встает на колени, потом на ноги – и бегом к реке.

Все произошло в считанные секунды: всплеск, над водой мелькает дуга – что-то гладкое и стремительное.

И Гидеон исчезает.

На поверхности реки образуются и лопаются пузыри.

В желтой гостиной Олбери-Холла Брайди допивает второй бокал превосходного виски Гидеона Имса. Кажется, она должна бы уже ползать на коленях, а она трезвая как стеклышко, твердо стоит на ногах. В большое окно она наблюдает, как в свете угасающего дня люди Роуза обыскивают речной берег. Сам он тоже среди них, спокойным властным голосом отдает распоряжения. Кору отправили в больницу, но прежде Брайди сама постаралась подлатать свою подругу. Эдгара Кемптона Джонса отвезли в больницу вместе с Корой: он потерял много крови в результате множественных рваных порезов и огнестрельного ранения. Хотя ему еще повезло: пуля лишь слегка задела его.

Гения преступного мира, за которой гоняется Роуз, нигде нет. Роуз в ярости: таким злым Брайди его еще не видела. Половину своих людей он послал прочесывать округу. Но надежды он не питает. Доркас Чапмэн давно и след простыл.

Брайди долго сидела на кухне миссис Донси – в старом кресле кухарки, возле ее старой плиты. Рядом на ломберном столике стояла полупустая склянка с медицинским снадобьем, лежали недокуренная сигара и недочитанный томик из библиотеки Мади, который давно пора было вернуть. Взглянув на название, Брайди просто поражена. Она открыла книгу и прочитала первые несколько страниц.

Эта книга теперь у нее. Разумеется, спрятана в потайном кармашке. А где же еще? Покажет ли она ее Роузу? Может быть, в другой раз. Брайди идет через комнату и наливает себе еще один бокал.

Руби наблюдает за ней. Брайди чувствует на себе его взгляд. С тех пор, как она вернулась с реки, он от нее не отходит. Она не в силах заставить себя посмотреть ему в лицо, ибо оно полнится беспокойством, которое ей видеть невыносимо.

– Я потеряла еще одного ребенка, Руби.

– Зато вон ее спасла. – Руби показывает на Мертл. Та спит на диванчике, укрытая плащом Брайди, который скрывает ее блестящее платье.

Брайди снова идет к окну.

Мистер Уилкс, изготовитель колокольчиков, как всегда, рад возвращению Брайди. Сидя у окна, он возится с креплениями и заодно высматривает ее. Однако в последние дни его ждет разочарование. Брайди не покидает своих комнат. Она часами сидит на одном месте и курит, размышляя о прошлом, об Элайзе, Эдгаре, Доркас и Делле, Гидеоне и докторе Джоне Имсе. Но больше всего она думает о Шибел. В своем воображении она представляет, как та подплывает к ней под водой. Снова чувствует на своем лице ее маленькие ладошки, чувствует, как извивается рядом ее тело, обретшее силу, когда она оказалась в своей стихии.

Теперь во сне Брайди видит только глаза Шибел – жемчужинки, превращающиеся в черные блестящие камушки, – и они ее совсем не пугают.

Кора не донимает Брайди корсетами, щетками для волос и лондонскими известиями. Впрочем, рассказывать особенно нечего, ибо наводнение прекратилось, а дожди идут в строгом соответствии со временем года (хотя приметы указывают на то, что зима будет необычайно суровой). А другие новости Брайди слышать не надо. О том, что тела двух недавних утопленников в Виндзоре – мужчины и маленькой девочки – так и не были выловлены. Когда сама Кора вспоминает события того дня, у нее болят раны, хотя заживают они вполне благополучно, ведь Брайди самолично делает ей перевязку. Кора уверена, что она по-прежнему сумеет при случае устроить кому-нибудь хорошую взбучку, хотя, пожалуй, с вышвыриванием непотребных типов ей, наверное, все-таки придется завязать. Однако для ее огромных рук нашлось много других – более мирных – дел, ведь в жилище Брайди над лавкой мистера Уилкса на Денмарк-стрит вместе с ней теперь поселилась ее новая маленькая подопечная. Мертл Харбин, с измазанным в шоколаде ртом, танцует в гостиной и кухне со своей одноглазой куклой. От случая к случаю их навещает Джем – когда у него выдается свободное от работы время (он теперь служит курьером в Скотленд-Ярде). Ныне он выглядит куда опрятнее и в петлице носит настоящий цветок. Обычно по его приходе Кора

усаживается поудобнее и читает детям очередную часть «Вагнера Оборотня» [74]. Мертл притворяется, что ей страшно, хотя на самом деле она чувствует себя в полной безопасности, расположившись на широких коленях служанки, тем более что перед ней на столе всегда лежит кусочек чего-нибудь вкусенького.

Порой Кора в рассеянности устремляет взгляд в направлении Челси и Креморнских садов. Может быть, и *Королева Змей* думает о ней, когда, обмотавшись питоном, наблюдает, как плотники демонтируют сцену, а клоуны сгоняют в кучку пингвинов. Цирк скоро уедет, а вместе с ним и Эвриала – разве возможен какой-то другой конец? Лестер Лафкин, бодрый духом, как сам Старый Медный Нос, не утратил оптимизма из-за креморнского фиаско. Он жизнерадостно смотрит в будущее, ставит перед собой *по-королевски* высокие цели. В его планах – подготовить представление, достойное очей королевы, – более грандиозное, необычное и поразительное!

Но для кого-то жизнь продолжается в более спокойном ключе. Гейл и Видмерпол каждый день в Хайгейтской часовне радушно встречают новых «прихожан». Только на этой неделе их паства пополнилась старым нетопырем и ободранной лисицей. Крипта теперь надежно запечатана, пропавшая мать и ее младенец-мерроу – забыты. На мельнице в Брикстоне Прадо колдует над колбами и пробирками, корпит над книгами и пестует воронов, изобретая еще более дурманящую курительную смесь. В последнем выпуске своей листовки он рассказал назидательную историю о коллекционировании с легко узнаваемыми персонажами.

Пока жизнь идет своим чередом, Брайди сидит и думает.

Руби не отходит от нее ни на шаг. Они почти не беседуют, но не оттого, что им нравится молчать вдвоем, и Руби это понимает.

И понимает, что долго так продолжаться не будет.

Ему нестерпимо хочется лечь и закрыть глаза. Интересно, покойник может быть изнурен? Замечает ли Брайди, что он выдохся?

Конечно, она заметила. Брайди шторы не раздвигает и газовые лампы ярко не зажигает, ибо он блекнет с каждым днем. Сегодня она с трудом различает его силуэт. Он стоит у окна и смотрит на приближающегося гостя.

– Пришел инспектор, – докладывает Руби. – С букетом роз.

– Я рада за него. – Брайди попыхивает трубкой.

Руби прислушивается.

– Кора ковыляет по лестнице. Идет вниз дверь открывать. Ты опять сошлешься на недомогание?

– Сошлюсь.

– Он – хороший человек, Бриджет.

Брайди смотрит на Руби. Свой цилиндр он держит в руке, будто прощается.

У нее сжимается сердце.

– О чем ты вообще говоришь?

Брайди обращает внимание на татуировки Руби. Они застыли на его теле.

Якорь поднялся, его цепь аккуратно смотана. Череп сомкнул зубы в оскале. Русалка неотрывно смотрит на горизонт, прикрывая глаза чернильной рукой. Сердце на груди Руби срослось и замерло. На нем синими чернилами вытравлено ее имя – там, где оно всегда и было.

Бриджет

– Я думаю, тебе следует пожить немного как все нормальные люди, Брайди.

У нее холодеет сердце. Она плачет, рыдает, но глаз не отводит. Никогда – ни теперь, ни после – она не отвернется от него.

Он смотрит на нее долгим-предолгим взглядом.

Ибо они расстаются. Час расставания приближался медленно, наступил внезапно. Оно было неизбежно и все равно стало неожиданностью. Как и всякое расставание. Между их встречей и разлукой – мгновение и целая вечность.

– Что мне делать? – спрашивает она.

Но он уже исчез.

* * *

Кора чуть приоткрывает дверь гостиной, и они заглядывают в комнату. Инспектор Валентин Роуз ходит туда-сюда – от камина к окну, от окна к камину. Ненадолго останавливается, рассматривая огромный непонятный механизм на каминной полке.

Брайди окидывает его оценивающим взглядом.
– Другой он какой-то.
– Это потому, что на нем другой сюртук – новый.
– По какому он делу?
– Не сказал, но, думаю, *по личному*, – лукавым тоном отвечает Кора и затем локтем слегка подталкивает Брайди. – Вытрясти из него всю правду? Попробую поддержать его вверх тормашками...
– С твоими-то ранами? Ну уж нет, пусть лучше ничего не говорит. Кора фыркает и, прихрамывая, удаляется на кухню.

* * *

Брайди распахивает дверь гостиной. Роуз поворачивается к ней, приветствует ее улыбкой.
Она в ответ тоже улыбается, разве что немного натянуто.
– Ты ко мне по делу, Роуз?
– По делу весьма важному и крайне деликатному, Брайди.
– В этом деле ты представляешь самого себя, Роуз?
– Да.
– Дай-ка угадаю: некое загадочное преступление, которое невозможно раскрыть?
Роуз бросает взгляд на букет, что он держит в руке.
– Не совсем.
Брайди делает вид, будто не замечает цветы. В ее глазах вспыхивает дьявольский огонек.
– Это как-то связано с Доркас Чапмэн?
Роуз сдвигает брови.
– Прежде чем мы продолжим, Роуз, будь добр, окажи мне честь, выпей со мной мадеры? – Брайди улыбается, теперь, пожалуй, чуть более лучезарно. – Нам это сильно поможет при обсуждении наших дел.
Она идет к двери, берет сонетку. Кора появляется еще до того, как она успевает позвонить.
– Кора, принеси, пожалуйста, мадеру. Особой выдержки.
Кора подмигивает Брайди и широко улыбается гостю.
У Брайди созрел план.

Автор выражает благодарность

От всей души благодарю Сьюзен Армстронг (агентство «Конвилл энд Уолш») – самого лучшего литературного агента на свете – за мудрость, творческие решения и поддержку, а также за то, что все идеи мы с тобой разрабатывали вместе, от начала до конца. Благодарю моего редактора – неизменно блестящего Фрэнсиса Бикмора, а также Меган Рид, спасибо вам обоим за волшебное редактирование. Огромная благодарность Люку Спиду (агентство «Кертис Браун»), а также Эмме Финн, Джейку Смит-Бозанкету, Александру Кокрану, Клэр Конвилл и всем работникам агентства «Конвилл энд Уолш», кто помогал мне в работе. Всем талантливым работникам издательства «Кэннонгейт», особенно Бекке Найс, Вики Уотсон, Дженни Фрай, Джейми Бинг, Джейми Норман, Анне Фрейм, Питу Адлингтону, Лейле Круикшенк и Вики Резерфорд – всем огромное спасибо за то, что вы делаете для моих книг и для меня. Благодарю моих коллег-писателей, друзей, всех людей и все сообщества, которые с самого начала поддерживали меня в моей работе. Я безмерно признательна Риду О’Ши и его великолепному клубу книголюбов, Саймону Майо и клубу любителей чтения станции «Радио 2», Агентству в поддержку чтения книг, а также всем прекрасным частным книжным магазинам, благодаря которым мои книги доходят до читателей. Ваша поддержка безгранично важна для меня.

Огромное спасибо всем, кто читал мою книгу, давал советы, выслушивал мои идеи, отвечал на мои вопросы, проявляя большое терпение и добродушие. Отдельно хочу поблагодарить Эву Фаренден (она – моя любимая читательница), Гэвина Кларка, д-ра Мэри Шэннон, Мишель Беркби, Кена Титмасса (он работал с картами и разрабатывал маршруты передвижения персонажей), Эдмунда «Желе» Уайта, Люсинду Хоксли, Кристофера Скейфа (он – смотритель воронов Лондонского Тауэра), Хелен Баррелл (за ее чудесную книгу о профессоре Альфреде Суэйне Тэйлоре, который стал прототипом Прадо), Алекса Арланго, Роба «Джима» Бриггса – за диспуты об окнах, д-ра Айлсу Грант-Тертон и д-а Матта Лоддера. Любые

отклонения от исторических фактов (случайные или намеренные) – только моя вина.

Благодарю членов моей семьи – за неизменную поддержку.

И, наконец, благодарю Тревиса Макбрайда за то, что он поверил в меня на самом раннем этапе работы, когда только-только возникла идея замысла этой книги.

---

notes

Примечания

Стаксель – в парусном вооружении снасть стоячего такелажа, треугольный косой парус, поднимаемый по штагу между мачтами или впереди фок-мачты. (*Здесь и далее примечания переводчика*).

«Призрак Пеппера» – техника иллюзионизма, нашедшая применение в театре и магических фокусах; разработана английским ученым и изобретателем Джоном Генри Пеппером (1821–1900). С помощью стекла и специальной технологии освещения объекты заставляют появляться или исчезать, становиться прозрачными, плавно превращаться из одного в другой.

Питер Хьюберт Девинь (1804–1883) – английский инженер и архитектор.

Здесь игра слов: в английском языке *divine* означает «божественный, божеский, божий, небесный».

Police Gazette или Hue and Cry («Полицейская газета» или «Лови! Держи!») – газета, издававшаяся в Лондоне в 1797–1810 гг., 1828 г. и 1830–1840 гг. В ней печатали объявления о розыске, приметы разыскиваемых преступников, сведения о местах совершения преступления и сбежавших преступников.

Хубилай/Кубла-хан (1216?–1294) – монгольский завоеватель Китая, внук Чингисхана. Здесь отсылка к незавершенной поэме английского поэта С. Т. Кольриджа (1772–1834) «Кубла-хан, или Видение во сне» (опубликована в 1816 г.), строки которой, по словам самого автора, пришли к нему во сне, после приема опиума.

Сэр Джозеф Уильям Базальджет (1819–1891) – английский инженер, создатель системы канализации в Лондоне.

Tableau vivant (*фр.*) – «живые картины». Сценическое представление, обычно без слов и движений, исполняемое людьми в соответствующих позах и костюмах.

Seven Dials (анг. «семь циферблатов») – участок в приходе Сент-Джайлз, где в 1693 г. были проложены семь улиц, которые сходились к центральной колонне, образуя звезду. На колонне были часы с семью циферблатами, обращенными в разные стороны.

10

7 футов = 2,1336 см.

Кракен – мифическое морское чудовище гигантских размеров, головоногий моллюск. Известен по рассказам исландских моряков (на их языке и дано название). Согласно легендам, обитает у берегов Норвегии и Исландии.

Оология – раздел зоологии, главным образом орнитологии, посвященный изучению яиц, преимущественно птичьих. Иногда под оологией в общем смысле понимают коллекционирование птичьих яиц. В отличие от эмбриологии, оологию интересует не внутреннее содержимое яйца, а только его внешняя оболочка: форма, размер, расцветка, узор.

Джон Хантер (1728–1793) – шотландский хирург и анатом, основатель английской школы патологической анатомии, коллекция которого насчитывала более 14 000 образцов различных видов растений и животных. В 1783 году, подкупив представителя похоронного бюро, заполучил тело великана родом из Ирландии, Чарльза Бирна, ростом 2 метра 31 сантиметр.

Банши — в ирландском и шотландском фольклоре особая разновидность фей, опекающих старинные роды; дух, вопли которого предвещают смерть. Может принимать различные обличья: от уродливой старухи до бледной красавицы.

«Черный лак» (Brunswick Black) – смесь для полировки каминных решеток. Рецепт представлен в книге по домоводству (Mrs. Beeton's Book of Household Management, опубликована в 1861 г.) британской домохозяйки миссис Битон (настоящее имя – Изабелла Мэри Мейсон, 1836–1865 гг.).

Моррис, Уильям (1834–1896) – английский поэт, прозаик, художник, издатель, социалист. Крупнейший представитель второго поколения прерафаэлитов, неофициальный лидер движения «Искусства и ремесла».

Чарльз Эдвард Мадисон (1818–1890) – английский издатель и основатель частной библиотечной «империи», расцвет которой пришелся на 1850–1870 гг.

«Мельница на Флоссе» (The Mill on the Floss) – роман английской писательницы Джордж Элиот (1819–1880), опубликованный в трех томах в 1860 г.

Лондонские «беркеры»: Джон Бишоп, Томас Уильямс, Майкл Шилдс, Джеймс Мэй – банда гробокопателей, действовавшая по примеру ирландских преступников У. Берка и У. Хэра, которые убивали людей с целью продажи их трупов в анатомические театры. И те, и другие промышляли в первой половине XIX в. Берк и Хэр были осуждены в 1829 г., лондонские «беркеры» – в 1830 г.

Анатомический акт – принят в 1832 г. Согласно этому закону, разрешалось вскрытие и исследование человеческих трупов в медицинских целях и для изучения анатомии. Теперь медицинские учреждения могли претендовать на тела людей, личности которых не были установлены, а также на трупы умерших в работных домах.

После отмены «Кровавого кодекса» – уголовного законодательства Великобритании, действовавшего в 1688–1815 гг. Название закрепилось из-за большого числа преступлений, подразумевавших смертную казнь. До принятия Анатомического акта (1832 г.) вскрытию могли быть подвергнуты только тела казнённых преступников.

«Воскрешатели» – ироничное прозвище похитителей трупов, выкапывавших тела из могил.

Мортсейф – тяжелая конструкция из железа и камня, которая ставилась на могилу с целью предотвращения похищения тела усопшего. В результате кража трупа превращалась в сложную инженерную задачу.

Очевидно, имеется в виду статуя «Золотого мальчика» на углу Пай-корнер, обозначающая место, где 5 сентября 1666 г. закончился Великий лондонский пожар, который длился 4 дня и уничтожил половину города – 13 тыс. зданий, в том числе собор Св. Павла.

Девятихвостая «кошка» – увесистая плеть, к рукоятке которой цепляли несколько толстых ремней (не обязательно девять). Использовалась для телесных наказаний в армии и на флоте.

Кеджери – блюдо британской кухни из вареной нарезанной рыбы, отварного риса, петрушки, яиц, сваренных вкрутую, карри, масла, сливок, изюма (в зависимости от местности рецепты могут различаться и включать дополнительные ингредиенты).

Евангелие от Матфея, 6:10.

Бартс – обиходное название больницы Св. Варфоломея (St. Bartholomew's Hospital), старейшей в Великобритании (основана в 1132 г.). В 1843 г. при больнице был открыт медицинский колледж (St. Bartholomew's Hospital Medical College), хотя анатомический театр там был оборудован еще в начале XIX в.

«Иллюстрированные лондонские новости» (The London Illustrated News) – первый в мире иллюстрированный еженедельный журнал, популярнейшее издание в викторианской Англии. Издавался с 1842 по 2003 г.

Здесь образное сравнение. «Паноптикон (паноптикум)» – круглая тюрьма с помещением для смотрителя в центре (одно из значений слова). Проект разработан английским философом-моралистом и правоведом Иеремией Бентамом (1748–1832).

Чарльз Бэрри (1795–1860) – английский архитектор викторианского стиля эпохи историзма. Известен прежде всего как автор проекта восстановления Вестминстерского дворца (здание Парламента) в Лондоне в сер. XIX в.

Уильям Кабитт (1785–1861) – английский инженер и конструктор. В числе его разработок «беговая дорожка» (трэдмилл) – машина для использования труда обитателей британских тюрем, которая представляла собой огромный цилиндр, положенный набок, со ступеньками по окружности. Заключение становилось в ряд, ступали на ступеньки и весом своего тела вращали гигантское колесо, совершая те же движения, которые совершает человек, поднимаясь по лестнице. Колесо соответственно запускало в действие механизм мельницы или насоса. В большинстве случаев труд заключенных растрчивался впустую (они говорили, что «перемалывают воздух»), а трэдмилл использовался просто как орудие наказания. Такие «дорожки» были сущей пыткой: заключенным приходилось шагать по ним 6 часов подряд, «поднимаясь» в общей сложности на высоту 4300 м (половина Эвереста). Многие падали с «дорожки» и получали травмы.

Проба Марша – распространенное название качественной реакции на мышьяк в химии и криминалистике. Названа по имени английского химика Джеймса Марша (1794–1846), опубликовавшего информацию о ней в 1846 г. До открытия этой пробы триоксид мышьяка был распространенным средством отравителей вследствие трудности его обнаружения существовавшими тогда методами.

Фиджийская морская дева – общее название популярного в XIX в. экспоната всевозможных бродячих выставок и уличных шоу. Обычно представлял собой туловище и голову небольшой или половозрелой обезьяны, пришитые к хвостовой части крупной рыбы. Термин «фиджийская» в название попал из-за того, что американский шоумен Финейс Барнум (1810–1891), представляя на своих «выставках» «морскую деву», популяризировал версию о том, что такие существа якобы отлавливают у берегов островов архипелага Фиджи, которые в те времена (середина XIX в.) были практически неизвестны простому населению США и Европы.

Элизабет Гарретт Андерсон (1836–1917) – английская женщина-врач и суфражистка.

Здесь некоторое несоответствие по датам: действие романа разворачивается в 1863 г., а Э. Г. Андерсон была аттестована квалификационной комиссией Лондонского общества аптекарей в 1865 г.

Элизабет Блэкуэлл (1821–1910) – первая женщина, официально получившая высшее медицинское образование (в США). Первой из женщин она была включена в Медицинский реестр Великобритании (официальный список всех врачей, имеющих разрешение на врачебную практику).

Мэри Сикоул (1805–1881) – британская сестра милосердия, темнокожая. В качестве медсестры участвовала в Крымской войне (1853–1856). Открыла в Балаклаве так называемый «Британский отель», где оказывала помощь раненым.

Флоренс Найтингейл (1820–1910) – британская сестра милосердия и общественный деятель Великобритании, основоположница современного сестринского дела.

Креморнские сады (Cremorne Gardens) – популярный увеселительный парк в Креморне на р. Темзе в Челси (Лондон) в XIX в. Процветал в 1845–1877 гг.

«Слушай пересмешника» (Listen to the Mockingbird) – американская популярная баллада середины XIX в. (написана в 1855 г.) на стихи Септимуса Уиннера (1827–1902). Автор музыки – Ричард Милберн. В песне рассказывается о певце, грезящем о своей умершей возлюбленной, и о пересмешнике, который некогда услаждал слух влюбленных, а теперь поет над могилой усопшей.

«Ньюгейтский календарь» (Newgate Calendar) – «Справочник Ньюгейтской тюрьмы» (печатный список преступников с перечнем их преступлений; впервые вышел в 1773 г.).

Это анахронизм: Джеймс (Джем) Белчер (1781–1811) жил и выступал на ринге гораздо раньше, т. е. с Руби Дойлом он драться никак не мог.

Старый Медный Нос – прозвище английского короля Генриха VIII (1491–1547), полученное им за то, что из-за дефицита в казне он распорядился вместо серебряных монет чеканить медные и покрывать их тонким слоем серебра. В обращении монеты истирались, и медь проступала сквозь серебро, в первую очередь на самой выпуклой части – на носу монарха, изображенного на монете.

В XIX в. в Великобритании сахар стоил очень дорого, и изготовители сладостей, стремясь удешевить их производство, разбавляли сахар известью, что в 1858 г. привело к трагедии в одном из английских городов – в Брэдфорде (на западе Йоркшира). Кондитеру Джозефу Нилу в аптеке по ошибке вместо извести продали мышьяк, который его помощник смешал с сахаром и изготовил партию леденцов. Конфеты поступили в продажу. В результате от сильнейшего отравления ядом пострадали более 200 человек, 20 погибли. К счастью, кондитер не успел сбыть всю партию, а то жертв могло бы быть больше – до 2000 человек.

Генеральный медицинский совет (General Medical Council) – в Великобритании государственный орган, ведет реестр дипломов врачей и выдает разрешения на врачебную практику; контролирует соблюдение врачебной этики. Учрежден в 1858 г.

Сэмюэл Смайлс (1812–1904) – шотландский писатель и реформатор, автор книг нравственно-философского характера, изобилующих фактами из биографий великих людей.

Хайгейтская школа сэра Роджера Чолмли (Sir Roger Cholmeley's School at Highgate). Основана в 1565 г. сэром Роджером Чолмли как бесплатная школа для мальчиков по указу Елизаветы I. Священник школьной часовни обязан был вести занятия в школе.

Церковь Св. Михаила (St Michael's Church) была освящена и открыта для прихожан в 1832 г. Возвели ее в связи с тем, что Хайгейт разросся, и приходской священник стал уделять больше времени не ученикам, а приходу.

Мерроу – в ирландском фольклоре русалки – прекрасные девы с более плоскими, чем у обычного человека, ногами и едва заметными перепонками между пальцами на руках. Считаются посланницами смерти. Мерроу мужского пола упоминаются довольно редко и описываются как настоящие уроды: у них зеленая кожа, красные крючковатые носы и пороссячи глазки.

Таксономия – учение о принципах и практике классификации и систематизации сложноорганизованных иерархически соотносящихся сущностей. Термин впервые был предложен в 1813 г. швейцарским ботаником Огюстеном Декан্ডолем (1778–1841) и изначально применялся только в биологии.

Из произведения английского поэта-романтика С. Т. Кольриджа (1772–1834) «Поэма о Старом Моряке». Перевод Н. Гумилева.

Мерси (Mersea) – остров в Эссексе (Англия) к юго-востоку от Колчестера.

Томас Крофтон Крокер (1798–1854) – ирландский фольклорист. Здесь очередной анахронизм: Уинтер свою книгу написал до того, как родился Т. К. Крокер.

Кристофер Рен (1632–1723) – английский архитектор и математик, перестроил центр Лондона после великого пожара 1666 г., создатель нового – 5-го – собора Св. Павла, сооруженного на месте сгоревшего.

Листон, Роберт (1794–1847) – шотландский ученый-хирург, новатор медицины. Педагог, профессор Эдинбургского университета, член Лондонского королевского общества. Листон был известен своим умением проводить хирургические операции в эпоху, предшествовавшую широкому применению анестезии, когда скорость операций имела большое значение для повышения шансов на выживание пациентов при болевом шоке. Специалисты называли Листона «самым быстрым скальпелем в Вест-Энде». Он мог ампутировать ногу за 2–2,5 минуты.

Дептфорд-крик – мутный водный поток длиной полмили, место впадения реки Рейвенборн в Темзу.

«Летучая мышь» – разновидность фонаря.

«Обезьяний кулак» – тип морского узла. Название получил из-за схожести со сжатым кулаком. Применялся в качестве утяжелителя веревок и тросов при переброске с корабля на корабль или с корабля на берег.

Леди Одли – персонаж романа «Тайна леди Одли» (Lady Audley's Secret, 1862 г.) английской писательницы Викторианской эпохи Мэри Элизабет Брэддон (1837–1915).

Фанни Сквирс – персонаж романа Ч. Диккенса «Жизнь и приключения Николаса Никльби» (The Life and Adventures of Nicholas Nickleby), написанного в 1838–1839 гг.

Одна из профессий в викторианской Англии. Подметальщики перекрестков зарабатывали тем, что расчищали пыль, грязь и конский навоз перед знатными господами, дабы те не запачкали обувь и нижние края длинной одежды во время пеших прогулок.

Флеботомист – человек, занимающийся кровопусканием.

Джеймс Маллинз – реальное лицо, бывший полицейский, ирландец, в 1860 г. (в возрасте 58 лет) был осужден и казнен за убийство некой богатой вдовы по имени миссис Мэри Эмсли (она держала доходные дома), для которой он выполнял разные поручения (в частности, выбивал из жильцов плату за проживание).

Во френологии принято считать, что обладатель квадратной головы – волевой, надежный человек, целеустремленный и склонный к размышлениям.

Пег Паулер (Peg Powler) – речная ведьма из английского фольклора с зеленой кожей, длинными волосами и острыми клыками, которая, согласно легенде, обитает в реке Тис (на севере Англии). Она топит людей, которые слишком долго блуждают близко к краю воды, особенно любит топить непослушных детей.

Зеленозубая Дженни (Jenny Greenteeth) – речная или болотная ведьма в английском фольклоре, которая якобы жестоко умерщвляла людей в водоемах. Согласно преданиям, у нее зеленое тело, длинные волосы, похожие на струящиеся водоросли, большие когти и острые зеленые клыки.

Длиннорукая Нелли (Nelly Longarms), она же Гриндилоу (Grindylow) – водяная нечисть из легенд английского Йоркшира, чудище болотно-зеленого цвета с острыми рожками и длинными костлявыми пальцами.

Серпантин (the Serpentine) – узкое искусственное озеро с лодочной станцией и пляжем в Гайд-парке (Лондон). Занимает площадь 40 акров (16 га). Создано в 1730 г. по распоряжению королевы Каролины (1683–1737), супруги короля Георга II.

Рэтклиффская дорога (Ratcliffe Highway, ныне просто the Highway) – улица в Ист-Энде (Лондон). В XIX в. пользовалась недоброй славой из-за высокого уровня бедности и преступности в том районе, особенно после декабря 1811 г., когда с интервалом в 12 дней были жестоко убиты две семьи, в том числе грудной ребенок.

Герн-охотник – герой английского фольклора и одной из легенд о Виндзорском лесе. Он представлялся как призрак с оленьими рогами на голове. Предположительно, является местной, беркширской ипостасью кельтского бога Кернунна. Впервые упоминается в пьесе У. Шекспира «Виндзорские проказницы» (1597).

В XVIII–XIX вв. в английских особняках обитая зеленым сукном (чтобы в комнаты хозяев не проникал шум с кухни и прочих служебных помещений – судомойни, прачечной и т. д.) дверь отделяла господскую половину дома от той, где обитала прислуга.

Гийом Бенжамен Арман Дюшен, известный также как Дюшен де Булонь (1806–1875) – французский невропатолог, основоположник электродиагностики и электролечения. Ставил опыты на живых людях, исследуя механизм работы лицевых мышц с использованием передовых технических изобретений того времени – генератора электрического тока и фотокамеры.

«Вагнер Оборотень» (Wagner the Wehr-Wolf, 1846 г.) – сочинение англ. писателя и журналиста Джорджа Уильяма Макартира Рейнолдса (1814–1879), одно из первых произведений об оборотнях, весьма популярное в середине XIX в.